

INTERNATIONAL FUTURE RESEARCH ACADEMY
УЧЕБНЫЙ ЦЕНТР

«ГУМАНИТАРНО-ПРОГНОСТИЧЕСКАЯ
АКАДЕМИЯ».

И.В. БЕСТУЖЕВ-ЛАДА Г.А. НАМЕСТНИКОВА

Социальное прогнозирование

Курс лекций

Педагогическое общество России
Москва 2001

**ББК 60.5
Б 53**

Бестужев-Лада И.В.

Б 53 Социальное прогнозирование. Курс лекций.— М.:
Педагогическое общество России 2002. — 392 с.

ISBN5-93134-152-8

Это — фундаментальный курс по социальному прогнозированию. Он вобрал в себя опыт многих научных и учебных изданий, вышедших в России на протяжении последних 35 лет.

Курс состоит из четырех частей.

В первой части — исторические условия возникновения и развития социального прогнозирования. Вторая часть — концепция «технологического прогнозирования» и ее сущность. В третьей части — технология прогнозных разработок социальных процессов. Четвертая часть — прикладная социальная прогностика. Прогнозирование конкретных проблемных ситуаций на примере России. К курсу прилагается терминологический словарь.

Книга — предназначена преподавателям и студентам высших учебных заведений, а так же широкому кругу читателей.

ББК 60.5

ISBN 5-93134-152-8

© Бестужев-Лада И.В., 2002

© Педагогическое общество России, 2002

Введение

В 1992 г. Бестужев-Лада И.В. и Наместникова Г. А. подготовили для преподавателей курса теории и практики прогнозных разработок пособие: «Технология прогнозных разработок социальных процессов» (М.: НПО «Поиск», тираж 871 экз.). Настоящая книга представляет собой, по сути, второе существенно переработанное и дополненное издание данного пособия. В его основе лежат стенограммы лекций, которые авторы в течение многих лет читали студентам социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова. Это наиболее фундаментальный курс по социальному прогнозированию, рассчитанный на 32 часа (не считая семинаров). Он вобрал в себя опыт многих научных и учебных изданий, вышедших в России на протяжении последних 35 лет.

Курс, состоящий из четырех частей, построен следующим образом. В первой части изложены основные методологические положения прогностики с подробным освещением понятийного аппарата, ключевых определений и инструментария прогнозирования. Вторая часть — историческая справка, содержащая обзор представлений о будущем с древнейших времен до наших дней. Третья часть, по сути своей, является практикумом, пособием по выработке навыков организации и проведения прикладного прогностического исследования.

Самой сложной по содержанию является четвертая часть, где анализируются конкретные социально-экономические, социально-политические, социально-культурные и т.д. прогнозы. К курсу прилагается терминологический словарь и рекомендательная литература.

Часть 1

ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Лекция 1

РАЗВИТИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О БУДУЩЕМ НА РАННИХ СТАДИЯХ СУЩЕСТВОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА. ПРЕЗЕНТИЗМ ПЕРВОБЫТНОГО МЫШЛЕНИЯ

Некоторые ошибки в теории и практике прогнозирования представляют собой, по сути дела, рецидивы подходов, характерных для прошлого, — подходов, несостоятельность которых доказана исторической практикой и преодолена в ходе последующего развития науки. Неудовлетворительное знание истории предмета отрицательно сказывается на работе теоретика прогнозирования — прогностика и разработчика прогнозов — прогнозиста. Вместе с тем в концепциях прошлого содержалось немало поучительного и полезного для разработки прогнозов и в современных условиях.

Все это делает необходимым более основательное знакомство с опытом минувших времен. Однако история развития представлений о будущем, включая предысторию и историю развития концепций будущего Земли и человечества, историю развития теории и практики собственно прогнозирования, — слишком обширная и сложная тема, выходящая далеко за рамки нашего курса, чтобы ее можно было изложить здесь хотя бы в общих чертах. Ограничимся поэтому краткой исторической справкой.

Данные археологии и этнографии показывают, что первобытное мышление лишь после долгого развития выработало представления о прошлом и (гораздо позднее) о будущем как о чем-то отличном от настоящего. На ранних стадиях развития общества проблема изменений во времени, видимо, вообще не осознавалась. Даже более позднее представление о цепи событий как о причинно-следственном логическом процессе было довольно смутным. По сути, время существовало только одно — настоящее. Затем к нему добавилось другое — не прошлое или будущее, а просто «другое», отличное от настоящего, в котором действовали герои мифов и разные сверхъестественные силы. Но и в это мифическое время жизнь была похожа на окружающую, как две капли воды. Сказывался своеобразный презентизм первобытного мышления: прошедшее и будущее мыслились в большей или меньшей степени (в зависимости от уровня развития мышления) подобными настоящему. Именно поэтому можно было легко «предсказывать» будущее и даже «воздействовать» на него с помощью магии.

Рецидивы презентизма сказываются до сих пор, особенно в обыденном сознании, а иногда и в разработках прогнозов, когда прогнозист по инертности мышления «пугается» чересчур радикальных, с его точки зрения, выводов и стремится представить будущее в виде чуть-чуть приухудшенного или приулучшенного настоящего без каких-либо существенных качественных перемен. Часто его подталкивает к этому

психологический эффект так называемой футурофобии, заключающейся в том, что человеческая психика крайне раздражительно реагирует на любую «картину будущего» (впрочем, и прошлого тоже, хотя и в меньшей степени), существенно отличную от настоящего. Такая картина вызывает, как правило, инстинктивно негативное отношение, и в результате будущее обычно предстает как несколько идеализированное настоящее.

Эти особенности человеческой психики и мышления, унаследованные от далекого прошлого, теоретику и практику прогнозирования необходимо постоянно иметь в виду — прежде всего при опросах экспертов, а тем более населения.

Прежде чем человек обнаружил, что существует «иное время» — время, не тождественное настоящему, ему пришлось задуматься над возможностью «иного мира» — мира, не тождественного окружающему, куда «уходят» усопшие. Лишь потом совершился переход к конструированию «иного мира в ином времени» — «иного будущего». Этот процесс шел по трем основным направлениям: религиозному, утопическому, философско-историческому.

Наша исследовательская группа впервые столкнулась с этим явлением не в теории, а на практике более 30 лет назад, при зондажных опросах населения и экспертов по ходу изыскательского проекта «Прогнозирование социальных потребностей молодежи». Цель проекта в своей теоретико-методологической и методико-технической части — отработка социологических методов прогнозирования социальных явлений, так сказать, на стыке прогностики и социологии, в те времена в значительной мере чуждых друг другу. Социальные потребности были выбраны предметом исследования потому, что позволяли вести одновременно и поисковые, и нормативные прогнозные разработки. Что касается объекта исследования, то в качестве такового фигурировала молодежь, и это было сделано не только потому, что, как теперь принято говорить, спонсором проекта выступал ЦК ВЛКСМ, но и прежде всего потому, что молодежь представлялась наиболее динамичной (в мировоззренческом отношении) социальной группой. Сопоставляя ответы учащейся рабочей молодежи и молодой интеллигенции, мы надеялись гораздо больше узнать об ожидаемых и желательных изменениях в потребностях людей, чем если бы опрашивали респондентов среднего и тем более пожилого возраста, установившиеся стереотипы мышления которых могли затруднить их мысленное «путешествие в будущее», необходимое для ответа на вопросы о грядущих изменениях в потребностях.

К нашему удивлению, ответы молодых респондентов на вопросы прожективного характера (типа «как бы вы отнеслись к такому-то изменению привычного положения вещей») почти всегда свидетельствовали о том, что опрашиваемые автоматически переносили даже в отдаленное будущее современное положение вещей, лишь с некоторыми желательными количественными изменениями (побольше привычная жилплощадь, разнообразнее и дешевле продовольственные продукты и промышленные товары, доступность путевки в дом отдыха, одна, а еще лучше две автомашины каждому желающему и т.п.). Любые возможные радикальные изменения в образе жизни (допустим, минимизация моторного транспорта при обязательной пешеходной доступности мест работы, покупок и развлечений либо 20-часовая рабочая неделя с использованием остальных

20-ти часов нынешней рабочей недели на непрерывное образование, на помощь учителю во внеклассной работе, на заботу о больных в лечебных учреждениях, на организацию содержательного досуга, на работы по охране окружающей среды — разумеется, при соответствующем уровне производительности труда) почти всеми опрашиваемыми встречались с недоумением и категорически отвергались с порога.

Вообще-то такой результат предусмотрен теорией прогнозирования и носит название «рецидивы презентизма первобытного мышления». Дело в том, что установлено: первоначально человек долгое время полностью отождествлял настоящее и будущее, т.е. рассматривал любое будущее как бесконечно продолжающееся без каких-либо существенных изменений настоящего (а раньше для него вообще не существовало прошлого, настоящего и будущего, все было, как и у животных, так сказать, «сиюминутно»). Доказано, что было бы преувеличением утверждать, будто современный человек в данном отношении очень далеко ушел от своего первобытного предка. Нет, он склонен представлять сколь угодно далекое прошлое или будущее в привычных для него чертах настоящего. Давно выяснено, что даже любая фантастика — это всего лишь разные комбинации разных черт привычного земного, и никогда ничего больше. Даже такие порожденные воображением человека «потусторонние миры», как рай или ад, — всего лишь упрощенная проекция представлений о «хорошей жизни» или о «страданиях», как они складывались на основе жизненного опыта в те или иные века. Поговорите о будущем, скажем, о мире XXI века со старшеклассником, студентом, даже с научным работником (не специалистом по прогностике) — скорее всего, вы получите зеркальное отображение нынешнего дня, возможно, чуть идеализированного или, напротив, несколько драматизированного, только и всего. Словом, получите «презентизм».

Опыт показывает, что «презентизм» проходит по мере знакомства с прогностической или хотя бы научно-фантастической литературой. Вот почему современные респонденты, если можно так сказать, гораздо менее «презентичны», чем 30 лет назад.

Удивил в ответах респондентов не ожидавшийся «презентизм», а нечто другое. При попытке опрашивающего ввести респондента в непривычный мир «иног будущего» почти во всех случаях наблюдалось категорическое неприятие любого будущего, качественно отличного от настоящего. И чем явственнее, радикальнее было качественное отличие — количественное воспринималось довольно легко, — тем категоричнее было неприятие, враждебное отношение. Такая позиция была четко зафиксирована и по рабочей, и по учащейся молодежи, а также по молодым научным сотрудникам (подчеркнем, что опрос проводился в Дубне — элитном научном городке тех времен: более отзывчивую по части проблем будущего, достаточно широкую аудиторию трудно было отыскать). Словом, опрос оказался безрезультатным, и мы вынуждены были от него отказаться.

Попытались компенсировать провал с зондажным опросом «простых» респондентов таким же опросом экспертов — научных работников, которым по роду своей работы положено заглядывать в будущее (напомним, что 30 лет назад современная прогностика в СССР, полулегализованная лишь в 1966 г. и полностью разгромленная, вместе с остальными общественными науками спустя несколько лет, со вступлением страны в период застоя,

переживала этап становления, продолжающийся, впрочем, по сию пору, и прогностическая грамотность даже научных работников, не говоря уже ни о ком другом, была близка к нулевой). Мы отдавали себе отчет в обычной консервативности мышления ученых, делали скидку на возраст, точнее, на «возрастную ностальгию по прошлому», столь часто встречающуюся у людей пожилого и даже отчасти среднего возраста, к каковым относились, разумеется, все опрашиваемые эксперты — молодых экспертов, как известно, у нас вообще не бывает, поскольку почти все ученые до 33 лет, а в некоторых отношениях и до 40 лет (кроме ничтожного процента успевших защитить докторские диссертации) совершенно неоправданно относятся к категории «молодых ученых», родственных аспирантам и студентам. Но все же ожидали ответов, отличных от ответов обычных респондентов.

И действительно, там, где дело касалось текущих проблем, наблюдаемых процессов настоящего, эксперты неизменно оказывались на высоте, выгодно отличаясь от «простых» респондентов. А вот там, где речь шла об «ином будущем», ответы тех и других были неотличимы. Тот же рецидив презентизма и такое же категорическое неприятие любого навязывания «иного будущего». Поначалу показалось, что неудачно подобран состав экспертов. Его меняли на пилотаже дважды — и с тем же результатом. Правда, обнаружилось, что если достаточно долго «вводить в будущее» достаточно квалифицированных экспертов, то происходит их как бы «самообучение» и они мало-помалу начинают глубже разбираться в перспективах рассматриваемых явлений. Но, во-первых, у нас не было времени, чтобы создавать в экспертной группе подобную атмосферу достаточно долго. Во-вторых, даже при успехе подобного предприятия это была бы, по существу, уже качественно иная, так сказать, искусственно созданная нами самими экспертная группа, вовсе не отражающая существовавший в то время уровень и характер экспертных оценок по рассматриваемой проблематике.

Заметим еще раз, во избежание недоразумений, что дело происходило более 30 лет назад. С тех пор очные и заочные, индивидуальные и коллективные опросы экспертов для целей прогнозирования стали сравнительно обыденным явлением, прогностическая грамотность экспертов несказанно повысилась, и сегодня, возможно, такой же опрос мог бы в какой-то мере удался. Но 30 лет назад опрос экспертов полностью провалился, и мы не уверены к тому же, что даже при усложнении опросника на должной высоте оказались бы сегодняшние эксперты, причем вовсе не из-за недостаточного уровня своей квалификации. Заметим также, во избежание недоразумений с Дубной, что пилотаж проводился с московскими экспертами наивысшей авторитетности в те времена.

Как известно, отрицательный результат в научных исследованиях — тоже своего рода положительный результат, запрещающий другим повторять ошибку, заведомо ведущую к неудаче, и заставляющий искать другие пути решения проблемы. В частности, наша исследовательская группа, подключив социальных психологов, нашла удачный выход из положения. Вместо безрезультатных «лобовых» прожективных опросов мы прибегли к психологическим тестам, специально модифицированным для нужд социологического исследования прогностической направленности, к квалиметрическим оценкам полученных результатов, позволившим дать общие трендовые оценки ожидаемых и желательных изменений в

социальных потребностях нашей молодежи, а экспертам отвели более подобающую им роль аналитиков полученных результатов, с целью уточнения их и углубления необходимой интерпретации. Результаты исследования обобщены в серии препринтов ИСИ АН СССР середины 70-х годов и в заключительной коллективной монографии того же наименования, с которой нетрудно ознакомиться.

Но данное исследование имело и еще один, так сказать, побочный результат. Оно заставило глубже задуматься о причинах и особенностях категорического неприятия «иног будущего» всеми почти нашими респондентами, не исключая и экспертов. Проблема неоднократно обсуждалась на семинарах. Была изучена дополнительная литература. В результате родилась концепция «футурофобии» — органического неприятия человеком без специальной прогностической подготовки любого представления о качественно ином будущем, расходящемся с привычным ему настоящим. Об этой концепции бегло упоминалось в других научных работах по прогностике, но не было практической возможности уделить ей должное внимание, да вряд ли это было и осуществимо во времена застоя.

Не собираемся мы посвящать данной концепции и настоящую работу. Однако при разработке проблемы прогностического обоснования нововведений разговора о «футурофобии» не избежать. Если этот эффект вне всякого сомнения негативно сказывается на целеполагании, планировании, пред- и постплановом программировании, проектировании, текущих управленческих решениях, не носящих инновационного характера, то на нововведениях, по самому их характеру, он сказывается самым губительным, катастрофичным для них образом. И если «эффект футурофобии» обязательно необходимо учитывать в целевых, плановых, программных, проектных и организационных прогнозах, обслуживающих соответствующие формы конкретизации управления, то в инновационном прогнозировании он является, можно сказать, одним из основополагающих моментов — в принципе таким же, как «эффект Эдипа» в технологическом прогнозировании, о котором нам предстоит не раз говорить в последующем, — так что без его учета всякая попытка прогностического обоснования любого сколько-нибудь существенного нововведения, по нашему убеждению, с самого начала будет почти наверняка обречена на провал, тем более — в социосфере.

Вот почему мы начинаем рассмотрение теоретических вопросов прогностического обоснования социальных нововведений именно с данного феномена в общественном сознании. Все 40 000 лет существования рода homo sapiens (по некоторым данным, даже намного больше) человеческое общество пребывало в состоянии, разительно отличающемся от современного нам. Оно именовалось матриархатом, затем патриархатом, отдельные стадии его развития называли дикостью, варварством, цивилизацией, их подразделяли на несколько общественно-экономических формаций и множество разновидностей общественного строя. Однако, при всех различиях, первобытную общину и, скажем, английскую, германскую, французскую деревню XVIII века, русскую деревню XIX — начала XX века, латиноамериканскую, азиатскую, африканскую деревню первой половины XX в. (отчасти включая малые города и окраины крупных) объединяла исчезнувшая или исчезающая ныне на глазах жесткость, стабильность, если можно так сказать, окостенелость общественных порядков. Из этого

состояния крупный английский город, а за ним и малый город, а за ним и деревня начали мало-помалу выходить лишь с конца XVIII столетия, французские — лишь на протяжении XIX столетия, другие западноевропейские и японские — лишь со второй половины XIX — начало XX столетия, русские — лишь со второй половины XX столетия, а в латиноамериканских, азиатских, африканских странах этот процесс только-только начинает разворачиваться.

Достаточно напомнить (впрочем, об этом говорилось не раз, в том числе и в наших работах), что в конце 20-х годов, т.е. всего 70 лет назад, 82% населения Советского Союза проживало в сельской местности, а еще 10—12% — в таких же, как и там, избах, хатах, саклях малых городов и по окраинам больших. В совокупности это составляло более девяти десятых населения страны. И даже к середине 50-х годов, т.е. всего лишь полвека назад, соответствующие пропорции составляли 55% и все те же 10—12% (до начала массового строительства «пятиэтажек») — итого более двух третей, подавляющее большинство. Да и из оставшейся трети подавляющее большинство были выходцами из все тех же изб, хат, саклей, с той же социальной психологией, с тем же, в общем и целом, отношением к окружающей действительности. Для всех этих людей было характерно подавляющее господство сложной семьи старого типа с сильнейшими пережитками бытовой патриархальности, со всеми характерными чертами традиционного сельского образа жизни, который ныне всюду сменяется современным городским.

Состояние, предшествовавшее последнему, было сложным. Его нельзя однозначно оценивать, как «худшее», «более примитивное», «менее развитое» и т.п. Оно попросту качественно отличалось от современного, причем в нем автоматически решались многие социальные проблемы, трудно разрешимые сегодня. Однако оно в настоящее время полностью перестало соответствовать уровню научно-технического прогресса, уровню производительности труда, связанному с этим уровню возможностей и соответствующему уровню запросов людей. Короче говоря, оно перестало соответствовать условиям жизни и на этом основании отошло или отходит в прошлое.

Здесь вряд ли уместно, да и нет возможности описывать все стороны состояния, предшествовавшего современному. Но на одной стороне придется остановиться специально, поскольку она непосредственно относится к предмету нашего изложения. Речь идет об исключительно высокой сопротивляемости любым нововведениям, что обуславливало столь же высокую стабильность общества, преемственность господствовавших в нем порядков, длительное время переходивших от поколения к поколению почти без изменений. И хотя в общем и целом, если брать историю человечества за последние несколько тысяч лет или, если угодно, за последние несколько веков, четко прослеживается тенденция постепенного нарастания масштабов и темпов изменений, или, если можно так сказать, ускорения социального времени людей, причем на протяжении XIX — первой половины XX в. ускорение шло все сильнее, — эти изменения, даже в течение предыдущих полутора веков, не идут ни в какое сравнение с теми, которые произошли по нарастающей за послевоенные полвека.

По многим важным параметрам, начиная с топливно-энергетической и материально-сырьевой базы, промышленности, строительства, сельского

хозяйства, транспорта, связи и кончая семейными, вообще межполовыми отношениями, молодежным образом жизни, формами проведения досуга, манерой одеваться и т.д., в жизни людей за последние десятилетия произошло намного больше, значительнее и масштабнее нововведений, чем за любой предшествующий период истории человечества, включая бурные революционные эпохи. Между тем именно в предшествующую эпоху сложились господствующие и сегодня стереотипы в сознании людей, в том числе и стойко негативные по отношению к любым нововведениям. Это составляет сложнейшую и очень острую социально-психологическую проблему отношения к нововведениям по сей день.

Попробуем отыскать истоки высокой сопротивляемости в человеческом сознании практически почти любым нововведениям. На наш взгляд, первопричины коренятся в относительно низком, вплоть до самых недавних пор, уровне развития производительности труда и проистекающей отсюда необходимости крайнего напряжения сил, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум, не погибнуть. Напомним, что тяжелый физический труд взрослых, причем большей частью отталкивающе монотонный, доходил до 16 и более часов в сутки — предел человеческой выносливости на протяжении сколько-нибудь длительного времени. Сегодня труд такого характера и продолжительности в развитых странах мира, в том числе и у нас, свойствен лишь тем рабочим или служащим, которые имеют значительные приусадебные участки с домашним скотом и птицей, что заставляет их как бы удваивать свой рабочий день, а также работающим матерям с малолетними детьми, если на мать целиком падает груз обслуживания всей семьи, причем в обоих случаях трудовая нагрузка рассматривается как непомерная. А сравнительно недавно такое было для основной массы людей скорее социальной нормой, чем исключением. В меньшей степени, но тоже значительно доставалось подросткам и даже детям, начиная с шести-семи лет, а также престарелым с ограниченной трудоспособностью.

Добровольно такую тяготу вряд ли бы кто-либо взвалил на свои плечи. Любые импровизации, особенно у подрастающих поколений, как это нетрудно видеть и сегодня, скорее всего отражали бы стремление тем или иным образом уменьшить трудовую нагрузку, что было чрезвычайно опасно в смысле выживаемости семьи. Вот почему, как можно предполагать, на протяжении длительного времени выработались довольно устойчивые шаблоны-стереотипы каждой трудовой операции по критерию наибольшей эффективности последней, вплоть до мельчайших деталей, отступление от чего считалось предосудительным. Правда, иногда в стереотипах отдельных трудовых приемов наблюдается как бы отход от критерия эффективности. Однако, при ближайшем рассмотрении, подобного рода «послабления» на проверку почти всегда оказываются необходимой релаксацией, разрядкой, чтобы снять чрезмерное напряжение и в конечном счете добиться максимального эффекта на всем протяжении трудового дня или любой его половины. Лишь иногда такие отклонения носят случайный, иррациональный характер, большей частью связанный с теми или иными религиозными обрядами. Во многих отношениях на протяжении длинного ряда веков стереотипы организации труда были доведены до уровня самых настоящих ритуалов, в результате чего многие трудовые операции, идущие из глубины веков, напоминают скорее театральное действо.

Аналогичные стереотипы-ритуалы, по критерию эффективности операций, выработались в сфере быта и досуга, но тут элемент иррациональности, диктуемый разными сторонами образа жизни, начиная с верований или заимствований и кончая местными импульсами случайного характера, намного значительнее.

Со временем шаблоны-стереотипы-ритуалы труда, быта, досуга органически встроились в систему традиций, обычаев, нравов того или иного народа, порою даже той или иной местности. На них наложился диктат всемогущего в тех условиях общественного мнения окружающих, положительно оценивавшего строгое следование сложившимся порядкам и жесточайше преследовавшего — до побоев, травли и изгнания включительно — малейшее отступление от них.

В социальный механизм закрепления сложившихся стереотипов сознания и поведения включалась система социальных потребностей личности, и прежде всего потребность в самоутверждении, т.е. в уважении со стороны окружающих, и на этом основании в самоуважении. Как известно, эта потребность наисильнейшая, когда удовлетворены фундаментальные потребности в самосохранении (питание, здоровье и т.д.), а зачастую даже временами отодвигает последние на второй план. И коль скоро самоутверждения легче всего достичь, скрупулезно следуя сложившимся стереотипам и решительно осуждая всякое отступление от них, нетрудно представить себе, какой истовой может быть убежденность в неприятии каких-либо нововведений, каким воинствующим — стремление не допустить их.

У всех нас на памяти более чем тридцатилетняя война с женскими брюками, не закончившаяся и до сих пор на некоторых последних «бастионах» ревнителей старого. Хотя, казалось бы, это не бог весть какое важное нововведение, тем не менее оно может служить знакомым каждому типичным примером отчаянного движения сопротивления, в котором приняли активное участие не только подавляющее большинство мужчин, но и почти все женщины пожилого возраста, большинство женщин среднего возраста и даже часть женщин молодого возраста, не исключая известной части девушек и девочек-подростков. Провал столь мощного «движения сопротивления» убедительно доказывает не только неодолимость нововведения, когда работает постепенно набирающий силу социальный механизм его реализации (мы остановимся на нем подробнее в своем месте), но и абсолютную необходимость подобного механизма, чтобы нововведение не было подавлено в зародыше почти неизбежной вначале негативной реакцией на него.

Ясно, что при таком умонаправлении в обыденном сознании не мог не закрепиться устойчивый стереотип неприятия практически любого «иногo будущего», как мы уже говорили, стремление уподобить до мелочей любое сколь угодно далекое прошлое или будущее привычному настоящему. В свою очередь, раз возникнув, подобный стереотип уже чисто дедуктивно отметал с порога любые нововведения, так что эффект неприятия нового многократно усиливался.

Очерченное умонастроение изначально обрекало человеческую мысль на застой и в зародыше отталкивало идеи, способные породить нововведения. Если бы в обществе существовали одни лишь эти силы, оно неизбежно было бы обречено на стагнацию и быструю гибель. К счастью,

однако, мы знаем, что для человеческой личности характерна потребность в самоутверждении не только путем слепого следования сложившимся стереотипам, но и путем реализации социальных потребностей в успехе своей деятельности, в достижениях, в непрестанном улучшении, рационализации труда, быта, досуга, всех условий жизни и форм жизнедеятельности, в новизне, оригинальности своей деятельности, а также в творческом труде, в лидерстве, в критике деятельности других, в новых знаниях и т.д. Когда обе эти противоположные силы более или менее взаимно уравнивают друг друга, катастрофического коллапса не наступает, но и интенсивность нововведений близка к нулевой, что мы и наблюдаем на всем протяжении человеческой истории, вплоть до самых недавних времен. Ныне инновационные силы делаются все мощнее, в результате — соответствующий сдвиг в сторону нарастания темпов и масштабов нововведений.

Заметим, что энергичными носителями инновационных сил, по причине самого характера нововведений, почти всегда является относительное меньшинство населения, зачастую всего лишь отдельные личности или даже только одна-единственная личность. (В принципе инновационный потенциал в той или иной степени свойствен каждому или почти каждому человеку, но почти у всех он подавляется господством привычных стереотипов, о которых мы упоминали выше.) И если сегодня один новатор или ничтожная горстка новаторов все чаще оказываются в состоянии свернуть гору рутины и «пробить» свое новшество, то только потому, что они опираются на инновационные механизмы — рычаги реализации нововведений.

Существует и еще одна сторона органического неприятия нововведений обыденным сознанием, переходящего в близкое к инстинктивному отвращение ко всякому «иному будущему». Это сторона, по нашему мнению, связана с историческим опытом человечества, каковой недвусмысленно свидетельствует: на всем протяжении истории человеческого общества, с древнейших времен до наших дней на сто или даже тысячу благих идей, сулящих разные блага в случае реализации соответствующих нововведений, обычно лишь одна оказывается действительно конструктивной, да и то не так, как представлялось ее первоначальному генератору, а так, как это объективно реализовалось впоследствии, зачастую очень непохоже, порой прямо противоположно замыслу инициатора. Что ж, таков путь прогресса. Что касается остальных, то они на поверку оказываются либо пустоцветными, нереальными, либо, что еще хуже — социально опасными, вредными, губительными, теми самыми благими намерениями, которые, как известно, ведут в ад.

Наиболее яркий пример — история социалистической мысли со времен Возрождения до наших дней.

Если уподобить человеческие представления своего рода «популяциям идей», то рутинные мысли окажутся схожи с «нормальными особями» подобной популяции, а новаторские — с мутантными. И чем оригинальнее идея — тем отвратительнее представляется «мутант» нормальным особям, причем их отвращение к нему вполне рациональное, поскольку скорее всего или чаще даже почти наверняка мутант — всего лишь урод, потомство которого, если дать ему расплодиться, может привести к гибели соответствующую популяцию. Разве не в точности так же относимся мы к

уродам и дебилам, разве не опасаемся гибельной для человечества опасности их размножения?

Однако столь же хорошо известно, что мутация (не всякая, конечно, а оптимальная для изменившихся условий) — двигатель прогресса. И если бы не мутация, органический мир нашей планеты так и застрял бы на уровне каких-нибудь одноклеточных водорослей, а то и на еще более примитивном. Во всяком случае, без мутации человеку было ни за что не произойти ни от обезьяны, ни от кого бы то ни было еще.

И все же, как мы только что указали, почти всякий мутант — урод, грозящий гибелью. Поэтому, на всякий случай, отношение ко всем мутантам — активно негативное. Тот самый сперматозоид, который оплодотворит яйцо, должен очень постараться, чтобы опередить других и доказать тем самым свои наилучшие генетические свойства, способные передаваться по наследству. По этой, довольно яркой, на наш взгляд, аналогии та идея, порождающая нововведение, которая действительно не гибельна, а позитивна, конструктивна, должна обязательно пройти возможно более суровый искус, выдержать испытание на закалку, на неприятие. И если успешно преодолает — значит, жизнеспособна. А если нет — значит, нежизнеспособна.

Подобная философия очень огорчительна для новаторов, поскольку предполагает для большинства из них скорбный путь Иисуса Христа (тоже несшего, как известно, весьма значительные нововведения, причем, как оказалось, не только для своего времени). Но что же делать? Если даже в суровой атмосфере неприятия нового то и дело пробивают себе дорогу нововведения идиотические, разрушительные, гибельные (примеров несть числа: вспомним хотя бы все более легко доступные разновидности наркотиков), то нетрудно представить себе, что произошло бы, если бы человечество встречало «на ура» любые предлагаемые нововведения, так сказать, с порога.

Впрочем, история нашей страны на протяжении ряда последних десятилетий явила миру достаточное количество ярчайших примеров, что именно происходит, когда едва родившееся нововведение без малейшего критического восприятия встречают бурей аплодисментов, переходящих в овации. Так что здесь дальнейшие комментарии излишни.

Два вывода проистекают из только что описанного нами феномена «футурофобии» в обыденном сознании:

1. «Футурофобия», в известном смысле, играет положительную роль для отбраковки идей (обычно — подавляющего большинства почти всех идей той или иной направленности), способных привести к порождению нововведений опасных, гибельных для общества. И поскольку инновационные силы сегодня значительно мощнее, все чаще успешно преодолевают спасительный для общества «эффект футурофобии», необходимы искусственные механизмы, имитирующие его, для «испытания на прочность», точнее, на конструктивность каждого нововведения. В этих механизмах важную роль призваны сыграть различные способы «взвешивания» последствий намечаемых или реализуемых нововведений.

2. «Футурофобия», если пустить дело на самотек, предоставить событиям развиваться стихийно, все еще достаточно сильна, чтобы подавить любое в принципе нововведение, причем отнюдь не исключено, что подавлено будет как раз конструктивное, позитивное и тем самым открыта

дорога для опасного, губительного. Таким образом, и с данной стороны необходимы искусственные механизмы, не позволяющие рутинному мышлению пресечь конструктивное нововведение в зародыше. Для этого нужно, во-первых, научиться отделять плевелы от зерен, т.е. потенциально конструктивные нововведения от потенциально разрушительных для общества. Во-вторых, нужно научиться уберегать нарождающееся конструктивное от обычно господствующего рутинного. В обоих случаях «взвешивание» позитивных и негативных последствий также способно сыграть благотворную роль при одном условии: при четких теоретических установках, учитывающих сложный диалектический характер «эффекта футурофобии» в обыденном сознании.

Лекция 2

РЕЛИГИОЗНЫЕ, УТОПИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ ТЕОРИИ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

Формирование представлений о будущем находилось в тесной связи с эволюцией первобытной мифологии от примитивных мифов-сказок, фантастически истолковывавших наиболее простые явления природы, к мифам, объясняющим установление родовых нравов и обычаев, затем происхождение людей и мира в целом, а также судьбу умерших. На этой основе сформировались самые древние из существующих — религиозные концепции будущего.

Помимо сравнительно примитивных концепций такого плана, которые либо не дожили до наших дней, либо не имеют значительного распространения, выделяются две, связанные с существующими мировыми религиями:

а) сложившаяся в I тысячелетии до н.э. и более развитая индуистско-буддистско-джайнистская концепция, согласно которой история представляется в виде постоянной смены циклов регресса (охватывающих миллионы лет) — от «золотого века» к «концу света», затем «сотворения нового мира», вновь регресса и т.д. без конца. Счастливое будущее с таких позиций видится в том, чтобы «добродетельным поведением» избавиться от бесконечных «перевоплощений» души после смерти, от этого вечного «колдовращения» мироздания и попасть в «нирвану» — качественно иное состояние, при котором отсутствуют и желания, и страдания. Такие взгляды характерны для современной религиозной идеологии в обширном регионе Юго-Восточной Азии, и с ними приходится сталкиваться на международных конференциях или в «литературе о будущем» стран указанного региона;

б) сложившаяся в I тысячелетии до н.э. — I тысячелетии н.э. и менее развитая иудаистско-христианско-исламская концепция, согласно которой «история будущего» представляется в виде прихода «спасителя-мессии», установления «царства божия», наступления «конца света», «Страшного суда», наконец, опять-таки перехода в качественно новое состояние, «вечного блаженства» для праведников и «вечных мук» для грешников. С такими взглядами также приходится сталкиваться на конференциях и в литературе, причем, если это касается христианства, их пропаганда становится все активнее, поскольку частью верующих в очередной раз ожидается «конец света».

Со времен завершения своего формирования тысячу и более лет назад религиозная эсхатология (учение о «конце света») не дала ничего существенно нового. Однако было бы ошибкой на этом основании недооценивать значение религиозных концепций будущего. Религиозно-философская мысль древних выработала целый комплекс идей, доживших до наших дней: идеи «воздаяния» в загробном мире сообразно поведению человека при жизни, провиденциализма (божественного провидения, целенаправленно определяющего ход событий независимо от воли человека), мессианизма (упования на приход «спасителя-мессии», который радикально изменит к лучшему существующие порядки) и т.д. Религиозные концепции будущего сыграли важную роль в социальной борьбе минувших тысячелетий. Они оказали сильнейшее влияние на эволюцию утопизма и разнообразной философии истории. Без них трудно понять особенности некоторых течений современной футурологии.

В I тысячелетии до н.э. следом за религиозными концепциями будущего и в тесной связи с ними стали развиваться утопические концепции. Они отличались от религиозных тем, что «иное будущее» человечества определялось не сверхъестественными силами, а самими людьми, их разумом и действиями. В историко-социологическом смысле утопия определяется как произвольное представление о желаемом будущем человечества, уже не связанное непосредственно с провиденциализмом, но еще не основанное на научном понимании закономерностей развития природы и общества. Объективно утопические концепции являются чисто умозрительными благими пожеланиями, надуманными искусственными конструкциями, оказывающимися в непримиримом противоречии с действительностью (что обычно и вызывает неминуемый крах утопий при попытках их реализации).

Большая часть утопий посвящена проблемам будущего общества и относится к разряду социальных. Но некоторые из них затрагивают проблемы науки, техники, технических вопросов градостроительства, здравоохранения и т.д., лишь косвенно касаясь социальной стороны дела.

В зародышевой, примитивной форме такие «технические» утопии встречаются еще в древности, но становятся заметным явлением в средние века (например, утопия Р. Бэкона, XIII в.) и получают развитие в новое, а особенно в новейшее время. Чаще, впрочем, встречаются социально-технические утопии, в которых учитываются некоторые социальные аспекты технических нововведений (наиболее яркий пример — утопия Ф. Бэкона, XVII в.). Существуют также пацифистские утопии. Наконец, особый тип составляют антиутопии, рисующие произвольные картины нежелаемого будущего Земли и человечества.

В основу классификации социальных утопий целесообразно, на наш взгляд, положить не те или иные формы утопических произведений, как это нередко делается, а основной принцип: какой именно социальный строй фактически изображается в данной утопии? С этой точки зрения социальные утопии разделяются на общинные, рабовладельческие, феодальные, буржуазные и социалистические, идеализирующие соответствующий строй. Каждый тип подразделяется на подтипы: второго, третьего и так далее порядка. Например, социалистические утопии распадаются на собственно социалистические (провозглашающие принцип «каждому по труду») и коммунистические («каждому по потребностям»). При этом, естественно,

перечисленные типы утопий носят конкретно-исторический характер, т.е., как будет показано ниже, могут рассматриваться лишь в рамках определенной исторической эпохи.

Было бы неправильным относить к утопиям только так называемые государственные романы или социально-политические трактаты. Элементы того, что составляет суть утопии, встречаются в самых разнообразных произведениях. Это делает целесообразным применение понятия «утопизм» как утопического подхода к проблемам настоящего и будущего. В таком плане история утопической мысли предстает не просто как ряд произведений, а как процесс эволюции утопизма.

Первые представления о лучшем будущем не в «ином мире», а на Земле, первые утопии возникли во второй половине I тысячелетия до н.э. в Древней Греции и в Китае, где уровень философской мысли был относительно высок, а религия не подавляла ее так сильно, как в Египте, Персии, Индии. Вопреки утверждениям ряда историков, буржуазных и тем более социалистических утопий тогда еще не появлялось. Утопии носили характер либо идеализации родового строя (Лао-цзы, Мо-цзы, Эвгемер, Ямбул), либо «рационализации» рабовладения (Конфуций, Платон), а позднее — феодализма (Шан Ян и др.).

Второй этап охватывает эпоху средневековья. Засилье религиозной идеологии в течение почти полутора тысячелетий сделало немыслимым появление значительных утопий. Некоторый подъем наблюдался в XI—XIII вв. только на Ближнем и Среднем Востоке (аль-Фараби, Ибн-Баджа, Ибн-Туфайль, Низами и др.). Однако последовавший затем упадок продолжался здесь до середины XIX — начала XX в. До той же поры почти не прогрессировал утопизм в Китае, Индии и других странах Азии.

Третий этап связан с эпохами Возрождения и Просвещения (XVI — первая треть XVIII в.: условно от «Утопии» Мора до «Завещания» Мелье и «Философских писем» Вольтера). В это время рабовладельческие утопии исчезают, а феодальные отходят на второй план, уступая место буржуазным и особенно социалистическим (Мор, Кампанелла и др.). Утопизм наряду с религиозными концепциями будущего становится идеологией буржуазных революций XVI—XVII вв. В нем впервые ставится проблема связи между социальным и научно-техническим прогрессом (Ф. Бэкон).

Четвертый этап охватывает остальные две трети XVIII в. (условно от Мелье до Бабёфа). Он отличается от предыдущего резким разрывом с религией и эсхатологией, использованием достижений западноевропейской философии нового времени (Ф. Бэкон, Гоббс, Декарт, Спиноза, Локк и др.), тесной связью с идеологией просветительства (Вольтер, Руссо, Монтескье, Гольбах, Гельвеции, Дидро, Лессинг, Гёте, Шиллер, Джефферсон, Франклин, Новиков, Радищев и др.), а также более четким характером конкретных программ политической борьбы. Последнее относится не только к утопиям Морелли и Мабли, но и в особенности к утопиям Великой французской революции (Бабёф и др.). Даже «общинная» по форме утопия Руссо объективно приобрела в этих условиях характер мелкобуржуазной эгалитаристской утопии. Вновь растет число феодальных утопий (Новалис, Щербатов), но сохраняется и усиливается преобладание буржуазных и особенно социалистических.

Пятый этап приходится в основном на первую половину XIX в. (от Сен-Симона, Фурье и Оуэна до Л. Блана и Кабе, Дезами и Вейтлинга, а в

России — до Герцена и Чернышевского включительно). К его отличительным чертам относятся: попытки критического осмысления опыта Великой французской революции, в ходе которой несостоятельность утопизма проявилась особенно наглядно; стремление связать утопизм с пролетарским движением (отсюда — разнообразные типы «социализма», перечисленные К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии»); попытки использовать не только идеологию просветительства, но и классическую философию (Кант, Фихте, Шеллинг, Гегель), а также классическую буржуазную политическую экономию (Смит, Рикардо, Сисмонди и др.) — попытки, которые не увенчались и не могли увенчаться успехом.

Шестой этап охватывает вторую половину XIX — начало XX века и характеризуется в основном борьбой марксистской и анархистской утопии, причем первая выдавала себя за науку и резко противопоставляла себя иному-прочему «утопизму».

Седьмой этап (символически — с 1917 г. по сей день) можно считать современным. На этом этапе состоялась реализация и крах марксистско-ленинской утопии казарменного социализма, жертвой которой оказалась целая треть человечества, начиная с СССР. Никуда не делись и прочие многообразные утопии. На этом этапе постепенно складывается понимание того, что социальный утопизм — это отнюдь не черно-белое кино с разделением всего и вся на утопическое и реалистическое, а те элементы сознания и нововведения, в том числе политики, которые исходят не из объективных закономерностей и не из промысла божия, а из произвольных представлений о желаемом будущем (которые часто выдаются за научные или за некое откровение). Таким образом черты утопизма можно найти в политике любого правительства любой страны мира и во взглядах любого политика, философа, ученого, писателя, вообще любого человека.

Среди социальных утопий второй половины XIX — первой половины XX в. наибольшее развитие получили марксизм и анархизм. Марксизм сделался к началу XX в. основой широкого революционного движения и в своей экстремичной форме (марксизм-ленинизм) привел к попытке реализации этой утопии («утопия социализма») сначала в масштабах России, а затем, уже во второй половине XX в., в масштабах целой трети человечества. Но в 90-х гг. XX в. эта утопия, как и всякая утопия, потерпела крах, и к XXI в. от нее остались лишь быстро деформирующиеся рудименты.

Анархизм, как общественно-политическое течение, сложился в 40—70-х годах XIX в., но его идейные истоки восходят к утопии Руссо и другим утопиям XVII—XVIII вв., которые идеализировали патриархальную общину. Анархистская концепция будущего, изложенная в работах Годвина, Прудона Штирнера, Бакунина, Кропоткина, Реклю, Грера, Карелина, Фора и др., в самых общих чертах сводилась к формуле «свободной федерации» автономных ассоциаций производителей — мелких частных собственников с немедленным и полным упразднением государства, «справедливым обменом» продуктов труда отдельных работников.

Заметим, что для утопизма характерно стремление создать детальную картину будущего, втиснуть ее в рамки априорно заданной и «идеальной схемы», продиктовать своего рода «правила поведения» будущим поколениям. В противоположность этому течению общественной мысли на

протяжении XIX века сложился позитивизм, для которого характерно агностическое отношение к предвидению, особенно социальному, требование ограничиться описанием и объяснением изучаемого объекта, попытки свести прогностическую функцию науки только к чисто эмпирическим выводам из анализа и диагноза.

Парадоксально, но, будучи по сути своей утопистами, анархисты в большинстве своем держались позитивизма и негативно относились к научному предвидению. Будущее виделось им не как объективно необходимая, неизбежная следующая ступень в истории человечества, а как результат чисто волевого акта героев-революционеров, способных увлечь за собой народные массы. Понятно, что при таких взглядах сам процесс перехода к будущему состоянию не имел существенного значения и ему не уделялось особого внимания. В итоге политическая программа анархистов страдала непоследовательностью, неопределенностью, непродуманностью. Ее несостоятельность в полной мере проявилась в мировом революционном движении второй половины XIX — первой половины XX в.

Еще одну группу социальных утопий представляют различные направления либерального реформизма, собственно буржуазные утопии, восходящие к «Океании» Гаррингтона (произведения Бентама, Г. Джорджа, Герцки и др.). Утопии такого рода появляются в значительном числе и до сих пор.

Особую группу социальных утопий составляют теории феодального социализма (Карлейль, Дизраэли, Рескин и др.), где будущее рисуется в виде возврата к идеализированному прошлому средневековья. Разновидностью таких теорий являлся поначалу христианский социализм (Ламенне и др.). Но на протяжении второй половины XIX в. это течение приобрело самостоятельный характер, постепенно превратившись в разновидность буржуазного утопизма. В XX в. на смену исчезнувшим рабовладельческим и феодальным утопиям приходят фашистские, которые справедливо расцениваются общественностью как антиутопии.

Сложнее обстоит дело с утопическим социализмом. Утопические идеи Сен-Симона, Фурье, Оуэна и других социалистов-утопистов первой половины XIX в. просуществовали в виде соответствующих школ социальной мысли еще несколько десятилетий после смерти их основателей, а в отдельных странах (особенно в царской России и в ряде стран Востока) эти идеи сохраняли известное влияние до первой половины XX в. включительно и даже позднее. Концепции будущего некоторых социалистов-утопистов (Бланки и др.) сложились хронологически почти одновременно с марксизмом и сохраняли значение во второй половине XIX в. и позднее. Рождались и новые социалистические утопии (Моррис, Беллами, Золя, Франс, Уэллс, Дж. Лондон, Циолковский и др.), конкретная оценка которых возможна только с учетом особенностей творчества того или иного утописта в конкретной исторической обстановке.

Для утопии Беллами, например, характерны реформистские и технократические иллюзии, что сближает ее с буржуазными утопиями. На Западе, особенно в США, возникло множество клубов, члены которых пытались претворить эту утопию в жизнь. В еще большей степени эклектичность, заимствование идей из различных направлений утопизма — от феодального до анархистского — характерны для утопических романов Морриса, Золя, Франса, Лондона, Уэллса. Однако высокое художественное

мастерство этих писателей делало их произведения незаурядными в утопической литературе, даже при известном налете эклектизма. Их всемирная известность увеличивала возможность пропаганды социалистических идей, пробуждала интерес к идеям социализма. Важно отметить, что эти писатели в большинстве случаев сознавали утопичность своих произведений, но использовали жанр утопии для пропаганды своих идей.

Особо следует сказать о Циолковском. Пропагандируя в брошюрах 20-х годов технические идеи реконструкции земной поверхности и освоения космического пространства, он создал ряд ярких, впечатляющих социальных утопий (например, «Общественная организация человечества», 1928) с целью показать, какие блага способен принести человечеству научно-технический прогресс. Утопические идеи основоположника современной космонавтики сыграли важную роль в становлении ранней футурологии (в широком смысле «литературы о будущем»), к которой мы обратимся позже.

В целом новая стадия эволюции утопизма существенно отличалась от предыдущей как уровнем утопической мысли, так и степенью ее влияния на прогресс общественной мысли. Утопические произведения стали значительно слабее и по идейному содержанию, и по воздействию на мировую общественную мысль. Именно их упадок во всех отношениях дает основание говорить о смене восходящей стадии развития утопизма нисходящей. Очевидна и причина упадка: неспособность утопии конкурировать с наукой.

Было бы упрощением, однако, сводить утопизм второй половины XIX и особенно XX в. только к утопическим романам и трактатам. Писания идеологов фашизма касались «реальной политики», но по существу это были самые настоящие социальные утопии — утопии спасения капитализма политическими средствами, а в ряде отношений даже путем возврата к феодальным и рабовладельческим порядкам. Эти утопии обернулись трагической реальностью для сотен миллионов людей, для всего человечества, ввергнутого во Вторую мировую войну. Об утопии казарменного социализма мы уже упоминали.

Сочинения Кейнса, его последователей — кейнсианцев и некейнсианцев, других представителей современной экономической мысли формально не являются утопиями. Но фактически это самые настоящие социальные утопии. Бесчисленные разновидности азиатского, африканского, американского «социализма», которые множатся год от года, также являются утопиями, оказывающими немалое влияние на общественную жизнь трудящихся развивающихся стран. Марксизм, ленинизм, маоизм, чучхеизм — все это не что иное, как социальная утопия. Тем не менее эта утопия на протяжении ряда десятилетий являлась вполне реальным кошмаром почти для миллиарда людей.

Проблема основательного исторического анализа эволюции современного утопизма во всех его разновидностях не по формальным признакам, а по существу остается одной из наиболее актуальных в истории мировой общественной мысли XX в.

Развитие религиозных и утопических представлений о будущем в древнем мире сопровождалось зарождением представления об истории как процессе, обладающем определенными закономерностями. К середине 1-го

тысячелетия до н.э. эти представления приобрели характер философско-исторических концепций будущего. Постепенно сформировались три основных концепции, существующие до сих пор: регресс от «золотого века» в древности к гибели культуры, бесконечные циклы подъемов и падения культуры в круговороте одних и тех же стадий развития, прогресс от низшего к высшему.

Взгляд на исторические события как на этапы вечной эволюции мира, охватывающей прошлое, настоящее и будущее, обнаруживается и в древнеиндийской (школы Чарвака и особенно Санкхья), и в древнекитайской (Мэн-цзы, Чжуан-цзы), и в древнегреческой философии (Гесиод, Платон, Аристотель). Философы пытались вскрыть закономерности исторических циклов, найти факторы, которые обуславливают их смену. Из концепции «золотого века» выросла теория «естественного состояния» (школы киников и стоиков). Софисты, а затем Демокрит и Эпикур противопоставили ей идею прогресса. И стоики, и эпикурейцы бились над проблемой детерминизма в историческом процессе, причем последние развивали теорию «общественного договора», что само по себе было покушением на господствовавшую тогда идею провиденциализма.

Теория циклов была настолько детально разработана в трудах Полибия (II в. до н.э.), что некоторые историки считают все аналогичные концепции вплоть до современных (Гумплович, Парето, Шпенглер, Сорокин, Тойнби) лишь развитием его взглядов. Преобладавшей долгое время концепции регресса от «золотого века» (Сенека, Цицерон, Вергилий, Тибулл, Овидий) была с новой силой противопоставлена идея прогресса (Лукреций). Это было выдающимся достижением античной мысли. Концепции регресса и циклов не случайно оставались долгое время господствующими: первая проистекала из наблюдений над мучительным процессом разложения родового строя и становления классового общества; вторая обуславливалась медленными темпами исторического развития. Нужен был высокий уровень философского мышления, чтобы за сложными перипетиями развития общества разглядеть линию прогресса.

Воинствующий клерикализм средневековья надолго подавил все теории исторического развития, кроме концепции регресса. Лишь к концу этого периода отмечается новый проблеск идеи прогресса (технического) у Р. Бэкона и новая, более глубокая разработка теории циклов у Ибн-Хальдуна, который пытался решить проблему исторического детерминизма, исследуя влияние на развитие общества географических и иных факторов.

В эпохи Возрождения и Просвещения вновь выдвинулись на первый план концепции циклов (Макиавелли, Вико) и прогресса. Вико вплотную приблизился к идее развития не по кругу, а по спирали. Что же касается прогресса, то одни философы пытались связать его с божественным провидением (Боден, Лейбниц, Лессинг), другие искали его корни в материальных факторах (Монтень, Ф. Бэкон, Декарт, Спиноза). Клерикалы (Боссюэ и др.) тщетно защищали позиции провиденциализма. Энциклопедисты, особенно Вольтер, наносили им удар за ударом. Именно с Вольтера начинается развитие философии истории в современном смысле. Тюрго, Кондорсе, Годвин объясняли прогресс уже не божественным предопределением, а совершенствованием разума и влиянием разного рода внешних факторов. Сторонники концепции прогресса все шире использовали теории «естественного состояния» и исторического

детерминизма, поставив их на службу идеологии Великой французской революции.

Было бы ошибкой, конечно, изображать развитие философии истории во второй половине XVIII — первой половине XIX в. как сплошное торжество идеи прогресса над догмами провиденциализма. Процесс был сложнее. Поборникам прогресса приходилось сталкиваться с сопротивлением феодальной реакции (де Местр, Бональд). Главное же заключалось в том, что в идеалистическом мировоззрении ведущих философов преобладали религиозные идеи. Гердер сводил закономерности исторического развития к географическим факторам, допуская решающее влияние Бога на судьбы человечества. У Канта идеи прогресса переплетались с идеями телеологии (предопределенности сущего). Фихте пытался совместить прогресс с реакционными социально-политическими принципами. У Шеллинга тезис о человеке — творце истории соседствовал с тезисом об истории как «откровении абсолютного». Явственно проступала печать эсхатологии в философии истории Гегеля, который рассматривал историю как «высшее проявление мирового духа» и, признавая прогресс в прошлом, отказывался признавать его в настоящем и будущем.

Несмотря на эти противоречия, значение философии Канта и Фихте, Шеллинга и Гегеля в развитии представлений о будущем огромно. В известной мере они являлись также утопистами, но как философы истории они внесли наибольший вклад в развитие методологии анализа исторического прогресса как процесса закономерного и диалектического.

Лекция 3

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НА РУБЕЖЕ XIX—XX СТОЛЕТИЙ. НАУЧНО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ ЖАНР «РАЗМЫШЛЕНИЯ О БУДУЩЕМ»

Столкновение марксизма с анархизмом и позитивизмом вызвало во второй половине XIX в. ряд «побочных эффектов».

Один из них — бурное развитие течения общественной мысли (на сей раз всецело в жанре художественной литературы), известного под названием «научная фантастика». До середины XIX в. этот литературный жанр находился по существу в зародыше и играл в развитии концепций будущего относительно скромную роль. Зато во второй половине XIX в. произошел взлет: стали появляться не просто романы-фантазии о будущем, полусказки-полуутопии, а научно-фантастические произведения (Ж. Верна, Фламмариона, Уэллса и др.). Их авторы выступали во всеоружии средств современной им науки, экстраполируя тенденции развития науки, техники, культуры (с помощью чисто художественных приемов) на сравнительно отдаленное будущее.

Это знаменовало важный сдвиг в развитии представлений о будущем, поскольку обеспечивало им массовую аудиторию и существенно расширяло диапазон взглядов на конкретные проблемы будущего. Такую роль научная фантастика сохранила и поныне (произведения Брэдбери, Кларка, Шекли, Саймака, Мерля, Абэ, Лема, И. Ефремова и др.). С одной стороны, ее технические приемы используются в методиках современного прогнозирования (например, при конструировании некоторых видов

прогнозных сценариев). С другой стороны, она знакомит с проблематикой прогнозирования широкие круги читателей. Важно подчеркнуть, однако, что научная фантастика не сводится к проблемам будущего, а является органической частью художественной литературы со всеми ее особенностями.

Второй «побочный эффект» — появление нового жанра научной публицистики в виде «размышлений о будущем» ученых или писателей, хорошо знакомых с проблемами современной им науки, попыток заглянуть в будущее средствами уже не только искусства, но и науки. Некоторые из них были позитивистами, но не удержались от соблазна нарушить одну из заповедей позитивизма — оставаться в рамках логических выводов из проведенного анализа, поддающихся эмпирической проверке тут же наличными средствами. Слишком велик был научный интерес к отдаленному будущему, суждения о котором заведомо выходили за рамки позитивистских догм того и даже более позднего времени.

Авторов «размышлений о будущем» интересовало большей частью не социальное будущее человечества вообще, а конкретные частные перспективы отдельных сторон научно-технического и лишь отчасти (в связи с ним) социального прогресса. Конкретное будущее энергетики и материально-сырьевой базы производства, промышленности и градостроительства, сельского хозяйства, транспорта и связи, здравоохранения и народного образования, учреждений культуры и норм права, освоения Земли и космоса — вот что оказывалось в центре внимания.

Сначала элементы этого нового жанра научной публицистики стали все чаще появляться в научных докладах и статьях, в утопиях и художественных произведениях, в очерках и т.п. Затем появились специальные произведения «о будущем»: «Год 2066» (1866) П. Гартинга, выступавшего под псевдонимом Диоскорида, «Через сто лет» (1892) Ш. Рише, «Отрывки из будущей истории» (1896) Г. Тарда, «Завтра» (1898) и «Города-сады будущего» (1902) Э. Говарда, доклад о будущем химии М. Бергло, «Заветные мысли» (1904—1905) Д.И. Менделеева, «Этюды о природе человека» (1903) и «Этюды оптимизма» (1907) И.И. Мечникова и др.

Наиболее значительной из такого рода работ явилась книга Г. Уэллса «Предвидения о воздействии прогресса механики и науки на человеческую жизнь и мысль» (1901). Фактический материал и оценки, содержащиеся в этой книге, разумеется, устарели. Но подход автора к проблемам будущего и уровень изложения почти не отличаются от аналогичных работ, вышедших на Западе не только в 20—30-х, но и в 50-х — начале 60-х годов XX в. Уэллс, как известно, находился в те годы и позднее под сильным влиянием идей марксизма. Но на его мировоззрение оказывали существенное влияние и другие направления утопизма. Поэтому его выводы социального характера следует отнести к Уэллсу — утопическому социалисту. Более конкретные выводы научно-технического характера, принадлежащие Уэллсу-футурологу, если рассматривать их с высоты наших дней, также обнаруживают свою несостоятельность в некоторых отношениях. Но нельзя забывать об условиях, в которых появилась эта книга. Для своего времени она, конечно же, была выдающимся событием в развитии представлений о будущем.

Традиция «размышлений о будущем» была подхвачена в 20-х годах на Западе множеством ученых и писателей, особенно молодых. Продолжая линию уэллсовских «Предвидений», молодой английский биолог (будущий член Политбюро Компартии Великобритании и один из крупнейших биологов мира середины XX в.) Дж. Б.С. Голдейн, только что окончивший тогда университет, написал брошюру «Дедал, или Наука и будущее» (1916). Эта брошюра спустя десятилетие, когда разгорелась дискуссия о принципиальной возможности планирования развития экономики и культуры, явилась основой серии более чем из ста брошюр по самым различным перспективным проблемам науки, техники, экономики, культуры, политики, искусства. Серия выходила в 1925—1930 гг. на нескольких языках под общим названием «Сегодня и завтра». В ней приняли участие многие деятели науки и культуры Запада, в том числе ряд молодых исследователей — будущие ученые с мировыми именами Б. Рассел, Дж. Джинс, Б. Лиддел-Гарт, Дж. Бернал, С. Радхакришнан и др. Серия вызвала дискуссию в мировой печати и значительно стимулировала интерес научной общественности к проблемам будущего.

Вместе с тем на Западе стали появляться и фундаментальные монографии о конкретных перспективах развития науки, техники, экономики и культуры. К числу наиболее значительных среди них можно отнести труды А.М. Лоу «Будущее» (1925), «Наука смотрит вперед» (1943), Ф. Джиббса «Послезавтра» (1928), Эрла Биркенхеда «Мир в 2030 году» (1930) и др.

Разумеется, ранняя футурология Запада не исчерпывалась перечисленными работами. С «размышлениями о будущем» видные деятели науки и культуры выступали все чаще и чаще. В 20-х и в начале 30-х годов поток футурологических работ нарастал, выражаясь количественно в десятках книг, сотнях брошюр и статей, не считая бесчисленных фрагментов в работах, посвященных текущим проблемам. Значительное место в этой литературе продолжал занимать Уэллс («Война и будущее» (1917), «Труд, благосостояние и счастье человечества» (1932), «Судьба Гомо сапиенс» (1939), «Новый мировой порядок» (1940), «Разум у своего предела» (1945). Он во многом предвосхитил футурологические концепции второй половины XX в.

В начале 30-х годов экономический кризис и надвигавшаяся мировая война отодвинули на задний план проблемы отдаленного будущего и буквально за несколько лет, к середине 30-х годов, свели почти на нет стремительно возраставший до того поток футурологической литературы. На первый план постепенно выдвинулись работы о грядущей войне — труды военных теоретиков Дж. Дуэ, Д. Фуллера, Б. Лиддел-Гарта и др.

«Размышления о будущем» были характерны не только для западной общественной мысли 20-х годов. В Советском Союзе под прямым или косвенным влиянием прогнозных разработок, связанных с планом ГОЭЛРО, такого рода литература также стала стремительно развиваться, причем в ней ясно различимы зародыши современных идей поискового и нормативного прогнозирования.

Важнейшее по значению место в этой литературе, как это очевидно теперь, заняла упоминавшаяся уже серия брошюр Циолковского («Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1926) — исправленное и дополненное издание работ 1903 и 1911 гг., «Монизм

вселенной» (1925), «Будущее Земли и человечества» (1928), «Цели звездоплавания» (1929), «Растение будущего и животное космоса» (1929) и др.). Эти работы выходили далеко за рамки научно-технических аспектов космонавтики и вносили значительный вклад в развитие представлений о будущем.

Большая группа работ была посвящена перспективным проблемам градостроительства (работы Л.М. Сабсовича «СССР через 15 лет» (1929), «Города будущего и организация Социалистического быта» (1929), «Социалистические города» (1930), а также Н. Мещерякова «О социалистических городах» (1931) и др.). Десятки брошюр и сотни статей касались перспектив развития энергетики, материально-сырьевой базы промышленности и сельского хозяйства, транспорта и связи, населения и культуры, других аспектов научно-технического и социального прогресса. Появилась и первая обобщающая советская работа по данной проблематике под редакцией А. Анекштейна и Э. Кольмана — «Жизнь и техника будущего» (1928).

В конце 1935 г. А.М. Горький выступил с предложением подготовить многотомное издание, посвященное итогам первых пятилеток. Один из томов должен был содержать развернутый прогноз развития страны на 20—30 лет вперед. В работе над томом принимали участие крупные деятели науки, литературы, искусства (А.Н. Бах, Л.М. Леонов, А.П. Довженко и др.). К сожалению, впоследствии научная и публицистическая работа в этом направлении на долгие годы почти совершенно заглохла. Она возобновилась лишь во второй половине 50-х годов.

Лекция 4

ИСТОРИЧЕСКИЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ПАРАДИГМЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ

В 1924—1928 гг. выдающийся русский экономист В. А. Базаров-Руднев, один из плеяды блестящих российских умов первой трети XX в. (А. Богданов, К. Циолковский, Чижевский и др.), выступил с серией статей, в которых сформулировал принципиально новый подход к будущему. Ему, в те годы научному сотруднику Госплана СССР, пришлось участвовать в предплановых разработках первой советской пятилетки (1928—1932). И ему первому пришла в голову мысль, сделавшаяся впоследствии, уже после его смерти, одним из наиболее значительных научных открытий XX в. Ему предстояло дать прогноз-предсказание (иного подхода тогда не знали, да и сейчас подавляющее большинство политиков и экономистов не знает), как будет выглядеть Россия через 10—20 лет. И вот его одолели сомнения: если он дает такую «картину будущего», то тогда к чему планирование? Ведь достаточно просто ориентироваться на этот «маяк». И наоборот, если разрабатывается план — к чему какие-то предсказания? Результатом его размышлений стало предложение заменить прогноз-предсказание двумя качественно новыми типами прогнозов — генетическим (впоследствии ставшим известным под названием эксплораторного, или поискового): выявлением назревающих проблем путем логического продолжения в будущее тенденций, закономерности которых в прошлом и настоящем

достаточно хорошо известны; а также телеологическим (впоследствии — нормативным) — выявлением оптимальных путей решения перспективных проблем на основе заранее заданных критериев.

Работы Базарова были не поняты современниками, остались неизвестными на Западе и были введены в научный оборот только более полувека спустя, в 80-х гг. Но спустя 30 лет в точно такой же ситуации оказались американские эксперты (Т. Гордон, О. Гелмер и др.), которым поручили разрабатывать прогноз-предсказание, какими станут США и мир через 15 лет, после реализации разрабатывавшейся в конце 50-х — начале 60-х гг. программы «Аполлон», предусматривавшей высадку американских космонавтов на Луну, а фактически закладывавшей основу превосходства ракетного потенциала США в космосе, что и привело в конечном счете к выигрышу США в гонке вооружений, составлявшей суть третьей («холодной») мировой войны и капитуляции в ней СССР (1989 г.)

Американские ученые, понятия не имевшие о трудах Базарова, тоже долго им учились с диалектикой соотношения предвидения (прогноза) и управления (плана, программы, проекта). И, наконец, пришли к тому же выводу, что и Базаров: предложили концепцию эксплораторного и нормативного прогнозирования. Но, разумеется, технологическое прогнозирование создавалось не на пустом месте.

Заторможенное Второй мировой войной развитие концепций будущего постепенно вновь набрало силу и развернулось с конца 40-х и на протяжении 50-х годов. Три фактора (в отношении стран Запада) способствовали этому. Во-первых, появление концепции научно-технической революции (НТР) и ее далеко идущих социально-экономических последствий, сформулированной в трудах Дж. Бернала, Н. Винера, а затем популяризированной в массе книг, статей и брошюр, в частности в книге австрийского публициста Р. Юнгка «Будущее уже началось» (1952), выдержавшей до 1970 г. десятки изданий. Во-вторых, разработка техники поискового и нормативного прогнозирования, которое поставило прогностику на службу управлению. В-третьих, становление соответствующей философской базы как основы новых концепций будущего (индустриализм, экзистенциализм, структурализм, неопозитивизм, социал-реформизм, тейярдизм, теория конвергенции и т.д.).

Концепция НТР подняла вопрос о революционных, качественных изменениях в жизни человечества на протяжении ближайших десятилетий. Соподчинение прогнозирования и управления вызвало к жизни второй по счету (после 20-х годов) «бум прогнозов» — появление в первой половине 60-х годов сотен научных учреждений или отделов, специально занимавшихся разработкой «технологических прогнозов». Новейшие течения западной философии создали мировоззренческий «фон» — набор понятий, категорий, теоретических предпосылок, перспективных тенденций, социальных норм и т.д., необходимых для конструирования концепций будущего.

В конце 40-х и на протяжении 50-х гг. в постепенно разраставшемся потоке западной «литературы о будущем» продолжали преобладать книги, брошюры, статьи, весьма похожие на те, которые выходили в 20-х — начале 30-х гг. или даже ранее и о которых мы упоминали выше. В это время еще давали о себе знать традиционные концепции, связанные с предшествовавшим и более ранними этапами развития представлений о

будущем, когда будущее, даже отдаленное, рисовалось обычно в виде технических новшеств, без существенных социально-экономических изменений. Еще не наблюдалась связь представлений о будущем с концепцией научно-технической революции и ее социально-экономических последствий, с теориями индустриализма, все это тогда еще только складывалось. Однако в отличие от предыдущего этапа сознание того, что будущее несет с собой не только технические новшества, что изучать его необходимо во всеоружии современной науки, начинало распространяться уже в те годы.

Книги французского социолога Ж. Фурастье «Цивилизации 1960 года» (1947), «Великая надежда XX века» (1949), «История будущего» (1956), «Великая метаморфоза XX века» (1961), английских ученых А. Томсона «Предвидимое будущее» (1955, рус. пер. 1958), А. Кларка «Черты будущего» (1962, рус. пер. 1966) и другие ничем существенно не отличались от книг Г. Уэллса, А. Лоу, Ф. Джиббса, менялся в основном лишь научно-технический «фон» по мере все новых открытий в науке и технике.

Однако уже в те годы на Западе началась интенсивная разработка философских, экономических и социологических концепций, которые составили идейную основу буржуазной теории индустриализма. Уже в 1958 г., после серии постановочных статей, видный американский экономист и социолог У. Ростоу выступил в Кембриджском университете с курсом лекций, на основе которого в 1960 г. появилась его нашумевшая книга «Стадии экономического роста. Некоммунистический манифест». Почти одновременно начал работу над книгой «Новое индустриальное общество» (издана в 1967 г., рус. пер. 1969) другой видный американский экономист и социолог Дж. Гэлбрейт, известный уже в 50-х гг. своими докладами, статьями и книгами «Американский капитализм: концепция уравнивающей силы» (1952), «Общество изобилия» (1958), «Час либерализма» (1960) и другие. С докладами и статьями того же плана выступили также французские социологи Р. Арон и А. Турэн, американский социолог Д. Белл. Их работы были обобщены в книгах «18 лекций об индустриальном обществе» (1962) и «3 очерка об индустриальной эпохе» (1966) Р. Арона, «Постиндустриальное общество» (1969) А. Турэна, «Навстречу 2000 году» (1968), «Наступление постиндустриального общества» (1973) и «Противоречия культуры капитализма» (1976) Д. Белла.

В основе теоретической концепции индустриализма лежит предпосылка: уровень социально-экономического развития страны определяется не общественно-экономической формацией на той или иной стадии ее развития, а промышленным потенциалом. Нашлась и «единица измерения» — величина валового национального продукта (ВНП) на душу населения. Если ВНП не превышает сотни-другой долларов в год, как в подавляющем большинстве стран Африки, Азии и Латинской Америки, на них наклеивается ярлык «доиндустриального общества» (независимо от общественного строя, от того, является ли страна колонией, подчинена ли ее экономика монополиям развитых капиталистических стран, вступила ли она на путь некапиталистического развития, относится ли к странам победившего их социализма). Если ВНП составляет много сотен долларов, значит, страна находится на стадии перехода от «доиндустриального» к «индустриальному» обществу (опять-таки независимо от общественного строя). Если ВНП составляет несколько тысяч долларов, как это имеет место

в экономически развитых странах Северной Америки, Европы, а также в Японии, Австралии и Новой Зеландии, Южной Африке и других, то появляется ярлык «индустриального общества» — капиталистического или социалистического (с точки зрения теории индустриализма, безразлично). Но ВВП растет почти во всех без исключения странах мира. С помощью инструментария «технологического прогнозирования» нетрудно подсчитать, какой величины достигнет он в такой-то стране к такому-то году при наблюдающихся темпах роста экономики (напомним, что до экономического кризиса 70-х гг. темпы этого роста в странах Запада на протяжении 50-х и 60-х гг. были относительно высоки). Что же произойдет, если при подобном допущении ВВП на протяжении грядущих десятилетий увеличится в развивающихся странах с десятков до сотен и с сотен до тысяч долларов в год на душу населения, а в развитых странах — с тысяч до десятков тысяч? Ответ теоретиков индустриализма; в таком случае «доиндустриальное» общество независимо от общественного строя поднимается на ступень «переходного к индустриальному», последнее, в свою очередь, на ступень «индустриального», а оно — на еще более высокую, невиданную доселе ступень «постиндустриального общества». Это и будет будущее, которое, по мнению «индустриалистов», ожидает человечество к XXI в.

Пожалуй, наиболее полно эта линия была проведена в книге директора Гудзоновского института — одного из ведущих прогностических центров США — Г. Кана и его сотрудника А. Винера «Год 2000». Книга была подготовлена на протяжении 1964—1966 гг. в рамках работы «Комиссии 2000 года» Американской академии наук и искусств под председательством Д. Белла, издана в 1967 г. и вплоть до 1970 г. оставалась в центре внимания западных футурологов.

Авторы выстроили страны мира по «лестнице» величины ВВП на душу населения. На самой верхней ступеньке оказались США. Под ними цепочкой — в зависимости от этого своеобразного «имущественного ценза» — помещались развитые капиталистические и социалистические страны, а далеко в отрыве от них — страны Латинской Америки, Азии и Африки. С этой позиции смысл развития каждой страны представлялся как перемещение вверх по ступенькам «лестницы ВВП» и где-то в более или менее отдаленной перспективе — достижение современного уровня США, которые предстают неким «венцом творения», подобно тому, каким рисовалась Гегелю прусская монархия середины прошлого века. Кан и Винер разделили страны мира на пять категорий: «доиндустриальные» (до 200 долл. ВВП на душу населения), «переходные» (200—600 долл.), «индустриальные» (600—1500 долл.), «высокоиндустриальные» (1500—4000 долл.) и «постиндустриальные» (свыше 4000 долл.). Затем определили наиболее вероятные, на их взгляд, темпы роста ВВП этих стран при наблюдаемых тенденциях. Наконец, скрупулезно подсчитали, сколько лет понадобится при данных темпах роста той или иной стране для перехода в следующую категорию и в конечном счете — для достижения уровня США 60-х гг. Получилось, что даже «высокоиндустриальным» странам необходимо якобы для этого от 11 до 42 лет, а «доиндустриальным» Китаю — 101 год, Индии — 117 лет, Мексике — 162 года, Нигерии — 339 лет, Индонезии — 593 года!

Дело даже не в том, насколько верны эти подсчеты, хотя уже сейчас очевидно, что они оказались несостоятельными. Вызывала и вызывает принципиальные возражения (причем не только у марксистов) сама концепция будущего, согласно которой мир XXI века представляется большим или меньшим приближением к уровню США 60-х годов, а сами США — избавленными от бед сегодняшнего дня путем перехода в «постиндустриальную» категорию. А ведь авторы не просто подсчитывают количество долларов на «среднюю» душу населения. Их концепция подразумевает, что по мере приближения к уровню США одна страна мира за другой, невзирая на существующий в них общественный строй, будут все более уподобляться Соединенным Штатам и в экономическом, и в социальном отношении.

Трудно представить себе, что в мире XXI века, каким его рисует нам современное социальное прогнозирование, в мире нарастающей борьбы различных социально-политических сил, окончательного превращения науки в мощную непосредственную производительную силу, в мире триумфального шествия автоматизации и электроники, намного более высокой производительности труда и, как следствие этого, в высшей степени реальной возможности создания изобилия (или по меньшей мере достатка) важнейших материальных благ, что в этом мире народы стран Азии, Африки и Латинской Америки откажутся от своей борьбы против отсталости, нищеты, развитые страны уподобятся современным США со всеми хорошо известными «прелестями» пресловутого «американского образа жизни», а сами США неведомо каким образом избавятся от своих проблем и превратятся в некий недостижимый идеал для всех остальных стран.

Многие десятилетия после выхода в свет книги Кана и Винера демонстрируют нам категорическое «нет» по всем перечисленным пунктам. Есть все основания полагать, что грядущее десятилетие даст еще более веские подтверждения несостоятельности гипотез, заложенных в основу теории «постиндустриального общества».

Сказанное вовсе не означает недооценки экономического фактора в определении перспектив развития той или иной страны, в том числе недооценки таких важных показателей экономического роста, как увеличение ВВП вообще и на душу населения — в частности. Большое значение имеет и то, как производится и распределяется ВВП. Не менее важны место и роль произведенных благ в общей системе социальных потребностей, которая в условиях научно-технической революции претерпевает серьезные изменения.

То, что США и другие развитые страны достигли относительно высокого уровня ВВП в расчете на «среднюю» душу населения, никак не заслоняет того факта, что миллионы людей в этих странах обездолены, живут в бедности или на грани бедности. Известно, что «верхние сто семей» — горстка миллиардеров в каждой из этих стран располагает львиной долей национального богатства, что на «верхние 10 процентов» населения приходится до половины национального богатства, тогда как «нижние 10 процентов» составляют прозябающие в нищете бедняки и еще по меньшей мере столько же находятся у черты официально установленного прожиточного минимума, т.е. едва сводят концы с концами.

Невольно вспоминается старая шутка статистиков о том, что если кто-то съел курицу, а другой лег спать голодным, то в среднем с точки зрения

статистики на каждого пришлось по полкурицы. В эту шутку сегодняшняя действительность вводит лошадиную дозу правды.

С другой стороны, валовой национальный продукт — это все, что производится в стране, а производится много такого, что весьма затруднительно безо всяких оговорок связать с благосостоянием людей. По замечанию одного из западных экономистов, ВВП, помимо всего прочего, включает в себя также стоимость пистолета и ножа, с помощью которых тебя ограбили на улице.

Экстраполируя, по примеру Кана и Винера, такую тенденцию на будущее, получили астрономическую величину. Как это скажется на бюджете «средней» семьи в странах Запада, не говоря уже о бедняках? Какую долю займут в этом бюджете столь же быстро растущие расходы на алкоголь, табак, наркотики, порнографию и другие вещи, деликатно относимые к категории псевдопотребностей? Как будет выглядеть в этом свете рост материального благосостояния: в XX в. — дом и машина, в XXI в. — два дома и две машины, в XXII в. — три дома и три машины и т.д.? Как будет выглядеть духовное благосостояние? Не окажется ли «постиндустриальное общество» ухудшенной копией современного, с более изощренной техникой (особенно военной), но с более низким уровнем реального материального и духовного благосостояния людей?

Эти и им подобные вопросы с нарастающей остротой зазвучали в том вихре полемики, которая поднялась вокруг книги Кана и Винера, вообще вокруг теорий индустриализма. В условиях растущих нападок, которым подверглась концепция «постиндустриального общества», ее сторонники вынуждены были существенно усложнить свои теоретические положения, прибегнув к более изощренной аргументации и обратившись, помимо ВВП на душу населения, к более широкому кругу социальных показателей.

Прежде всего, подверглись пересмотру показатели социальной структуры «постиндустриального общества». Была выдвинута на первый план производственно-профессиональная структура общества, соотнесенная с концепцией «трех индустрии» (первичная — сельское и лесное хозяйство, рыболовство, добывающая промышленность, вторичная — обрабатывающая промышленность, третичная — сфера обслуживания и духовного производства).

В контексте теорий индустриализма получалось, что если для «доиндустриального общества» характерно подавляющее преобладание и по доле занятых, и по доле ВВП (до 90% и выше) «первичной индустрии», а для «индустриального» — все более стремительный рост удельного веса вторичной и особенно третичной «индустрии» за счет первичной, то для «постиндустриального общества» по такой логике должен был стать характерным полный переворот пропорций (табл. 1).

Таблица 1

Производственная структура	«Доиндустриальное общество», %	«Индустриальное общество», %	«Постиндустриальное общество», %
«Первичная индустрия»	90—60	60—10	10—1
«Вторичная индустрия»	9—30	30—30	30—9

«Третичная индустрия»	1—10	10—60	60—90
--------------------------	------	-------	-------

Иными словами, доля занятых в сельском хозяйстве и добывающей промышленности сокращалась до величины приблизительно одного процента, доля занятых в обрабатывающей промышленности — до величины примерно десятка процентов, а остальные девяносто приходились на сферы обслуживания и духовного производства.

Эта «картина будущего» была дополнена аналогичной схемой эволюции образовательно-квалификационной структуры общества. Если в «доиндустриальном обществе» на каждого дипломированного специалиста с высшим образованием приходилось по меньшей мере сто низкоквалифицированных работников, а на каждого грамотного — по меньшей мере, десяток неграмотных, то в «постиндустриальном обществе» дипломированными специалистами окажется подавляющее большинство работников общественного производства (до девяти десятых и выше), недипломированными остается меньшинство, а уж неграмотными — и вовсе ничтожная часть уходящих на пенсию стариков. Получается примерно такое же соотношение, как в табл. 1.

Большое внимание было обращено также на показатели социально-демографической структуры общества. Для «доиндустриального общества» характерна относительно высокая рождаемость (постепенное снижение приблизительно 5—3%), смертность (3—2%) и естественный прирост населения (3—2%), «симметричная» возрастная структура (около половины нетрудоспособных детей и около половины трудоспособных взрослых с ничтожным процентом нетрудоспособных стариков) и низкая средняя продолжительность жизни (менее 50 лет). Для «индустриального общества» характерно падение смертности (2—1%), нарастающее падение рождаемости (3—1 %) и соответствующее падение естественного прироста, приближающегося к нулю, «постарение» возрастной структуры с резким уменьшением доли детей и со столь же резким возрастанием доли престарелых, существенный рост средней продолжительности жизни (до 70 лет и выше). Экстраполируя эти тенденции на будущее, теоретики индустриализма делали вывод, что «постиндустриальное общество» в данном плане будет отличаться уравниванием рождаемости и смертности, прекращением естественного прироста населения («нулевым приростом»), уменьшением в возрастной структуре доли детей до 25—15% с увеличением за этот счет доли стариков до аналогичной величины (15—25%), ростом средней продолжительности жизни до 80—90 лет.

Показатели социальной структуры общества были дополнены показателями эволюции «типичного» денежного бюджета «средней» семьи и бюджета времени работников общественного производства.

В «доиндустриальном обществе», доказывали «индустриалисты», львиная доля расходов в бюджете семьи (до 9/10 и выше) приходилась на продукты питания, поскольку домотканая одежда, хижина и примитивный транспорт не требовали особенно больших расходов, а культура развивалась почти целиком на началах самообслуживания. В «индустриальном обществе» доля расходов на питание неуклонно снижается, за ее счет растут расходы на одежду, а особенно на жилище, транспорт, культуру. Экстраполируя эту тенденцию на отдаленное будущее, «индустриалисты»

предсказывали падение доли расходов на питание и одежду в «постиндустриальном обществе» до ничтожной величины примерно нескольких процентов и рост за этот счет доли расходов на жилище, транспорт и культуру до колоссальной величины, сопоставимой с долей расходов на питание в «доиндустриальном обществе».

Точно так же поступали они и в отношении структуры рабочего года. Для «доиндустриального общества» характерен примерно 3500—4000-часовой рабочий год, т.е. 52 шестидневные рабочие недели по 10—12 и более часов работы в день, с 10—15 праздничными днями в году, но без оплачиваемых отпусков. В «индустриальном обществе» рабочий год сокращается более чем на половину: до 48—50 пятидневных 40-часовых рабочих недель по 8 часов работы в день с 2—4-недельным отпуском. Экстраполируя и эту тенденцию на отдаленное будущее, «индустриалисты» предсказывали сокращение рабочего года в «постиндустриальном обществе» еще, по меньшей мере, вдвое, в результате чего он может выглядеть, например, как 40—42 четырехдневные рабочие недели по 6—7 часов работы в день с 10—12-недельным отпуском.

При таком подходе абстрактные десятки тысяч долларов ВВП на душу населения расшифровывались в конкретных чертах будущего «постиндустриального общества», где в сельскохозяйственном и промышленном производстве трудится не более одной десятой населения, а остальные девять десятых заняты в сферах обслуживания и духовного производства («общество изобилия»), где подавляющее большинство взрослого населения имеют специальное высшее образование и являются дипломированными специалистами, где преодолена сложность современной демографической ситуации с ее шатанием от «демографического взрыва» (лавинообразного роста населения) в развивающихся странах до депопуляции (сокращение рождаемости до уровня, не способного компенсировать смертность) в странах развитых, где установилось простое воспроизводство населения (рождается столько же, сколько умирает), где подавляющая расходная часть денежного бюджета людей идет не на питание и одежду, а на благоустройство жилища, транспорт, культуру («общество массового потребления»), наконец, где люди трудятся не более тысячи часов в год по сравнению с двумя тысячами теперь и четырьмя тысячами столетием раньше, где их свободное время в несколько раз больше современного («общество досуга»).

Это была очень броская рекламная картина «общества будущего». И, тем не менее, она подверглась такой же ожесточенной критике со стороны представителей других направлений общественной мысли, какую выдержала незадолго перед тем книга Кана и Винера.

Лекция 5

«АНТИФУТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЛНЫ»

А. ТОФФЛЕР

Критика теорий индустриализма вообще и концепции «постиндустриального общества» в частности развернулась еще в первой половине 60-х гг., когда открыто апологетическое течение футурологии, выступавшее под этим знаменем, было преобладающим, «задавало тон», активно атаковало слабые в то время оппозиционные течения. Среди

последних выделялись по значению два, одно из которых можно условно назвать «реформистским» или «конвергенционистским», а для другого самым подходящим названием было бы «апокалипсическое», ибо оно на новый лад толковало старое учение о «конце света». Оба течения едва теплились, да и то преимущественно в Западной Европе. Никому из наблюдателей того времени и в голову прийти не могло, что пройдет всего несколько лет, и господствующее течение потерпит сокрушительное фиаско.

Представители «конвергенционистского» течения, опиравшиеся преимущественно на теоретические воззрения социал-реформистского характера, сомневались в совместимости социально-экономических последствий научно-технической революции с сохранением капитализма в его современном виде и выступали за то, чтобы реформировать его, «приспособить» к будущему путем усиления в нем социалистических начал вплоть до полной «конвергенции» с социализмом (предполагалось, что и в социализме будут усиливаться либерально-демократические начала). Это течение привлекало сторонников критикой пороков буржуазного строя. Типичное произведение этого направления — книга западногерманского социал-демократа профессора Ф. Бааде «Соревнование к 2000 году» (1960, рус. пер. 1962).

Кризис «мировой системы социализма» привел к полному исчезновению этого течения.

Со своей стороны, представители «апокалипсического» течения, опиравшиеся преимущественно на философию экзистенциализма, тейярдизма или неопозитивизма, вообще сомневались в совместимости социальных последствий научно-технической революции с дальнейшим существованием человечества и расходились только по вопросу о том, когда и как именно погибнет современная западная цивилизация. Типичное произведение этого направления — книга западногерманского философа-экзистенциалиста К. Ясперса «Атомная бомба и будущее человечества» (1962). Это течение, поначалу даже еще более слабое и еще менее авторитетное, чем предыдущее, выдвинулось вскоре на первый план, однако претерпело при этом серьезные изменения.

Как уже говорилось, вплоть до 1970 г. «Год 2000» Кана и Винера продолжал находиться в центре внимания футурологов. В пылу дебатов мало кто заметил, что обстановка уже с 1967—1968 гг. начала изменяться и примерно к 1971—1972 гг. изменилась радикально. На господствующее течение в этот период обрушились три «антифутурологические волны» такой силы, что его буквально смыло с «переднего края» футурологии. Плохо пришлось и конвергенционистскому течению, представители которого были деморализованы и, можно сказать, почти начисто стушевались.

Начало сдвигу было положено всем памятными политическими кризисами конца 60-х годов, молодежными «бунтами» и т.д. Эти кризисы привели в действие механизмы цепной реакции сложного ряда социальных, политических и идеологических последствий, в том числе вызвали «антифутурологические» настроения.

Первая «антифутурологическая волна» была связана с растущей тревогой мировой общественности по поводу прогрессирующего загрязнения окружающей природной среды. Она нарастала исподволь, долгие годы, а в конце 60-х гг. обрушилась лавиной. Здесь, видимо, сыграли

роль многие факторы: и стремительный рост масштабов загрязнения у всех на глазах, и те весомые «капли», которые переполняют чашу терпения людей, и безотрадные прогнозные данные на будущее с первых же шагов «технологического прогнозирования», которые стали достоянием гласности, и попытки некоторых политиканов нажить себе политический капитал на тревоге и недовольстве общественности, и стремление монополий нажить себе на том же самом уже не только один политический капитал, и попытки правящих кругов западных стран переключить внимание общественности с политико-экономических проблем на экологические, и многое другое.

Как бы то ни было, факт остается фактом: «экологическая волна» конца 60-х — начала 70-х гг. взметнулась сотнями книг и тысячами статей в защиту природы, сделалась предметом страстных дискуссий, предвыборных кампаний и парламентских распрей. Она была умело использована монополиями в их междоусобной борьбе, привела к возникновению на Западе специальных правительственных учреждений по охране природы и решительно подорвала в глазах западной общественности престиж мажорных прогнозов. Стало «неприличным» говорить о каком-то безоблачном «постиндустриальном обществе», игнорируя общую тревогу насчет того, что станет с Землей. «Никакой футурологии без экологии» — эти слова, произнесенные на одной из научных конференций в те годы, можно было бы поставить эпиграфом к новому этапу эволюции футурологии.

Достаточно сравнить книгу Кана и Винера, допустим, с книгой американского социолога Р. Фолка «Наша планета в опасности» (1971) — настоящим набатом тревоги, заглушавшим ликующие фанфары прежних лет, чтобы убедиться в том, насколько существенно было дискредитировано в глазах мировой общественности господствовавшее течение.

Вторая «волна» накатила буквально следом за первой. Начались поиски «виновника» загрязнения природной среды. Таковым была признана энергетика, основанная на сжигании невозполнимых ресурсов нефти, газа и угля; материально-сырьевая база с ее «вскрышными разработками» и сведением лесов на миллионах гектаров; промышленность, захватывающая сельскохозяйственные угодья, отравляющая воду и воздух; автотранспорт, соревнующийся с промышленностью в отравлении воздуха, убивающий сотни тысяч и калечащий миллионы людей ежегодно; конвейеры на заводах, изматывающие и отупляющие рабочих; «сверхурбанизация», приводящая к противоестественному скоплению многомиллионных масс людей в гигантских «супергородах» — мегалополисах и т.д. Развернулась кампания по «оцениванию технологии», повторившая все перипетии экологической кампании вплоть до создания международной ассоциации и правительственных учреждений специально по этой проблеме. О размахе и характере движения можно судить, например, по книге американских футурологов М. Сетрона и Б. Бартока «Оценивание технологии в динамической среде» (1974).

«Технологическая волна» по накалу страстей и скорости нарастания первоначально грозила перехлестнуть первую, но в конечном итоге примерно к середине 70-х гг. слилась с ней. Ее значение трудно переоценить. Ведь, по сути дела, ставился вопрос о качественно новой концепции научно-технического прогресса как в принципе управляемого

явления. Ясно, что от того, как сложится эта концепция, во многом будет зависеть характер дальнейшей эволюции футурологии.

Перефразируя приведенное выше высказывание одного из участников футурологических конференций, можно сказать, что лозунгом начала 70-х гг. на Западе сделался тезис — «Никакой футурологии при современной технологии». Это тоже было тягчайшим ударом по господствовавшему течению, которое целиком базировалось на «современной технологии» и оптимистично проецировало в будущее наблюдавшиеся тенденции развития научно-технического прогресса.

Третья «волна» возникла почти одновременно со второй. Она выразилась в оживлении давно существовавшего на Западе антисциентистского течения с его отрицанием науки как конструктивной формы общественного сознания, обвинениями в ее адрес, сводившимися к тому, что якобы именно она породила гонку вооружений, развитие атомного, химического, бактериологического оружия массового поражения, загрязнение природной среды, демографический и информационный «взрывы», многочисленные тупики и кризисы середины XX века. Представители этого течения обвиняют ученых в том, что они якобы превратили науку в некую «священную корову», в нечто вроде новой религии и ведут привольную жизнь новоявленных жрецов, которых не трогают тревоги и беды человечества. Отсюда — призывы «упразднить науку», заменить ее новыми формами общественного сознания, какими именно — неясно даже авторам подобных призывов.

Отзвуки подобных настроений можно было обнаружить, например, в выступлениях американского священника Дж. Платта, сведенных в его книгу «Шаг к человеку» (1966). «Экологический» и «технологический» кризисы дали такого рода взглядам как бы второе дыхание. Число выступлений в этом духе резко возросло. Правда, и третья «волна» вскоре слилась с первой. Но свою роль в подрыве «кредитоспособности» господствовавшего течения — лучшей мишени с антисциентистских позиций трудно было и придумать! — она также сыграла.

Под этими ударами облик футурологии стал заметно меняться. Господствовавшее течение осталось преобладающим по числу представителей и произведений, но оказалось дискредитированным, оттертым на второй план в глазах западной общественности и претерпело немаловажные изменения. Оставаясь в принципе на своих прежних позициях, его представители учли новую конъюнктуру, включив в свои концепции мотивы «экологического кризиса», «переоценки технологии», а иногда и антисциентизма. Они сделали гораздо более изощренной свою аргументацию и намного убавили мажорный тон прогнозов. Это относится даже к последующим работам Г. Кана — наиболее радикального и «стойкого» представителя данного течения, в частности, к его книгам, вышедшим в те годы: «Растущая японская сверхдержава: вызов и ответ» (1970), «Грядущее: размышления о 70-х и 80-х гг.» (1972, в соавторстве с Б. Брюс-Бриггсом), «Следующие 200 лет» (1976, в соавторстве с У. Брауном и Л. Мартелем). В еще большей мере это относится к работам Д. Белла и других «постиндустриалистов».

Д. Белл представил свой доклад о «постиндустриальном обществе» на VII Международном социологическом конгрессе (Болгария, Варна, 1970), внеся некоторые поправки по сравнению с докладами на «Комиссии 2000

года» в 1965—1966 гг., опубликованными в сборнике «Навстречу 2000 году» (1968). Но времена настолько изменились, что частных поправок оказалось недостаточно.

Доклад Белла вызвал резкую заочную критику (сам автор на конгресс не явился). Социологи вынесли ему приговор: «Старомодно». Наверное, эта оценка не осталась для Белла безразличной. Во всяком случае на следующий год он выступил в журнале «Сэрвей» (1971, № 2) с большой статьей «Постиндустриальное общество: эволюция идеи», а в 1973 г. выпустил монографию «Приближение постиндустриального общества: экскурс в социальное прогнозирование». Здесь мы видим существенные новации.

Во-первых, уже не игнорируются, как это свойственно теориям индустриализма, принципиальные различия между капитализмом и социализмом. Подчеркивается нереальность их «конвергенции». За социализмом признается «право на существование», но только в определенной плоскости понимания, или, пользуясь терминологией автора, «оси исследования». Если иметь в виду «ось собственности» (на средства производства), то различают феодализм, капитализм и социализм. Если «ось собственно производства» — то доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное общество независимо от общественного строя. Если же «ось политики» — то демократическое и авторитарное общество. И так далее. Какая «ось» основная, определяющая, автор не указывает.

Во-вторых, отрицается прежняя монополия «валового национального продукта на душу населения» в качестве ключевого показателя развития общества. Выдвигается система социальных показателей, о которой говорилось в предыдущем разделе.

В-третьих, более определенно подчеркивается серьезность проблем, стоящих перед человечеством. Путь к «постиндустриальному обществу» рисуется не таким безоблачным, как прежде.

И все же новые работы Белла продолжали вызывать все более резкую критику со стороны его коллег. Чутко реагирующий на изменения конъюнктуры, журнал ассоциации американских футурологов «Футурист» (1973, № 6) поместил разгромную рецензию на новую книгу Белла. Автору предъявлялись обвинения в защите позиций «редукционистской» (читай — традиционно-рутинной) науки против «рождающейся целостной науки», в «предубеждениях, свойственных истеблишменту», в «завуалированном утопизме» (утопия «вечного капитализма») и даже, по существу, в прогностической непрофессиональности («ненастоящем футуризме»). Еще более резко критиковали книгу Белла его западные коллеги на VIII Международном социологическом конгрессе (Канада, Торонто, 1974), куда автор на сей раз явился сам, но доклада не представил и от участия в дискуссии воздержался.

Что касается Г. Кана, тоже пользовавшегося на Западе в 60-х гг. значительным авторитетом, то его критиковали еще сильнее. Теперь его атаковали не только сторонники мира, которые не могли забыть, как хладнокровно разбирал он в своей книге «О термоядерной войне» (1960) возможные варианты гибели человечества в атомной катастрофе, но и футурологи, весьма далекие как от марксизма, так и от пацифизма. Его обвиняли в полном несоответствии прогнозов, сделанных в трудах Гудзоновского института, реальным тенденциям развития человечества в последней трети нашего века.

Дело дошло до того, что англо-американский журнал «Фьючерс» (один из самых представительных органов западной футурологии, в редакционный совет которого входили Белл и Кан) поместил статью (1975, № 1) с убийственной критикой качества прогноза развития экономики Великобритании на 1980 г., разработанного Европейским отделением Гудзоновского института. Этот институт считался одним из самых высокопрестижных исследовательских центров на Западе по разработке социально-экономических и военно-политических прогнозов глобального масштаба. К его услугам прибегали (и прибегают) крупнейшие финансово-промышленные корпорации США, Японии, ряда стран Западной Европы. Институт все время расширял свою деятельность, создал Европейское (в Париже) и Азиатское (в Токио) отделения, включил в «сферу своей компетенции» огромные регионы от Палестины до Вьетнама и от Чили до Ирландии и, казалось, не имел никакого отношения к судьбе футурологии, занимаясь в основном практической разработкой прогнозов. Тем не менее и он не ушел от ударов, обрушившихся на господствовавшее течение. Его прогноз был публично объявлен несостоятельным!

Ничего подобного и представить себе нельзя было в 60-х гг., когда авторитет Белла и Кана как наиболее видных футурологов был на Западе абсолютно непререкаемым.

В своей последней книге — «Противоречия культуры капитализма» (1976) — Белл предостерегал, что при дальнейшем стихийном развитии событий «капитализм может уничтожить сам себя». В поисках «оптимизации» социальных процессов автор обращается к религии, как это уже неоднократно делали антисциентисты. Его новое произведение можно понять только в контексте дискуссий, вызванных концепциями, которые появились в начале 70-х гг. и которые нам предстоит рассмотреть в следующем разделе.

Сказанное относится не только к Беллу и Кану. Та же участь постигла конвергенционистское течение. Представители апокалипсического течения просто растерялись перед лицом бурного потока событий конца 60-х гг. и отошли на задний план в глазах общественности Запада. Их сменили новые, малоизвестные или даже вовсе неизвестные прежде люди. В центре внимания оказался «Футурошок» А. Тоффлера (1970).

Тоффлер ярким, образным языком публициста рассказал о том, как социальные последствия научно-технической революции развеивают в прах мир современного буржуа, все привычные каноны его социального времени и пространства, его социальной среды, социальных ценностей.

Бешено ускоряется темп жизни. Одежда, домашняя обстановка, все вещи, окружающие человека, сами по себе теряют прежнюю престижную ценность. Чем чаще человек может позволить себе их менять, тем выше его престиж в глазах «общества массового потребления». Начинается царство «вещей одноразового пользования». Исчезает прежнее обаяние «отчего дома». Каждая пятая американская семья в среднем ежегодно меняет место жительства! Для «современных кочевников» жилой дом превращается в «жилье одноразового пользования».

Разваливается социальный институт семьи и брака, тесный круг друзей. На каждые две свадьбы — один развод! «Друзей» меняют, как перчатки, по мере надобности в «нужных людях» для продвижения по службе или успеха в обществе. Растет не только проституция, но и просто

число безобразных оргий почти совершенно незнакомых друг другу людей. Появляется и тут же распадается множество «брачных коммун». Порнография становится «обычной» литературой, фотографией и кинематографией. Супругу, возлюбленную, друзей заменяют «знакомые одноразового пользования». Преступность, наркомания, массовая деморализация людей растут как на дрожжах.

Вместо привычного стиля жизни появляется множество разнообразных «стилей жизни», один другого экстравагантнее и возмутительнее, по прежним понятиям. Вместо привычных «солидных» фирм со строгой иерархией престижа и сфер компетенции служащих раскручивается калейдоскоп возникающих и исчезающих комитетов, центров, комиссий, институтов, корпораций, по-разному (иногда очень значительно) влияющих на развитие экономики, политики, культуры. Вместо стабильной «профильной» организации управления по отраслям возникает «проблемная» организация, каждый раз новая для решения каждой новой проблемы. Вместо привычной бюрократии и плутократии появляется невиданная прежде «адхократия» — «комитеты ад хок» (для данного случая), «калифы на час», которые на этот час оказываются важнее самых важных президентов и директоров.

Средства массовой информации — пресса, радио, телевидение, поглощающее кино и театр, — становятся средствами массового оглушения людей, бесцеремонной и бессмысленной манипуляции личностью человека. Искусство превращается в стремительно сменяющие друг друга модные кривлянья, в «потеху одноразового пользования». Наука, подбираясь к секретам управления развитием физического и психического облика человека, готовится поставить массовое оглушение людей и манипуляцию личностью на «научную» основу, ускоряет процесс превращения гомо сапиенс в какой-то кибернетический организм.

Все более неуютно чувствует себя человек в этом «безумном, безумном мире». Все чаще оказывается он в состоянии шока. А ведь все это, доказывает автор, только начало. Потому что это — не просто шок, а футурошок, шок от столкновения с будущим. Как же встретить этот «вызов будущего»? Тоффлер предлагает рецепты: во-первых, срочно развивать «исследования будущего», интегрировать прогнозирование — целеполагание — планирование — программирование — проектирование — управление в единую систему; во-вторых, начать «обучение будущему» в школах, университетах, по каналам массовой информации, знакомя людей, особенно молодежь, с социальными последствиями научно-технической революции, облегчая их «приспособление» к будущему; в-третьих, расширять практику социальных экспериментов, искусственно создавая «плацдарм для наступления на будущее».

Слов нет, и то, и другое, и третье немаловажно. Но столь же ясно, что одним лишь исследованием, преподаванием и социальным экспериментом беде не поможешь. Без изменения образа жизни любые попытки «наступления на будущее» остаются заведомо утопическими. Тем самым еще более усиливается впечатление безысходности «футурошока».

Все это, вместе взятое, произвело впечатление разорвавшейся бомбы. Динамика ВВП на душу населения, радужные миражи «постиндустриального общества», «конвергенция», экзистенциалистские стенания по поводу «отчуждения личности» — все это показалось сущим

вздором по сравнению с обрисовавшейся угрозой надвигающейся катастрофы. Почти два года вокруг книги Тоффлера кипели споры на тему о том, реальна ли грядущая катастрофа, и если да, то как ее избежать. Однако прошло лишь немногим более года — и появились книги, по сравнению с которыми Тоффлер выглядел таким же оптимистом, как ранее Белл и Канн по сравнению с ним самим.

Лекция 6

РИМСКИЙ КЛУБ И ЕГО РОЛЬ В ИССЛЕДОВАНИИ ПРОБЛЕМАТИКИ БУДУЩЕГО

В 1971 г. вышла книга, которой было суждено сыграть особую роль в эволюции футурологии на протяжении 70-х гг., явиться как бы первым межевым знаком между современным и предыдущим этапом этой эволюции. Поначалу она, в отличие от книги Тоффлера, прошла незамеченной. Книга называлась «Мировая динамика» (русский перевод 1979). Автор ее — Дж. Форрестер, специалист по теории управления, профессор Массачусетского технологического института (США) — был известен своими книгами «Индустриальная динамика: основы кибернетики предприятия» (1961, рус. пер. 1971) и «Динамика развития города» (1969, рус. пер. 1974), по общему мнению, никакого отношения к футурологии не имевшими. Третья книга Форрестера имела предысторию, без которой трудно понять ее сложную судьбу: она была написана в связи с деятельностью так называемого Римского клуба.

Римский клуб, получивший название по месту своей штаб-квартиры, был создан в 1968 г. по инициативе А. Печчеи, итальянского промышленника, члена правления фирм «Оливетти» и «Фиат», председателя Комитета Атлантической экономической кооперации (одной из экономических организаций НАТО). Печчеи пригласил около полусотни видных ученых, бизнесменов и общественных деятелей Запада (впоследствии их число было увеличено) регулярно собираться для обсуждения проблем, поднятых экологической и технологической «волной». Члены клуба объехали столицы многих стран мира, стремясь привлечь внимание правительств и общественности — прежде всего ученых — на серьезность этих проблем. Кроме того, клуб располагал достаточными средствами (через поддерживающие его фирмы), чтобы заказать специальные научные исследования по данной проблематике.

В июле 1970 г. на заседании клуба был обсужден очередной доклад, на этот раз — профессора Форрестера о его опыте моделирования социальных систем. Доклад произвел большое впечатление и был развернут в монографию, а группе молодых коллег Форрестера во главе с Д. Медоузом заказали исследование проекта по «глобальному моделированию» (в развитие положений Форрестера) с использованием ЭВМ.

Спустя год монография вышла в свет, исследование было завершено, и журнальный отчет о нем опубликован. Однако информация Форрестера и Медоуза на первых порах осталась попросту непонятой. Потребовалось около года, пока вышла книга группы Медоуза «Пределы роста» (рус. пер. 1971) и пока, наконец, до общественности дошло, что выводы Форрестера — Медоуза сенсационны, что по сравнению с ними апокалипсические

сентенции Тоффлера—сухая идиллия. Вот тогда-то, в конце 1972 г., взорвалась еще одна «футурологическая бомба».

Между тем Форрестер с самого начала говорил об очень серьезных вещах. Он предложил вычленив из сложного комплекса глобальных социально-экономических процессов несколько решающих для судеб человечества, а затем «проиграть» их взаимодействие на кибернетической модели с помощью ЭВМ совершенно так, как уже «проигрываются» противоречивые технологические процессы при определении оптимального режима работы какого-нибудь предприятия.

В качестве ключевых процессов в исследовании Форрестера—Медоуза были избраны рост мирового народонаселения, рост промышленного производства и производства продовольствия, уменьшение минеральных ресурсов и рост загрязнения природной среды. Моделирование с помощью ЭВМ показало, что при существующих темпах роста населения мира (свыше 2% в год, с удвоением за 33 года) и промышленного производства (в 60-х гг. 5—7% в год с удвоением примерно за 10—14 лет) на протяжении первых же десятилетий XXI в. минеральные ресурсы окажутся исчерпанными, рост производства прекратится, а загрязнение природной среды станет необратимым.

Чтобы избежать такой катастрофы, создать «глобальное равновесие», авторы рекомендовали резко сократить темпы роста населения и промышленного производства, сведя их к уровню простого воспроизводства людей и машин по принципу: новое — только взамен выбывающего старого (концепция «нулевого роста»).

С этих позиций уровень жизни, приближенно выражаемый величиной валового национального продукта на душу населения, не годился для обобщающего показателя. Форрестер предложил другой — «качество жизни», который к тому времени давно уже служил предметом дискуссий, а сам Форрестер трактовал его как интегральный показатель плотности (скученности) населения, уровня промышленного и сельскохозяйственного производства, обеспеченности минеральными ресурсами и загрязненности природной среды. Не менее важными для «качества жизни» признавались масштабы стрессовых ситуаций на работе и в быту, а также качество охраны здоровья. Наконец, высказывалось предположение, что в современных условиях уровень и качество жизни находятся в обратной зависимости по отношению один к другому: чем выше уровень жизни, связанный с темпами роста промышленного производства, тем быстрее истощаются минеральные ресурсы, быстрее загрязняется природная среда, выше скученность населения, хуже состояние здоровья людей, больше стрессовых ситуаций, т.е., в понимании автора, ниже становится качество жизни.

Позднее этот тезис подлил масла в огонь дискуссии по поводу содержания понятий «уровень», «стандарт», «качество», «стиль» и «образ жизни», разгоревшейся не Западе в середине 70-х гг. Но на первых порах он также остался незамеченным.

Сенсационной в концепции Форрестера — Медоуза стала не их трактовка качества жизни и даже не угроза глобальной катастрофы, а то, что в данном случае авторы апеллировали к авторитету не человеческого, но электронного мозга компьютера. И компьютер дал сигнал: впереди — катастрофа. Это-то и вызвало бурю полемики (продолжающейся, кстати, и до сих пор).

Встал вопрос, имеют ли право Медоуз и его сотрудники выступать от имени «всеведущего» компьютера и разыгрывать роль новоявленного «бога из машины» в стиле древнегреческих трагедий? Ведь ЭВМ работают по заданной программе, а программу задают люди. Правильно ли составлена программа и достаточно ли основательны теоретико-методологические принципы ее построения? Первый же развернутый ответ на эти вопросы гласил: нет.

В журнале «Фючерс» (1973, № 1 и 2) появилась серия статей, подготовленных сотрудниками группы по изучению политики в отношении науки во главе с Г. Коулом и К. Фримэном (Сассекский университет, Великобритания). В том же году статьи были опубликованы сразу несколькими издательствами в виде отдельных сборников. Серия открывалась статьей «Мальтус с компьютером». Далее во всех статьях Форрестера и Медоуза упрекали за попытку оживить неомальтузианство. Конкретно им предъявлялись обвинения:

- в порочности глобального подхода, не учитывающего существенных различий между отдельными странами, особенно между развитыми и развивающимися (процессы роста населения и промышленного производства, истощения минеральных ресурсов и загрязнения природной среды в разных странах идут по-разному);

- в ошибочности программ, заложенных в ЭВМ, поскольку они опирались на экстраполяцию тенденций, свойственных 60-м гг. (в 70-х гг. эти тенденции, как известно, начали меняться, а в 80—90-х гг. изменились еще радикальнее);

- в односторонности использования инструментария современной прогностики: было проведено преимущественно поисковое прогнозирование — продолжение в будущее наблюдаемых тенденций при абстрагировании от возможных решений, действия на основе которых способны радикально видоизменить эти тенденции; не получило развития нормативное прогнозирование — установление возможных путей достижения оптимального состояния процесса на основе заранее определенных социальных идеалов, норм, целей.

Последнее обвинение выглядело особенно тяжким, поскольку речь шла о соответствии сделанного прогноза требованиям современного прогнозирования социальных процессов, которое ориентировано не просто на предсказание, а на содействие оптимизации решений путем сопоставления данных поиска и норматива.

В том же номере «Фючерс» трибуна для ответа на критику была предоставлена авторам «Пределов роста». Медоуз и его сотрудники признали «некоторое несовершенство» своих моделей, но настаивали на правомерности использования их, пока не будут разработаны более совершенные. Они признавали односторонность своего подхода, но указывали, что при известных условиях и соответствующих оговорках глобальный подход вполне допустим и что в их книге имеются элементы и нормативного подхода.

С тех пор и по сей день оба подхода, как два знамени, обозначают две главные противоборствующие силы футурологии на современном этапе ее эволюции.

Главное же в том, что Медоуз и его коллеги обвиняли своих оппонентов в негативном подходе, поскольку те не предлагали позитивной

альтернативы. В особенности они возмущались тем, что их критики обрушились на две первые, предварительные части задуманной работы (на «Мировую динамику» и «Пределы роста»), не дождавшись двух последних, заключительных частей — коллективной монографии тех же авторов «Навстречу глобальному равновесию» (вышла за месяц до появления уже подготовленного к тому времени номера «Фьючерс» с серией критических статей) и подробного отчета об исследовании в целом под заглавием «Динамика роста в ограниченном мире» (1974).

Но эти обвинения уже не представляли особого интереса. К весне 1973 г. в разработку поисковых и нормативных моделей — альтернатив моделям Форрестера-Медоуза — включилось свыше десятка значительных исследовательских групп и ряд отдельных ученых. Число работ по этой проблематике стало расти, как снежный ком. «Бум прогнозов» начала и середины 60-х гг. сменился после «распутицы» конца 60-х — начала 70-х гг. «бумом глобальных моделей» середины 70-х гг.

В 1974 г. появилась следующая значительная работа того же ряда — второй доклад Римскому клубу, книга М. Месаровича (США) и Э. Пестеля (ФРГ) «Человечество на поворотном пункте». Ее авторы попытались преодолеть недочеты своих предшественников. Процесс моделирования был намного усложнен, главным образом за счет расширения имитационного и игрового инструментария. Чрезвычайно усилился нормативный аспект исследования. В центре внимания авторов оказалась разработка альтернативных нормативно-прогнозных сценариев разрешения назревающих проблем. Одна группа таких сценариев касается различных вариантов помощи развивающимся странам со стороны развитых, имея в виду ликвидацию растущего пока что разрыва между их промышленными потенциалами. Другая группа касается различных вариантов урегулирования отношений между странами — производителями и потребителями нефти. Третья — различных вариантов решения мировой продовольственной проблемы.

В отличие от Форрестера-Медоуза с их указанием на угрозу глобальной катастрофы и рекомендацией скорейшего перехода к «нулевому росту» общий вывод работы Месаровича-Пестеля таков: при сохранении существующих тенденций катастрофа ожидается прежде всего в ближайшие десятилетия в регионах, охватывающих развивающиеся страны мира; позднее она скажется и на развитых странах, которые и без того будут испытывать растущие трудности. Рекомендации: возможно скорее перейти не к «нулевому», а к «органическому росту», дифференцировав темпы роста в зависимости от уровня развития страны с увеличением помощи развивающимся странам и с упором на форсирование решения мировой продовольственной и нефтяной проблемы.

Авторы, как и их предшественники, исходили из незыблемости существующего строя. Утопичность их надежд на решение социальных проблем, стоящих перед человечеством при сохранении существующего положения вещей, очевидна. Не удивительно, что книга подверглась на Западе не менее жесткой критике, чем работы Форрестера-Медоуза.

В 1976 г. появились третий и четвертый доклады Римскому клубу — книги исследовательских групп под руководством Я. Тинбергена (Нидерланды) «Обновление международного экономического порядка» и Д. Габора (Великобритания) «За пределами века расточительства».

Первая книга, по существу, имеет в виду перестройку экономических отношений между развитыми и развивающимися странами мира. Общий вывод работы: при существующих тенденциях в ближайшие десятилетия разрыв между развитыми и развивающимися странами возрастет до катастрофических масштабов с угрозой полного развала экономики последних, гибели сотен миллионов людей от голодной смерти и с серьезными осложнениями международных отношений в целом. Рекомендации: существенно увеличить финансовую и продовольственную помощь развивающимся странам по линиям субсидий, займов и торговли с целью форсировать индустриализацию этих стран и оптимизировать их экономику на основе торможения гонки вооружений.

Вторая книга посвящена, в основном, проблемам и перспективам истощения минеральных ресурсов мира. Вывод: продолжение в будущем наблюдаемых тенденций неизбежно приведет к крушению существующего мирового топливно-энергетического и материально-сырьевого баланса. Рекомендации: оптимизация того и другого баланса путем максимально-возможного увеличения в них удельного веса возобновляемых ресурсов (как энергетических, так и материальных) при строжайшей экономии, распространении замкнутых циклов производства, многократном использовании вторичного сырья и т.д.

Как видим, дальнейшая разработка перспективных глобальных проблем идет по линии сужения и углубления исследований с целью получить более конкретные и содержательные рекомендации.

В 1977—1978 гг. вышел пятый доклад Римскому клубу — два тома исследовательской группы под руководством Э. Ласло (США) «Цели человечества». Как явствует из самого названия, внимание авторов сосредоточено здесь почти целиком на нормативной стороне прогнозирования. Первый том состоит из трех частей. В первой рассматриваются региональные аспекты целеполагания по восьми крупнейшим регионам мира. Заслуживает внимания то, что по каждой группе стран руководители исследования стремились привлечь специалистов данного региона, в том числе из Советского Союза и ряда других социалистических стран. Отдельно рассматриваются цели крупнейших международных организаций, многонациональных корпораций и главнейших мировых церквей. Вторая часть посвящена проблемному целеполаганию в области международной безопасности, продовольствия, энергетики и минеральных ресурсов, общего глобального развития. Особое внимание уделяется разрыву между целями различного профиля и уровня. В третьей части развывается призыв «совершить революцию в деле установления всемирной солидарности для достижения научно установленных глобальных целей». Это, пожалуй, наиболее слабая сторона работы, так как утопичность призывов к «всемирной солидарности» без серьезных социально-политических преобразований не вызывает сомнений. Второй том посвящен детальному изложению хода исследования.

Шестой доклад Римскому клубу — книга «Нет пределов обучению» (1979), подготовленная авторской группой в составе: Дж. Боткин (США), М. Эльманджра (Марокко) и М. Малица (Румыния) — посвящен перспективным проблемам народного образования, способного, по мнению авторов, значительно сократить разрыв в уровне культуры людей различных социальных групп, стран и регионов мира. Авторы считают, что

существующая система народного образования, если говорить о глобальных масштабах, стала анахроничной, неспособной содействовать решению труднейших задач, вставших перед человечеством, и прежде всего — способствовать ускоренному прогрессу экономики и культуры освободившихся стран. Они рекомендуют коренным образом реформировать систему народного образования, ориентируя ее на актуальные современные проблемы человечества, на понимание общеглобального характера этих проблем и вместе с тем серьезно совершенствуя процесс обучения путем внедрения новых, более прогрессивных методов.

Седьмой доклад — монография «Диалог о богатстве и благосостоянии» (1980), подготовленная с помощью исследовательской группы итальянским экономистом О. Джиарини — представляет собой попытку создать новую теорию политической экономии с полной ревизией всех предшествующих экономических учений, включая марксистское. В основе концепции автора лежит тезис о том, что при развитии экономики и культуры человечеству приходится считаться не только с «наследством» — особенностями общественного производства, но и с «приданным» — масштабом и характером невозобновимых природных ресурсов. Отсюда он делает вывод, что дальнейшее развитие экономики без учета экологических последствий чревато катастрофой, и рекомендует объединить политическую экономию и социальную экологию в единую научную дисциплину, научиться принимать в расчет не только финансовую сторону производства, но и природные ресурсы, часто не поддающиеся финансовым оценкам.

На протяжении ряда последующих лет доклады Римскому клубу появлялись почти ежегодно, причем проблематика глобального моделирования разрабатывается многими исследовательскими группами, в том числе и не связанными непосредственно с Римским клубом. С детально разработанными моделями выступили исследовательские группы под руководством И. Кайя (Япония), А. Эрреры (Аргентина), Г. Линнемана (Нидерланды), В. Леонтьева (ООН), А. Габю (Швейцария), П. Робертса (Великобритания) и др. С 1972 г. функционирует Международный институт прикладного системного анализа в Лаксенбурге (Австрия), значительная часть проблематики которого непосредственно связана с вопросами глобального, регионального и проблемного моделирования. В число членов — учредителей этого института наряду с США, ФРГ, Англией, Францией, Италией, Канадой вошли СССР, ГДР, Болгария, Польша, Чехословакия, Венгрия. Аналогичные институты были созданы в ряде стран мира, в том числе и в Советском Союзе.

Лекция 7

СОВРЕМЕННЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ БУДУЩЕГО. ГЛОБАЛИСТИКА И АЛЬТЕРНАТИВИСТИКА

Набор глобальных проблем современности — первоначально у разных авторов весьма различный — постепенно отстоялся и свелся примерно к десятку-полутора общепризнанных, с самыми несущественными вариациями.

Ключевой проблемой, от которой зависело решение всех остальных, большинство авторов считало гонку вооружений. В 70-х годах еще не до конца ясна была степень ее экономической тяжести для мирового хозяйства. Лишь позднее обнаружилось, что эта непомерная тяжесть буквально раздавила экономически более слабого участника гонки — «мировую социалистическую систему». Но и более сильному сопернику — «мировой капиталистической системе» — тоже приходилось выбиваться из сил. В 50-х годах общая стоимость гонки вооружений оценивалась примерно сотней мил-60лиардов долларов, в 80-х она приблизилась к триллиону. Такие астрономические величины мало что говорят неспециалисту. Понятнее будет сказать, что при подобных расходах на прочие насущные нужды оставались жалкие центы, а уж о необходимых ассигнованиях на сколько-нибудь эффективное решение любой из глобальных проблем вообще не могло быть и речи. Кроме того, в условиях военно-политического противостояния двух мировых империй (если называть вещи своими именами) вообще не было и быть не могло никакого глобального подхода к решению каких бы то ни было проблем — одни пустые разговоры.

Между тем, гонка вооружений год от года расширяла масштабы и набирала темпы роста. Триллион долларов в год — это, по меньшей мере, пятая-шестая часть всего совокупного общественного продукта человечества. А расходы на вооружение удваивались каждые пять лет. Становилось очевидным, что еще два-три десятилетия, и либо мировая экономика просто рухнет под тяжестью танков, истребителей и ракетноносцев, либо у одной из сторон возникнет соблазн, воспользовавшись временными преимуществами или какими-то благоприятными обстоятельствами, покончить с противником одним ударом. А это, даже в самом удачном для агрессора случае, означало гибель сотен крупных городов и сотен миллионов людей, превращение мира в подобие послевоенной Европы. Скорее же всего это означало бы гибель человечества в огне всеистребляющей ядерной войны.

Но как покончить с гонкой вооружений без капитуляции одного из гонщиков? На этот вопрос ответа не было. Точнее он более чем очевидно просматривался в многолетних бесплодных переговорах хотя бы о некотором сдерживании гонки. И это вселяло чувство безысходности по отношению не только к данной проблеме — ко всему комплексу глобальных проблем.

Следующей по значимости в большинстве концепций глобальных проблем современности шла проблема преодоления или хотя бы минимизации растущего разрыва в уровне развития развитых и развивающихся стран. Этот разрыв, который первоначально (после начала крушения мировой колониальной системы) выражался формулой «в несколько раз», позднее стал выражаться формулой «в десятки раз», т.е., при существующих условиях, безнадежно и навсегда.

Серьезность этой проблемы заключалась не только в относительном росте масштабов разрыва, хотя и одного этого фактора было бы достаточно для опаснейшего роста напряженности в международных отношениях при любом уровне благосостояния развивающихся стран. Что толку, если вам удалось отремонтировать свой старый велосипед, когда вы видите, что богатый сосед пересаживается из «Фиата» в роскошный «Роллс-Ройс»? Да вы его в порошок сотрете при первой возможности! Но главное в том, что

масштабы страданий подавляющего большинства населения развивающихся стран поражали воображение и 30—40 лет назад: треть населения не получает полноценного питания, т.е. годами ведет полуголодное существование, в том числе треть от этой трети жестоко голодает, фактически медленно вымирает от мучительной голодной смерти; половина не имеет медицинского обслуживания и доступа к источникам чистой воды, т.е. обречена на массовые эпидемии, и т.д. А население быстро растет, а иностранная помощь не беспредельна. И не нужно было большого воображения, чтобы представить себе, как будет обстоять дело в обозримом будущем ближайших десятилетий. Поскольку же существенно увеличить ассигнования на помощь развивающимся странам не представлялось никакой возможности — ясно, что чувство безысходности не оставляло и при рассмотрении данной проблемы.

Третий комплекс глобальных проблем связан с жизненными ресурсами человечества, среди которых на первый план выдвигается продовольственная проблема. Эта проблема начала обостряться в развивающихся странах мира еще в 50-х годах, когда широкое внедрение достижений современного здравоохранения, начиная с элементарных понятий санитарии и гигиены и кончая эффективными лекарствами, вообще медицинским обслуживанием, резко снизило в Азии, Африке, Латинской Америке смертность вообще и детскую в особенности, что привело к быстрому росту голодных ртов и растущей же нехватке для них продовольствия. Во многих развивающихся странах — например, в Индии — стала быстро расти зависимость от иностранной продовольственной помощи. Сначала за счет продовольственных посылок из США питался каждый шестнадцатый индус, затем каждый пятнадцатый, десятый, восьмой. Население страны росло, и трагический конец был не за горами, потому что даже США не в состоянии кормить такое количество голодающих. Но в 60-х годах наука сотворила очередное чудо. Произошла «зеленая революция»: ученые вывели и распространили сорта сельскохозяйственных культур, дающие впятеро-вшестеро большие урожаи. С надвигающимся голодом в большинстве развивающихся стран было покончено, хотя, как уже говорилось, каждый третий там не получал (и не получает) полноценного питания, а сотни миллионов по-прежнему хронически голодают.

С тех пор население развивающихся стран более чем удвоилось и в перспективе ближайших десятилетий наверняка еще раз удвоится. А второго «чуда» от науки ожидать не приходится. Как говорится, дай Бог, если хоть немного, но стабильно будет наращиваться урожайность там, где она еще не достигла передовых мировых стандартов. Снова растет зависимость развивающихся стран (особенно в Африке) от иностранной продовольственной помощи. Снова маячит призрак катастрофического голода в развивающихся странах.

Сравнительно менее остры проблемы, связанные с другими жизненными ресурсами человечества — с топливом и сырьевыми материалами, а также с транспортным балансом и мировой торговлей, без чего невозможна реализация ресурсов. Но и они достаточно тревожны, о чем можно судить по панике, которая возникает всякий раз, когда происходит сбой в снабжении нефтью, газом, углем достаточно крупных регионов мира, а также по периодическому ажиотажу на дефиците других

минеральных ресурсов. Что касается транспортных проблем, то достаточно одного примера: счет погибшим в одних только автокатастрофах пошел в мировых масштабах на сотни тысяч, а серьезно травмированным и увечным — на миллион с лишним ежегодно. Между тем, пока что катается в автомашинах меньше четверти мирового населения. Остальные три четверти (кстати, наименее дисциплинированные на автодорогах) завидуют счастливым черной завистью и стремятся во чтобы то ни стало обзавестись собственной машиной. Можно себе представить, сколько миллионов станут ежегодно разезжать по кладбищам и больницам, когда исполнится эта мечта! Наконец, в мировой торговле «ножницы» между естественно складывающимися на рынке низкими ценами на сельскохозяйственную продукцию развивающихся стран и высокими ценами на промышленную продукцию стран развитых привели к безнадежным триллионным долгам первых последним. Выплатить эти долги физически невозможно, так что фактически растет дань развитых стран развивающимся. Но ведь развитые страны никто не завоевывал, чтобы облагать данью. Рано или поздно игра в «торговлю» окончится и тогда опять в поле зрения начнет маячить глобальная катастрофа.

Зато к числу наиболее острых принадлежит экологическая проблема. В развитых странах мира ее более или менее успешно пытаются решать, да и то далеко не везде и не во всем это удастся. Но в развивающихся странах воздушное, водное, ландшафтно-почвенное, радиационное, тепловое, шумовое, «мусорное» (твердые отходы) и химикатное (нитраты и пр.) загрязнение окружающей среды идет нарастающими темпами и масштабами и борьба с ним ведется преимущественно ставшим уже привычным пустословием. В особенно плачевном состоянии находятся страны с тоталитарным режимом, поскольку социально безответственные правительства ведут себя по отношению к природе просто как стервятники. Все рекорды в данном отношении побил Советский Союз и постсоветская Россия, где правящая клика довела природную среду до прямо-таки тотально бедственного состояния, и слово «Чернобыль» сделалось символическим обозначением надвигающейся экологической катастрофы не только по части радиационного загрязнения окружающей среды. В общем, год за годом человечество неуклонно приближается к краю пропасти, за которым загрязнение природы становится необратимым, т.е. гибельным для людей. По подсчетам специалистов, до этой роковой черты остаются считанные десятилетия — разное число десятилетий у разных авторов, но именно десятилетий, а не веков.

Менее нагляден катастрофический характер демографической проблемы, но не менее серьезен. Ясно, что население Земли не может удваиваться каждые полвека, как это только что произошло в 1950—2000 гг. И чем больше миллиардов, тем тяжелее «перегрузка» земной поверхности представителями одной из разновидностей фауны и тем кошмарнее крах, когда сельди перестанут помещаться в бочке, тем больше тяжких жертв потребуются для того, чтобы восстановить демографический и экологический баланс. Точно так же не может без конца идти процесс выморочности — депопуляции там, где он уже начался. Рано или поздно депопуляция приведет к полной выморочности соответствующей популяции. И сознание этого ускорит агонию.

Проблемы гонки вооружений *Третьего мира*, жизненных ресурсов, экологии и демографии обязательно входят в перечень глобальных проблем современности практически у всех авторов. Остальные 5—7 проблем встречаются не у всех, так как большей частью входят в одну из только что перечисленных. Но от этого серьезность отнюдь не уступает последним. Это относится, в частности, к *проблеме расселения* (урбанизации) — скучиванию огромных масс населения в крупных и сверхкрупных городах, при обвальной деградации села, что влечет за собой далеко идущие губительные последствия и для природы, и для народонаселения, к *проблеме культуры*, точнее — воинствующего бескультурья, выступающего под знаменем «контркультуры», со столь же губительными последствиями для общества, к *проблеме здравоохранения*, в рамках которой ставится вопрос о растущей угрозе генофонду рода homo sapiens, т.е. об уменьшающихся шансах на выживание самой этой разновидности земной фауны, к *проблеме антиобщественных явлений*, начиная с наркотиков (включая алкоголь) и кончая преступностью, грозящих покончить с человечеством, подобно гонке вооружений, только здесь противостоят друг другу не государства, а паразитирующие на обществе мафиозные структуры и их жертвы, мы с вами, к *проблеме эффективности международных организаций* — точнее, к проблеме их неэффективности, что, пожалуй, наиболее трагично в представленном перечне, поскольку никаких глобальных проблем без подобных организаций заведомо не решить, а с такими, каковы есть, — тем более.

Некоторые авторы добавляют в перечень глобальных проблем современности проблемы освоения Мирового океана и космоса, а также проблемы науки и научно-технического, прогресса, без которых братья за решение глобальных проблем заведомо бесполезно. Однако, на наш взгляд, такого рода проблемы органически входят в вышеперечисленные, причем их ряд может быть значительно продолжен. С другой стороны, ряд авторов (включая автора этих строк) выдвигают на первый план в качестве суперключевой проблему социально-политических изменений глобального масштаба, не без оснований полагая, что при существующем положении вещей ситуация будет ухудшаться вопреки любым конструктивным предложениям и благим пожеланиям. Но другие авторы считают такую проблему само собой разумеющимся условием решения остальных и опасаются, что выдвижение ее в качестве ключевой приостановит решение прочих в ожидании указанных изменений.

Здесь было бы вряд ли целесообразно останавливаться на глобальных проблемах современности более детально. На этот счет существует огромная литература, и хотя тема далеко не исчерпана, мало того, с годами отнюдь не увядает (скорее наоборот) в задачу настоящей работы не входит еще одна трактовка глобалистики. Хотелось бы остановиться лишь на трех замечаниях принципиального характера.

Во-первых, все перечисленные глобальные проблемы, если задуматься над ними как следует, поражают своей безысходностью, практической неразрешимостью — по крайней мере, при существующем положении вещей, — и если что доказывают, то неизбежность глобальной катастрофы не позднее XXI века, возможно даже первой половины последнего. Разум человеческий не может смириться с подобной перспективой — подобно тому, как обыденное сознание не может смириться с необходимостью

смертности человека ради жизнеспособности человечества — и это изначально придает глобалистике тупиковый характер.

Заметим, что со времени рождения в начале 70-х гг. глобалистики прошло 30 лет. За это время в мире произошли колоссальные социально-политические изменения. Капитулировал и развалился Советский Союз. Исчезла с карты земного шара «мировая социалистическая система». Прекратилась гонка вооружений, хотя расходы на вооружение почти во всех странах мира все еще очень велики. В развитых странах научились сдерживать растущее загрязнение окружающей среды, хотя благополучие в этом отношении даже там, не говоря уже о слаборазвитых странах (включая Россию), все еще очень далеко. Темпы роста населения почти повсюду в мире начинают снижаться, и, наверное, ко второй половине XXI века этот катастрофический процесс приостановится сам собой. Но инерция все еще сильна, и к 2020 г. нам, можно сказать, гарантированы 8 млрд. 66 человек на Земле вместо 6 млрд. в 2000 г. А к 2050 г. — по меньшей мере 10, если не больше, так что проблема роста народонаселения все еще остается достаточно острой. С другой стороны, депопуляция (превышение смертности над рождаемостью) в разных странах только начинает разворачиваться в полную меру, и проблема грядущего физического вырождения многих народов мира еще не осознана как следует.

И при всем том масштабность, острота, катастрофичность глобальных проблем современности остаются такими же, как и 30 лет назад. Число частично и полностью безработных в слаборазвитых странах постепенно приближается к миллиарду, а ведь эти люди, в отличие от своих таких же безработных отцов и дедов, получили, по меньшей мере, начальное образование, знают о том, что на планете существует более привлекательная жизнь, безуспешно рвутся в богатые страны мира. Зреет социальный взрыв огромной мощности. Есть все для такого взрыва. Это — тоталитарные, изуверские и мафиозные структуры, в руки которых год за годом «плывет» оружие массового поражения — ядерное, химическое, бактериологическое. Как только «доплывет» — начнется Четвертая мировая война (считая Третьей «холодную войну» 1946—89 гг.). Да и вся вышеочерченная номенклатура глобальных проблем не претерпела за прошедшие 30 лет никаких существенных изменений. Так что глобалистика была и остается актуальной поныне.

Во-вторых, мировая общественность так и не осознала до конца серьезность глобальных проблем современности. Мало того, решительно отторгла эти проблемы по причине явной психологической усталости от бесконечного нагнетания ужасов надвигающейся глобальной катастрофы. Это оказалось похожим на прогнозы грядущих землетрясений в Калифорнии или Японии. Ну, надвигаются и надвигаются — может быть, действительно гибельные. Но не бежать же из-за этого из Токио и Сан-Франциско! Мало кому приходит в голову принципиальная разница между землетрясением и глобальной проблемой: первое можно в лучшем случае предвидеть (предсказать) и приспособиться к предсказанному, второе можно преодолеть системой целенаправленных действий на основе решений с учетом предсказанного. Существенная разница!

Типичным в этом смысле было письмо одного читателя (точнее, писателя), опубликованное в московской «Независимой газете». Автор знать не хочет разницы между прогнозами — предсказаниями политиков или

публицистов и научными прогнозными разработками. «Все врут календари», — ворчит потомок Фамусова. Огульно охая прогнозирование во всех его разновидностях, автор поясняет причину своего недовольства: «предсказательский бум» — это «игра на и без того натянутых нервах». Пусть завтра человечество погибнет, но сегодня оставьте меня в покое! Удивительно все-таки устроена психология человека: он с удовольствием смотрит на экране разные ужасы или читает о них в детективах, приятно щекоча себе нервы, но, как страус, прячет голову в песок, когда ему говорят о надвигающейся катастрофе, в которой его собственная судьба и уж наверняка судьба его детей и внуков может оказаться ужаснее любого фильма ужасов. И эта тотальная социальная апатия накрывает глобалистику словно могильным курганом.

Наконец, в-третьих, вселенская апатия убаюкивает правительства, и те все, без единого исключения, встают перед глобалистикой в позу кролика перед удавом. Вот уж, поистине, по пословице: дитя (народ) не плачет — мать (правительство) не понимает. Правда, поначалу правительства едва ли не всех ведущих держав мира очень испугались. В 1972 г., после первых же сообщений о сенсационных выводах Форрестера, в замке Лаксенбург под Веной был спешно создан Международный институт прикладного системного анализа для проверки степени серьезности обнаруженной опасности. В институте — редкий случай для того времени — мирно сели рядом специалисты из США и СССР, их союзников с той и другой стороны. Несколько институтов того же профиля появилось и в отдельных странах — в Москве даже два, если не три: собственно для СССР и для СЭВа. Но вскоре выяснилось, что если катастрофа и грозит, то не через годы, а скорее через десятилетия. Между тем, если правительства мира отличаются разной степенью ответственности перед своими избирателями — то перед детьми и внуками своих избирателей, перед человечеством XXI в. все они без малейшего исключения полностью безответственны.

И это еще больше укрепляет чувство безысходности, обреченности человечества перед лицом глобальных проблем современности. Да, с позиций глобалистики, ввиду пассивности мировой общественности и бездействия правительств ведущих держав мира, глобальная катастрофа неизбежна. Но, может быть, выход мыслимо найти за рамками глобалистики?

И выход, действительно, был найден на совсем ином направлении междисциплинарных исследований. Ко второй половине 70-х годов, когда кризис глобалистики — всего лишь на третьем-четвертом году со дня рождения! — стал проявляться достаточно отчетливо, на нее пошли в атаку оппоненты из двух диаметрально противоположных лагерей.

Первый лагерь составляли носители мажорных футурологических традиций 50—60-х годов, когда вера в научно-технический прогресс была еще непоколебима, будущее рисовалось в розовом свете, а все возникающие проблемы казались легко разрешимыми с помощью все той же науки и техники. Наиболее ярким представителем этого течения общественной мысли стал уже упоминавшийся нами Герман Кан, который отнюдь не смирился с тем, что его футурологический бестселлер «Год 2000» поблек в ослепительном взрыве «Футурошока» и первых докладов Римскому клубу, и до самой своей смерти в 1983 г. (он умер за год до Аурелио Печчеи) продолжал год за годом выпускать книги, где доказывал, что, несмотря на

временные трудности, все идет к лучшему в этом лучшем из миров, что в ХХІ в. наука и техника поднимут человечество на недостижимые ныне высоты.

Своих идейных противников в Римском клубе и идеологически примыкавших к нему течениях Герман Кан и его единомышленники, как мы уже говорили, заклеили ярлыком «экологических пессимистов» («экопессимистов»), чересчур выпячивающих экологическую сторону дела и не верящих во всемогущество научно-технического прогресса. В свою очередь, они тут же получили от оппонентов ярлык «технологических оптимистов» («технооптимистов») — идолопоклонников НТР. Борьба между «экопессимистами» и «технооптимистами» составила основное содержание истории футурологии последней четверти XX века. Она продолжается и поныне.

«Технооптимисты» обрели союзников там, где меньше всего ожидали. Воинствующий антикоммунист, злейший враг Советского Союза Герман Кан вдруг сделался самым любимым автором «Правды». Конечно, о переводе его трудов на русский язык (кроме как «для служебного пользования») и речи быть не могло, поскольку там СССР и «социалистический лагерь» представляли в довольно неприглядном свете. Но утверждение «технооптимистов», что все хорошо, а будет еще лучше, как нельзя лучше соответствовало идейным установкам Кремля того времени. Как раз во второй половине 70-х годов несколько сановных московских авторов из верхушки партийной номенклатуры пробили строжайший запрет касаться каких бы то ни было проблем будущего, кроме как в порядке комментариев к политической программе Коммунистической партии (хотя ее полная несостоятельность стала очевидной для всех еще за десятилетие до этого), либо в порядке «критики буржуазной футурологии». С 1976 г. в советской прессе стали появляться статьи по проблемам глобалистики — запоздалая реакция на первые доклады Римскому клубу, а с конца 70-х годов плотину запрета словно прорвало: за какие-нибудь 5—7 лет по данной проблематике появилось свыше двух десятков монографий и сотни научных статей, тысячи публицистических — все до единой в единственно разрешенном «технооптимистическом» ключе, хотя ряд авторов более или менее эзоповым языком пытались показать серьезность глобальной проблемной ситуации.

Фонтан советской глобалистической футурологии пустил в 1985 г. последнюю струю коллективным трудом «Марксистско-ленинская концепция глобальных проблем современности», после чего вскорости иссяк: во времена горбачевской перестройки стало не до глобалистики. По иронии судьбы мы вновь — в который уже раз! — опоздали на целую эпоху. До этого (и отнюдь не впервые) мы точно так же опоздали с признанием научно-технической революции. Мы отреклись от нее, как от дьявола, почти все 50-е и 60-е годы, когда мир восторгался ею. И только в 1968 г., когда весь мир, в свою очередь, в ужасе отшатнулся от НТР с ее атомными грибами и разрушением окружающей среды, провозгласили необходимость «соединения НТР с преимуществами социализма» (после чего, как водится, хлынул поток из сотен книг и диссертаций, тысяч статей «об НТР»). А в 1985 г., когда мы только-только ввязались в драку «технооптимистов» и «экопессимистов» (на стороне первых, разумеется), эта драка в глазах мирового общественного мнения давно уже отошла на задний план перед

появлением другого лагеря оппонентов «экопессимистов» — провозвестников «альтернативной цивилизации».

Разум человеческий никогда и ни при каких обстоятельствах не может смириться с неизбежностью какой бы то ни было катастрофы — тем более глобальной. Так уж устроен разум человеческий. Правда, разные обладатели упомянутого достоинства по-разному реагируют на надвигающуюся опасность. Одни предпочитают *Надежду* — например, на знаменитое русское «авось пронесет!». Другие обращаются к *Вере* — в бога или в научно-технический прогресс, в данном случае безразлично. Подавляющее большинство целиком отдается Любви, скажем, к своим ближним, во всяком случае замыкаясь в личных делах и зная ничего не желая о судьбах человечества. Ну, а некоторым общества *трех сестер* недостаточно, они вызывают к *матери* — Софии-Мудрости. И та вразумляет, наставляет на путь истинный. Например, указывает на возможность спасения от надвигающейся катастрофы переходом от зашедшей в гибельный тупик существующей мировой цивилизации к цивилизации качественно иной, альтернативной, способной успешно преодолеть трудности, связанные с глобальными проблемами современности.

Первые, сравнительно робкие голоса «софийской» тональности зазвучали еще в первой половине 70-х годов — в самом апогее триумфа глобалистики. С каждым годом они слышались громче и громче, а примерно с 1978—1979 гг., в свою очередь, выплеснулись десятками книг, сотнями статей. Уже в 1978 г. библиография по альтернативистике, приложенная к книге Марка Сатина «Политика новой эры: спасая себя и общество», насчитывала 250 названий, плюс 20 произведений, так сказать, предтеч альтернативистики в одних только США 1847—1967 гг. С тех пор счет пошел на сотни одних только первоклассных научных трудов на английском языке, не говоря уже о литературе на других языках и о тысячах, десятках тысяч брошюр, статей, докладов.

Мы и в данном случае верны себе — отстаем позорнейшим образом. Лишь с 1990 г. стали появляться первые работы по альтернативистике. Одним из первых появился препринт В.Г. Буданова «Альтернатива общественного прогресса: гомо агенс» (тиражом 50 000 экз.). Правда, автор сосредоточил внимание лишь на одном вопросе — перестройке сознания. Более широко интересующая нас проблематика освещена в работе И.М. Савельевой «Альтернативный мир: модели и идеалы» (М., 1990; работа носит преимущественно обзорный характер, давая некоторое представление о западной литературе). Заявлена в проспекте книга А.Н. Чумакова «Философия глобалистики: поиск путей выживания цивилизаций» (как видим, предполагается работа также обзорного характера). Тот же обзорный характер носит докторская диссертация Л.Н. Вдовиченко «Формирование социально-политических воззрений альтернативистов» (1990). И только статья Г.Г. Дилигенского «Конец истории или смена цивилизаций?», подготовленная к международному семинару в Новосибирске в мае 1991 г. содержит попытку выработки собственной концепции альтернативистики. Но и то лишь в качестве реакции на нашумевшую в 1990 г. статью американского футуролога Ф. Фукуямы «Конец истории?».

Возможно, здесь перечислены далеко не все наиболее значительные советские работы по альтернативистике. Но в количестве ли дело? Важно, что это — последние советские работы. И по альтернативистике тоже.

Каким будет старт российской альтернативистики, заявившей о своем существовании не только книгой И.В. Бестужева-Лады «Альтернативная цивилизация» (1998)? Это зависит от того, какое внимание будет уделено данной проблематике в условиях, когда, мягко говоря, не до нее: выжить бы России в ближайшие годы, а уж потом думать о выживании человечества в ближайшие десятилетия. Но «первые ласточки» уже пытаются сделать «альтернативную весну»: в 90-х гг. появились серии монографий Н.Н. Моисеева («Как далеко до завтрашнего дня...», 1994 и 1997; «Быть или не быть человечеству?», 1999); В.Л. Иноземцева («За пределами экономического общества», 1998, «Расколота цивилизация», 1999) и др.

Что касается их многочисленных западных коллег, то из них трудно выделить сколько-нибудь общепризнанных лидеров типа Германа Кана для «технооптимистов», Аурелио Печчеи для «экопессимистов» или Алвина Тоффлера, которого, в известной мере, правда, можно отнести к предтечам альтернативистики. На память приходят разом несколько десятков имен одинаково первоклассных авторов, перечислять которые здесь — значит намного выйти за рамки лекции, а упомянуть лишь некоторых — значит обидеть остальных. Скажу лишь, что по сравнению с глобалистикой здесь намного выше процент сравнительно молодых (от 25 до 40 лет) авторов и еще выше — процент авторов-женщин, сильнее предрасположенных к проблематике именно альтернативистики. Что ж? Молодежь, да еще женского пола — это не так уж плохо для старта нового направления междисциплинарных исследований. Чтобы альтернативистика — в противоположность глобалистике — не выглядела совсем уж безликой, сошлемся в качестве иллюстрации на две-три выдающиеся работы, которые произвели наибольшее впечатление в ряду двадцати-тридцати столь же выдающихся из двухсот-трехсот первоклассных трудов.

Это, конечно же, Гейзел Гендерсон — «Создание альтернативных будущих» (1978). С характерным подзаголовком: «Конец экономики» и с предисловием одного из наиболее авторитетных предтеч альтернативистики — Э. Шумахера. Основная идея труда, нашумевшего в свое время, — необходимость перехода от привычных категорий политэкономии к оптимальному сочетанию критериев экономики и экологии, к качественно иному образу жизни общества, включая полное переосмысление сущности научно-технического прогресса на благо людей. Эти идеи она развивала позднее еще в двух столь же нашумевших книгах — «Политика солнечной эпохи: альтернатива экономике» (1981) и «Парадигмы в прогрессе (Смена парадигм): жизнь за пределами экономики» (1991).

Следует назвать и Мэрилин Фергюсон — «Заговор Водолея: личные и общественные трансформации в 80-х годах» (1980). Основная идея книги: на смену эпохе Рыб, в которой мы мыкались последние две тысячи лет, грядет такой же продолжительности эпоха Водолея, с совершенно иной системой ценностных ориентации людей, с качественно иным менталитетом и образом жизни. Первые признаки наступления новой эпохи («заговор Водолея») уже дают о себе знать: на смену «вертикальной» иерархии бюрократических структур приходят «горизонтальные» сети взаимодействия; на смену здравоохранению — изначальное «здоровье», с минимизацией медицинского вмешательства; на смену образованию как средству повысить свой статус в обществе — непрерывное образование как процесс, как радость познания нового; на смену труду для

выживания—труд как радость самореализации личности. И так далее. Прямо-таки мечты утопистов XIX в., до марксистов включительно, только шаг за шагом находящие свое воплощение в реальной жизни развитых стран мира сегодня! И следует сделать все возможное, чтобы приблизить эпоху Водолея целенаправленными усилиями.

Чтобы не создалось обманчивого впечатления, будто современная альтернативистика представлена только симпатичными американскими дамами с фамилиями, оканчивающимися на «сон», упомянем еще две книги, вполне равноценные, на наш взгляд, предыдущим: Л. Броун (США) «Созидание устойчивого общества» (1981) — широчайшая панорама альтернативистики, и Ж. Робен (Франция) «Смена эпох» (1989) — с упором на радикальную переориентацию экономики и политики, а также на необходимость реморализации общества. Как уже говорилось, этот список нетрудно дополнить еще несколькими десятками названий работ того же качества.

Вместо того, чтобы перечислять названия, которым все равно не хватит места даже для наикратчайших аннотаций, гораздо разумнее, по нашему убеждению, задаться вопросом: почему десятки блестящих книг по альтернативистике — ничуть не менее, а в некоторых отношениях даже более интересные, чем книги Кана и Тоффлера, первые доклады Римскому клубу — не получили в мировой аудитории того же отклика, не дали того же эффекта разорвавшейся бомбы? Виной ли тому изменение обстановки, когда на первый план в глазах читателей выходят проблемы не столько будущего, сколько настоящего — распад Советской империи, преддровые судороги рождения нового Багдадского халифата от Марокко до Индонезии, от Казани до Южной Африки, смена противостояния СССР — США противостоянием США — Зап. Европа — Япония и т.п.? Или психологическая усталость читательской аудитории от любой «литературы о будущем», ничего, кроме неприятностей, не несущей? Или неспособность самих авторов преодолеть психологический барьер неприятия всего качественно нового, «пробиться» к читателю, «достучаться» до его ума и сердца? Или что-то еще?

Собственно, попытки найти ответы на эти вопросы и составляют суть настоящего курса лекций. Начать эти поиски, как представляется, необходимо, в свою очередь, с вопроса: что имеется общего во всех работах по альтернативистике при всех различиях между отдельными авторами? Внимательный анализ литературы обнаруживает, что таких «пунктов схождения» насчитывается ровно пять. Они же и составляют основные условия спасения от катастрофы на путях перехода к альтернативной цивилизации.

Во-первых, если не все, то подавляющее большинство авторов считают, что коль скоро то или иное состояние общества в конечном счете определяется состоянием энергетики, значит, переход к альтернативной цивилизации невозможен без восстановления на качественно новой основе серьезно нарушенного к настоящему времени глобального топливно-энергетического и зависимого от него материально-сырьевого баланса.

Во-вторых, признается столь же необходимым восстановление на качественно новой основе столь же серьезно нарушенного глобального демографического баланса, нормализация воспроизводства поколений.

В-третьих, в точности то же самое относится к катастрофически «идущему вразнос» глобальному экологическому балансу, который также подлежит восстановлению на качественно новой основе.

В-четвертых, ясно, что всего этого невозможно достичь не то, что при гонке вооружений, но даже при сохранении сегодняшнего уровня производства оружия — тем более что оно ежечасно грозит человечеству уничтожением. Следовательно, подразумевается необходимость всеобщего и полного разоружения.

Наконец, в-пятых, человечеству не выжить — даже при исполнении всех четырех вышеперечисленных условий, если не поставить во главу угла системы ценностей гуманность, т.е. самого человека, его благополучие и полноценное развитие.

Так родилась наиболее распространенная формула альтернативной цивилизации: низкоэнергетическая (в смысле экономичности потребления энергии), высокоустойчивая (в смысле восстановления глобальных балансов, на которых зиждется человечество), экологически чистая, полностью демилитаризованная и подлинно человеческая.

Заметим, что за последние два десятилетия XX века в мировой футурологии не произошло никаких существенных сдвигов. Да, продолжают выходить «Доклады Римскому клубу». В 2000 г. переведена на русский язык книга-доклад Э. Вейцеккера, А. и Л. Ловинсов «Фактор четыре: затрат — половина, отдача — двойная» (заглавие говорит само за себя). Да, почти каждый год выходит несколько интересных, иногда просто блестящих монографий по глобалистике и альтернативистике, не уступающих предыдущим ни в чем. Кроме... мировой сенсационности футурологических трактатов 50-х—70-х годов XX века.

В 2000 г. в России издан фундаментальный труд «Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики 1952—1999». Ожидаются издания на английском, французском, немецком и итальянском языках. Антология включает в себя главы из 17 произведений, ставших в свое время мировыми сенсациями, плюс два десятка кластеров конкретных прогнозов. Она открывается именами Р. Юнгка (1952), Б. Де Жувенеля (1963), Д. Белла (1966), Г. Кана (1967), А. Тоффлера (1970), А. Печчеи (1977), а завершается именами Г. Гендерсона (1981) и Дж. Найсбитта (1990).

Если учесть, что последняя книга развивает положения предыдущей, изданной в 1982 г. — последней сенсации современной футурологии, то создается впечатление, будто «Золотой век» прогностики целиком уместился в 30-летие 1952—1982-х. Неужели последующие 20 лет истории назовут «Серебряным веком» — своего рода футурологическим декадансом, когда футурология, говоря щедринским языком, «прекратила течение свое»? Тогда чего же ожидать от следующих десятилетий? «Бронзового века», когда интерес к прогностике мировой аудитории будет полностью утрачен? «Железного века», когда о будущем вообще перестанут думать и писать? Или вновь заблестит заря нового «Золотого века», новых футурологических мировых сенсаций?

Ответ на эти вопросы полностью в руках сегодняшнего студента — завтрашнего футуролога.

Часть II **КОНЦЕПЦИЯ «ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО** **ПРОГНОЗИРОВАНИЯ» И ЕЕ СУЩНОСТЬ**

Лекция 8

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ **И РАЗВИТИЯ КОНЦЕПЦИИ** **«ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ»** **В РОССИИ**

Как мы уже говорили в одной из предыдущих лекций, в начале перестройки № I, известной под названием НЭП — Новой экономической политики (1921—1929), группе советских экономистов во главе с В.А. Базаровым была поручена разработка прогноза перспектив развития СССР на годы первой пятилетки (1928—1932) и далее. В процессе работы учёные пришли к выводу, достойному самих высоких научных премий мира: невозможно предсказывать будущее состояние процессов или явлений, поддающихся изменению средствами управления, в том числе планирования — получается как бы саморазрушение или, напротив, самоосуществление предсказаний, причем, с учётом предсказанного. Вместо тщетных в данном случае попыток безусловных предсказаний учёные рекомендовали две качественно новые исследовательские технологии: «генетическую» (экстраполяция в будущее наметившихся тенденций с целью выявления или уточнения проблем, подлежащих решению средствами управления) и «телеологическую» (оптимизация трендов по заданным критериям и целям для выявления наилучших решений указанных проблем). По сути, речь шла о способах «взвешивания» возможных — ожидаемых и желательных — последствий намечаемых плановых и иных решений. Выдающееся научное открытие!

Отчет об этих выводах был опубликован в журнале «Плановое хозяйство» (1928,2) но был не понят и забыт. Заказчикам он не потребовался: первая пятилетка должна была явиться «большим скачком» от патриархализма к социализму. Тут требовалась не наука, а идеология, не анализ, а пропаганда, научного открытия как и не бывало. Названная статья была обнаружена только в 1980 г., частично опубликована в ряде научных работ, полностью воспроизведена в сборнике «Каким быть плану: дискуссии 20-х годов» только в 1989 г.

По иронии судьбы, американцы столкнулись с той же проблемой при попытке прогноза реализации программы «Аполлон». Ровно 30 лет спустя, ничего не зная о выводах своих русских коллег, они пришли к в точности такому же заключению, только «генетический» подход назвали «эксплораторным» (в обратном переводе на русский — «поисковый»), а «телеологический» — «нормативным» (так и переведенным на русский язык). Оба подхода составили «технологическое прогнозирование», неточно переведённое у нас поначалу как «научно-техническое», хотя речь шла не об отрасли прогнозирования, а об особом, так сказать, алгоритмическом, способе разработки прогнозов. Начался знаменитый «бум прогнозов» — триумфальное шествие «технологического прогнозирования» по всему миру в виде сотен институтов, тысяч секторов и отделов, специально занятых разработкой поисковых и нормативных прогнозов.

Во второй половине 60-х гг. этот «бум» докатился и до Советского Союза. Но ему предшествовала более чем 35-летняя «мёртвая зона», когда говорить и тем более писать о будущем можно было только в виде прямых (отнюдь не критических!) комментариев тех или иных высказываний «основоположников», либо «программных документов КПСС». Как известно, тоталитаризм и прогнозирование — вещи взаимоисключающие, в чем нетрудно убедиться на примере любой страны мира, не исключая и нашу собственную.

Базарову и его коллегам было легко совершать эпохальные открытия: они работали в атмосфере научной мысли, хотя отравленной уже ядом идеологии тоталитаризма, но еще живой, бившейся не над цитатами, а над реальными научными проблемами, опиравшейся на все богатство мировой общественной мысли. Статья из «Планового хозяйства», о которой мы упоминали, была не одиноким оазисом в пустыне, а деревом в роще из сотен других статей о «будущем», над которыми возвышались гиганты — более двух десятков книг и брошюр на ту же тему, правда, большей частью, по понятным причинам, пропагандистско-утопического характера, но не потерявшие научного значения и по сей час. Среди последних «Будущее Земли и человечества» и другие брошюры из так называемой «калужской серии» К.Э. Циолковского, часть которых не решаемся переиздавать до сих пор, а также фундаментальная «Жизнь и техника будущего» под редакцией А. Анекштейна и Э. Кольмана, не уступавшая лучшим мировым стандартам тех лет. Кроме того, каждому прогнозисту того времени были хорошо известны произведения «ранней футурологии» второй половины XIX — начала XX века, о которых мы упоминали в предыдущих лекциях.

Теперь представьте себя на месте человека, который заинтересовался бы проблемами будущего Земли и человечества спустя ровно четверть века после описанных событий, в начале 50-х годов. Что он мог иметь перед своими глазами, помимо мертвящих догм «научного коммунизма», которые надлежало вызубрить и «сдать» четыре раза за какие-нибудь полгода — на курсовых экзаменах, госэкзаменах, при поступлении в аспирантуру и при сдаче «кандидатских минимумов»? Только всё ту же «раннюю футурологию», десятилетиями остававшуюся невостребованной никем, либо постепенно выползавшую из спецхранов обратно на свет божий (но это уже попозже). Все остальное было пустыней идеологического блудословия с чахлыми кустиками дюжины пустословных статей и полдюжины брошюр о «будущем науки и техники», из которых было невозможно почерпнуть что-либо конструктивное.

Правда, и футурологические произведения четвертьвековой давности в такой ситуации были настоящим шоковым откровением. Но даже если бы под их впечатлением читающему пришла в голову мысль о том, что будущее может быть точно таким же предметом исследования, как и настоящее или прошлое (а такая мысль, по понятным причинам, не могла придти ему в голову раньше весны 1956 г. — после шоковых откровений XX съезда КПСС), разве мог он знать, что будущее уже исследовали на уровне требований современной науки такие выдающиеся умы середины XX века, как Дж. Бернал и Н. Винер? Казалось, что все произведения Бернала были опубликованы на русском языке еще при Сталине. Как догадаться, что его главный обществovedческий труд — доклад о переходе научно-технического прогресса в новое качество научно-технической революции —

остался не переведенным, раз сама концепция НТР была легализована лишь в 1968 г.? Что касается Винера с его мыслью о том, что «мотором НТР» и вместе с тем «ключом» к познанию будущего явится обычный арифмометр, будущий компьютер, то он был «отцом кибернетики — продажной девки империализма», только и всего. Это лишь много позднее стало проявляться, кто — продажная девка и чьего именно империализма, а в те поры такими вопросами не задавались, все принимали на веру под страхом мгновенного растерзания за любое инакомыслие.

Талантливый публицист Р. Юнгк тоже был известен русскому читателю только как автор книги «Ярче тысячи солнц» — об американском Сахарове — Роберте Оппенгеймере, — но отнюдь не как автор сенсационного бестселлера «Будущее уже началось» (1952), с публицистическим обобщением идей Бернала и Винера. Бестселлера, двадцать лет десятками изданий переводившегося едва ли не на все языки мира, кроме, конечно, русского.

Русскому исследователю будущего в середине 50-х гг. могла даже придти в голову мысль о том, что раз возможна «наука о прошлом», история, так сказать, «пастология», то, по той же логике должна быть и «наука о будущем» — «футурология». Откуда было знать, что тринадцатью годами раньше, в 1943 году этот термин уже пустил в научный оборот на Западе О. Флехтгейм? Правда, в ином значении — в смысле «надидеологической философии будущего», противостоящей мангеймовской дихотомии «идеология, как оправдание сущего — утопия, как отрицание сущего». Разве можно было догадаться, что вопрос правомерности «науки о будущем» станет во второй половине 60-х годов, на волне «бума прогнозов», предметом специального исследования двух научных коллективов — советского и американского («Комиссия 2000 года» под председательством Д. Белла) и что оба коллектива практически одновременно, не сговариваясь, придут к выводу о принципиальной невозможности подобной науки, ибо все науки изучают либо прошлое (исторические), либо будущее (все прочие), а «настоящее», с этой точки зрения, — не более, как условная разделительная черта, через которую «будущее» ежесекундно перетекает в «прошлое». К тому же суть каждой науки — триединая функция описания (анализа), объяснения (диагноза) и предсказания (прогноза), так что заниматься прогнозированием должны все без исключения науки, заслуживающие этого названия, — даже исторические (по-своему, разумеется).

Конечно, принципиальная невозможность конструирования «науки о будущем», как особой научной дисциплины, противостоящей наукам о прошлом и настоящем, вовсе не исключала возможности междисциплинарного исследования будущего, как особой отрасли, особого направления научных исследований, типа исследований операций и т.п. К этой мысли на Западе пришли уже в конце 60-х гг., а мы начинали приходить в конце 80-х. В те годы, вплоть до 1966 г., в русском языке даже и слова такого не было — «прогнозирование» (хотя «прогноз» существовал с XIX века). Оно обрело право на жизнь только в жестоких идеологических схватках второй половины 60-х. «До того» лишь изредка всплывала «прогностика», да и то в значении всё той же «науки о будущем».

Да, все прочитанное «о будущем» к середине 50-х годов, вместе с навеянными этой литературой идеями, можно было обобщить в сколь

угодно объемистых рукописях — или о перспективах развития науки, техники, культуры, или о перспективах социально-экономического соревнования капитализма и социализма, или о перспективах военно-политического противостояния двух социальных систем на мировой арене. Но любому автору с такими рукописями под мышкой судьба была одна: долгими годами безрезультатно обходить одно издательство за другим, вызывая сначала любопытство («кто бы мог стоять за этим?»), а затем всегда и всюду — спасительный страх.

Только чисто конъюнктурные моменты могли продвинуть подобные рукописи в печать — разумеется, в усеченном и препарированном сообразно конъюнктуре виде. При этом отнюдь не все авторы рисковали выступать со столь скандальной для того времени тематикой — намного скандальнее современной астрологии, парапсихологии и уфологии, вместе взятых. Иные предпочитали укрываться под псевдонимами. Так появились «Если мир разоружится» (1961) — некоего И. Лады, к встрече Хрущев — Кеннеди в Вене осенью 1961 г., «Век великих надежд» (1964) Г. Доброва и Ю. Голян-Никольского, «Контурь грядущего» (1965) И. Лады и О. Писаржевского — в порядке комментирования Программы КПСС.

И все же идея возможности исследования будущего шаг за шагом пробивала себе дорогу в жизнь. С 1957 года начали появляться статьи академика Н.Н. Семенова — на ту же тему, что и у Бернала — «Наука и общество», их будущее, да и ряда других ученых тоже. С 1965 года в высших академических кругах стал обсуждаться вопрос о возможности создания на первых порах специального научного совета или хотя бы постоянно действующего семинара «по научно-технической и социально-экономической прогностике». Особенно конструктивно этим вопросом занимались академик Д.И. Щербаков, академик А.Я. Берг, профессор И.А. Ефремов (он же — знаменитый уже тогда писатель-фантаст, автор всемирно известной «Туманности Андромеды», до сих пор лучшего произведения советской научно-фантастической литературы), только что избранный в то время вице-президентом АН СССР по общественным наукам академик А.М. Румянцев и другие ведущие ученые страны.

Захлебываясь в противоречиях, подходила к концу перестройка № 2 — хрущевские реформы 1956—64-х гг. Родиться на сей раз прогностике живой или снова стать жертвой аборта — целиком зависело от политической конъюнктуры середины 60-х гг., кануна XXIII съезда КПСС.

Политические карты на сей раз разложились счастливо для марксистско-ленинской футурологии. Неизбежный, как мы понимаем сейчас, очередной погром отодвинулся на несколько лет. Свергнувшие Хрущева компаньоны его, во главе со своим ставленником Брежневым, приходили к власти под знаменем перестройки № 3 (косыгинские реформы 1966—68-х гг.). Одним из существенных ее элементов, помимо «развитого социализма», пришедшего на смену обанкротившемуся «коммунизму к 1980 году», «демократизации» и «хозяйственного самоуправления», а также уймы чисто пропагандистских лозунгов, было положение о необходимости расширения диапазона народно-хозяйственного планирования (не только «экономическое», но и «социальное»), плюс необходимость опоры планов на более солидную научную основу (в пику хрущевскому «волюнтаризму»). А что может быть солиднее такой основы, чем прогноз, на который опирается план? Вот тут к месту оказался «бум прогнозов», катившийся с

Запада. В русском языке появилось слово «прогнозирование». Почти одновременно с XXIII съездом КПСС в начале 1966 г. заговорили о предплановых прогнозных разработках.

Идеологическое нововведение проходило отнюдь не безболезненно. Как и сегодня, реакция сопротивлялась отчаянно. Прогнозирование и программирование отождествлялись с капитализмом, рассматривались как диверсия против социалистического планирования. Ожесточенные идейные бои продолжались почти три года. Дело доходило до ораторских инфарктов и инсультов прямо на трибунах. Но к середине 1968 г. в «директивных органах» вопрос был окончательно решен в смысле допущения прогноза не как альтернативы плану, а как разновидности предплановой разработки. Осенью того же года появилось соответствующее постановление ЦК КПСС и Совмина СССР. Еще раньше было принято решение о создании в только что учрежденном тогда Институте международного рабочего движения сектора, а затем и отдела прогнозирования социально-экономических последствий научно-технического прогресса (фактически начал функционировать с января 1967 г.). В конце 1967 г. рассматривался вопрос о создании в едином комплексе Института социологических исследований, общественного мнения, социального прогнозирования и планирования. Спустя год было принято решение ограничиться на первых порах Институтом конкретных социальных исследований АН СССР (в разумении, видимо, что абстрактные социальные исследования проводятся в институте философии или марксизма-ленинизма), где предусматривались отделы всех трех указанных выше направлений. Весной 1967 г. в одной только Москве насчитывалось более тридцати секторов, занявшихся прогнозными разработками, спустя год их оказалось более семидесяти, а после упомянутого постановления НК Совмина общее количество подобных научных подразделений по стране в целом достигло почти тысячи (точных подсчетов произвести было невозможно, так как значительная часть таких единиц находилась в составе закрытых предприятий или учреждений). Из них приблизительно около $\frac{2}{3}$ занимались научно-техническими прогнозами, около $\frac{1}{4}$ — экономическими, около $\frac{1}{10}$ — градостроительными, остальные (социальные, криминологические, географические и др. прогнозы) — насчитывались единицами.

Быстро стали формироваться общественные организации обмена научной информацией между работниками в сфере прогнозирования. В 1967 г. образовалась секция социального прогнозирования советской социалистической ассоциации и научного совета АН СССР по проблемам конкретных социальных исследований, Общественный институт социального прогнозирования при Социологической ассоциации в составе более тридцати межинститутских рабочих групп, занявшихся различными аспектами прогнозирования социальных потребностей общества. Уже в первой половине 1967 г. постоянно действующий семинар по проблемам социального прогнозирования собрал сначала несколько десятков человек, через месяц — несколько сот, еще через месяц — свыше тысячи. Аналогичных масштабов семинары, коллоквиумы, симпозиумы, конференции по проблемам научно-технического и экономического прогнозирования собирались в Москве и Киеве. В 1968 г. была создана Советская ассоциация научного прогнозирования с почти ежемесячными многообразными семинарами, тысячами ежегодными конференциями и

даже с собственным «толстым» журналом. Счет статьям и докладам по вопросам прогнозирования пошел ежегодно на сотни, монографиям (не считая популярной литературы) — до десятка и более.

Как обычно у нас, в мутной воде грюндерства, не обошлось без злоупотреблений. В погоне за «штатными единицами», дающими возможность лидирующему научному сотруднику выбиться в «заведующие», т.е. из научного плебса в научный патрициат (одна из двух основных форм продвижения учёного при феодально-кастовой социальной организации науки, считая второй производство в следующий научный «чин»), Институт конкретных социальных исследований раскололся на враждующие кланы «социологов» и «политологов», разумеется, с междоусобицей и внутри каждого клана. Началась холодная «гражданская война», похоронившая проекты создания на базе этого института институтов социологических исследований, общественного мнения и социального прогнозирования. Советская ассоциация научного прогнозирования, вопреки тщетным протестам ряда ученых, объединила преимущественно специалистов в области научно-технического прогнозирования. Экономическое прогнозирование обособилось в отдельный клан и эта грызня закончилась, конечно же, доносами и катастрофой.

В 1967 г. во время своих поездок в Париж и Москву Р. Юнгк обсуждал вопрос о возможности создания всемирной организации футурологии. Первоначальная идея заключалась в учреждении федерации возникших тогда национальных и интернациональных футурологических ассоциаций, в частности, общества «Мир будущего» (США), «Футурибль» (Франция, Италия, Испания), «Человечество 2000 года» (страны северо-западной Европы) аналогичных организаций, создававшихся в СССР и ряде стран Восточной Европы). Однако эту идею оказалось невозможным реализовать. Всемирная Федерация исследований будущего была создана лишь в 1972 году в виде еще одной международной организации, состоящей из нескольких сот индивидуальных и нескольких десятков коллективных членов, так что о переговорах 1967 г. напоминает лишь почетное членство в Федерации их участников и само её название.

Разумеется, добиться разрешения на вступление в Федерацию советских специалистов и организаций было совершенно невозможно вплоть до 1989 г., когда запретительные структуры стали рассыпаться и удалось настоять на коллективном членстве СССР в Федерации. А в те времена единственное, что практически можно было сделать, это образовать в 1970 г. (в условиях развертывавшегося погрома) в структуре Международной социологической ассоциации секцию футурологии (позднее исследовательский комитет 07 — «Исследования будущего»), где один из двух сопрезидентов всегда был представитель СССР, а другой — очередной президент Всемирной федерации исследований будущего. Только таким замысловатым путём можно было обеспечить хоть какую-то включенность советских специалистов в международное сообщество футурологов.

Однако все эти огорчения отходили далеко на задний план перед грандиозной целью, которая казалась близкой к осуществлению. В 1967—1971 гг. в «высших сферах» (точнее, в кругах помощников ряда членов Политбюро ЦК КПСС) обсуждался вопрос о возможности создания

государственной службы прогнозирования в виде специальной комиссии специалистов, способных «взвешивать» последствия принимаемых решений, при Политбюро ЦК КПСС, аналогичных комиссий при всех ведомствах общесоюзного и регионального уровня, при обкомах партии, во всей структуре плановых органов, на крупных предприятиях и в важнейших учреждениях, с научным подкреплением в виде сети кафедр прогнозирования в важнейших университетах страны и отделов прогнозирования в ведущих исследовательских институтах различного профиля.

Цель представлялась тем менее фантастической, что в НРБ и ГДР, где партийно-правительственная бюрократия была более гибкой, чем в СССР, простым распоряжением соответственно Т. Живкова и В. Ульбрихта подобная система в 1969 г. была формально учреждена (но фактически, понятно, оставалась бездействующей, ибо жесткое централизованное планирование в условиях административно-командной системы несовместимо с научным обоснованием вообще и прогнозным в особенности). Ныне можно только благодарить судьбу, что никак не могли договориться о том, кому быть председателем упомянутой комиссии, и тем самым очередные чингисханы опять остались без телефонов. Но в те времена «комиссия по прогнозированию», способная «взвешивать» принимаемые решения, казалась чуть ли не панацеей в смысле оптимизации политики и, таким образом, решения назревавших экономических, социальных, политических и иных проблем. Надежда на её создание «со дня на день» сохранялась до последнего момента — до того, когда разразилась катастрофа. Началось с того, что возникла общественная... «академия прогностических наук», со своими собственными действительными и недействительными членами к прочим наследием средневековья. Как известно, нет таких норм морали и права, через которые не переступили бы многие научные работники в погоне за вождельными степенями-званиями. Взаимное ожесточение достигло крайних пределов. В ход пошли политические доносы. Делами передравшихся между собой «социологов», «политологов» и «футурологов» стало заниматься такое грозное учреждение, как Комиссия партконтроля при ЦК КПСС и другие, не менее свирепые инстанции. Поистине, Киевская Русь перед нашествием Батыя!

Однако на политическом горизонте вновь сгущались тучи. Перестройка № 3, как и первые две, уперлась в дилемму: либо демократия — либо бюрократия, и вопрос снова был решен в пользу последней. Косыгинские реформы стали втихую свертываться, тонуть в пустословии. Последней каплей в чаше бюрократического терпения стала «пражская весна», показавшая, куда ведёт перестройка, и завершившаяся интервенцией в Чехословакии. Слабые попытки протеста общественности были свирепо подавлены, началась реакция, вылившаяся в 1969—1971 гг. в очередной тотальный погром обществоведения. Вице-президент АН СССР А.М. Румянцев, как и десятки других ведущих ученых, обвиненных в «гнилом либерализме», были смещены с руководящих постов и оказались во «внутренней эмиграции» (некоторые подались и во «внешнюю»). Еще десяткам, заклеенным проклятием «строгачей», было запрещено выступать устно и печатно. В Институт конкретных социальных исследований была направлена карательная экспедиция в лице нового директора и его опричников, разогнавших 3/4 персонала, в том числе почти

всех ведущих «социологов» и всех до единого «политологов». Росчерком пера были ликвидированы и Советская ассоциация научного прогнозирования, и Общественный институт социального прогнозирования.

Полностью подавив всякую научно-прогностическую активность, «директивные органы» вынесли типичное у нас соломоново решение: всю научную деятельность в области прогнозирования возложить на Госкомитет по науке и технике, а всю практическую — на Госплан. Но так как упомянутый Госкомитет отродясь никакой научной деятельностью не занимался и не способен заниматься просто в силу своей организации (как, впрочем, и остальные сотни министерств различных наименований), а Госплан никогда не в состоянии был работать с прогнозами, ибо «устроен» принципиально иначе, то на месте прогнозирования, понятно, воцарилась пустыня.

Однако столь же хорошо известно, что никакое «свято место» долго пусто не бывает, в том числе и прогностическое. Погромы — погромами, а жизнь берёт своё: куда же без прогнозов, когда на дворе последняя четверть XX века, и весь мир — в прогнозах? И «развитой социализм» вместо «коммунизма к 1980 году» сохранил свои идеологические позиции. В 1972 г. его начали дополнять «советским (социалистическим) образом жизни», противостоящим «буржуазному», как белое — чёрному, и этой пропагандистской кампании хватило до самого 1985 г. Но это не открывало перспективы, которую прежде давали обанкротившийся «коммунизм к 1980 г.» и свернутые «косыгинские реформы». Без перспективы же всякая идеология вообще и тоталитарная в особенности — паралитичка. Поэтому пришлось измышлять эрзац, который был найден в виде Комплексной Программы научно-технического прогресса на 1976—1990 гг. и позднее еще целого сонма таких же программ — от Энергетической и Продовольственной до сотен частно-отраслевых.

Для подготовки Комплексной программы была создана специальная комиссия АН СССР из нескольких десятков рабочих групп общей численностью свыше 800 человек. Работа шла около двух лет 15 — торопились к XXV съезду КПСС (1976 г.). Каков был характер представленных материалов, готовившихся в спешке по принципу «принудительности», т.е. волевым распоряжением начальства без какой-либо предварительной подготовки и без каких-либо материальных стимулов, — сказать затруднительно. Ясно лишь, что, строго говоря, то не были ни собственно прогнозные, ни собственно программные, ни собственно предплановые, ни тем более собственно плановые материалы. Так, некоторые чисто умозрительные соображения на перспективу — главным образом, в расчете повысить значимость своего учреждения и выбить побольше ассигнований на «свою» отрасль. Главное же, они не понадобились. Госплан сверстал очередную пятилетку 1976—1980 гг., по старинке, «от достигнутого», для чего никаких прогнозов или программ не требуется. Впрочем, то же самое относится к «Комплексным программам» для пятилеток на 1981—1985, 1986—1990 и 1991—1995 гг. (последняя была перечеркнута в зародыше политическими событиями 1989—1991 гг.)

Тем не менее, бурная квазинаучная активность, подчеркивавшая растущую «научную обоснованность» пятилеток, была оценена по достоинству как весьма выигрышная в политико-пропагандистском плане. В 1976 г. упомянутая Комиссия АН СССР была преобразована в Научный

совет из более чем полусотни комиссий. Счёт «задействованным» в них научным работникам пошел на многие тысячи, на десятки тысяч. В 1979 г., когда была завершена работа над второй Комплексной программой (до 2000 г.), эту деятельность ввели в систему: первые три года каждой пятилетки — работа над Комплексной программой, продлеваемой на следующие пять лет (2005, 2010 и т.д.), четвертый год — работа над основными направлениями (на следующие 10 лет), последний, пятый год — работа собственно над завершением пятилетнего плана. Эта система явилась одним из основных базовых элементов перестройки № 4 — проектов реформ управления, выработанных в 1979 г. к XXVI съезду КПСС (1981 г.), но так и оставшихся проектами. После перестройки № 5 (попытка реформ начатых в 1983 г. преемником Брежнева — Ю.В. Андроповым, вскоре умершим и смененным К.У. Черненко, который полностью восстановил брежневское статус кво) эта система была достроена учреждением Института народохозяйственного прогнозирования АН СССР, призванного координировать работу над Комплексной программой. В таком виде она просуществовала до 1990 г., когда была фактически упразднена за ненужностью, с весьма туманными перспективами «перестройки» этой деликатной области «социалистического планирования», особенно в условиях курса на «регулируемое рыночное хозяйство».

Ирония судьбы: эта колоссальная система, по сути, — государственная служба прогнозирования, в рамках которой трудились многие тысячи людей (в том числе, добросовестные учёные, высказывавшие ценные соображения и дававшие конструктивные предложения), производила продукцию, которой затруднительно дать наименование — прогнозная, программная, предплановая, плановая, научная?.. Сомнительно любое определение. Продукцию, которую игнорировали плановые органы, формировавшие планы по традиции «от достигнутого». Продукцию, которая не имела никакого значения, даже если бы учитывалась в практике планирования, поскольку, как обнаружилось позднее, все наши пятилетки, начиная с 1928 и кончая 1990 годом, были колоссальным политическим блефом, пропагандистской «дымовой завесой», т.к. плановые задания не выполнялись или «выполнялись» после соответствующей их «коррекции» (понятно, в сторону занижения), в чем нетрудно убедиться, ознакомившись с материалами любого съезда КПСС и с последующими результатами на протяжении очередной пятилетки.

В этом свете становится понятной принципиальная засекреченность всех прогнозных — точнее, квазипрогнозных — разработок и полная «нецензурность» нашего будущего, в смысле «непроходимости» через цензуру любых материалов о будущем СССР и человечества в целом, если такие материалы грозили разоблачением тотальной лжи «социалистического планирования». Понятна и горбачевская оценка прогнозирования как сплошь «белого пятна». Заслуженная оценка!

И все же отечественным «футурологам» на государственной службе несказанно повезло: ведь если бы они производили действительно научную, прогнозную продукцию по всем жестким правилам технологического прогнозирования, их сегодня можно было бы с полным правом обвинить в том, что они злобно дезориентировали наших плановиков и управленцев, завели страну в трясины застоя и поставили её на грань катастрофы. Это похуже плачевной участи Кассандры! А сегодня с них взятки гладки:

порядочных людей, добросовестных учёных вынудили по существу имитировать научную деятельность, чтобы придать «социалистическому планированию» более респектабельный вид, а саму их научную продукцию — вместе с содержащимися в ней конструктивными элементами, — оставляли без внимания, действуя в госуправлении по-прежнему, как печенеги и половцы. Так что к нашим бедствиям прогнозирование прямого отношения не имеет. Слабое, конечно, утешение. Но всё-таки...

И всё-таки история отечественной прогностики была бы односторонней, если бы мы ограничились только её, так сказать, официально-государственной половиной. Существовала и другая половина — неофициально-общественная, где драматизма развития тоже хватало.

Погром 1969—1971 гг. не убил, да и не мог убить научную мысль вообще, обществоведческую — в частности и прогностическую — в особенности. Конечно, первые два-три года после тотальной расправы над обществоведением царила полная прострация. Страшно было даже заикнуться о прогнозах, за рамками Комплексной программы. Само слово «прогнозирование» сделалось в глазах начальства крамольным, вроде «ревизионизма», и подозрительное отношение к прогнозистам со стороны управленцев сохранилось до сих пор. Но уже в 1974 году, где-то на невообразимых полутемных чердаках учебных корпусов Московского авиационного института полулегально и нахально самозванно стали вновь собираться семинары по научно-техническому прогнозированию — сначала на них приходили студенты и преподаватели института, а потом потянулись люди и из других институтов. К концу того же года на них, как и за пять лет перед тем, собиралось уже по несколько сот человек. В 1976 г. Комитет по прикладной математике и вычислительной технике Всесоюзного совета научно-технических обществ приютил оживавших прогнозистов на правах одной из комиссий этого комитета, а в 1979 г. на базе комиссии был образован особый Комитет ВСНТО (позднее — Совет научных и инженерных обществ) по научно-техническому прогнозированию и разработке комплексных программ научно-технического прогресса (последнее — дань времени и конъюнктуре: чтобы не прикрыли ненароком).

Комитет образовал несколько комиссий: по методологии и методике, по организации прогнозирования, по региональному и отраслевому прогнозированию, по экономическим, социальным, экологическим и глобальным проблемам научно-технического прогнозирования и др. Каждая комиссия развернула сеть рабочих групп, начали действовать свыше десятка постоянных семинаров, открылись региональные комитеты в Киеве, Ленинграде, Новосибирске, Минске, Вильнюсе, Риге, Таллине, Тбилиси, Ереване, Баку, Кишиневе, Алма-Ате, Ташкенте, Душанбе, Иркутске, ряде других городов страны. Некоторые из них вновь стали собирать сотни специалистов. Словом, научная жизнь постепенно забила ключом вновь.

Не хотелось бы создавать впечатление, будто прогностическая отечественная мысль 70-х—80-х годов билась исключительно в жилах названного комитета СНИО СССР. Были и другие научные общественные организации, которые также внесли в это дело определенный вклад. Но то, что комитет играл в данном отношении ведущую роль — бесспорно. Тут ему соперников не было. Ведь по сути это — научное общество, охватывавшее довольно широкий круг профессионалов, — в общей совокупности несколько тысяч участников постоянных семинаров; конечно,

это меньше, чем принудительно трудившихся над Комплексной программой, но всё же... Ведь они не просто дискуссировали о своих прогностических проблемах, они создали типовую методику регионального прогнозирования (особенно отличились литовские прогнозисты), типовую методику отраслевого прогнозирования (важную роль сыграли ленинградцы, минчане, киевляне, новосибирцы), типовую методику социального прогнозирования, целый ряд других разработок методологического и методического характера. Не их вина, что их разработки недостаточно учитывались (или, точнее, вообще не учитывались) в «официальном» прогнозировании и планировании, отделенном от них китайской стеною.

Да, формально связи между «формалами» и «неформалами» в отечественной футурологии, как говорится, были налицо: одним из заместителей председателя названного комитета все эти годы всегда был представитель координационного штаба Комплексной программы, другой — Госплана СССР, третий — Госкомитета СССР по науке и технике. Но что может человек против системы, особенно когда та известна под названием административно-командной?... Вот и шел общественный комитет своей дорогой, никого не спрашивая, ни перед кем не отчитываясь и никому не нужный. А госкомитеты — своей, известно куда приведшей.

Но не могут люди без конца заниматься делом, которое не имеет никаких практических «выходов». Оно неизбежно теряет в их глазах всякий смысл и энтузиазм (кроме него — никаких иных стимулов) постепенно гаснет. Это ведь хорошо декламировать: искусство — для искусства, наука — для науки, а когда видишь, что твой труд ничего не меняет вокруг, он неизбежно представляется мартышкиным. Особенно труд прогнозиста, плановика, управленца. Мы говорим: армия, школа, тюрьма — слепок общества, со всеми его бедами. А разве наука может быть исключением? И прогнозистика в том числе? Там, где была «казарменная» организация науки, — неизбежно начиналась имитация научного труда и профанация научного прогнозирования. Там же, где даже зарплаты не было, — неизбежно умирание. Страна погружалась в трясину застоя. И прогнозистика — тоже. И комитет по прогнозированию — тоже.

В ходе перестройки № 6 «горбачевские реформы 1985—1991» вместо формально сохранившихся, но фактически полностью парализованных общественных научных организаций, в науке вообще и в научном прогнозировании в частности стали возникать новые. По ходу этой перестройки было сметено множество препон, державших в цепях отечественную прогностику не одно десятилетие. Некому больше запрещать участие в работе Всемирной федерации исследований будущего — и Комитет СНИО становится коллективным членом федерации, посылает на её XI конференцию (май 1990 г., Будапешт) делегацию из тридцати человек — почти все за свой собственный счёт, разумеется заявками на научные доклады. Некому больше запрещать прогнозные разработки «не для служебного пользования» — и при комитете создается Всесоюзный центр исследований будущего, который начинает сразу несколько теоретических исследовательских проектов и прикладных прогнозных программ.

В конце 80-х гг. возникло около десятка общественных научных организаций — Ассоциация содействия Всемирной федерации исследований будущего, Ассоциация «Прогнозы и циклы»,

исследовательский центр «Прикладная прогностика», Международный фонд Н.Д. Кондратьева, исследовательский центр «Стратегия» и др., которые после первых лет нового «смутного времени», в апреле 1997 г. создали в Москве общественную академию прогнозирования (исследований будущего), с ее постоянно действующими семинарами, летними школами молодых футурологов и т.д. А в сентябре 1999 г. эта академия вместе с Международным институтом социологии Триестского университета в Гориции (Италия) учредила Международную академию исследований будущего в составе научных коллективов из более чем двадцати стран мира.

В 2000 г. в рамках данной организации был запланирован и полностью реализован совместный исследовательский проект: «страна и мир 2001—2010 гг.: проблемы и решения». От России в этом проекте участвовало 35 исследовательских групп. На 2001 г. запланирован аналогичный проект нормативного характера.

Не хотелось бы переоценивать достигнутое. Рыночная экономика, как известно, порождает консерватизм, а тот изначально враждебен плановому началу, в том числе и предплановым разработкам — прогнозам. Создавай нововведение, выходи с ним на рынок и торгуй — вот тебе и весь план. Повезет — расширай торговлю. Нет — объявляй себя банкротом и давай дорогу другим. Вот и вся прогностика. Так что нашим коллегам-прогнозистам на Западе приходится отнюдь не сладко. А так как мы тоже перешли к рыночной экономике, то в любителях поскорее снимать пенки, не задумываясь о последствиях, недостатка нет. Следовательно, и отечественных прогнозистов ждут не самые лёгкие времена.

И всё же то, что видишь вокруг, внушает надежду. Пусть пока лишь один предприниматель или управленец — даже один из ста — понимает, что надо видеть дальше собственного носа, что время грюндерства быстро проходит и на поверхности рынка остаются лишь дальнорюкие — близорюкие неизбежно потонут, сколько бы сливок ни сняли они поначалу. Пусть лишь один из ста сегодня заказывает разработки, позволяющие «взвешивать» последствия намечаемых решений по проверенным временам канонам технологического прогнозирования. Что ж? Завтра будет один из десяти, из пяти, из двух... Сегодня на Западе почти каждая крупная фирма опирается в своей деятельности на заказные прогнозы. В конгрессе США почти каждый четвертый депутат — абонент специального прогностического центра конгресса. Важно с самого начала выдавать прогнозы такого качества, чтобы даже у самых маловерных отпали последние сомнения в их необходимости.

...История прогностики, в отличие от истории всех прочих наук, не кончается сегодняшним днем. Она обязательно имеет продолжение в тех перспективных проблемах, которыми занимается прогнозирование.

Лекция 9

МЕТОДОЛОГИЯ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОГНОЗИРОВАНИЯ (ФОРМЫ КОНКРЕТИЗАЦИИ ПРЕДВИДЕНИЯ, ТИПОЛОГИЯ ПРОГНОЗОВ)

При разработках прогнозов специалисты нередко встречаются с трудностями, которые связаны с недостаточной определенностью

терминологии этого сравнительно нового направления научных исследований.

Будущее стремятся предвидеть, предсказать, предвосхитить, предугадать, прогнозировать и т.д. Но будущее можно также планировать, программировать, проектировать. По отношению к будущему можно ставить цели и принимать решения. Иногда некоторые из этих понятий употребляются как синонимы, иногда в каждое из них вкладывается разный смысл. Такое положение во многом затрудняет развитие прогностики и порождает бесплодные дискуссии по вопросам терминологии.

В 1975 г. Комитет научно-технической терминологии Академии наук СССР подготовил проект терминологии общих понятий прогностики, а также объекта и аппарата прогнозирования. Проект был разослан для широкого обсуждения в организации, занимающиеся проблемами прогностики, доработан с учетом замечаний и опубликован в 1978 г. в 92-м выпуске сборников терминов, рекомендуемых к применению в научно-технической литературе, информации, учебном процессе, стандартах и документации. В настоящем разделе предпринимается попытка свести в систему часть терминов (некоторые из них выходят за рамки указанного словаря), которые обозначают исходные понятия прогностики и без которых затруднительно воспринимать последующее изложение (словарь дается в Приложении).

Предвидение и прогнозирование. Представляется необходимым ввести общее понятие, объединяющее все разновидности получения информации о будущем, — предвидение, которое разделяется на научное и ненаучное (интуитивное, обыденное, религиозное и др.). Научное предвидение основано на знании закономерностей развития природы, общества, мышления; интуитивное — на предчувствиях человека, обыденное — на так называемом житейском опыте, связанных с ним аналогиях, приметах и т.п.; религиозное — на вере в сверхъестественные силы, предопределяющие будущее. Имеется на этот счет и масса суеверий.

Иногда понятие предвидения относят к информации не только о будущем, но и о настоящем, и даже о прошлом. Это происходит тогда, когда к еще неизвестным, непознанным явлениям прошлого и настоящего подходят с целью получения о них научного знания так, как если бы они относились к будущему. Примерами могут служить оценки залежей полезных ископаемых (презентистское предвидение), мысленная реконструкция памятников древности с применением инструментария научного предвидения (реконструктивное предвидение), оценка ретроспективы от настоящего к прошлому или от менее далекого к более далекому прошлому (реверсивное предвидение), оценка ретроспективы от прошлого к настоящему или от более далекого к менее далекому прошлому, в частности — для апробации методов предвидения (имитационное предвидение).

Предвидение затрагивает две взаимосвязанные совокупности форм его конкретизации: относящуюся к собственно категории предвидения — предсказательную (дескриптивную, или описательную) и сопряженную с ней, относящуюся к категории управления — предуказательную (прескриптивную, или предписательную). Предсказание подразумевает описание возможных или желательных перспектив, состояний, решений проблем будущего. Предуказание связано с собственно решением этих

проблем, с использованием информации о будущем для целенаправленной деятельности личности и общества. Предсказание выливается в формы предчувствия, предвосхищения, предугадывания, прогнозирования. Предчувствие (простое предвосхищение) содержит информацию о будущем на уровне интуиции — подсознания. Иногда это понятие распространяют на всю область простейшего опережающего отражения как свойства любого организма. Предугадывание (сложное предвосхищение) несет информацию о будущем на основе жизненного опыта, более или менее верные догадки о будущем, не основанные на специальных научных исследованиях. Иногда это понятие распространяют на всю область сложного опережающего отражения, являющегося свойством высшей формы движения материи — мышления. Наконец, прогнозирование (которое часто употребляют в предыдущих значениях) должно означать при таком подходе специальное научное исследование, предметом которого выступают перспективы развития явления.

Предуказание выступает в формах целеполагания, планирования, программирования, проектирования, текущих управленческих решений. Целеполагание — это установление идеально предположенного результата деятельности. Планирование — проекция в будущее человеческой деятельности для достижения предустановленной цели при определенных средствах, преобразование информации о будущем в директивы для целенаправленной деятельности. Программирование в этом ряду понятий означает установление основных положений, которые затем развертываются в планировании, либо последовательности конкретных мероприятий по реализации планов. Проектирование — создание конкретных образов будущего, конкретных деталей разработанных программ. Управление в целом как бы интегрирует четыре перечисленных понятия, поскольку в основе каждого из них лежит один и тот же элемент — решение. Но решения в сфере управления необязательно носят плановый, программный, проектный характер. Многие из них (так называемые организационные, а также собственно управленческие) являются как бы последней ступенью конкретизации управления.

Эти термины могут быть определены и как процессы разработки прогнозов, целей, планов, программ, проектов, организационных решений. С этой точки зрения прогноз определяется как вероятностное научно обоснованное суждение о перспективах, возможных состояниях того или иного явления в будущем и (или) об альтернативных путях и сроках их осуществления. Цель — решение относительно предположенного результата предпринимаемой деятельности. План — решение относительно системы мероприятий, предусматривающей порядок, последовательность, сроки и средства их выполнения. Программа — решение относительно совокупности мероприятий, необходимых для реализации научно-технических, социальных, социально-экономических и других проблем или каких-то их аспектов. Программа может являться предплановым решением, а также конкретизировать определенный аспект плана. Проект — решение относительно конкретного мероприятия, сооружения и т.д., необходимого для реализации того или иного аспекта программы. Наконец, собственно решение в данном ряду понятий — идеально предположенное действие для достижения цели.

Религиозное предвидение имеет собственные формы конкретизации. Так, «предсказание» принимает форму «откровения», прорицания (пророчества), гадания, а «предуказание» — форму «предопределения», волхования, заклинания, просьбы молитвы и пр. Но все это (равно как и формы конкретизации интуитивного и обыденного предвидения) является особой темой.

Важно подчеркнуть, что предсказание и предуказание тесно связаны между собой. Без учета этой связи невозможно понять сущность прогнозирования, его действительное соотношение с управлением. В предуказании может преобладать волевое начало, и тогда соответствующие цели, планы, программы, проекты, вообще решения оказываются волонтаристскими, субъективистскими, произвольными (с повышенным риском неоптимальности, несостоятельности). В связи с этим желательно преобладание в них объективного, исследовательского начала, чтобы они были научно обоснованными, с повышенным уровнем ожидаемой эффективности принимаемых решений.

Важнейшие способы научного обоснования предуказаний — описание (анализ), объяснение (диагноз) и предсказание (прогноз) — составляют три основные функции каждой научной дисциплины. Прогноз не есть лишь инструмент такого обоснования. Однако его практическое значение сводится именно к возможности повышения с его помощью эффективности принимаемых решений. Только в силу этого прогнозирование за последние десятилетия приняло беспрецедентные масштабы, стало играть важную роль в процессах управления.

Прогнозирование не сводится к попыткам предугадать детали будущего (хотя в некоторых случаях это существенно). Прогнозист исходит из диалектической детерминации явлений будущего, из того, что необходимость пробивает себе дорогу через случайности, что к явлениям будущего нужен вероятностный подход с учетом широкого набора возможных вариантов. Только при таком подходе прогнозирование может быть эффективно использовано для выбора наиболее вероятного или наиболее желательного, оптимального варианта при обосновании цели, плана, программы, проекта, вообще решения.

Прогнозы должны предшествовать планам, содержать оценку хода, последствий выполнения (или невыполнения) планов, охватывать все, что не поддается планированию, решению. Они могут охватывать в принципе любой отрезок времени. Прогноз и план различаются способами оперирования информацией о будущем. Вероятностное описание возможного или желательного — это прогноз. Директивное решение относительно мероприятий по достижению возможного, желательного — это план. Прогноз и план могут разрабатываться независимо друг от друга. Но чтобы план был эффективным, оптимальным, ему должен предшествовать прогноз, по возможности непрерывный, позволяющий научно обосновывать данный и последующие планы.

Типология прогнозов может строиться по различным критериям в зависимости от целей, задач, объектов, предметов, проблем, характера, периода упреждения, методов, организации прогнозирования и т.д. Основополагающим является проблемно-целевой критерий: для чего разрабатывается прогноз? Соответственно различаются два типа прогнозов: поисковые (их называли прежде исследовательскими, изыскательскими,

трендовыми, генетическими и т.п.) и нормативные (их называли программными, целевыми).

Поисковый прогноз — определение возможных состояний явления в будущем. Имеется в виду условное продолжение в будущее тенденций развития изучаемого явления в прошлом и настоящем, абстрагируясь от возможных решений, действия на основе которых способны радикально изменить тенденции, вызвать в ряде случаев самоосуществление или саморазрушение прогноза. Такой прогноз отвечает на вопрос: *что вероятнее всего произойдет при условии сохранения существующих тенденций?*

Нормативный прогноз — определение путей и сроков достижения возможных состояний явления, принимаемых в качестве цели. Имеется в виду прогнозирование достижения желательных состояний на основе заранее заданных норм, идеалов, стимулов, целей. Такой прогноз отвечает на вопрос: *какими путями достичь желаемого?*

Поисковый прогноз строится на определенной шкале (поле, спектре) возможностей, на которой затем устанавливается степень вероятности прогнозируемого явления. При нормативном прогнозировании происходит такое же распределение вероятностей, но уже в обратном порядке: от заданного состояния к наблюдаемым тенденциям. Нормативное прогнозирование в некоторых отношениях очень похоже на нормативные плановые, программные или проектные разработки. Но последние подразумевают директивное установление мероприятий по реализации определенных норм, тогда как первое — стохастическое (вероятностное) описание возможных, альтернативных путей достижения этих норм.

Нормативное прогнозирование не только не исключает нормативные разработки в сфере управления, но и является их предпосылкой, помогает вырабатывать рекомендации по повышению уровня объективности и, следовательно, эффективности решений. Это обстоятельство побудило выявить специфику прогнозов, обслуживающих соответственно целеполагание, планирование, программирование, проектирование, непосредственно организацию управления. В итоге по критерию соотношения с различными формами конкретизации управления некоторые специалисты выделяют ряд подтипов прогнозов (поисковых и нормативных).

Целевой прогноз собственно желаемых состояний отвечает на вопрос: *что именно желательно и почему?* В данном случае происходит построение на определенной шкале (поле, спектре) возможностей сугубо оценочной функции, т.е. функции распределения предпочтительности: нежелательно — менее желательно — более желательно — наиболее желательно — оптимально (при компромиссе по нескольким критериям). Ориентация — содействие оптимизации процесса целеполагания.

Плановый прогноз (план-прогноз) хода выполнения (или невыполнения) планов представляет собой по существу выработку поисковой и нормативной прогнозной информации для отбора наиболее целесообразных плановых нормативов, заданий, директив с выявлением нежелательных, подлежащих устранению альтернатив и с тщательным выяснением прямых и отдаленных, косвенных последствий принимаемых плановых решений. Такой прогноз отвечает на вопрос: *как, в каком*

направлении ориентировать планирование, чтобы эффективнее достичь поставленных целей?

Программный прогноз возможных путей, мер и условий достижения предполагаемого желательного состояния прогнозируемого явления отвечает на вопрос: *что конкретно необходимо, чтобы достичь желаемого?* Для ответа на этот вопрос важны и поисковые и нормативные прогнозные разработки. Первые выявляют проблемы, которые нужно решить, чтобы реализовать программу, вторые определяют условия реализации. Программное прогнозирование должно сформулировать гипотезу о возможных взаимовлияниях различных факторов, указать гипотетические сроки и очередность достижения промежуточных целей на пути к главной. Тем самым как бы завершается отбор возможностей развития объекта исследования, начатый плановым прогнозированием.

Проектный прогноз конкретных образов того или иного явления в будущем при допущении ряда пока еще отсутствующих условий отвечает на вопрос: *как (конкретно) это возможно, как это может выглядеть?* Здесь также важно сочетание поисковых и нормативных разработок. Проектные прогнозы (их называют еще прогнозными проектами, дизайн-прогнозами и т.д.) призваны содействовать отбору оптимальных вариантов перспективного проектирования, на основе которых должно разворачиваться затем реальное, текущее проектирование.

Организационный прогноз текущих решений (применительно к сфере управления) для достижения предусмотренного желаемого состояния явления, поставленных целей отвечает на вопрос: *в каком направлении ориентировать решения, чтобы достичь цели?* Сопоставление результатов поисковых и нормативных разработок должно охватывать весь комплекс организационных мероприятий, повышая тем самым общий уровень управления.

По периоду упреждения — промежутку времени, на который рассчитан прогноз, — различаются оперативные (текущие), кратко-, средне-, долго- и дальнесрочные (сверхдолгосрочные) прогнозы. Оперативный, как правило, рассчитан на перспективу, на протяжении которой не ожидается существенных изменений объекта исследования — ни количественных, ни качественных. Краткосрочный — на перспективу только количественных изменений, долгосрочный — не только количественных, но преимущественно качественных. Среднесрочный охватывает перспективу между кратко- и долгосрочным с преобладанием количественных изменений над качественными, дальнесрочный (сверхдолгосрочный) — перспективу, когда ожидаются столь значительные качественные изменения, что по существу можно говорить лишь о самых общих перспективах развития природы и общества.

Оперативные прогнозы содержат, как правило, детально-количественные оценки, краткосрочные — общие количественные, среднесрочные — количественно-качественные, долгосрочные — качественно-количественные и дальнесрочные — общие качественные оценки.

Временная градация прогнозов является относительной и зависит от характера и цели данного прогноза. В некоторых научно-технических прогнозах период упреждения даже в долгосрочных прогнозах может измеряться сутками, а в геологии или космологии — миллионами лет. В

социально-экономических прогнозах сообразно с народнохозяйственными планами и в соответствии с характером и темпами развития прогнозируемых явлений эмпирически установлен следующий временной масштаб: оперативные прогнозы — до одного года, краткосрочные — от одного до пяти лет, среднесрочные — на пять-десять лет, долгосрочные — на период до пятнадцати — двадцати лет, дальнесрочные — за пределами долгосрочных.

Однако и здесь имеются различия, связанные с особенностями отдельных отраслей социально-экономического прогнозирования. Так, в сфере политики диапазон между кратко- и долгосрочностью сужается до пределов ближайшего десятилетия, в градостроительстве — растягивается на целое столетие (так как на ближайшие десятилетия большая часть объектов уже запроектирована и возможно только оперативное прогнозирование), в экономике — приспосабливается к диапазонам народнохозяйственных планов и т.д.

По объекту исследования различают естественные, научно-технические и обществоведческие (социальные в широком значении этого термина) прогнозы. В естественных прогнозах взаимосвязь между предсказанием и предугадыванием незначительна, близка или практически равна нулю из-за невозможности управления объектом, так что здесь в принципе возможно только поисковое прогнозирование с ориентацией на возможно более точное безусловное предсказание будущего состояния явления. В обществоведческих прогнозах эта взаимосвязь настолько значительна, что способна давать эффект самоосуществления или, напротив, саморазрушения прогнозов действиями людей на основе целей, планов, программ, проектов, вообще решений (включая принятые с учетом сделанных прогнозов). В связи с этим здесь необходимо сочетание поисковых и нормативных разработок, т.е. условных предсказаний с ориентацией на повышение эффективности управления. Научно-технические прогнозы занимают в этом отношении как бы промежуточное положение.

Естественные прогнозы разделяются на следующие направления:

- 1) метеорологические (погода, воздушные потоки и другие атмосферные явления);
- 2) гидрологические (морские волнения, режим стока воды, паводков, цунами, штормов, замерзания и вскрытия акватории, другие гидросферные явления);
- 3) геологические (залежи полезных ископаемых, землетрясения, срыв лавин и другие литосферные явления);
- 4) биологические, включая фенологические и сельскохозяйственные (урожайность, заболеваемость и другие явления в растительном и животном мире, вообще в биосфере);
- 5) медико-биологические (ныне преимущественно болезни человека);
- 6) космологические (состояние и движение небесных тел, газов, излучений, всех явлений космосферы);
- 7) физико-химические прогнозы явлений микромира.

Научно-технические прогнозы в узком смысле, или, как их еще называют, инженерные, охватывают перспективы состояния материалов и режима работы механизмов, машин, приборов, электронной аппаратуры, всех явлений техносферы. В широком смысле — в смысле перспектив

развития научно-технического прогресса — они охватывают перспективные проблемы развития науки, ее структуры, сравнительной эффективности различных направлений исследования, дальнейшего развития научных кадров и учреждений, а также перспективные проблемы техники (системы «человек — машина»), точнее, управляемых аспектов научно-технического прогресса в промышленности, строительстве, городском и сельском хозяйстве, на транспорте и связи, включая систему информации.

Общественно-научные прогнозы делятся на направления:

- 1) социально-медицинские (здравоохранение, включая физическую культуру и спорт);
- 2) социально-географические (перспективы дальнейшего освоения земной поверхности, включая Мировой океан);
- 3) социально-экологические (перспектива сохранения равновесия между состоянием природной среды и жизнедеятельностью общества);
- 4) социально-космические (перспектива освоения космоса);
- 5) экономические (перспектива развития народного хозяйства, вообще экономических отношений);
- 6) социологические, или социальные в узком смысле (перспектива развития социальных отношений);
- 7) психологические (личность, ее поведение, деятельность);
- 8) демографические (рост, половозрастная структура, миграция населения);
- 9) филолого-этнографические, или лингво-этнологические (развитие языка, письменности, личных имен, национальных традиций, нравов, обычаев);
- 10) архитектурно-градостроительные (социальные аспекты расселения, развития города и деревни, жилища, вообще обитаемой среды);
- 11) образовательно-педагогические (воспитание и обучение, развитие кадров и учреждений в области народного образования — от детских яслей и садов до университетов и аспирантуры, включая подсистемы повышения квалификации и переподготовки кадров; самообразование взрослых, образование родителей, дополнительное образование и др.);
- 12) культурно-эстетические (материально-техническая база искусства, литературы, всей культуры; художественная информация, развитие кадров и учреждений культуры — книжного, журнального, газетного дела, радио и телевидения, кино и театра, музеев и парков культуры, клубов и библиотек, памятников культуры и т.д.);
- 13) государственно-правовые, или юридические (развитие государства и законодательства, права и криминологии, вообще правовых отношений);
- 14) внутривнутриполитические (внутренняя политика своей и другой страны);
- 15) внешнеполитические (внешняя политика своей и другой страны, международные отношения в целом);
- 16) военные (военно-технические, военно-экономические, военно-политические, военно-стратегические, военно-тактические, военно-организационные прогнозы).

Нередко научно-техническими прогнозами именуют также естественнонаучные, а общественно-научные часто называют социально-экономическими, причем все прогнозы данной группы, кроме экономических, выступают в этом случае под названием социальных.

Особую область составляют философские и теоретико-методологические проблемы прогнозирования.

Следует отметить, что между естественноведческими и обществоведческими прогнозами нет глухой стены, поскольку теоретически взаимосвязь между предсказанием и предугаданием никогда не равна нулю. Человек начинает воздействовать на погоду (рассеивание туманов, градовых туч), на урожайность (производство удобрений) и т.д. Вполне вероятно, что со временем он научится управлять погодой, регулировать морские волнения, предотвращать землетрясения, получать заранее точно определенные урожаи, программировать физиологическое и психологическое развитие человека, изменять орбиты небесных тел и пр. Тогда различие между указанными типами прогнозов постепенно исчезнет совсем.

В то же время нетрудно заметить известную связь между прогнозами того и другого типа. Это закономерно, поскольку связи между естественными, техническими и общественными науками становятся все теснее. Типология прогнозов не исчерпывается перечисленными критериями и названными порядками по каждому типу. В принципе критериев значительно больше и по каждому из них можно выделить подтипы третьего, четвертого и т.д. порядка. Однако разработка «дерева типов прогнозов» пока еще ждет специального исследования.

Прогнозирование и прогностика. Перечисленные подтипы прогнозов по критерию объекта исследования представляют известную абстракцию. На практике ни один из них в «чистом» виде не существует, так как они взаимосвязаны, образуют сложные комплексы. Обычно прогноз разрабатывается в рамках определенной группировки прогнозов в зависимости от цели исследования (целевая группировка прогнозов).

Было бы затруднительно, например, дать прогноз развития науки или техники, не располагая данными смежных отраслей (экономики, демографии, культуры и т.д.). Точно так же трудно определить перспективы развития экономики или культуры, не зная перспектив развития науки, техники, народонаселения, градостроительства, народного образования и т.д.

Для каждого прогноза желательно привлекать возможно больше данных по смежным направлениям. Сейчас используются лишь некоторые важнейшие для цели исследования. Как показывает опыт, при прочих равных условиях степень достоверности прогноза всегда прямо пропорциональна степени полноты используемого материала по другим отраслям, степени полноты целевой группировки.

Целевая группировка складывается из ведущего (профильного) и вспомогательных (фоновых) направлений. В принципе сообразно цели исследования ведущим может стать любое направление. На практике среди целевых группировок выделяется одна наиболее развитая — народнохозяйственное прогнозирование, где ведущими являются экономическое и социальное прогнозирование, а вспомогательными — научно-техническое и демографическое (остальные направления играют пока что незначительную роль).

Необходимость формирования целевых группировок прогнозов диктуется требованиями практики прогнозирования. Ни один научный коллектив не в состоянии разработать прогнозы достаточно высокой

достоверности по всем отраслям прогнозирования. Целевая группировка помогает мобилизовать силы специалистов различных областей научных знаний и организовать их оптимальным образом для разработки прогноза.

Ведущее направление целевой группировки образует профиль прогноза, который является предметом исследования. Вспомогательные направления составляют прогнозный фон — совокупность внешних по отношению к объекту прогнозирования условий, существенных для решения задачи прогноза. В отличие от профильных, фоновые данные обычно не являются предметом исследования силами одного научного коллектива (так как это практически невозможно и нецелесообразно): их либо получают готовыми по заказу из других, достаточно компетентных научных учреждений, либо черпают из имеющейся научной литературы, либо постулируют условно с соответствующими оговорками относительно степени их достоверности. Стандартный прогнозный фон разделяется на научно-технический, демографический, экономический, социологический, социокультурный, организационно-политический, международный. Обычно выбирается несколько подразделений в зависимости от цели и задач разработки прогноза.

Различие между отраслью прогнозирования и целевой группировкой прогнозов носит принципиальный характер. Игнорирование его ведет к бесплодным спорам, например, по вопросу, является ли демографическое или научно-техническое прогнозирование самостоятельной отраслью или только подотраслью экономического прогнозирования, которое рассматривается иногда как синоним народнохозяйственного.

Совокупность целевых группировок прогнозов представляет собой комплекс прогнозов в существующих науках, а не некую новую науку, подменяющую уже имеющиеся, так как это привело бы к искусственному разрыву исследования тенденций и перспектив развития явлений природы и общества, изучаемых каждой наукой, к разрыву единства неотъемлемых основных функций каждой науки — описания, объяснения и предсказания.

Научная дисциплина о закономерностях разработки прогнозов — прогностика имеет своим предметом исследование законов и способов прогнозирования. Ее задачи — разработка соответствующих проблем гносеологии и логики теоретического прогностического исследования, научных принципов типологии прогнозов, классификации методов прогнозирования, разграничения таких взаимосвязанных понятий, как гипотеза и прогноз, прогноз и закон, анализ и прогноз, прогноз и план, решение и т.д. Одна из важнейших задач прогностики — разработка специальных методологических проблем прогнозирования с целью повышения обоснованности прогнозов.

В структуре прогностики должны развиваться частные теории прогнозирования с «двойным подчинением»: по линии общей прогностики и по линии соответствующей научной дисциплины в рамках естествоведения или обществоведения (научно-техническая, экономическая, социологическая, политическая и т.д. прогностика). Правда, пока еще прогностика находится на начальных стадиях развития, когда говорить о деталях ее «распчкования» несколько преждевременно. Это, видимо, дело будущего. Но во всех случаях имеется и должна иметься в виду именно теория прогнозирования, а не вычленение какой-то части проблематики существующих научных дисциплин в некую «науку о будущем».

Это важно подчеркнуть, потому что за истекшие полвека не было недостатка в спекуляциях на специфичности проблематики прогнозирования. Особенно это относится к многозначному термину «футурология», который в настоящее время имеет следующие значения:

1) «философия будущего», противостоящая всем социальным учениям прошлого и настоящего, которые немецкий философ первой половины XX в. К. Маннгейм разделял на «идеологию» и «утопию» (учения, соответственно защищавшие или отвергавшие господствующий социальный строй). Термин «футурология» в этом значении предложил в 1943 г. немецкий социолог, эмигрировавший в США, — О. Флехтгейм. Эта концепция не получила распространения;

2) «наука о будущем», «история будущего», предметом исследования которой должны быть перспективы развития всех явлений — прежде всего социальных, — в отличие от прочих дисциплин, ограниченных исследованиями прошлого и настоящего. Термин в этом значении получил на Западе распространение в начале 60-х годов в связи с развернувшимся тогда «бумом прогнозов» (появлением специальных учреждений, занятых разработкой прогнозов научно-технического и социально-экономического характера). Однако во второй половине 60-х годов выявилась несостоятельность попыток выделения «истории будущего» по аналогии с «историей прошлого», и к началу 70-х годов термин «футурология» в этом значении почти совершенно перестал употребляться.

Аналогия между исследованием прошлого и будущего оказалась неправомерной. История изучает свершившиеся события, представляющие особый исторический интерес, с помощью специального научного инструментария, отличного от приемов изучения наблюдаемых явлений. Это делает оправданным выделение исторических наук в особую группу. Поэтому закономерно появление истории театра, физики, земледелия, человечества в целом.

Между тем явления настоящего и будущего представляют взаимосвязанный актуальный интерес. Научный инструментарий изучения явлений будущего, хотя и имеет определенную специфику, теснейшим образом связан с инструментарием изучения наблюдаемых явлений. Выше уже упоминалось о единстве описания, объяснения и предсказания как основных функций каждой науки. Пока что предсказательная функция в большинстве научных дисциплин развита слабее, чем объяснительная и описательная. Но это не подрывает принципа, согласно которому назначение каждой науки, если это действительно наука, — описывать, объяснять и предсказывать.

Вот почему «наука о будущем» оказывается лишенной предмета исследования, реально принадлежащего многим существующим дисциплинам. Осознание этого обстоятельства и привело к дискредитации такого значения термина «футурология»;

3) комплекс социального прогнозирования как тесно взаимосвязанной совокупности прогностических функций существующих общественных наук и прогностики как науки о законах прогнозирования. В этом значении футурология в качестве «междисциплинарных исследований», «метанауки» получила на Западе к концу 60-х годов значительное распространение. Однако неопределенность термина и частое смешение этого его значения с двумя предыдущими вызвали с начала 70-х годов вытеснение его другими

терминами (прогностика, футуристка, футуристика, «исследование будущего» и др.). К настоящему времени последний термин в качестве синонима комплекса социального прогнозирования и социальной прогностики является на Западе господствующим;

4) синоним комплекса социального прогнозирования — в отличие от прогностики. В этом значении термин употребляется редко;

5) синоним прогностики — в отличие от комплекса социального прогнозирования. В этом значении термин употребляется тоже редко;

6) в узком смысле на протяжении второй половины XX века концепции будущего общества, противостоящие научному коммунизму (типа теории «постиндустриального общества» и т.п.);

7) в широком смысле — все современные публикации (и научные, и публицистические) о перспективах развития человеческого общества. Правда, все чаще имеется в виду не только современная или только немарксистская, но чаще вообще вся «литература о будущем».

В Советском Союзе термин «футурология» в его 3-м значении (синоним комплекса социального прогнозирования и прогностики) употреблялся иногда в публицистике или в научно-популярной литературе. В специальной научной литературе этот термин обычно употреблялся только в 6-м и 7-м значениях, как правило, с эпитетом «буржуазная».

Инструментарий прогнозирования. В основе прогнозирования лежат три взаимодополняющих источника информации о будущем:

— оценка перспектив развития, будущего состояния прогнозируемого явления на основе опыта, чаще всего при помощи аналогии с достаточно хорошо известными сходными явлениями и процессами;

— условное продолжение в будущее (экстраполяция) тенденций, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны;

— модель будущего состояния того или иного явления, процесса, построенная сообразно ожидаемым или желательным изменениям ряда условий, перспективы развития которых достаточно хорошо известны.

В соответствии с этим существуют три дополняющих друг друга способа разработки прогнозов:

— анкетирование (интервьюирование, опрос) — опрос населения, экспертов с целью упорядочить, объективизировать субъективные оценки прогнозного характера. Особенно большое значение имеют экспертные оценки. Опросы населения в практике прогнозирования применяются пока что сравнительно редко;

— экстраполирование и интерполирование (выявление промежуточного значения между двумя известными моментами процесса) — построение динамических рядов развития показателей прогнозируемого явления на протяжении периодов основания прогноза в прошлом и упреждения прогноза в будущем (ретроспекции и проспекции прогнозных разработок);

— моделирование — построение поисковых и нормативных моделей с учетом вероятного или желательного изменения прогнозируемого явления на период упреждения прогноза по имеющимся прямым или косвенным данным о масштабах и направлении изменений. Наиболее эффективная прогнозная модель — система уравнений. Однако имеют значение все возможные виды моделей в широком смысле этого термина: сценарии,

имитации, графы, матрицы, подборки показателей, графические изображения и т.д.

Приведенное разделение способов прогнозирования условно, потому что на практике, как уже говорилось, эти способы взаимно перекрещиваются и дополняют друг друга. Прогнозная оценка обязательно включает в себя элементы экстраполяции и моделирования. Процесс экстраполяции невозможен без элементов оценки и моделирования. Моделирование подразумевает предварительную оценку и экстраполирование. Это обстоятельство на протяжении долгого времени затрудняло адекватную классификацию методов прогнозирования. Разработку последней тормозила также недостаточная определенность понятий приема, процедуры, метода, методики, способа, системы, методологии прогнозирования, которые нередко употреблялись одно вместо другого либо фигурировали как однопорядковые явления, несмотря на существенную качественную разницу между ними. За последние годы в этом отношении проведена значительная работа, позволившая создать надежную теоретическую базу для классификации методов прогнозирования. В итоге приведенный ряд понятий выстроился в следующую логическую систему.

Прием прогнозирования — конкретная форма теоретического или практического подхода к разработке прогноза, одна или несколько математических или логических операций, направленных на получение конкретного результата в процессе разработки прогноза. *Процедура* — ряд приемов, обеспечивающих выполнение определенной совокупности операций. *Метод* — сложный прием, упорядоченная совокупность простых приемов, направленных на разработку прогноза в целом. *Методика* — упорядоченная совокупность приемов, процедур, операций, правил исследования на основе одного или чаще определенного сочетания нескольких методов. *Методология* прогнозирования — область знания о методах, способах, системах прогнозирования. *Способ прогнозирования* — получение и обработка информации о будущем на основе однородных методов разработки прогноза. *Система прогнозирования* («прогнозирующая система») — упорядоченная совокупность методик, технических средств, предназначенная для прогнозирования сложных явлений или процессов. Опыт показывает, что ни один из названных способов (и тем более методов), взятый сам по себе, не может обеспечить значительную степень достоверности, точности, дальности прогноза. Зато в определенных сочетаниях они оказываются в высокой степени эффективными.

Общая логическая последовательность важнейших операций разработки прогноза сводится к следующим основным этапам:

1. Предпрогнозная ориентация (программа исследования). Уточнение задания на прогноз: характер, масштабы, объект, периоды основания и упреждения и т.д. Формулирование целей и задач, предмета, проблемы и рабочих гипотез, определение методов, структуры и организации исследования.

2. Построение исходной (базовой) модели прогнозируемого объекта методами системного анализа. Для уточнения модели возможен опрос населения и экспертов.

3. Сбор данных прогнозного фона методами, о которых говорилось выше.

4. Построение динамических рядов показателей — основы стержня будущих прогнозных моделей методами экстраполяции, возможно обобщение этого материала в виде прогнозных предмодельных сценариев.

5. Построение серии гипотетических (предварительных) поисковых моделей прогнозируемого объекта методами поискового анализа профильных и фоновых показателей с конкретизацией минимального, максимального и наиболее вероятного значений.

6. Построение серии гипотетических нормативных моделей прогнозируемого объекта методами нормативного анализа с конкретизацией значений абсолютного (т.е. не ограниченного рамками прогнозного фона) и относительного (т.е. привязанного к этим рамкам) оптимума по заранее определенным критериям сообразно заданным нормам, идеалам, целям.

7. Оценка достоверности и точности, а также обоснованности (верификация) прогноза — уточнение гипотетических моделей обычно методами опроса экспертов.

8. Выработка рекомендаций для решений в сфере управления на основе сопоставления поисковых и нормативных моделей. Для уточнения рекомендаций возможен еще один опрос населения и экспертов. Иногда (правда, пока еще редко) при этом строятся серии поствероятностных прогнозных моделей-сценариев с учетом возможных последствий реализации выработанных рекомендаций для их дальнейшего уточнения.

9. Экспертное обсуждение (экспертиза) прогноза и рекомендаций, их доработка с учетом обсуждения и сдача заказчику.

10. Вновь предпрогнозная ориентация на основе сопоставления материалов уже разработанного прогноза с новыми данными прогнозного фона и новый цикл исследования, ибо прогнозирование должно быть таким же непрерывным, как целеполагание, планирование, программирование, проектирование, вообще управление, повышению эффективности которого оно призвано служить.

Сказанное нуждается в трех существенных дополнительных замечаниях:

- во-первых, эффективность прогнозов (особенно обществоведческих) не может сводиться только к степени их достоверности, точности, дальности, хотя все это очень важно; не менее важно знать, насколько тот или иной прогноз содействует повышению обоснованности, объективности, эффективности разработанных на его основе решений;

- во-вторых, верификация прогнозов имеет существенные особенности, отличающие ее от верификации данных анализа или диагноза. В прогнозировании помимо абсолютной верификации, т.е. эмпирического подтверждения или отрицания правильности гипотезы, существует относительная (предварительная) верификация, которая позволяет развивать научное исследование и практически использовать его результат до наступления возможности абсолютной верификации. Способы относительной верификации известны: это проверка полученных, но еще не поддающихся абсолютной верификации результатов контрольными исследованиями.

В отношении прогноза абсолютная верификация возможна только после перехода периода упреждения из будущего в прошлое. Но задолго до этого можно и должно прибегать к повторным или параллельным исследованиям по иной методике (например, провести опрос экспертов).

Если результаты совпадают, есть основания с большей уверенностью считать степень достоверности прогноза высокой, если нет — есть время для поиска и устранения ошибок или недочетов в методике разработки прогнозов.

В этом плане важно четко разграничить категории обоснованности и истинности (прогноза). Обоснованность научной информации — это, коротко говоря, уровень состояния знаний и качество научного исследования. Если новая научная информация опирается на основательную научную теорию, эффективность которой в отношении аналогичных объектов исследования доказана, если эта информация получена в результате достаточно надежных методов, процедур, операций научного исследования (проверенного на других объектах), то она считается вполне обоснованной еще до подтверждения ее практикой.

Критерием истинности научной информации, как известно, является практика. Однако практику нельзя понимать лишь как чисто эмпирический опыт сегодняшнего дня. Более широкое понимание практики включает прежде всего общественно-историческую практику развития человеческого общества в целом. Поэтому проблема истинности прогноза не может ограничиваться возможностью «сиюминутной» практической проверки, должна связываться с реальными тенденциями развития человеческого общества.

В конечном итоге, как явствует из изложенного, любая верификация прогноза не является самоцелью. Если прогноз дает эффект в плане повышения научного уровня управления, он выступает как полноценный результат научного исследования задолго до возможности абсолютной верификации. В этом отношении современная наука имеет достаточно проверенных на практике примеров.

Повышение эффективности решений за счет использования прогнозной информации было достигнуто в 60—70-х годах, по сути дела на начальной стадии становления прогностики, когда многие методы еще теоретически не были разработаны или практически недостаточно опробованы, когда многие методики еще носили фактически экспериментальный характер. Все это дает основания для выдвижения вполне научной гипотезы о том, что по мере развития прогностики, совершенствования ее методов прогнозирования будет оказывать еще более эффективное воздействие на уровень целей, планов, программ, проектов, организационных решений, чем в настоящее время.

- в-третьих, даже предварительное знакомство с современным инструментарием прогнозирования показывает, что последнее отнюдь не универсально и не всеильно, что оно не в состоянии подменить собой более широкое понятие предвидения. Особенности способов разработки прогноза накладывают принципиальные ограничения на возможности прогнозирования как в диапазоне времени (период упреждения в социально-экономических прогнозах на практике ограничен, как правило, ближайшими десятилетиями), так и в диапазоне объектов исследования (не все явления поддаются прогнозным оценкам). Эти ограничения надо постоянно учитывать при уточнении заданий на разработку прогнозов.

Часть III

**ТЕХНОЛОГИЯ ПРОГНОЗНЫХ РАЗРАБОТОК
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**
(развертывание положений, кратко
упоминавшихся в лекциях по истории
социального прогнозирования)

Лекция 10

СОСТАВЛЕНИЕ ПРОГРАММЫ ИССЛЕДОВАНИЯ
(предпрогнозная ориентация)

Программа прогностического социологического исследования — это документ, содержащий теоретические предпосылки, основные цели и задачи исследования, обоснованные методики сбора, обработки и анализа информации (см. табл. 2). Она предваряет все другие процедуры исследования и является необходимым его элементом, выполняя следующие функции:

Таблица 2

№ пп	Операция	Цель	Объем
1.	Сбор предварительной информации по предмету исследования в соответствии с полученным заданием силами всех ведущих сотрудников исследовательской группы		
	Предварительная систематизация собранной информации	Представление ее в форме, удобной для обсуждения, анализа и синтеза	1 п. л. с любым необходимым числом приложений

Продолжение табл. 2

№ пп	Операция	Цель	Объем
---------	----------	------	-------

	Предварительное обсуждение систематизированной информации «методом комиссии» (совместное заседание исследовательской группы и нескольких специалистов, способных дать важные дополнительные оценки или высказать конструктивные суждения). На этой стадии помимо основных моментов предпрогнозной ориентации определяются и уточняются масштабы и особенности исследуемого объекта, круг экспертов, принцип выборки респондентов, шкалы измерений, перечень рабочих документов исследования и другие детали инструментария	Доработка сходного документа до состояния, пригодного для более основательного анализа более широким кругом специалистов	
	Доработка исходного документа до состояния краткого проспекта программы исследования	Возможно более четкие формулировки всех обязательных пунктов предпрогнозной ориентации и признанных необходимыми дополнительными пунктов	1 п. л.

Продолжение табл. 2

№ пп	Операция	Цель	Объем
---------	----------	------	-------

	Обсуждение проспекта программы исследования методом деструктивной отнесенной оценки, т.е. путем последовательной критики (деструкции) выдвинутых в проспекте положений, а затем «мозговой атаки». Для этого обсуждения целесообразно расширить круг экспертов, но не более чем до 10—20 чел., т.к. иначе большинство окажется в положении пассивных слушателей либо «размоется» предмет дискуссии	Конструирование взамен не выдержавших критику новых, более обоснованных, положений	
	Составление программы исследования на основе обсуждения в полном объеме	Получение развернутого обоснования характеристики всех обязательных пунктов предпрогнозной ориентации, а также дополнительных пунктов	10—12 п.л.
	Составление краткого критического обзора существующей специальной литературы по теме	Обоснование актуальности проблематики исследования	Несколько страниц
	<u>Разработка приложений к программе (примерный перечень приложений см. ниже)</u>	Получение развернутых и детально обоснованных рабочих документов исследования	Более 10—12 листов

№ пп	Операция	Цель	Объем
	Обсуждение рабочих документов (каждого в отдельности) и программы исследования в целом «методом комиссии». Целесообразно разделить на два этапа: а) обсуждение рабочих документов в подгруппах отвечающих за них сотрудников (с привлечением экспертов); б) Обсуждение программы исследования и приложенных <u>(уточненных)</u> <u>рабочих документов</u>	Внесение последних уточнений на подготовительном этапе	
	<u>Доработка программы исследования в целом на основании обсуждения и уточнения календарно-тематического плана</u> дальнейшей работы с указанием мероприятий (операций собственно исследования), ответственных за их проведение сроков исполнения и форм представления отчета		

- методологическую — определение научной или практической проблемы, для решения которой проводится исследование, и ее места в системе исследований по данной проблематике; формулировка общей цели и необходимых для ее достижения конкретных задач исследования;

- методическую — выделение критериев требований к использованию методов измерения; упорядочение методических средств и процедур в соответствии с поставленными задачами; определение общего логического плана исследования;

- организационную — осуществление совместной деятельности членов исследования группы в целях рационального распределения труда; основы контроля поэтапного хода исследования.

Основные нормативные требования к разработке программы исследования следующие:

- нацеленность логического анализа на конечные результаты исследования и их практическую реализацию;

- использование опыта проведенных исследований, имеющейся информации, фактического материала, относящихся к разрабатываемой проблеме;

- обоснование всех элементов и процедур исследования, их целостности и концептуального единства;

- гибкость положений, допускающая возможность их анализа, уточнения и конкретизации на следующих этапах.

Предпрогнозная ориентация, кроме формального задания на прогноз (см. рис. 1), включает следующие моменты:

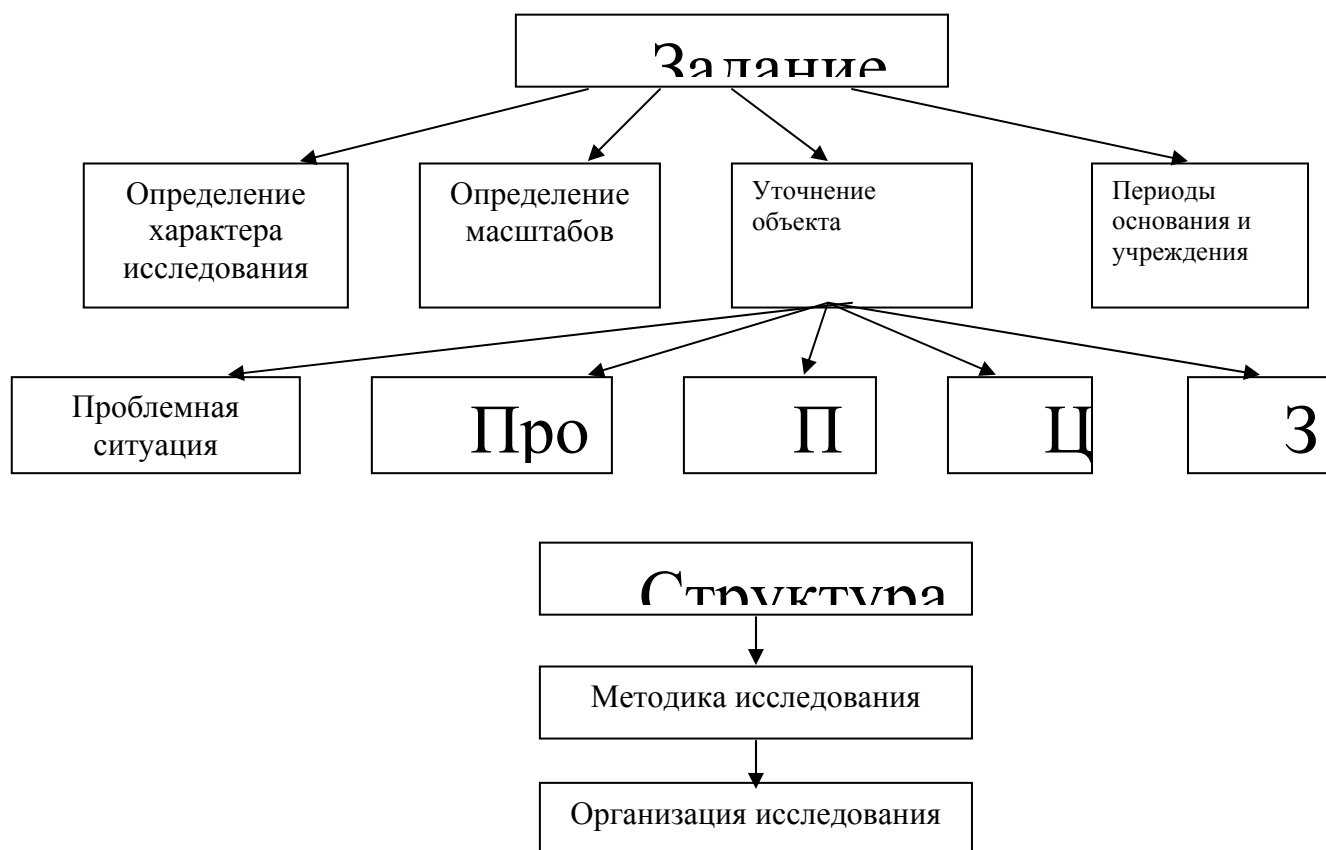

Рис. 1. Этапы и процедуры разработки программы прогностического исследования

1. *Определение и уточнение объекта.* В наиболее общем виде объектом исследования в социальном прогнозировании служит общество как социальный организм. Конкретные объекты представляют собой различные аспекты существования социосферы и могут быть систематизированы таким образом:

- формы общественного сознания (мировоззрение, наука, искусство, мораль, право, политика, религия);

- формы жизнедеятельности (труд, быт, досуг, общественно-политическая деятельность);

- формирование личности (образование, воспитание, спорт);

- народонаселение (демография, этнография, и т.д.);

- расселение (регион, город, село, экология и т.д.);

- социальное развитие (общество, коллектив); социальные изменения и структура;
- социальные институты;
- социальные группы;
- массовая информация (общественное мнение, печать, радио, телевидение и т.д.);
- государство, международные отношения, национальные движения и т.д.

Так же, как и в любом социологическом исследовании, объект прогнозной разработки — это носитель проблемной ситуации, конкретная область социальной реальности, сфера деятельности субъекта общественной жизни, включенного в процесс научного познания. Объект исследования выделяют на основе анализа проблемы. В качестве объекта выбирают сферу социальной действительности, которая содержит то или иное противоречие, выражающееся в проблемной ситуации. В программе исследования объект уточняют через определение генеральной и выборочной совокупностей, чем одновременно задается масштаб самого исследования, границы той области социальной жизни, по отношению к которой применимы результаты, полученные в ходе исследования.

2. *Проблемная ситуация* — состояние в развитии социального объекта, которое характеризуется неустойчивостью несоответствием функционирования объекта потребностям его дальнейшего развития. Проблемная ситуация — исходный пункт любого социального, в частности прогнозного, исследования.

3. *Проблема социального прогноза* — форма научного отображения проблемной ситуации. Формируется как выражение необходимости в изучении определенной области социальной жизни, в разработке теоретических средств и практических действий, направленных на выявление путей сокращения и ликвидации разрыва между действительным и желаемым положением вещей.

4. *Предмет прогнозной разработки* — социальные механизмы, обуславливающие развитие и функционирование общества как социального организма, совокупность исходных, промежуточных и конечных состояний и процессов, которые проходят те или иные социальные явления, совокупность тенденций и перспектив развития социального явления в прошлом, настоящем и будущем.

Важнейшими частными предметами исследования служат механизмы:

- социальной активности;
- социальной дифференциации общества на определенные структурные группы и интеграции этих групп в сложные комплексы социально-групповых связей;
- социальной организации общества, дифференциации его жизнедеятельности на определенные социальные институты и интеграции этих институтов в сложные совокупности институтированных связей между предприятиями, учреждениями, организациями и т.п.;
- социального управления обществом.

Предметы конкретных исследований выбираются не произвольно, а определяются проблемой исследований. Формируются на основе анализа свойств и признаков объекта исследования, но не совпадают с ним (один и тот же объект может изучаться для решения различных проблем и тем

самым предполагает множество предметов исследования). Правильный выбор предмета способствует выдвижению адекватных гипотез, успешному решению проблем исследования.

5. *Цель прогностического исследования* — модель решения проблемы. Ориентация на поставленную в программе цель служит необходимым критерием эффективности предпринятых теоретических, методических и организационных процедур. Четкое формулирование цели — одно из важнейших методологических требований к программе исследования.

Следует иметь в виду, что в отличие от прогнозов в естественных и технических науках, объекты которых почти или совершенно неуправляемы, прогнозы в общественных науках осуществляются в отношении объектов, практически всегда поддающихся видоизменению, в том числе посредством действия на основе решений, принятых с учетом прогноза. Это делает некорректным простое (безусловное) предсказание, т.к. происходит эффект самоосуществления или саморазрушения прогноза средствами управления и обуславливает методологическую ориентацию социального прогноза на содействие повышению степени обеспеченности объективно принимаемых решений, как бы заблаговременно «взвешивая» их последствия. Такая цель, как уже говорилось, достигается разработкой сугубо условных предсказаний в социальных прогнозах двух типов: поискового, цель которого — выявление перспективных социальных проблем, подлежащих решению средствами управления, и нормативного — определение альтернативных путей оптимального решения перспективных проблем. С целью повышения эффективности целеполагания, планирования, программирования, проектирования, организационно-управленческих решений разрабатываются соответствующие (целевые, плановые и т.д.) прогнозы обоих типов. Для достижения поставленной цели необходимо последовательно решить несколько задач.

6. *Задачи прогностического исследования* — это система конкретных требований, предъявляемых к разработке и решению сформированной проблемы. По отношению к цели, задачи — необходимое средство ее реализации, они указывают на возможность ее достижения с помощью проведения процедур исследования. В совокупности задачи образуют структуру исследования (предпрогнозная ориентация, построение исходной модели и прогнозного фона, разработки поискового и нормативного прогнозов, их верификация, выработка рекомендаций для повышения эффективности управления).

7. *Главным методологическим инструментом исследования* являются рабочие гипотезы, подтвердить или опровергнуть которые призвано предпринимаемое исследование. При этом необходимы гипотезы двух типов: 1) методологические (инструментальные): предположения, что применяемая методика при таких-то условиях способна дать достоверные результаты), 2) концептуальные (содержательные): предположения об ожидаемом или желаемом состоянии изучаемого объекта в будущем.

В программе с самого начала должен быть определен период основания прогноза (рестроспекция) — отрезок времени, на котором строятся динамические ряды развития параметров исходной модели в прошлом и настоящем, и период упреждения прогноза (проспекция) — отрезок времени, на который рассчитан прогноз.

По времени упреждения социальные прогнозы, как и планы, делятся на оперативные, краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные, сверхдолгосрочные, или дальнесрочные.

Оперативные (в пределах года) — независимо от конкретного времени упреждения основываются на предположении о том, что в прогнозируемом периоде с объектом исследования не произойдет никаких изменений, кроме некоторых частных количественных.

Краткосрочные (1 год — 5 лет) — предполагают серьезные количественные изменения и соответствующие оценки.

Среднесрочные (5 лет — 10—15 лет) — неизбежны количественно-качественные изменения, следовательно, необходимо давать также некоторые качественные оценки.

Долгосрочные (15 лет — 20—30 лет) — в них оценки принимают качественно-количественный характер, т.е. приходится учитывать неизбежность серьезных количественных изменений.

Сверхдолгосрочные (свыше 30 лет) — ограничиваются обычно лишь общими качественными оценками на уровне общих закономерностей развития объектов, т.к. давать какие-то конкретные количественные оценки становится все более затруднительно.

Существуют три взаимодополняющих источника прогнозной информации: накопленный опыт, основанный на знании закономерностей развития исследуемых процессов; экстраполяция существующих тенденций, закономерности развития которых в простом и настоящем достаточно хорошо известны; построение моделей исследуемых объектов применительно к ожидаемым или намечаемым условиям. Сообразно этим источникам существуют три дополняющие друг друга способа (т.е. совокупности однотипных методов) разработки прогнозов: экспертиза, основанная на очных и заочных, индивидуальных и коллективных опросах экспертов; экстраполяция — изучение предшествующего развития объекта и перенесение закономерностей этого развития в прошлом и настоящем на будущее; моделирование — построение и исследование моделей объекта с учетом его возможного или желательного изменения по имеющимся или косвенным данным о масштабах и направлении изменений. Наиболее эффективная прогнозная модель — система уравнений. Существуют и другие виды моделей: сценарии, имитации, графы, матрицы и т.д.

Приведенное разделение способов прогнозирования достаточно условно, т.к. на практике они взаимно пересекаются и дополняют друг друга. Ни один из них, взятый сам по себе, не может обеспечить значительную степень достоверности, точности, дальности прогноза. В определенных же сочетаниях они оказываются в высокой степени эффективными. Так, прогнозная оценка обязательно включает элементы экстраполяции и моделирования; процессы экстраполяции невозможны без элементов оценки и моделирования; моделирование подразумевает предварительную оценку и экстраполирование. В практике прогнозирования постоянно применяются 10—15 (а в теории существует свыше полутораста) методов прогнозирования, куда входит несколько методов опроса экспертов, а также несколько способов разработки экстраполяционных и различных других (сценарных, матричных, сетевых, имитационных и т.д.) моделей.

Прогностическое исследование требует тщательной организации. Опыт показывает, что даже для относительно несложного социального

прогноза требуется исследовательская группа в 5—7 специалистов и срок в несколько месяцев (обычно от квартала до полугода). Более сложные прогнозы требуют группы из 10—15 специалистов (превышение этой величины нерационально и диктуется обычно непринципиальными соображениями) и срок в 2—3 года (более продолжительные сроки обесценивают прогноз вообще, и в качестве предплановых разработок — в особенности). Состав исследовательской группы:

- руководитель (желательно — генератор идей);
- 2—3 его помощника (желательно — один с критическим складом мышления — модератор идей; один с конструктивным складом мышления — аниматор идей, и один с аналитическим складом мышления — систематизатор идей);
- 1—2 разработчика — математика, способных формализовать аппарат исследования на должном уровне;
- секретарь-делопроизводитель.

Развертывание группы до 10—15 человек происходит за счет удвоения числа помощников и включения нескольких вспомогательных работников для сбора и обработки информации, т.е. предварительного реферирования источников и литературы, проведения опросов экспертов и населения (опросы населения в практике прогнозирования применяются пока сравнительно редко), подготовки материалов для формализации в моделях и т.д. (при группе в 5—7 человек этим занимаются непосредственно помощники руководителя).

Такая организация группы предполагает полный объем «внешнего» обслуживания исследования силами других специализированных подразделений научного учреждения или даже ряда научных учреждений (интервьюеры, кодировщики и пр.). Опыт показывает, что стремление сосредоточить все эти вспомогательные службы в рамках исследовательской группы ведет к неполной загруженности сотрудников (неизбежной в перерывах между различными циклами исследования) с очень негативными последствиями в смысле производственной дисциплины, и это не может не сказаться на результатах исследования.

Что касается формирования экспертных групп, то опыт социального прогнозирования показывает желательность оптимального сочетания в них экспертов различной степени опытности, различного уровня обобщения представленной на экспертизу информации (диалектика «более широкого» и «более глубокого подхода») и различного отношения к информации по характеру своей работы («теоретиков» — работников научных учреждений и «практиков» — работников общественных, хозяйственных и других органов). По ряду аспектов в социальном прогнозировании допускается поднимать опрос населения до уровня опроса экспертов там, где респонденты способны давать в высокой степени обоснованные оценки на базе своего жизненного опыта.

Примерный перечень рабочих документов исследования

1. Предварительные контуры (сводная матрица) исходной модели.
2. Макет анкеты-интервью для уточнения и конкретизации параметров исходной модели.

3. То же — для уточнения и конкретизации параметров поисковой и нормативной прогнозных моделей.

4. Макет анкеты параллельного экспертного опроса для той же цели.

5. Шкалы измерения.

6. Инструкция интервьюеру.

7. Инструкция кодировщику.

8. Инструкция по проведению коллективного опроса экспертов.

9. Инструкция по обработке материалов опроса экспертов.

10. Перечень показателей уточненной исходной модели.

11. Конспект прогнозного фона.

12. Проспект предмодельного сценария.

13. Рабочие гипотезы поисковой модели.

14. Проспект критериев построения нормативной модели.

Количество, состав, объем и характер рабочих документов всецело определяются особенностями, целями и задачами исследования.

Лекция 11

ПОСТРОЕНИЕ ИСХОДНОЙ (БАЗОВОЙ) МОДЕЛИ И ЕЕ АНАЛИЗ. ПОСТРОЕНИЕ МОДЕЛИ

ПРОГНОЗНОГО ФОНА

Прогноз явлений социальной жизни начинается и завершается построением прогнозной модели. В отличие от естественных наук, оперирующих главным образом теоретическими моделями, основанными на уже познанных закономерностях окружающего мира с высоким уровнем формализации и широкими возможностями измерения с помощью ЭВМ, в социологических исследованиях до сегодняшнего дня используются по преимуществу описательные модели. Причина — в низком уровне математизации социологических исследований, недостаточной готовности общественных наук к строгой формализации исследуемых объектов. Поэтому социологическая прогнозная модель чаще выглядит как система уравнений, набор правил, таблица и т.п. и представляет собой совокупность более или менее строго измеряемых данных, достаточно полно отображающих структуру и характер предмета исследования. Прогноз в этом случае выступает как преобразование индикаторов конкретных значений одной модели (исходной) в измененные по определенным законам и правилам индикаторы двух других (поисковой и нормативной). Иначе говоря, модель предмета социологического прогностического исследования — это объект исследования, формализованный настолько, чтобы предстать в форме, поддающейся количественным оценкам аналитического, диагностического и прогностического характера.

Все эти признаки распространяются, в частности, и на исходную модель. Особая же, специфическая ее функция состоит в том, что она выполняет роль основы, ядра прогнозной разработки. Все остальные операции по составлению прогноза согласно законам прогностики являются, по сути, преобразованием параметров исходной модели. Поэтому и необходима тщательная разработка исходной модели: интерпретация недостаточно основательно разработанной системы исходных показателей

сведет на нет сам прогноз как специфически научное исследование, подменив его одной из форм простого или сложного предвосхищения.

Простейший тип исходной модели — упорядоченный набор показателей. Показатель — это операционная характеристика социально значимого явления или процесса, которая отражает его свойства, связи или отношения и является одновременно инструментом измерения последних.

Показатель как инструмент социологического измерения имеет вид некоторого суждения о наличии или отсутствии, а также интенсивности проявления определенного эмпирически наблюдаемого свойства объекта. Например, характеристика среднего дохода на душу населения может служить одним из показателей материального благосостояния общества, а степень загрязненности воздуха — охраны окружающей среды.

В широком смысле показатель — это любая потенциально или актуально поддающаяся эмпирической проверке характеристика объекта. «Динамика правонарушений», качество питания, «доля экспорта в национальном доходе» — показатели функционирования различных сфер жизнедеятельности общества. Имея достаточно четкое и емкое содержание, они не дают представления о способах сбора и источниках информации и ее объеме. Социальный показатель — характеристика социально значимого явления или процесса, которая отражает его свойства, связи или отношения; показатель является инструментом измерения последних.

Структура показателя: индикатум (измеряемое) и индикатор (измеряющее). Индикатум и индикатор в структуре показателя аналогичны субъекту и предикату суждения и вследствие этого поддаются всем операциям и преобразованиям логики предикатов. Индикатум почти всегда имплицитно присутствует, подразумевается в содержании индикатора. Например: «средний возраст вступления в брак» — характеристика, являющаяся индикатумом, подразумевает определенное число-индикатор. Индикатум «среднее число учащихся на одного преподавателя» тоже предполагает соответствующее число-индикатор. То же самое относится к индикатуму «отношение к спорту» и т.п. Наиболее адекватная интерпретация социального показателя — таблица, состоящая из индикатумов и индикаторов.

Любой социальный показатель, имеющий структуру «индикатум» — «индикатор», можно изобразить функцией $P(x)$ (объект x имеет свойство P). Это эмпирическая форма показателя. Однако социологическое исследование имеет целью объяснить изучаемые явления и процессы, выявить функциональные и причинные связи между переменными. Показатели функциональных связей могут быть выражены имплицитивной логической формой $P(x) \dot{Y}K(x)$ — если объект x имеет свойство P , то он имеет свойство K . Этой же формой можно выразить взаимосвязи между свойствами разных объектов. В этом случае формула имеет вид $P(x) \dot{Y}K(y)$ — если объект x имеет свойство P , то объекту имеет свойство K . Поскольку социальные процессы нередко имеют вероятностный характер, в приведенные формулы можно ввести модельные операторы.

Все изложенное касается только таких показателей, которые имеют непосредственное конкретное содержание и выражаются в вещественных единицах. Однако показатели могут быть получены расчетным путем на основе некоторого количества других показателей и выражаться не вещественными величинами. Показатели, утратившие свое вещественное

содержание, называются индексами. Показатели-индексы имеют комплексную структуру и описываются формулой $(K(x) \text{ и } L(x) \text{ и } M(x) \dots N(x) \text{ и } P(x))$ — если объект x имеет некоторые свойства K , L и т.д., то он имеет свойство P . Индикатор в структуре индекса, как правило, отражает ненаблюдаемое свойство объекта. Основное отличие показателя от индексов заключается в опосредованной, усложненной процедуре расчета последних, а также в особенностях теоретической интерпретации. В остальном они, как правило, совпадают.

Виды социальных показателей

1. Качественные и количественные

Качественные показатели только констатируют наличие или отсутствие качества в терминах номинальной шкалы (пол, национальность, возраст).

Количественные показатели свидетельствуют об интенсивности проявления свойства в значениях «больше-меньше». Могут быть дискретными (принимаящими значения, отличающиеся на целую величину, например численность населения) и непрерывными (принимаящими любые целые или дробные значения в зависимости от требуемой степени точности: возраст, затраты времени).

2. Единичные и групповые

Единичные — всякий показатель, индикатор которого мыслится как единичный предмет; среди них бывают:

а) абсолютные — отражают такие характеристики субъектов, которые конструируются без использования информации как о группе в целом, так и о взаимоотношениях в ней (возраст, семейное положение);

б) относительные — выводятся на основе информации об отношениях между членами группы (широко используются в социометрии);

в) сравнительные — характеризуют субъект посредством сравнения значения, которое приобретает на некотором континууме, со значениями других членов группы;

г) контекстуальные — описывают члена группы свойством группы в целом (работник торговли, дошкольник).

Групповые показатели бывают трех типов:

а) аналитические — формируются посредством статистического обобщения данных о каждом единичном объекте; имеют дополнительные различия:

— один и тот же индикатор может быть использован для описания как всей группы в целом, так и ее каждого отдельного члена;

— сами показатели могут быть выражены мерами изменчивости статистического распределения: стандартным отклонением, дисперсией, параметрами кривизны и т.п. Будучи рассчитанными на основе единичных, экстраполироваться на них эти показатели не могут;

б) структурные — основываются на данных об отношениях членов группы;

в) глобальные — описывают только группы в целом и не сводятся к свойствам индивидов.

Возможно соединение нескольких типов в одном показателе, одновременная характеристика одних и тех же объектов как групп и как индивидов.

Сами по себе социальные показатели опосредуют переход от теории к методологии исследования социального явления или процесса к сбору эмпирической информации и обратно через анализ и интерпретацию данных к концептуальной модели объекта.

Разработка исходной модели

Процесс построения исходной модели социального объекта, представленной как система показателей, включает следующие этапы:

- 1) разработку концептуальной модели объекта;
- 2) построение тезауруса показателей;
- 3) экспертные оценки значимости показателей;
- 4) математико-статистические оценки значимости показателей.

1. Разработка концептуальной модели объекта

Сущность предпринимаемого для этой цели анализа заключается в том, что объект представляется в виде некоторого ограниченного числа основных измерений, описывающих его с более или менее достаточной полнотой. Затем идентифицируются и оцениваются все возможные состояния, которые данный объект может принимать. По сути своей эта операция аналогична логико-аналитической схеме объекта. Например, при построении модели такого объекта как «структура ценностных ориентации» могут быть выделены следующие структурные компоненты: ориентация на трудовую, бытовую, культурную, общественную деятельность.

Далее необходимо установить качественные формы каждого компонента, отражающие сущность социальных изменений в данной области. Сложность этого этапа исследования социального объекта состоит в том, что результаты его могут быть следствием только содержательного анализа, а не выводиться с помощью набора формальных процедур. Сама модель должна быть в определенной мере формализована, т.к. становится основой построения системы эмпирических показателей.

Обычно при построении модели в виде набора показателей допускается, что каждый из структурных компонентов может принимать несколько нормативных форм, например, три: высшую (1), среднюю (2), низшую (3). Эти формы не исчерпывают всего многообразия проявлений жизнедеятельности объекта, но для его формализации это упрощение вынужденное и может быть в дальнейшем компенсировано теоретическим анализом результата. В итоге отдельные измерения, конкретизированные с точки зрения их нормативных форм, образуют многомерную аналитическую модель объекта. Схема представляет собой матрицу, где объект («ценностные ориентации») представлен пересечением четырех видов его проявления (трудовая, бытовая, культурная, общественная деятельность), каждый из которых имеет три нормативных формы (высшая, средняя, низшая).

Схема идентична часто применяемому при разработке инструментария социологических исследований «логическому квадрату», который позволяет выработать агрегированный индекс сложного социального объекта. Каждой

клетке приписывается индекс в соответствии с суммарными баллами нормативов. В итоге выборочная совокупность распределяется на одномерном континууме индексов. Такая схема не может быть реализована без эмпирической интерпретации нормативов, т.е. индексирования, основная сложность которого заключается в нахождении и отборе наиболее значимых показателей исследуемого объекта. Если представить это в виде схемы, то процесс такой операционализации будет состоять из двух уровней:

- основные компоненты, перечисленные выше;
- каждый из них представляется в виде составляющих, образуя формальную иерархическую структуру типологии показателей.

2. Построение тезауруса показателей

Сложность анализа социального объекта состоит в том, что максимально полный перечень его характеристик охватывает все без исключения его проявления и практически реализован быть не может. Поэтому разумнее поставить цель, отобрать, с одной стороны, сравнительно немногочисленную, компактную совокупность переменных, с другой — обеспечить полноту и всестороннее рассмотрение путем отбора наиболее существенных характеристик.

На основе перечня всех вопросов, задаваемых исследователями в процессе сбора информации, и классификации их по рубрикам создается тезаурус, обеспечивающий относительную полноту набора показателей

Тезаурус — это перечень социальных показателей исследуемого объекта, отобранных в результате анализа содержания методических документов, полученных в процессе сбора социологической информации и систематизированных в соответствии с принятой классификационной схемой. Относительная полнота набора показателей обусловлена тем, что речь идет об используемых показателях (а их количество весьма ограничено), тогда как за пределами системы, возможно, остаются такие характеристики, которые существенны для понимания исследуемого объекта, но по тем или иным причинам не принимаются во внимание. Однако здесь есть и некоторый позитивный момент, связанный с тем, что содержание используемых показателей отражает насущные практические задачи, стоящие перед наукой, поэтому полученная типология показателей будет прежде всего отражать главные проблемы исследуемого объекта.

Теоретической гипотезой построения системы может служить предположение, что существенная проблематика социологических исследований и, следовательно, виды показателей по содержанию могут быть типологизированы согласно построенной исходной схеме.

Методическая гипотеза может состоять в том, что количество показателей, используемых в современной социологии, достаточно ограничено и поддается учету.

Эмпирическим полем исследования может служить совокупность методических документов, полученных в процессе сбора социологической информации, имеющейся в библиотеках, архивах и банках данных организаций. Каждый показатель (вопрос системы вместе с вариантами ответов) заносится на отдельную перфокарту с краевой перфорацией и шифруется в соответствии с предварительно разработанным рубрикатором. Составляется картотека обследованных документов.

Опыт показывает, что достаточно репрезентативная информация о содержании социальных показателей, используемых в практике социологических исследований для объектов типа «национальные отношения», «ценностные ориентации», «культура», «общественная жизнь», «социальное обеспечение» и т.п., может быть выявлена путем анализа 200—300 документов. Кроме того, исследователь получает представление о количественных и содержательных приоритетах по направлениям исследования объекта (например, в социологических исследованиях в области антиобщественных явлений стабильное первенство занимает анализ правовых и морально-этических аспектов нарушения норм общежития, и сравнительно незначительное внимание уделяется анализу мотивации антиобщественных действий).

Представляется полезным сравнить разработанную систему данных с результатами уже проведенных аналогичных исследований. Это дает возможность более объективно оценить достоверность полученных вами данных. При этом важно помнить, что система не исчерпывает всего многообразия показателей исследуемого объекта, однако обладает относительной полнотой с точки зрения практической направленности социологических исследований, осуществляемых в этой области. Основная ее функция — служить информационной основой для построения системы показателей исследуемого объекта.

3. Экспертные оценки значимости показателей

Одна из важных методологических проблем построения системы показателей — определение критериев отбора показателей. Среди различных подходов к этой проблеме по значению выделяются логический и исторический. Первый связан с анализом формальной структуры исследуемого объекта, второй — с конкретно-историческим контекстом функционирования объекта. Последний обладает тем преимуществом, что позволяет выдвинуть гипотезу методологического характера о том, что эффективным критерием отбора социально значимых показателей может служить степень отражения им наиболее актуальных социальных проблем и наиболее важных социальных целей общества. До проведения социальных исследований проблемно-целевых аспектов изучаемого объекта наиболее подходящим способом проверки данной гипотезы представляется использование методов экспертных оценок. При этом социальные проблемы следует рассматривать в единстве с социальными целями.

Наиболее важные этапы поискового и нормативного прогнозов — построение соответственно «дерева проблем» и «дерева целей». «Дерево целей» не должно строиться чисто умозрительно-дедуктивно, в отрыве от реально существующих проблем, оно не должно строиться и чисто эмпирически-индуктивно, в отрыве от определенного, теоретически разработанного социального идеала. Односторонний подход таит в себе опасность ошибок при постановке целей. Кроме того, при построении «дерева проблем» не следует игнорировать теоретически разработанные цели во избежание разрыва между теорией и практикой. В идеале нижний (наиболее детальный) уровень «дерева целей» должен совпадать с нижним уровнем «дерева проблем», Иначе говоря, ближайшие практические цели должны сводиться к решению наиболее актуальных социальных проблем, но иметь четко ориентированную долгосрочную перспективу.

С учетом этих особенностей взаимосвязи между «деревом целей» и «деревом проблем» к экспертизе приходится предъявлять довольно строгие требования. Эксперты должны быть специалистами по конкретным социальным проблемам и вместе с тем иметь представление о всей проблематике исследуемого социального явления, о тенденциях развития его каждого конкретного аспекта. Предъявлять такого рода требования к какой-то одной группе экспертов в условиях недостаточно разработанной пока проблематики большинства социальных явлений и процессов было бы нереальным. Поэтому для участия в опросе полезно привлекать различные группы экспертов. Совокупность этих групп призвана обеспечить большую степень репрезентативности выборки респондентов в целом.

Для обеспечения надежности результатов желательно использовать несколько (две-три) методик опроса экспертов. Опросы должны иметь определенную логическую последовательность.

Разовый заочный опрос экспертов

Участие экспертов в определении проблем и целей исследуемого объекта является весьма эффективным приемом. Специалисты по экспертизе считают, что по существу ни один иной метод прогнозирования не является столь эффективным. Это объясняется не столько достоинствами самого метода, сколько ограничениями, возникающими при использовании более точных и сложных методов, прежде всего недостаточностью исходной информации и необходимостью трудоемких подготовительных процедур. Что же касается экспертных оценок, то они достаточно экономичны и эффективны при сравнительно незначительной потере точности.

В методическом отношении цель разовой заочной экспертизы сводится к выработке элементов типовой методики заочного экспертного опроса, способной обеспечить эффективное использование экспертов при построении систем социальных показателей.

В содержательном отношении целью такого опроса является определение степени социальной значимости перспективных проблем (и соответствующих им показателей) исследуемого объекта.

Успех экспертизы во многом определяется составом и компетентностью опрашиваемой группы. Выбор экспертов, а также членов параллельной контрольной группы — один из важных вопросов этого этапа исследования. Полезно составить группу экспертов из специалистов-практиков, имеющих опыт работы в различных отраслях народного хозяйства. Контрольная же группа может быть представлена теоретиками — научными сотрудниками, исследующими различные аспекты избранной проблемы.

На первом этапе работы по проведению экспертизы составляют исходный перечень основных проблем изучаемого объекта, обобщают и уточняют его путем контент-анализа. Панельный очный опрос экспертов из параллельной контрольной группы «методом комиссии» позволяет обобщить формулировки проблем, устранить дублирующие друг друга или носящие специфический, частный характер, относящиеся не ко всему объекту в целом, а к его отдельным деталям. В итоге будет получен перечень, который станет основой материала экспертизы — окончательного варианта «Анкеты эксперта». Цель экспертизы — упорядочить выделенные социальные проблемы и соответствующие им показатели, первые — по

степени их актуальности в общественной жизни, вторые — по степени эффективности отражения связанных с ними проблем. Проблемы и показатели могут оцениваться при помощи двух независимых методик: ранжирования и непосредственно балльных оценок. Обработка результатов экспертизы проводится традиционными математико-статистическими методами.

Панельный опрос экспертов

Следующую задачу — определение значимости социальных целей исследуемого объекта следует рассматривать в плане решения социальных проблем. Последние ранжируют по степени важности и актуальности, но теперь уже в диалектической взаимосвязи с целями. Для решения этой задачи используют технику деструктивной отнесенной оценки, касающуюся группы экспертных интуитивных методов, коллективное обсуждение мнений и генерацию новых идей. Метод основан на хорошо известных правилах проведения одной экспертизы и принадлежит к классу управляемых экспертных опросов, но с такой степенью свободы высказываний экспертов, которая позволяет рассчитывать как на конструктивную критику даваемых оценок, так и на получение оригинальных, нетривиальных оценок.

Сущность этой техники получения экспертных оценок заключается в стимулировании творческого потенциала экспертов с помощью критики (деструкции) предложенных оценок и выработки (отнесения) новых известными приемами «мозговой атаки». Стимулирующий эффект создается, во-первых, за счет искусственной элиминации ограничений при высказывании критических экспертных суждений на первом (деструктивном) этапе работы, во-вторых, за счет «расковывания» творческого потенциала экспертов при высказывании оригинальных конструктивных суждений на втором этапе работы (отнесение оценок), в-третьих, за счет нового, неожиданного «видения» экспертом проблемы глазами своих коллег по ходу дискуссии с ними. Все это позволяет рассчитывать на высокую эффективность применения данной техники при экспертизе сложных социальных явлений.

Наиболее эффективна эта техника при вынесении оценок, предполагающих ряд альтернативных вариантов, один из которых может быть расценен как оптимальный по заранее заданным критериям. При таком подходе цель экспертизы сводится к определению набора альтернатив. Кроме того, метод достаточно конструктивен при оценках, связанных с выявлением факторов, влияющих на характер альтернатив.

Процедуры метода деструктивной отнесенной оценки включают следующие этапы:

1. Составление проблемной записки (материала для обсуждения), включающей описание процедуры опроса и формулировку предмета обсуждения. Она начинается с постановки проблемы и перечня задач опроса. Здесь очень важна четкость формулировки, поэтому сложные объекты обычно расчленяются на более простые элементы.

2. Формирование экспертной группы. Оптимальная численность ее найдена эмпирическим путем: один человек — при рассмотрении сравнительно простых вопросов, несколько больше — при сложных. Желательно, чтобы в группу включались эксперты с сильно развитыми критическими наклонностями (модераторы), обладающие конструктивным

мышлением (генераторы), хорошо знакомые с одним из аспектов рассматриваемой проблемы или со всей проблемой в целом. Желательно также, чтобы в группе были представлены специалисты из разных областей знания с высоким уровнем общей эрудиции.

3. Генерация идей на основе обсуждения проблемной записки по правилам «мозговой атаки». Она начинается с того, что ведущий ставит проблему обсуждения, т.е. раскрывает основное содержание проблемной записки, которая раздается экспертам за несколько дней до опроса (им предоставляется возможность освежить ее в памяти непосредственно перед началом опроса), отвечает на вопросы, возникшие у экспертов при ознакомлении с запиской, формулирует подлежащие обсуждению положения и концентрирует внимание участников на правилах проведения «мозговой атаки»:

- высказывания экспертов должны быть четкими и сжатыми (регламент: не более 1—2 минут);

- скептические замечания и критика предыдущих выступлений не допускаются;

- каждый эксперт имеет право выступать несколько раз;

- не разрешается зачитывать ответы, приготовленные заранее;

- слово предоставляется в первую очередь желающему высказаться в связи с предыдущим выступлением;

- ведущий поощряет экспертов за оригинальный подход к рассматриваемым вопросам;

- создается по возможности самая непринужденная обстановка собеседования, «расковывающая» инициативу и творческие потенции экспертов, активизирующая обмен мнениями.

4. Систематизация идей, высказанных на предыдущем этапе. Ее осуществляет специальная аналитическая группа организаторов опроса;

- составляется перечень всех высказанных идей;

- каждая идея формулируется в общепринятых терминах, стандартных для данного исследования;

- выявляются дублирующие или взаимодополняющие друг друга идеи, которые сводятся в комплексы;

- идеи классифицируются по группам, и создается перечень групп с перечислением составляющих их идей в логическом порядке значимости;

- составляется записка (доклад), представляющая собой тезисы-вопросы для последующего этапа (деструкции). Опыт показывает, что если представить экспертам для деструкции просто развернутую записку (доклад), то повышается риск отвлечения их внимания в сторону от обсуждаемых вопросов.

5. Деструкция идей и выдвижение контр идей (желательно на одном и том же задании группы). Обсуждение проводится так же, как и на этапе «мозговой атаки», с той лишь разницей, что при деструкции от экспертов требуется возможно более смелая, последовательная и исчерпывающая критика поочередно каждого выдвинутого положения (в порядке очередности выдвигаемых положений, а не выступающих). При выработке новых оценок процедура «мозговой атаки» повторяется полностью. Результатом данного этапа являются материалы для дальнейшего уточнения содержания проблемной записки.

6. Подведение итогов экспертизы: составляется систематический перечень всех критических замечаний, полученных на этапе деструкции, сводный список идей и контридей, не опровергнутых критическими замечаниями.

Использование этого метода позволяет уточнить и систематизировать экспертные оценки социальных целей исследуемого объекта, необходимые для разработки проблемно-целевой модели, которая может выступать в роли исходной (базовой) модели прогноза социального явления.

Экспертные оценки значимости возможных показателей исследуемого объекта

Предыдущие типы опроса экспертов ставили задачу апробировать различные методические подходы к использованию экспертизы с целью совершенствования систем показателей сложных социальных явлений. Особое внимание при этом уделялось вопросам определения степени компетентности экспертов и структуры экспертных групп. Однако огромный интерес представляют и содержательные экспертные оценки, дающие возможность развивать и совершенствовать различные направления социальной статистики.

Процедуры экспертизы включают следующие этапы:

1. Уточнение исходного набора показателей. Для этого проводится специальный очный опрос экспертов, осуществляемый одним из методов, имеющихся в распоряжении исследователей. В роли экспертов выступают специалисты исследуемой области. Серия таких опросов позволяет существенно уточнить исходный набор показателей.

2. Формирование экспертной группы для оценки уточненного набора показателей. Этому вопросу следует уделить особое внимание. Опыт опроса экспертов в заранее формализованных группах (отдел или сектор научно-исследовательского учреждения, группа ведущих практических работников и т.п.) наряду с очевидными достоинствами имеет и недочеты: чрезмерная однородность экспертной группы по уровню и профилю компетентности порождает односторонние оценки, даваемые почти под одним и тем же углом зрения без учета иных точек зрения.

Возникает проблема поисков оптимума в сочетании экспертов разного уровня и профиля компетентности, способных дать сложному социальному явлению основательную, разностороннюю оценку.

В этом плане наиболее предпочтителен метод так называемого «снежного кома»: проводится серия экспертных опросов, где каждому эксперту предлагается назвать одного или несколько специалистов, наиболее подходящих, по его мнению, для включения в сводную экспертную группу.

Можно прибегнуть к другим методам, например к использованию авторского библиографического указателя по исследуемой проблеме, а также к приемам отбора из первоначального списка наиболее компетентных экспертов с помощью документального метода, эксперимента, голосования и самооценки.

Документальный метод позволяет определить компетентность эксперта по формальным данным — ученой степени и званию, должности, стажу работы в соответствующей области и т.д. Экспериментальный метод учитывает эффективность работы экспертов в предыдущих опросах. Метод

голосования предполагает взаимооценки экспертов при условии достаточно устойчивых научных контактов между ними. Метод самооценки позволяет определить компетентность эксперта в зависимости от его ответов: занимался ли он рассматриваемой проблемой специально, знаком с ней только по специальной литературе или имеет о ней лишь самое общее представление.

Используя эти методы, следует помнить, что по экспертным оценкам не всегда можно с достаточной точностью выявить различие между научным статусом эксперта, фиксируемым документально, и степенью его действительной компетентности, а также связи между действительной компетентностью и самооценкой. Данные, приводящиеся в специальной литературе по экспертным оценкам, свидетельствуют, что наиболее эффективным показателем компетентности эксперта является самооценка (разумеется, подкрепленная данными, полученными другими методами).

Что касается достижения оптимальности в структуре экспертной группы (соотношение специалистов различных областей знания), для того чтобы быть уверенным, что выявленная система показателей отражает все стороны исследуемого объекта на одинаково высоком уровне, в экспертной группе должны быть более или менее равномерно представлены специалисты всех профилей исследуемой области. Оптимальное же соотношение специалистов широкого и узкого профиля — величина непостоянная и требует специального расчета для каждого конкретного исследования.

Оптимальная численность экспертной группы как величина формальных способов определения не имеет. Очевидно, что минимальный предел должен обеспечивать возможность применения статистических процедур и известную гарантию против односторонности подбора экспертов, а максимальный диктуется реальными возможностями подготовки, проведения и обработки результатов экспертизы.

3. Проведение собственно экспертизы одним из известных методов. Методические сложности этого этапа состоят в необходимости сосредоточить внимание на таких аспектах, как заинтересованность экспертов в точности их оценок, выборе адекватных методов групповой оценки, согласованности мнений и ряда других моментов.

4. Сравнительный анализ аналогичных моделей

Изучение уже разработанных систем, сравнение их друг с другом, выявление преимуществ и недостатков каждой из них — один из апробированных методов совершенствования системы показателей. Сложность этого вида исследования состоит в том, что подобрать достаточное количество однотипных систем с одинаковым содержанием, структурой и целенаправленностью практически невозможно. Обычно приходится иметь дело со сложным информационным массивом сравнений (компаративным массивом), состоящим из разнотипных систем. Процедуры сравнения в подобных случаях значительно затрудняются, т.к. появляется опасность случайных, субъективных произвольных выводов.

В информатике, статистике и компаративистике имеется достаточно много методик сравнительного анализа рассматриваемого объекта. Здесь же целесообразно остановиться на проблеме методологии формирования

компаративного массива, компаративных процедур и получения выводов из проведенного сравнения.

- *Формирование компаративного массива.* Опыт показывает, что минимальное количество различных показателей, с которым можно вести сравнительное исследование — не более нескольких десятков единиц. Иначе потребуются годы работы большого исследовательского коллектива при значительных затратах времени и средств. Кроме того, наращивание информационного массива сверхдостаточного репрезентативного минимума существенно снижает эффективность выходных данных.

Имеются два метода отбора репрезентативного минимума: концентрического сужения потенциального массива информации по заранее заданным критериям; последовательного расширения какого-либо элемента указанного массива, принятого за исходный.

Сужение потенциального массива информации ведут несколькими этапами с удалением на каждом из них тех частей, которые признаются выходящими за рамки исследования или не имеют к нему непосредственно отношения. В итоге определяются узкие рамки окончательного отбора системы социальных показателей изучаемого объекта в целом, изложенные в специальных изданиях в определенном временном промежутке. Такому жесткому критерию обычно удовлетворяет лишь несколько названий работ в советской и зарубежной социологической литературе. Для обеспечения минимума достаточной репрезентативности требуется некоторое его расширение по другому ряду критериев.

Однако этот список необходимо дополнить работами, в названиях которых не фигурирует сам термин, обозначающий исследуемые явления, но которые по своему содержанию посвящены социальным показателям именно этого явления. Это относится в первую очередь к зарубежным работам, затем — к социальной статистике, охватывающей проблематику изучаемого объекта в целом, далее — к литературе по тем или иным социальным проблемам, где в центре внимания автора оказалась фактически интересующая нас проблематика.

Последний критерий наиболее сложен: тщательное изучение каждого издания и вынесение решения о включении или исключении его на основании индивидуальной экспертной оценки связано с повышением риска ошибки, особенно в тех случаях, когда содержание, структура и направленность издания не могут быть определены однозначно. Здесь возможен наибольший процент ошибочного выбора.

Перечисленные процедуры касаются содержательной стороны информационного массива. Аналогичную работу следует проделать и по критериям формальной стороны. Часто число изданий, опубликованных в виде монографий строго по данной проблематике по указанным критериям, насчитывает всего несколько единиц. Поэтому есть смысл добавить к ним статьи этого же характера из специальной научной периодики, издания по социальной статистике, полностью отвечающие установленным критериям, а также ротапринтные или ксерокопированные доклады. Эта последняя группа не уступает по своей содержательности монографиям и статьям, а по степени оперативности информации может их и превосходить.

В схематическом виде компаративный массив может быть представлен как совокупность блоков показателей (или отдельных агрегированных показателей) исследуемого объекта.

В целом сформированный таким образом информационный массив достаточно репрезентативен, чтобы вести сравнительное исследование, выводы которого могли бы иметь значение для всей совокупности систем и показателей исследуемого объекта в отечественной и зарубежной литературе.

• *Компаративные процедуры:* блоки показателей. Сравнительное исследование делится на два этапа: сравнение блоков показателей; исследовательские процедуры, той части компаративного массива, которая содержит сведения о конкретных показателях. Собственно процедуры таковы:

а) сравнение числа блоков показателей (или отдельных агрегированных показателей) в различных системах;

б) сравнительный анализ структуры блоков изучаемых систем. Процедура количественно-качественного характера, где на первом плане стоят вопросы соотношения различных блоков;

в) сравнительный анализ внутренней структуры каждого блока обзриваемых систем, для чего необходим частичный выход за рамки простой номенклатуры сопоставительной таблицы и изучение особенностей названий отдельных блоков. Здесь наиболее приемлем способ членения основных блоков типичной компактной системы, в котором выделяют три главных подхода:

• *Разделение основных блоков на подблоки*, выступающие в качестве самостоятельных наряду с основными.

• *Разделение блока на несколько подгрупп показателей*, образующих относительно самостоятельные подблоки. Это деление близко к первому, но отличается от него гораздо большей степенью детализации, причем каждый блок обычно выступает как совокупность нескольких подблоков под одной рубрикой.

• *Сведение нескольких подблоков в один сложный блок*, выступающий как совокупность подблоков под одной рубрикой. Достигается примерно тот же результат, что и в предыдущем случае, но уже не дифференциацией (декомпозицией) блока на подблоки, а, напротив, интеграцией (композицией) подблоков в блок, значительно более агрегированный и более сложный по своей структуре, чем обычные. По характеру — это качественно-количественная процедура;

г) сравнительный анализ внутреннего содержания систем, для чего необходим полный выход за рамки номенклатуры сопоставительной таблицы и изучение внутренней структуры каждого блока. Процедура сугубо качественного характера.

• *Компаративные процедуры:* отдельные показатели. Для того, чтобы выработать рекомендации по дальнейшему совершенствованию отдельных показателей, необходимо путем сравнительного анализа выявить наиболее эффективные частные типы показателей. С этой целью проводятся еще три процедуры исследования:

д) сравнение систем, состоящих не из блоков, а из отдельных агрегированных показателей;

е) сравнение блоков остальных систем компаративного массива, содержащих не только блоки, но и конкретные показатели;

ж) сравнительно-качественный анализ выявленных частных типов показателей.

Приведенный перечень не исчерпывает все существующие и потенциально возможные частные типы показателей (см. табл. 3). Требуется специальное исследование, чтобы свести эти типы в систему, сопряженную с системами классификации показателей.

Таблица 3
**Примерная типология показателей, используемых для построения
исходной модели социального объекта**

№ п/п	Показатель	Качественная характеристика
1	2	3
1	Простой, числовой абсолютный (например, численность населения)	Наиболее простой и наименее трудоемкий показатель. Пригоден в тех случаях, когда известен сравнительно-исторический контекст индицируемого информационного массива
2	Простой числовой относительный (например, число телевизоров на 1000 человек)	Сравнительно простой и нетрудоемкий показатель: также требует конкретного сравнительно-исторического контекста
3	Простой процентный (процентная доля)	Сравнительно нетрудоемкий (но более трудоемкий, чем два предшествующих) и самый эффективный среди простейших показателей, чем объясняется его подавляющее господство в современных индикаторных системах
4	Динамический процентный (например, темпы развития в процентах к предыдущему итогу)	Относится к числу простейших показателей, используется для характеристики темпов роста. За пределами этой задачи не несет почти никакой информации, чем снижает информативность всей системы. Используется сравнительно ограниченно
5	Средний числовой абсолютный (например, средняя величина зарплаты, дохода и т.п.)	Более трудоемкий, но и более информативный показатель, поскольку дает больше материала для обобщения. Однако действие показателей этого типа, как и предыдущего, весьма ограничено, поэтому удельный вес его незначителен
6	Сложный процентный (например, соотношение процентных долей в структуре населения)	Гораздо более трудоемкий, но и гораздо более информативный показатель. Наиболее распространен в практике индицирования среди сложных типов показателей
7	Сложный числовой относительный (например, соотношение количества квартир в государственном, кооперативном и частном секторах)	Показатели этого типа используются в тех случаях, когда выявить процентное (долевое) соотношение практически невозможно или затруднительно. В особенности это касается соотношения разнокачественных объектов.
8	Нормативный относительный (уровень приближения к	Наиболее трудоемкий показатель, требующий предварительной нормативной разработки

	заранее заданной величине-норме: например, уровень питания в сопоставлении с научно обоснованными нормами)	соответствующего социального объекта. Но и чрезвычайно информативный, особенно для нормативного социального прогноза, а также для плана, программы, проекта, целеполагания, организационного решения
--	--	--

Продолжение табл. 3

1	2	3
9	Балльный (оценка в баллах)	Получение балльных оценок весьма трудоемкая процедура, а их применение очень ограничено. Но в ряде ситуаций, когда другие типы показателей малоэффективны, баллы могут оказаться незаменимыми
10	Динамичный балансовый, особая разновидность типа 4. Оценка состояния явления по принципу «меньше — больше» (например, баланс миграции населения)	Показатели этого типа близки по своим особенностям к показателям типа, хотя и не совпадают с ними
11	Нормативный процентный, представляющий своеобразное сочетание типов 3 и 8. Здесь за норму принимается не заранее заданная величина, а 100%, которые рассматриваются либо как исходный, либо как предельный уровень. Соответственно показатель формируется либо как процент роста от уровня исходного года, либо как процент приближения к установленному пределу-норме	Высокоперспективный, минимизирующий недостатки, свойственные близким ему типам 3 и 8. Важно не подменять данный тип другими, базировать систему показателей на предварительной проблемно-нормативной разработке индицируемого объекта
12	Средний числовой относительный (например, среднее число учеников на одного учителя)	Показатели близки по своим особенностям к показателям типа 5, хотя и не совпадают с ними
13	Социологический. По сути это простые или сложные относительные показатели, но полученные в результате опросов населения, а не анализа информационных массивов, как обычно в статистике	
14	Экстремальный, показывающий соотношение	Сложен, трудоемок, с весьма ограниченным полем применения

	минимальных и максимальных величин	
--	---------------------------------------	--

Окончание табл. 3

1	2	3
15	Когортный; представляет собой особую разновидность типа 6. Соотношение в заранее определенных группах (например, процентное распределение по группам разного социального уровня)	Того же типа, что и 14
16	Корреляционный (например, соотношение числа занятых в сельском хозяйстве и объема произведенной ими продукции)	Того же типа, что и 15 и 14

В существующих системах социальных показателей в основном используются простейшие частные типы показателей, по которым сравнительно легко индизировать информацию, но которые дают невысокий уровень материалов для обобщений и выводов, необходимых в теоретической или практической работе с показателями. Наиболее распространенный тип — процентная доля. При правильной постановке дела этот показатель сообщает исследователю или практическому работнику гораздо больше, чем простое абсолютное число, но все же гораздо меньше, чем более сложные и более трудоемкие показатели.

Вместе с тем следует иметь в виду, что социальные показатели — это не вся социальная статистика, а только та количественно небольшая ее часть, которая позволяет измерять важнейшие социальные изменения, строить динамические ряды для сравнений во времени и пространстве. Такой подход непосредственно связывает любую систему социальных показателей с той или иной стороной исследуемого объекта или со всем объектом в целом, но в то же время предъявляет жесткие требования к каждому отдельному показателю. В частности, при подборе каждого из них, как показывает сравнительный анализ существующих индикаторных систем, необходимо установить:

- информационную базу для практического использования показателя;
- степень адекватности показателя сущности индизированного объекта;
- возможность формализации (стандартизации) показателя;
- степень его взаимосвязи с другими показателями индикаторной системы;
- соответствие показателя целям теоретической или практической работы;

- возможность замены показателя в случае необходимости столь же эффективным;
- потенция показателя для различительных и сравнительных операций при анализе результатов измерения.

В целом сравнительный анализ требует, чтобы логическому подходу к изучению индикаторных систем во всей совокупности их составных частей предшествовал исторический подход — рассмотрение конкретных особенностей создания той или иной системы. Только сочетание обоих подходов может дать достаточно полную информацию, извлечь из нее действительно конструктивные элементы.

В индикаторных системах должны сочетаться структурный и проблемный принципы. Первый требует достаточной полноты набора блоков показателей сообразно структуре индицируемого объекта.

Второй подразумевает обязательное сосредоточение внимания на той проблеме, решение которой требует создания системы показателей.

Следовательно, имеется в виду максимальная дезагрегация самих показателей и их блоков на профильных направлениях теоретической или практической работы и столь же максимальная агрегация — на «фоновых», вспомогательных направлениях. Нарушения обоих принципов чреваты падением информативности, вообще эффективности индикаторных систем.

Подбор конкретных показателей каждого блока должен возможно полнее соответствовать детально разработанным в социологической литературе принципам системности, репрезентативности, адекватности, информативности (различительности), сопоставимости, обоснованности, эффективности, экономичности, агрегируемости, универсальности и функциональности. Это означает, что каждый показатель должен быть не случайным элементом определенной системы показателей, придающей операции измерения заранее установленный смысл; должен достаточно полно отражать особенности и характер той или иной стороны измеряемого явления, содействовать четкому разграничению оценок различного состояния последнего, давать достаточную информацию для его содержательного анализа, обеспечивать возможность соизмерения двух или более различных состояний явления либо одинаковых состояний различных (но однородных) явлений. Показатель должен содействовать достижению определенных целей теории или практики, должен быть максимально эффективным при минимальной затрате времени, сил и средств на измерительные операции с его помощью, должен обладать способностью к агрегации и дезагрегации, должен быть пригоден для измерения всех однотипных явлений, соответствовать цели и задачам каждой исследовательской операции, в которой он применяется.

5. Информационный анализ текстов, потенциально содержащих искомые индикатумы

Современная наука располагает достаточно большим числом разновидностей анализа документальных источников: применяемый в социологии и социальной психологии контент-анализ, в архивоведении и информатике — методы аналитической обработки первоисточников для создания массивов вторичных элементов (обзоров, рефератов, аннотаций и пр.), виды индексирования (кодирования) содержащейся в источниках

фактической информации; методы целевого преобразования текстов первоисточников, содержание которых в зависимости от поисковой задачи расчленяется на блоки информации, пригодной для хранения в памяти ЭВМ; банки данных, используемые в ходе вторичной обработки банка уже использованной информации для построения различных информационных систем. Общая и наиболее существенная характеристика, объединяющая все эти методы — минимизация элемента субъективности при изучении текстовых материалов и выведение анализа текстов на возможно более объективную научную основу. Отсюда — тенденция к разработке обоснования критериев как для отбора источников, подлежащих информационному анализу, так и для формализованного представления содержащейся в них информации — неперемного условия последующей статистической обработки.

Информационный анализ разнопредметных и разнотипных текстов, описывающих самые различные подсистемы человеческой деятельности, позволяет:

1) систематически обрабатывать и сопоставлять имеющиеся в литературе представления об изучаемом объекте, о соответствующих этим представлениям подходах к конструированию систем социальных показателей. Этот вид информационного анализа ориентирован на последовательное изучение уже существующих концепций гносеологического объекта и связанных с ними категорий. Он предполагает систематическое обследование текстов, содержащих названные концепции, в целях сопоставления и систематизации имеющихся в них сведений;

2) сводить разнопредметные знания об этом социальном объекте в систему под избранным углом зрения. Этот менее распространенный вид, так называемый информационно-целевой анализ, ориентированный непосредственно на гносеологический объект, на гипотезу относительно сущности исследуемого объекта, воспроизведение целостности которого на языке показателей является целью проводимого анализа. По характеру проведения он похож на эксперимент, где в качестве объекта исследования выступает совокупность текстов, причем каждый конкретный текст признается информативным для исследователя лишь в той мере, в какой в его содержании обнаруживаются сведения, соответствующие целям предпринимаемого эксперимента.

При информационно-целевом анализе тексту приписывается некоторая мера информативности, которая поддается измерению и может быть как первичной — характеризующей потенциальную способность конкретного текста донести до читающего замысел, основное коммуникативное намерение его автора, так и вторичной — характеризующей потенциальную способность конкретного текста служить источником тех сведений, которые ищет в нем читатель. При этом вторичная информативность текста часто не только не совпадает с первичной, но в абстракции от нее приводит к искажению смысловой информации, заложенной в тексте.

Исследовательская ситуация складывается таким образом, что на первый план выходит вторичная информативность текста. Необходимость отвлечения от конкретных коммуникативных целей автора текста (за исключением тех случаев, когда эти цели оказываются в русле гипотезы эксперимента) диктуется здесь самой задачей изучения информационного массива, направленной на то, чтобы выявить и систематизировать элементы,

связанные с исследуемым объектом, а затем установить нормативные и реальные связи, в которые они вступают в рамках той или иной сферы функционирования объекта.

Будучи методом синтетическим, информационно-целевой анализ текстов соединяет в себе моменты, свойственные различным методам информационного анализа текстов: дедуктивному (контент-анализ), где исследователь подходит к тексту, располагая априорно сконструированными им аналитическими категориями, и индуктивному, где исследователь отталкивается от текста, фиксируя в нем искомые термины и терминологические конструкции, отвечающие задачам построения потенциальных показателей исследуемого объекта. Присутствует в нем и информационный подход к систематизации терминологии, в рамках которого извлеченные из текстов элементы берутся не сами по себе, а ставятся в жесткие координаты семантических отношений, основанных на предварительном анализе системы согласованных и взаимосвязанных дефиниций.

Построение системы социальных показателей на основе способа информационно-целевого анализа текстов предполагает использование двух групп методик, организованных на основе одного общего принципа: ориентация на выявление, с одной стороны, нормативных и с другой — реальных структур исследуемого социального объекта.

Первая группа методик включает информационно-целевой анализ текстов, описывающих те или иные сферы деятельности, и предназначается для извлечения из текстов данных, необходимых для построения нормативных моделей деятельности и взаимодействия социальных субъектов.

Вторая группа методик — опросы экспертов и населения, включенное наблюдение и пр. — предназначается для выявления реальных структур деятельности и взаимодействия социальных объектов. При этом в основу методик второй группы положена та же исследовательская схема, что и в основу предварительного информационно-целевого анализа текстовых массивов.

Для построения общей исследовательской схемы требуется дать обоснованные ответы на следующие вопросы:

1. Какая из компонент (а следовательно, из соответствующих ей категорий анализа) исследуемого объекта принимается за исходную при выработке операционального определения те что именно дополнить «ключом» при анализе текстов?

2. Какие элементы содержания текстов, по каким параметрам и почему должны быть приняты в расчет при информационно-целевом анализе текстов?

3. Какие методы можно использовать для трансформации выявленных элементов содержания текстов в параметры нормативных моделей деятельности и взаимодействия социальных субъектов способные служить основой для построения системы нормативных показателей.

4. На основе какой информации такие показатели смогут получить не только качественное, но и количественное выражение?

Иначе говоря, прежде чем приступить к анализу текстов с целью выявления элементов, составляющих основу систем показателей социальных явлений, необходимо провести основательную теоретико-

методологическую работу по концептуализации объекта исследования в таком плане, чтобы соответствующие элементы текста «трансформировались» в показатели не случайно, а в соответствии с определенными критериями, заложенными в программу исследования.

Первый этап собственно исследования начинают с пилотажного анализа текстов, что позволит уточнить список основополагающих категорий анализа, более четко определить характер соответствующих этим критериям эмпирических референтов, после чего составить вопросники для сбора информации, сопоставимой с результатами последующего информационно-целевого анализа текстов.

Далее следует опрос и включенное наблюдение исследователя как способы формирования массива первичной информации, пригодной для сопоставления со вторичной информацией, полученной из анализа литературы. Используют два вопросника: один адресован рядовым гражданам, представителям различных социальных групп населения, второй — должностным лицам или специалистам. Каждый вопросник выполняется в двух вариантах: один выявляет настоящее положение вещей и планируемое будущее, второй — степень реализации намеченных планов спустя определенный период времени.

Второй этап составляет собственно анализ текстов. Во избежание ошибок и трудностей, связанных с анализом разнообразных источников, целесообразно вначале отработать методику выявления элементов текста в интересующем исследователя плане. Для этой цели лучше всего обследовать материалы нормативного характера, с четкими формулировками категорий (словари, справочники и т.п.). Приемы, отработанные на подобных четких и компактных текстах, нетрудно перевести на тексты, описывающие те или иные сферы интересующего нас объекта, а затем и на более расплывчатые и потому более трудные для аналитических операций тексты из литературы по исследуемой проблематике. Создание же перечней элементов содержания текстов, отвечающих избранным категориям анализа, позволяет путем рассмотрения их семантических связей в текстах различного характера перейти к построению «сеток отношений» между элементами, включенными в перечни, — необходимой предпосылки для систематизации совокупностей показателей, сведения их в системы. Возникает возможность использовать эти системы для построения не только исходных, но и прогностических моделей (поисковых и нормативных). Так, при наличии развернутых «сеток отношений» можно прогнозировать, в каких именно конкретных условиях оказываются необходимыми определенные параметры (признаки) социальных субъектов деятельности или, напротив, какие условия необходимы для заранее известных субъектов деятельности, или на какие результаты допустимо рассчитывать при заранее известных субъектах и условиях деятельности, или какие значения могут иметь эти результаты при прочих известных параметрах, и т.д.

Такая методика информационно-целевого анализа текстов требует усилий сравнительно большого рабочего коллектива в течение сравнительно долгого периода. Это можно минимизировать планомерным переходом от одной группы однородных текстов к другой, более сложной для обработки. Другой путь снижения трудоемкости и повышения эффективности этой методики — предварительное моделирование явлений и процессов, которые излагаются в текстах, подлежащих анализу. По сути дела, предлагаемая

методика сама открывает один из путей к моделированию исследуемого объекта.

Построение исходной модели любым из предложенных способов преследует одну цель: формализовать объект прогнозирования, представить его в виде системы показателей, по каждому из которых можно будет построить динамические ряды (переменных, характеристик, конкретных данных) на всем протяжении периода основания и упреждения прогноза. Система показателей дает возможность осуществить качественный анализ того или иного динамического ряда, — построить матрицу или математическое уравнение, а главное, позволяет осуществить полноценный аналитический и диагностический подход к объекту исследования, без чего невозможен сам прогноз — поисковая или нормативная разработка исходных данных.

Последовательность операций при построении исходной (базовой) модели

Последовательность операций следующая:

1. Составление предварительного перечня индикатумов (названий возможных показателей) исходной модели с помощью одного или нескольких из следующих апробированных методов:

- предварительный анализ аналогичных моделей, имеющих в литературе;
- информационный анализ текстов, потенциально содержащих искомые индикатумы;
- очный опрос экспертов, способных назвать искомые индикатумы;
- заочный опрос экспертов с той же целью;
- так называемый имитационный опрос экспертов с той же целью (анализ научной литературы по предмету исследования, при котором авторы рассматриваются как эксперты, а соответствующие цитаты из их трудов — как экспертные оценки по заранее избранному кругу вопросов);
- опрос населения;
- моделирование (операции с моделями предмета исследования).

Наиболее экономичен в отношении средств, сил и времени очный опрос экспертов «методом комиссии» или «методом мозговой атаки». Но этот способ оправдывает себя только в том случае, если предмет исследования относительно несложен, если контуры исходной модели более или менее ясны, если компетентность экспертов не вызывает сомнений, наконец, если средства, силы и время не позволяют возвращаться к другим методам. Во всех остальных случаях целесообразно подкрепить очный опрос экспертов еще одним или несколькими контрольными методами.

2. Сведение предварительного перечня к состоянию, пригодному для проведения дальнейших операций. Как правило, предварительный перечень насчитывает многие десятки, нередко сотни, а иногда и тысячи индикатумов. Правда, большинство из них обычно дублируют содержание друг друга. Поэтому в начале операции по сведению предварительного перечня к состоянию, пригодному для исследования, проводится содержательный анализ перечня с целью вычеркнуть индикатум-дублиеры. Но и после этого число показателей обычно остается неприемлемо большим. Эмпирически установлено, что индикаторная система удобна для оперирования с нею, и главное, для осмысления ее с целью выработки

рекомендаций на ее основе, только при масштабе порядка десятков (а отнюдь не сотен, и тем более не тысяч) показателей, — и чем меньше десятков, тем ближе к оптимуму. Идеальным было бы наличие лишь нескольких показателей, но это грозит подорвать репрезентативность индикаторной системы, сделать ее односторонней и дать искаженное представление о предмете исследования.

Выявлено три способа минимизации индикаторной системы до оптимальных масштабов:

а) замена групп однородных показателей обобщающими индексами. Это — наиболее эффективный способ, но применение его требует предварительного развития теории индексации социальных явлений и процессов, находящейся пока в зачаточном состоянии;

б) агрегация групп однородных показателей с конструированием высокоагрегированных показателей более общего характера, чем первоначальные частные. Этот способ проще и применяется чаще, но также требует для повышения своей эффективности предварительного развития теории, находящейся в ненамного лучшем состоянии, чем предыдущая;

в) выделение по каждой группе однородных показателей так называемого «проблемного», т.е. показателя, наиболее тесно коррелирующего с какой-либо отдельной социальной проблемой, ради которой предпринимается соответствующее исследование, оставляя все прочие по необходимости без внимания. Такой способ наиболее экономичен и весьма оперативен, но грозит односторонним подходом и требует ясного представления о проблеме исследования, ее четкой формулировки.

Вторая часть этой операции заключается в минимизации числа показателей исходной модели одним из трех названных способов.

3. Обсуждение (очный или заочный опрос более широкого круга экспертов) с целью уточнения полученной модели «методом комиссии», методом деструктивной отнесенной оценки или разновидностью дельфийской техники — в зависимости от степени сложности, особенностей и степени разработанности предмета исследования, а также от степени уверенности исследовательской группы в адекватности модели предмету исследования.

4. Доработка исходной модели на основании обсуждения методом деструктивной отнесенной оценки и ее окончательная редакция с помощью методов системного анализа.

5. Индикация исходной модели (мобилизация количественной информации и построение динамических рядов индикаторов по каждому показателю исходной модели соответственно установленным индикаторам на весь период основания прогноза).

6. Прогнозная ретроспекция — анализ динамических рядов исходной модели с целью выявить особенности тенденций развития предмета исследования.

7. Прогнозный анализ — анализ выявленных тенденций предмета исследования с целью определения адекватности последующих операций собственно прогнозирования.

Конечный результат процедуры построения базовой модели и ее анализа — удобная для последующих операций модель предмета исследования и комментарии — пояснения к ней, определяющие порядок дальнейшей работы.

Построение модели прогнозного фона

Исходная модель социального прогноза не будет адекватна задачам и цели исследования, если она не сопрягается с моделью прогнозного фона.

Прогнозный фон — это совокупность внешних факторов, влияющих на развитие объекта исследования. Данные прогнозного фона выражаются такими же показателями, как и характеристики исследуемого объекта, но в отличие от них, выявленных путем проведения социологического исследования, берутся готовыми или постулируются условно. Сопоставление профильных и фоновых данных позволяет анализировать исследуемое явление с целью разработки прогноза.

Стандартные аспекты прогнозного фона:

- научно-технический;
- демографический;
- экономический;
- социологический;
- социально-культурный;
- политический;
- международный.

Научно-технический фон: ожидаемые изменения топливно-энергетического, материально-сырьевого, транспортно-коммуникативного, межотраслевого, продовольственного и других балансов; наиболее значительные нововведения в области электрификации, химизации, биологизации, космизации, механизации, автоматизации, компьютеризации общественного производства.

Демографический фон: наиболее существенные применительно к объекту исследования изменения демографического баланса — рождаемости, смертности, естественного и искусственного (в результате миграций) прироста или убыли населения.

Экономический фон: проблемы экономической ситуации в стране, данные эффективности общественного производства, баланса доходов-расходов населения и т.д.

Социологический фон: внепрофильные данные по социальным потребностям и структурам, организации и управления, которые тесно связаны с профильными.

Социально-культурный фон: нововведения в материально-технической или организационно-информационной базе учреждений образования и культуры, которые оказывают наиболее существенные воздействия на функционирование и развитие этих учреждений.

Политический фон: 1) внутривнутриполитический — нововведения государственно-правового, законодательного, в частности, порядка, которые ставят в определенные рамки социальное развитие общества по профильным показателям; 2) международный — данные о процессах развития международных отношений, назревания военно-политических конфликтов, разрядки, разоружения, развития мировой торговли, контактов в сфере культуры.

Фоновые данные охватывают тот минимум факторов научно-технического, демографического, экономического, социологического, социокультурного, внутри- и внешнеполитического характера, которые

оказывают наибольшее влияние на тенденции и перспективы развития объекта исследования.

Выбранные данные прогнозного фона необходимо свести в систему показателей, а затем последовательно сопоставить профильную систему показателей с фоновой, систему с системой, показатель с показателем, выявляя наиболее тесные связи между ними.

Сложность этого этапа заключается в том, что при сопоставлении профильных и фоновых данных необходимо учитывать взаимодействие большого количества характеристик, которые с трудом или совсем не поддаются измерению и могут быть представлены только в виде качественных оценок. Поэтому для данной операции используют различные системы приемов соотнесения профиля и фона, одной из которых является принцип системного подхода. Суть его состоит в следующем:

- рассматривать объект исследования как комплекс взаимосвязанных элементов (включая обратную связь);
- рассматривать этот комплекс в единстве с внешними факторами, которые обуславливают его функционирование и развитие;
- рассматривать объект, если это возможно, как подсистему, элемент системы более общего порядка;
- рассматривать элементы комплекса, в свою очередь, как частные системы со своими собственными подсистемами;
- выявлять, с учетом перечисленных требований, закономерности функционирования и развития объекта для выработки рекомендаций по оптимизации управления им.

Собственно методология системного анализа в общем виде такова: исследуемая система представляется в виде объектов, их свойств и связей между ними. К системным объектам относятся: вход, процесс, выход, обратная связь, ограничения. «Вход» — состояние, предшествующее процессу и изменяющееся при его протекании. «Выход» — результат, конечное состояние процесса. «Процесс» — преобразование «входа» в «выход». «Обратная связь» обеспечивает соответствие между фактическим и желательным «выходом» путем изменения «входа». «Ограничение» — разница между «выходом» и требованиями к нему как «входу» в последующую систему. В подсистеме «обратной связи» сравнивается ожидаемый «вход» с желательным, выявляется различие, вырабатывается решение о воздействии на «вход» с целью ликвидации или минимизации различия. В подсистеме «ограничение», «выход» анализируется с позиции его последующих модификаций, причем учитывается цель системы и определяются принуждающие связи (разновидность обратной связи), которые согласуются с требованиями к нему на «входе» в последующую систему.

Если между необходимым (желательным) и существующим (ожидаемым) входом есть различие, то оно фиксируется как наличие проблемной ситуации. Проблема — это разница между существующей и желательной системой, решение ее — особая система, заполняющая разрыв между ними.

Конструирование такой системы осуществляется путем выяснения условий, цели и возможности решения проблемы. Если они известны полностью, проблема носит чисто количественный характер, если известны лишь частично — качественный. Номенклатура функций решения проблемы

включает: выявление проблемы, оценку степени ее актуальности, определение ограничения (цели и принуждающих связей) критериев измерения степени приближения действительного и желательного, анализ действительного, определение структуры возможностей для построения набора альтернатив и выбор из них оптимальной, принятие решения, его реализация и определение ее результатов.

Перечисленные основополагающие принципы системного подхода можно взять в качестве методологической основы системного анализа данных исходной модели и прогнозного фона. При этом «входом» будет показатель или группа показателей в качестве элемента или подсистемы профильного объекта, сопряженные с тем или иным элементом его подсистемой прогнозного фона. «Процесс» — оценка степени воздействия прогнозного фона на объект. «Обратная связь» — уточнение или изменение исходных показателей. «Ограничения» диктуются особенностями прогнозируемого объекта и его прогнозного фона в целом или особенностями обстановки, в которой рассматривается объект. На «выходе» получаются выводы о перспективном значении той или иной взаимосвязи.

Как только устанавливается перспективное значение той или иной корреляции, обнаруживается перспективная социальная проблема, от постановки которой во многом зависит характер и конкретные особенности преобразования исходных показателей в прогностическую поисковую модель. При этом «вход» — это поставленная проблема, «процесс» охватывает особенности ее назревания и (или) разрешения, «обратная связь» дает возможность уточнить или изменить при необходимости постановку проблемы, «ограничения» вытекают из операции объекта, к которому относится проблема. На «выходе» получается оценка ожидаемых результатов назревания и (или) разрешения проблемы при наметавшихся тенденциях.

Последовательность операций при построении модели прогнозного фона и ее анализа

Это следующие операции:

1. Составление предварительного перечня индикаторов модели прогнозного фона по всем семи разделам. Два последних раздела (политический и международный) в социальных прогнозах обычно постулируют условную неизменность фона на весь период упреждения, за исключением тех случаев, когда политические вопросы входят непосредственно в предмет исследования. Два предыдущих раздела (социологический и социокультурный) также в социальных прогнозах обычно большей частью входят в предмет исследования.

Наиболее детально в социальном прогнозировании разрабатываются три первых раздела (научно-технический, демографический и экономический). Из первого наибольший интерес представляют данные о топливно-энергетической и материально-сырьевой базе, уровне механизации — автоматизации — компьютеризации производства, перспективах строительства, транспорта и средств связи, из второго — о динамике, структуре и миграции населения, из третьего — масштабах и характере ассигнований на соответствующие социальные нужды.

2. Сведение предварительного перечня к состоянию, пригодному для дальнейших операций, одним из способов: заменой групп однородных

показателей обобщающими индексами, агрегацией групп однородных показателей с конструированием показателей более общего характера; выделением из каждой группы однородных показателей «проблемного» показателя.

3. Обсуждение с целью уточнения полученной модели, методами «комиссии», деструктивной отнесенной оценки или разновидностью дельфийской техники. Если предмет исследования не особенно сложен, возможно совмещение операций 2 и 3.

4. Доработка модели прогнозного фона на основе обсуждения методами системного анализа.

5. Индикация модели прогнозного фона (мобилизация количественной информации в имеющейся литературе, по заказам в компетентных учреждениях или условно постулируемой, с построением динамических рядов).

6. Прогнозная ретроспекция фоновых данных.

7. Прогнозный анализ фоновых данных, заключающих в себе не только тенденции периода основания, как в исходной модели, но и тренды периода упреждения по полученным (или постулированным) готовым данным.

Конечный результат — документ того же объема и характера, что и разработанный для построения исходной модели. Иногда для более основательной ориентации последующих операций к обоим документам добавляют так называемый предмодельный сценарий (в смысле — предшествующий прогнозным моделям), который по существу является дальнейшим развитием концептуальных рабочих гипотез и содержит общие предварительные соображения о возможном и желательном состоянии объекта исследования в будущем с учетом данных прогнозного фона.

Лекция 12

ПОИСКОВЫЙ ПРОГНОЗ

1. Методика прогнозного поиска

При сравнении обществоведческих и естественнонаучных прогнозов легко прослеживаются их специфические особенности. Мы уже говорили, что большинство объектов исследования в естественных и технических науках совсем или почти не поддается видоизменению посредством действий на основе решения, принятого с учетом прогноза. Во всех без исключения сферах исследования естественных и технических наук — атмосфере, гидросфере, литосфере, биосфере, техносфере, космосфере, микросфере и т.п. — речь может идти только о безусловном предсказании возможного реального состояния прогнозируемого объекта с целью приспособиться к этому состоянию (например, прогноз погоды).

Объекты исследования общественных наук, как правило, сравнительно легко поддаются видоизменению с помощью действий на основе решения, принятого с учетом прогноза. Именно это обстоятельство делает методологически несостоятельной ориентацию прогноза на получение безусловного предсказания: любое предвосхищение возможного будущего реального состояния прогнозируемого объекта, а также решения и действия на основе такого предсказания видоизменяют исходное состояние, и прогноз станет недостоверен.

Тем не менее, многие социальные процессы, теоретически поддающиеся управлению, на практике развиваются стихийно, что дает основание применять к ним методы естественноведческих прогнозов. При этом следует иметь в виду, что стихийность протекания анализируемого процесса может смениться строго контролируемым целенаправленным развитием (например, давно назрела необходимость таких перемен в сферах расселения, градостроительства, демографии и многих других). Такие изменения могут осуществляться как волевым порядком, так и с учетом научного анализа, диагноза и прогноза исследуемого явления. Из этого следует, что в отличие от естественнонаучных социальный прогноз должен быть ориентирован не на безусловное предсказание, а на содействие оптимизации принимаемых решений.

Реализуется эта задача путем использования исследовательской техники поискового и нормативного прогнозирования, дающего достаточно обоснованные материалы при выработке рекомендаций для целеполагания, планирования, проектирования и управления в целом.

Основная задача поискового прогноза при этом — выявление перспективных проблем, подлежащих решению средствами управления. Предсказание в данном случае носит сугубо условный характер, базирующийся на абстрагировании от возможного и даже необходимого вмешательства со стороны сферы управления. Методологически недопустимо сводить социальный прогноз к поиску, но столь же недопустимо переходить сразу к нормативной разработке данной модели, не имея представления о проблемной ситуации, в условиях которой и для преодоления которой будет функционировать предложенный оптимум.

В наиболее общем виде поисковый (изыскательский, исследовательский, трендовый, генетический, эксплоративный) прогноз выглядит как условное продолжение в будущее тенденций развития изучаемых явлений, закономерности развития которых в прошлом и настоящем достаточно хорошо известны. При этом заведомо абстрагируются от возможных и даже необходимых, неизбежных плановых, программных проектных и организационных решений, способных существенно изменить наметившиеся тенденции. Суть и цель прогнозного поиска не в адекватном предвосхищении будущего реального состояния прогнозируемого объекта, а в выяснении того, что реально произойдет при сохранении существующих тенденций развития, т.е. при условии, что сфера влияния не выработает поисковых решений, способных изменить неблагоприятные тенденции.

Исследовательская техника разработки поискового прогноза базируется на принципе экстраполяции в будущее (или интерполяции отсутствующих значений) динамических и на данных, закономерности развития которых в прошлом известны. Собственно экстраполяция (интерполяция) может быть довольно сложной, учитывающей разнообразные факторы и делающей прогноз более информативным. При этом на практике поисковый прогноз дает не одно, а целый ряд возможных значений, позволяющих точнее ориентироваться в складывающейся ситуации.

Наиболее простой является так называемая прямая (механическая, наивная) экстраполяция, которая продолжает начатый динамический ряд со времени основания до времени упреждения прогноза, реализуясь по

принципу: если имеется 1, 2, 3, 4 (период основания), то при условии невмешательства извне и сохранения наметившейся тенденции динамический ряд будет выглядеть как 5, 6, 7, 8 и т.д. по периоду упреждения (или в случае интерполяции: если 1, 2, 3, 6, 7, 8, то в середине окажется 4, 5) Не следует недооценивать эффективность такой логики: во многих случаях жизни важные социальные процессы развиваются именно подобным образом и прогноз на этой основе оказывается в высокой степени достоверным.

Правда, на практике социальные прогнозы часто разворачиваются гораздо более сложным образом — не обязательно линейно, а, допустим, в геометрической прогрессии, экспоненциально, гиперболически, логистически и т.д. Однако на каждый такой случай существует или может быть введена соответствующая математическая формула, позволяющая усложнять экстраполяцию до любой требуемой степени. Поэтому 1, 2, 3, 4 не обязательно должны означать в экстраполяции 5, 6, 7, 8. Экстраполяция может выглядеть и как 6, 9, 15, 24, и как 16, 32, 64, 128, и даже как 5, 4, 3, 2, 1 (в зависимости от используемой формулы). Она может быть не только количественной (статистической), но и качественной (логической), например при экстраполяции какого-нибудь явления на более широкий круг других явлений во времени или пространстве (либо в том и другом сразу) с использованием метода аналогии.

Такая техника широко используется в естественных прогнозах в тех случаях, когда исследуемые процессы развиваются сообразно выявленным закономерностям устойчиво, без отклонений и колебаний. В социальной сфере такие процессы встречаются редко. Как правило, в своем развитии они претерпевают изменения, математическая формализация которых требует использования дополнительных приемов минимизации недочетов прямой экстраполяции.

Один из них — вычленение крайних возможных значений экстраполируемого динамического ряда по заранее заданным критериям, т.е. определение верхней и нижней экстрем. Причем предполагается, что за верхней экстремой простирается область абсолютно нереального, фантастического, а за нижней — абсолютной невозможности функционирования прогнозируемого объекта, область катастрофического. Сложность в использовании этого приема — определение и основание критериев построения экстрем.

Другой прием (дополняющий первый) — определение наиболее вероятного значения с учетом данных прогнозного фона (научно-технического, демографического, экономического, социологического, социокультурного, политического и международного). Необходимо выявить по каждой группе наиболее информативные в каждом конкретном случае показатели и соотнести их со значениями прямой экстраполяции, а если понадобится, — и со значениями верхней и нижней экстрем. В результате операции будет определено значение наиболее вероятного тренда — экстраполированной в будущее тенденции.

Таким образом, поисковый прогноз содержит четыре основные компоненты:

- 1) данные прямой экстраполяции динамических рядов исходной модели, служащие первоначальным ориентиром дальнейших прогнозных построений;

2) верхняя экстрема прогнозного поиска: результат сопоставления данных первой поисковой модели с данными прогнозного фона. Позволяет определить максимальное отклонение тренда в сторону области нереального;

3) нижняя экстрема прогнозного поиска: вычисляется теми же способами, что и верхняя. Определяют максимально возможное отклонение тренда до предела, за которым начинается область катастрофического;

4) наиболее вероятный тренд (экстраполированная в будущее тенденция) между верхней и нижней экстремами с учетом данных прогнозного фона.

В процессе прогностического исследования недопустимо принижение значения ни одного из перечисленных компонентов. Первые три (прямая экстраполяция, верхняя и нижняя экстремы) служат как бы ограничителями наиболее вероятного тренда, очерчивающими границы реального в возможных его изменениях. Прямая экстраполяция здесь играет роль исходного момента, сдерживающего фактора при чрезмерном разбросе оценок противоречащих данных прогнозного фона.

Вместе же взятые, все четыре компонента расширяют познавательные возможности лиц, принимающих решения, показывают недопустимость решений, выводящих объект на уровень утопии или катастрофы, стимулируют эвристичность мышления, дают возможность более основательно взвешивать возможные последствия принимаемых решений, а все это вместе обеспечивает высокую степень объективности и, следовательно, эффективность этих решений.

Необходимо также отметить, что при разработке целевых, плановых, программных, проектных, организационных прогнозов специфические особенности поискового прогноза будут проявляться сообразно особенностям процессов разработки целей, планов, программ, проектов, организационных решений. Результатом прогнозного поиска будет не реально ожидаемое состояние, к которому следует приспособиться, а комплекс проблем, которые необходимо решить. Сама по себе цель поискового прогноза — выявление ожидаемого проблемного состояния, перспективных проблем, каждая из которых является составляющим звеном своеобразной ситуации — проблемной.

2. Проблемная ситуация и перспективы ее развития

Наиболее важный этап разработки поискового прогноза — построение прогностической модели путем преобразования параметров исходной по законам прогностики и возможно более объективной интерпретации этих данных. Сущность этой процедуры сводится к выяснению особенностей перспектив дальнейшего развития объекта исследования при наметившихся тенденциях с условным абстрагированием от возможного или необходимого вмешательства со стороны сферы управления, т.е. к выяснению особенностей процесса назревания перспективной социальной проблемы (или ее разрешения, если таковое уже наметилось, и проблема, таким образом, носит преходящий, текущий характер). Методология системного подхода требует рассмотрения каждой проблемы в контексте системы — определенного проблемного состояния, более того, в рамках метасистемы — комплекса подобных состояний, который именуется проблемной ситуацией.

Собственно процедура построения поисковой прогностической модели состоит из изучения и затем — формализации качественно-количественных оценок перспектив развития проблемной ситуации. Основные характеристики развития этого социального явления таковы:

— проблема как особого вида противоречие, разрыв между действительным и желательным;

— проблемное состояние, при котором объективно существует и субъективно осознается человеком, социальной группой или обществом в целом необходимость существенных изменений, чтобы по возможности сблизить желательное и действительное состояния;

— проблемная ситуация как совокупность проблемных состояний, такое положение вещей в какой-либо области в целом, при котором указанная необходимость выступает как внешний императивный комплекс для личности, группы или общества, как социальное явление. При этом следует иметь в виду, что проблема и проблемное состояние могут и не носить социального характера.

Если проблема или проблемная ситуация объективно существует, но субъективно не осознается людьми, она практически не является актуальной (хотя в теории объективно ее актуальность может быть достаточно высокой). Если же ситуация представляется людям проблемной, а объективно таковой не является, то это псевдопроблемная ситуация.

Исходный момент в этой цепи — обычная нормальная ситуация, при которой разрыв между действительным и желательным несущественен и носит по преимуществу количественный характер. Только такая ситуация может являться нормальной, т.к. отсутствие разрыва между действительным и желательным влечет за собой исчезновение стимулов не только развития, но и просто существования, и вызывает катастрофу (распад, деградацию личности, группы, общества, не способных нормально существовать).

Когда разрыв между действительным и желательным становится чрезмерным, не совместимым с нормальным функционированием социального объекта, возникает проблемная ситуация. Процесс перехода от нормальной ситуации к проблемной обычно развивается постепенно, и это развитие называется назреванием проблемной ситуации. Если происходит своевременное вмешательство сферы социального управления, то процесс назревания прерывается и ситуация возвращается, точнее превращается вновь в нормальную, но обычно уже на более высоком уровне функционирования, благодаря чему и происходит развитие личности, общества.

Если же сфера управления бездействует или запаздывает с реакцией, то проблемная ситуация оказывается полностью назревшей, сформировавшейся, и возникает необходимость существенных изменений под страхом приостановки нормального функционирования и тем более развития социального объекта. В этом случае вмешательство со стороны сферы управления не только категорически необходимо, но и сильно затруднено, поскольку приходится принимать срочные меры аварийного характера в условиях острого дефицита времени и средств. Однако и на этом этапе энергичное и эффективное вмешательство, пусть с трудом, но способно ввести ситуацию в нормальное русло.

Бездействие или неэффективность сферы управления при полностью назревшей проблемной ситуации неизбежно переводит последнюю на

следующий уровень: начинает назревать критическая ситуация. Развитие, по существу, прекращается. Мало того, наступает приостановка нормального функционирования одного элемента объекта за другим и возникает опасность катастрофы. Положение и на этом этапе, в принципе, можно нормализовать, но уже ценой неизмеримо большей затраты сил и средств, чем на предыдущем.

Если нормализации не происходит, начинается следующая и последняя стадия: назревание катастрофической ситуации. По мере развития этого процесса нормализовать положение оказывается все труднее, и попытки становятся безнадежными. Наступление катастрофической ситуации означает гибель, распад, разложение социального объекта с превращением его в качественно иное состояние.

Альтернатива катастрофической ситуации — революционная ситуация как реакция общества на критическую ситуацию с целью произвести социальный переворот, способный перевести объект не вообще в качественно иное, а в желательное качественно иное состояние, позволяющее ему нормально функционировать и развиваться на качественно более высоком уровне. Такая ситуация может возникнуть в любой сфере деятельности: в науке (как социальном институте), в технике, демографии, культуре, экологии и т.д.

Рассмотренный процесс не является чем-то фатальным, предопределенным, неизбежным. Это не предсказание, а информация для лиц, принимающих решения, помогающая принимать их заблаговременно и на более обоснованном уровне, с пониженным риском отклонения от оптимума. Такого рода подход к информации поискового характера снижает неизбежный оттенок негативности в отношении к ней как к пророчеству и ставит ее на службу задачам планирования и управления.

Методологически важен и вопрос о том, чтобы, рассматривая последствия назревания проблемной (критической) катастрофической ситуации, по возможности более реально представить себе желательные и негативные аспекты качественно нового состояния, и в общем виде — желательность или нежелательность самого этого состояния. Если проблему не решать, произойдет катастрофа, и появится новая, более сложная и трудная проблема, возможно, даже множество таких проблем, неудача в решении которых ведет к дальнейшим ступеням упадка, деградации, разложения (если катастрофа не означает полной гибели данного социального организма). Решить проблему — значит выйти на уровень новых, возможно еще более сложных, но и более «высоких» проблем, разрешение которых обуславливает дальнейший прогресс человечества. Такова диалектика назревания и преодоления проблемных ситуаций.

3. Социальные проблемы и их систематизация

Как уже отмечалось, наиболее распространенная интерпретация понятия «социальная проблема» — это разрыв между действительным и желательным, создающий своеобразное поле неопределенности. Любое социологическое исследование, прогностическое в частности, — это прежде всего научное исследование социальных проблем, которым подчинен выбор соответствующих предметов исследования.

Характерные особенности социальных проблем следующие:

1) решение проблемы одного уровня вызывает появление более сложных проблем более высокого уровня;

2) связь с конкретно-исторической обстановкой данного общества на данном этапе его развития;

3) решение социальной проблемы обязательно связано с социальной целью (подразумевается сознательная целенаправленная деятельность людей).

Структурные компоненты механизма генезиса социальной проблемы таковы:

1) социально-экономическая обстановка, существовавшая, когда социальные проблемы были существенно иными;

2) социальные институты, созданные в реальных условиях для решения проблем;

3) возникновение новой социально-экономической обстановки (по мере решения проблем);

4) растущая неадекватность старых институтов новой обстановке (назревание проблемы);

5) осознание необходимости создания новых институтов для решения новых, назревающих проблем (путей решения проблемы).

Наиболее важны для проведения поискового прогностического исследования следующие группы проблем (см. табл. 4):

— *глобальные, региональные и локальные*. Их интерпретация в поисковом прогнозе зависит от того, какой пространственный масштаб исследуется. Если рассматриваются общемировые социальные проблемы, «глобальным» будет именно общемировой уровень, т.е. проблемы, актуальные для всего человечества в целом. «Региональным» здесь будет крупный социально-экономический регион мира (Латинская Америка, напр.) или достаточно крупное государство (с соответствующими оговорками в каждом конкретном случае). «Локальное» же будет относиться к отдельному государству, отдельному району крупных государств (тоже с оговорками).

Таблица 4

Типы социальных проблем

Критерий выделения проблемы	Тип проблемы
Объект исследования	Социально-культурные, социально-образовательные, социально-этнические, социально-правовые, социально-политические и т.п.
Масштабный фактор (пространственный признак) и т.п.	Глобальные, региональные, локальные и т.п.
Отношение к социальным ценностям общества (признак рациональности)	Проблемы и псевдопроблемы
Фактор длительности (временной признак)	Текущие и перспективные
Степень настоятельности (признак интенсивности)	Первостепенные и второстепенные

Время возникновения	Традиционные и новые
Характер проявления (мотивационный признак)	Непосредственные и опосредованные другими проблемами
Отношение к социальному окружению (референтный признак)	Самодовлеющие и привходящие
Степень сложности (структурный признак)	Простые (элементарные) и сложные
Ценностная ориентация	Более высокие и более низкие
Роль в системе проблем	Ключевые и производные разных порядков
Характер проявления порядков	Неслучайные (циклические) и случайные (спорадические)

При анализе проблем, характерных для отдельных мировых социальных систем, понятие «глобальное» относится к ним, а понятия «региональное» и «локальное» опускаются на уровень ниже, до масштабов отдельных государств и их отдельных районов.

Если же исследуются социальные проблемы какой-либо отдельной страны, понятием «глобальное» относится к ней в целом, понятие «региональное» более четко соотносится с тем или иным районом страны, а понятие «локальное» — с отдельными населенными пунктами.

— *традиционные и новые.* Традиционные — те, которые в том или ином виде сохранились со времени предшествующей социально-экономической обстановки и требуют дополнительных усилий для своего разрешения. Новые — возникшие при сложившейся новой социально-экономической обстановке; по ним еще не предпринималось попыток разрешения; они, как правило, требуют эвристического, принципиально нового подхода к разрешению.

— *текущие и перспективные* (наиболее важные для поискового социального прогнозирования). В широком плане текущие проблемы — те, которые успешно разрешаются в настоящее время или имеют тенденцию к скорой самоликвидации, перспективные — разрешение которых предполагает более или менее длительные дополнительные усилия в будущем. В более узком и строгом смысле перспективными считаются те проблемы, которые имеют тенденцию к назреванию в долгосрочной перспективе порядка нескольких ближайших десятилетий и требуют качественно нового подхода к своему разрешению, тогда все прочие относят к разряду текущих.

Однако следует иметь в виду, что попытки составления перечней социальных проблем, какими они предстают перед исследователями, дают мало конструктивного в плане их анализа, диагноза и прогноза, пока не выделен основополагающий критерий систематизации, сведения проблем в определенную систему. Только после этого появляется возможность составить более или менее отчетливое представление о генезисе и структуре, тенденциях и перспективах развития, путях решения этих проблем как определенной системы. Опыт социологических исследований показывает, что осмыслить и использовать какой-либо дискретный набор практически реально только тогда, когда анализу подлежит не более чем несколько десятков структурных единиц. Чтобы привести в такое состояние

тысячи реально существующих проблем, их агрегируют в блоки как можно более общего характера. Чтобы минимизировать при этом опасность потери репрезентативности изучаемого круга проблем, сделав набор блоков в каких-то отношениях односторонним, необходима упорядоченная совокупность концепций, определяющая характер и направление анализа, диагноза и прогноза изучаемого объекта, принцип сведения проблем в определенную систему. Без этого не только невозможно критически оценивать конструируемые системы социальных показателей или проблем (степень объективности или субъективности их построения), но даже сопоставлять такие системы.

4. Построение «дерева социальных проблем»

В реальной жизни общества социальные проблемы обычно образуют систему иерархического характера. Одна или несколько проблем занимают на этом «дереве» «коренное» или, точнее, «ключевое» положение (коль скоро их решение открывает дорогу для решения других проблем), еще несколько проблем являются как бы «субключевыми», производными первого порядка («ствол дерева»), затем следуют более многочисленные производные второго порядка («ветви дерева»), еще более многочисленные — производные третьего, четвертого и т.д. порядков («сучья дерева», «листья дерева» и пр.). При этом производные здесь принимаются не как логически проистекающие одна из другой, порождающие одна другую, а как последовательно получающие возможность разрешения по мере успешного решения предыдущей.

«Дерево социальных проблем» имеет три стороны:

1) простейшая — дезагрегация проблем на все более детальные составляющие предыдущего уровня;

2) более сложная — производные первого, второго, третьего и т.д. порядков, логически вытекающие одна из другой;

3) наиболее сложная — возникновение существенно новых проблем по мере решения текущих и перспективных. «Дерево проблем» строится как бы «снизу вверх»:

— определяется одна или несколько ключевых проблем;

— выделяются проблемы еще более конкретного порядка для обеспечения решения проблем следующего уровня и т.д.;

— определяются максимально детализированные частные проблемы, решение которых приводит к достижению целей того же максимально детализированного уровня.

Следует заметить, что в конкретных, частных случаях достаточно адекватное «дерево социальных проблем» можно построить, обратясь к концепции целевых группировок прогнозов. При таком подходе вершину «дерева» образует профильная проблема, соответствующая предмету исследования, а «ветви» разного уровня — ее дезагрегированные предпроблемы в сочетании с проблемами фонового характера, т.е. внешними факторами, влияющими на решение профильной проблемы.

Рекомендации по методике систематизации и определения путей оптимального решения социальных проблем:

1. Каждую социальную проблему необходимо рассматривать в контексте не только смежных, но и всей системы социальных проблем

общегосударственного и общемирового масштаба. Попытка рассматривать проблему изолированно или даже только на фоне нескольких смежных проблем может привести к ошибочным оценкам ее особенностей и характера, неверным рекомендациям оптимальных путей решения и оставить вне поля зрения исследователя побочные последствия решения проблемы в более отдаленном будущем, что резко снизит эффективность поискового прогноза.

2. Прежде чем приступить к решению проблем, располагающихся на «ветвях» иерархической системы, нужно обеспечить решение основополагающих проблем на «стволе» и прежде всего — ключевых «корневых». Поэтому при построении исходной модели прогнозируемого объекта необходим строгий системный подход, иначе поисковая модель, построенная на этой основе, окажется неадекватной, дезориентирующей процесс принятия решений.

3. Ориентировать цели и задачи, рабочие гипотезы и структуру, время основания и упреждения, методы и организацию прогноза следует таким образом, чтобы прояснить не только процесс назревания проблемы при различных условиях его протекания и даже не только альтернативные возможности ее решения, но желательны и последствия основных вариантов решения, причем не только непосредственных, а и второго, третьего и т.д. порядков. Это ключевая проблема самого поискового прогнозирования. Решение её упирается в последовательное повышение действенности методик, включающих возможно более широкий круг традиционных и новых методов практики разработки прогнозов.

Последовательность операций при разработке поискового прогноза

1. Прямая (механическая) экстраполяция динамических рядов исходной модели на период упреждения прогноза с целью создать ориентирующую основу для последующих операций методами трендового моделирования и сведения их в систему первой (основной) поисковой модели.

2. Вычисление так называемой верхней экстремы прогнозного поиска: сопоставление данных первой поисковой модели с данными прогнозного фона и определение таким путем максимально возможных отклонений тренда до условного рубежа, за которым начинается область заведомо нереального, фантастического (например, максимально возможного роста темпов и масштабов автоматизации производства, роста народонаселения и т.д.).

Здесь, как и в дальнейшем, уже не обойтись трендовыми моделями, требуется расширение аппарата моделирования (формализованные сценарии, матрицы, графы, сетевые и имитационные модели и пр.). Полученные результаты сводятся в систему второй поисковой модели прогноза.

3. Вычисление нижней экстремы прогнозного поиска теми же способами с определением максимально возможных отклонений тренда до противоположного условного рубежа, за которым начинается область заведомо катастрофического (например, истощение ресурсов, нехватка средств, депопуляция и пр.). Результат — третья поисковая модель прогноза.

4. Вычисление наиболее вероятного тренда между верхней и нижней экстремами на основе углубленного анализа данных прогнозного фона теми же способами, что и при вычислении верхней и нижней экстрем. Результат — четвертая (заключительная) поисковая модель прогноза, которая представляется обычно в виде «дерева социальных проблем», подлежащих решению.

5. Обсуждение всех четырех или хотя бы заключительной поисковой модели путем опроса экспертов (желательно с учетом психологии экспертов, с обращением к дельфийской технике заочного коллективного опроса и лишь в случае острой нехватки времени и средств — к очному опросу, гораздо менее эффективному в данном случае; индивидуальные экспертные оценки, даже очные, сопряжены с повышенным риском односторонности, неадекватности экспертизы).

6. Доработка поисковых моделей прогноза на основе обсуждения и сведение их в единую систему. Методологически недопустима подмена такой системы любой из поисковых моделей — даже заключительной, так как для нужд управления чрезвычайно важно иметь представление не об одном тренде (как бы основательно он не был рассчитан), а обо всем «веере трендов», охватывающем область реально возможного и позволяющем заранее принимать во внимание различные возможные отклонения от наиболее вероятного тренда.

Лекция 13

НОРМАТИВНЫЙ ПРОГНОЗ. ВЕРИФИКАЦИЯ ПРОГНОЗА. ВЫРАБОТКА РЕКОМЕНДАЦИЙ ДЛЯ УПРАВЛЕНИЯ

1. Характерные особенности нормативных разработок

Нормативный прогноз является самостоятельной процедурой прогностического исследования и проводится непосредственно за поисковым прогнозом. Собственно процедура нормативного прогноза состоит из следующих операций:

- определение абсолютного и относительного оптимумов по предварительно разработанным и заданным критериям и построение соответствующих нормативных прогнозных моделей;

- обсуждение построенных моделей методами опроса экспертов и, при необходимости, населения;

- доработка моделей на основе обсуждений. Нормативное прогнозирование находится в тесной и сложной связи со следующими моментами:

- целеполагание;
- нормы и нормативы;
- оптимизированные расчеты при разработке планов, программ, проектов.

Для разработки нормативного прогноза применимы почти все методы, используемые в поисковом прогнозировании, и различие между нормативным и поисковым подходами в этой области заключается не в методике, а в логике исследования. В основе технологии разработки нормативного прогноза лежит иная и значительно более сложная идея, чем

при прогнозном поиске. Если в поисковом прогнозе основу исследования составляет экстраполяция в будущее динамического ряда данных, закономерности развития которых в прошлом и настоящем известны, то в нормативном — это оптимизация (выбор наилучшего из возможных) значений этих данных по критериям, заранее заданным средствами целеполагания.

Нормативное прогностическое исследование начинается с целеполагания. Цель может быть поставлена двумя способами:

- абстрагируясь от ограничений прогнозного фона;
- в соответствии с этими ограничениями.

Это две идущие в одном направлении, но не тождественные друг другу цели. В каждом случае требуется особый методологический подход.

В случае абстрагирования от ограничений прогнозного фона возможны два подхода: волюнтаристский и научный. Последний требует четкой ориентации на какой-либо идеал, т.е. особую разновидность цели. Если идеал отсутствует, нормативный подход теряет смысл. В социальной сфере идеал существует всегда, во всяком случае объективно, на него ориентирована любая деятельность человека, группы, общества. На выявление перспективных проблем, эффективное решение которых подразумевает конкретный идеал, направлен поисковый прогноз. Нормативный же прогноз ориентирован на определение альтернативных путей решения проблем, выявленных прогнозным поиском, путей достижения конкретного идеала. Скорректированный конкретный идеал играет роль обоснования нормативного прогноза и призван содействовать повышению эффективности его в плановых, программных, проектных, организационных разработках.

При анализе данных прогнозного фона в силу их противоречивости необходимо находить компромисс между ними, ориентироваться не просто на «наилучшее», «идеальное», а на «наилучшее из возможного». Это реализуется путем перехода к ориентации на какой-то оптимум, который базируется на определенном идеале и представляет собой еще одну разновидность цели. Конкретный идеал станет абсолютным оптимумом, полученное его уточнение — оптимумом относительным. Оба они являются целью — продуктом целеполагания, т.е. принятия решения, касающегося цели. Для осуществления нормативного прогноза необходимо перевести это решение из категории «децидивного» (управленческого) в категорию «эвентуального» (возможного при известных обстоятельствах). С этого действия начинается собственно нормативный прогноз.

Технически он реализуется путем так называемой реверсивной экстраполяции — от будущего (времени упреждения прогноза) к настоящему, т.е. посредством трендового моделирования особого рода, специально рассчитанного на разработку нормативных прогнозов. Его подкрепляют моделированием — матричным, сценарным, сетевым, операционным и пр., морфологическим анализом, опросом экспертов и т.д.

В поисковом прогнозе конечным результатом исследования является перспективная проблемная ситуация, которая иерархически формализуется в виде «дерева проблем». При нормативном прогнозе путем целеполагания задается «дерево целей», где вершина — идеал, средние уровни — разные стороны оптимума, нижний уровень — решение конкретных проблем. Дальнейшие действия начинаются с существенного уточнения «дерева

целей» средствами прогнозирования; определения путей возможной реализации этих целей, решения проблем.

Их выполняют методом нормативного моделирования. При этом необходимо иметь в виду, что проведение каждого эвентуального мероприятия тесно связано с разного рода нормами: техническими, экономическими, социальными, правовыми и т.д., т.е. норма — своего рода цель, отличная от цели-идеала и цели-оптимума, но органически входящая в процесс целеполагания. Любое стремление соблюсти какую-либо норму, приблизиться к ней, не нарушить ее — это разновидность стремлений достичь определенной цели. При этом существенную роль играют нормативы как ориентиры, регулирующие не только целеполагание, но и направленность прогнозных нормативных разработок.

Соединение получаемых двух нормативных прогнозных значений (абсолютное для ориентации исследования и относительное) с четырьмя поисковыми (прямая экстраполяция, верхняя экстрема, нижняя экстрема, наиболее вероятный тренд) дает в результате так называемое «прогнозное поле», позволяющее выработать рекомендации для повышения эффективности управления социальными процессами путем сопоставления разных значений, «взвешивания» последствий разного рода эвентуальных решений, нахождения среди них оптимального, которое и рекомендуется для реализации средствами управления.

Итак, результатом поискового прогноза являются определение перспективных проблем, подлежащих решению средствами управления, выявление проблемной ситуации, которая способна перерасти в критическую, а в некоторых случаях — катастрофическую, если не принять своевременных мер к ее преодолению. Аналогичным результатом нормативного прогноза будет определение возможных путей решения проблем, выявленных прогнозным поиском, возможных путей достижения цели, т.е. выявления целевой ситуации, которая должна быть реализована средствами управления для решения назревших или назревающих проблем. В силу этого обстоятельства так же, как в поисковом прогнозе, необходимо подробно рассмотреть сам феномен социальной проблемы. Для нормативного прогноза особое значение приобретает знание феномена социальной цели.

2. Характерные особенности социальной цели, ее виды и классификация

Цель — предвосхищение не любого результата, а идеально предполагаемого, желаемого, отбор желательных из множества других возможных результатов путем решения на основе предварительных сравнений и оценок. Поскольку выбор цели, ее постановка, — всегда решение, то целеполагание, как и планирование, программирование, проектирование, в отличие от прогнозирования, относится к категории не предвидения, а управления. Выбор цели, как и всякое решение, в отличие от прогноза, не может быть вероятностным, альтернативным, эвентуальным. Вероятность постановки или реализации цели можно определить так же, как рассматривать альтернативные цели и оценивать эвентуальность появления или достижения цели. Решение о выборе, постановке той или иной цели может быть произвольным, спонтанным, импульсивным, волюнтаристским, субъективистским, хотя может и должно базироваться на научной

информации аналитического, диагностического и прогностического характера (отсюда вытекает необходимость целевого прогноза). Основополагающим методологическим тезисом любого нормативного прогнозирования является утверждение, что целеполагание — не предсказание, а решение. Без учета этого обстоятельства прогноз с самого начала будет методологически дезориентированным и по сути бесплодным.

Цель как специфическая разновидность решения представляет собой один из элементов механизма социальной активности субъекта. Основные звенья этого механизма таковы:

- 1) социальные ценности (все социально значимое для людей);
- 2) потребности (способности и стремление к потреблению ценностей);
- 3) интересы (осознанные потребности);
- 4) мотивы (побуждения к деятельности на основе осознанных потребностей);
- 5) ориентация (на соответствующую деятельность);
- 6) установка (конкретизация ориентации);
- 7) цель (решение о том, что надо осуществить, чего надлежит достигнуть в предпринимаемой деятельности);
- 8) собственно решение начать деятельность;
- 9) деятельность (действия, направленные на удовлетворение потребности, на достижение цели).

Приведена наиболее распространенная в общественных науках интерпретация механизма социальной активности субъекта. Таким образом, цель не может существовать без ценностей, потребностей, интересов, мотивов, ориентации, установки. Так же как деятельность не существует без цели.

Классификация целей проводится не по одному, а по множеству критериев (материальные и духовные, индивидуальные и групповые, производственные и непроизводственные, глобальные и локальные, минимальные и максимальные, кроме того, они могут быть элементарными и сложными, возвышенными и низменными и т.д.)

Особо важные критерии для классификации целей: перспективность (ближняя и дальняя), финальность (промежуточная и конечная), характер проявления (цель как средство и самоцель), предназначение (функциональное и предметное) и др.

Любая цель есть стремление решить какую-то проблему, социальная цель — стремление решить соответствующую социальную проблему. Это говорит о диалектическом единстве цели с соответствующей проблемой.

То же самое «целевая ситуация», фигурирующая в нормативном прогнозировании, по сути своей, та же научная абстракция, что и «проблемная ситуация», выявлению и уточнению которой на перспективу служит поисковое прогнозирование. В действительности, на практике речь идет, как правило, о «проблемно-целевой ситуации», поскольку возникшая проблема порождает стремление ее решить, а значит, неразрывно связана с соответствующей целью.

Любая система целей так же, как и система проблем, иерархична по своей структуре. Какая-то из целей является главной, основной, конечной, высшей, или самоцелью, а остальные — вспомогательные, промежуточные, или, по другому, цели низших порядков, располагающиеся на различных уровнях иерархии приоритетов. Причем каждый уровень

может иметь свои структурные подразделения (подцели). Сложные системы целей, как и сложные системы проблем, строятся по принципу «дерева целей», в основе которого лежит конечная цель, или самоцель, за ней следуют производные от нее цели второго, третьего и т.д. порядка.

Процесс выработки целевых решений — тот же, что и плановых, пред- и постплановых программных, проектных и текущих управленческих решений, и представляет собой особую разновидность теоретико-практической деятельности в сфере управления. Этот процесс называется целеполаганием и является однопорядковым, с планированием, пред- и постплановым программированием, проектированием, принятием текущих управленческих решений. Процесс выработки целевых решений в общем виде выглядит следующим образом:

- целевое решение может вырабатываться только при условии целесообразности данного процесса или явления (т.е. только в отношении тех процессов, которые могут иметь в перспективе определенное, относительно завершенное состояние, материальная или идеальная модель которого представляется в качестве цели);

- целесообразность есть необходимая, но недостаточная предпосылка целеполагания. Необходима еще целенаправленность деятельности с точки зрения объективных условий ее развития и целеустремленность самого субъекта деятельности;

- процесс целеобразования (выработки целевого решения) осуществляется путем признания и осознания соответствующей потребности, а также целей и путей ее удовлетворения;

- процесс целеобразования завершается собственно целевыми решениями — целепостановкой или целеполаганием. Эти два понятия рассматриваются двояко, в зависимости от того, насколько детально анализируется заключительная стадия процесса целеобразования: 1) одно — как предварительное решение, другое — как окончательное; 2) как синонимы;

- понятия целесообразности, целенаправленности и целеустремленности, целеобразования, целепостановки и целеполагания объединяются в понятие «целеформирование»;

- ключевой элемент целеполагания — выбор цели, или целевое решение, которое во многом зависит от свободы выбора. Если выбора нет совсем, то цель может быть только условной (квазицель), т.к. результат заранее предопределен. На практике же речь обычно идет о различных ограничениях выбора; детерминированности прошлым, обусловленности возможностями будущего и особенностями настоящего, требовании логической непротиворечивости различных целей, приоритетности каждой цели в системе целей и т.д.

- основа целеполагания — диалектическое взаимоотношение категорий «цель», «средство», «результат». Цель не достижима без средств к ее осуществлению. Но достижение какой-то одной цели может стать средством для достижения другой и так далее, вплоть до конечной цели — самоцели. Эта особенность целеполагания нашла отражение в делении целей на функциональные и предметные. Логически экстраполируя простейшие цели на все более высокие уровни потребностей, мы последовательно превращаем все цели, кроме конечной, в квазифункциональные. Это придает особую значимость вопросам соподчинения, иерархизации целей. Вместе с

тем конкретный результат деятельности далеко не всегда совпадает с целью, и чтобы совпадение было возможно более полным, необходимо повышение эффективности целеполагания тем же способом, что и повышение эффективности планирования, программирования, проектирования — опорой на специальные научные разработки, в частности в области поискового и нормативного прогнозирования;

— необходимость соподчинения целей в целеполагании требует решения вопроса о принципах систематизации. Чтобы свести конгломерат разнохарактерных целей в упорядоченные совокупности — системы, необходима их классификация и типологизация. Применительно к нормативному прогнозу классификация социальных целей предполагает анализ составных частей целого, а типологизация — синтез составных частей в целое. Простейший способ классификации и типологизации социальных целей — аналогия с многокритериальной классификацией и типологизацией социальных проблем. Основание для такого рода аналогии — тесная связь социальных целей с социальными проблемами. Так, по субъекту целеполагания различаются личные, групповые, классовые, национальные и другие общие социальные цели; по объекту целеполагания

— социально-экологические, социально-географические, социальные аспекты научно-технических, собственно социальные, социально-этнические, социально-культурные, социально-правовые, социально-политические и т.д.; масштабному фактору — глобальные, региональные, локальные; фактору длительности — текущие и перспективные; степени настоятельности — старые и новые; характеру проявления — непосредственные и опосредованные другими целями; степени сложности — простые и сложные; ценностным ориентациям — возвышенные и низменные; и т.д.

Типологизация социальных целей, подобно типологизации социальных проблем, требует выявления целей, характерных для различных социальных групп и институтов, с учетом исторических особенностей, с разделением на общие и частные типы и т.д.

Однако аналогия по линии «проблема-цель» распространяется не на все случаи взаимоотношений этих категорий в рамках нормативного прогноза. Например, могут быть проблемы и псевдопроблемы, для целей же имеется иное деление, более полно отвечающее специфике цели: реальные и иллюзорные, истинные и ложные. То же можно сказать и о соотношении проблем ключевых и производных — с одной стороны, и классов самоцели, конечной цели и цели — с другой. И вместе с тем сугубо необходимо деление целей на функциональные и предметные, материальные и духовные, рациональные и нерациональные. В этом отношении многие классы целей гораздо ближе по характеру аналогичным классам потребностей, чем внешне сходным классам проблем.

Существуют, кроме того, три класса целей, вытекающих из особенностей характера целеполагания, которым нет аналогов в механизме социальной активности субъекта. Эти классы близки разделению целей на собственно цели, конечные цели и самоцели, но не тождественны им. Называются они «цель-идеал», «цель-оптимум», «цель-норма».

Сами по себе ни идеал, ни оптимум, ни норма к цели не сводятся.

Социальный идеал — это особый специфический способ познания и освоения действительности, особое функциональное состояние

общественного сознания, которое концентрированно отражает в образе желательного будущего потребности дальнейшего развития, одна из форм опережающего отражения действительности человеческим сознанием, система представлений о совершенном общественном устройстве, совокупность высших ценностей в той или иной мировоззренческой системе.

Оптимум — совокупность наиболее благоприятных условий, наилучший из возможных вариант решения задачи или путь достижения цели.

Норма (применительно к контексту) — особая разновидность шаблона — стереотипа сознания и поведения, обязательный для всех стандарт, образец, пример, модель, служащий единицей отсчета для сравнения, определения уровня развития или достижения.

Следовательно, все три понятия выходят далеко за рамки понятия цели. Однако все они представляют собой особые разновидности цели и, кроме того, важным аспектом всех трех является именно целевой.

В частности, в нормативном прогнозировании класс идеалов-целей имеет особо важное значение, т.к. он наиболее тесно связан с ориентацией прогноза на те или иные конечные цели (самоцели). Кроме того, этот класс наиболее тесно связан с таким важным инструментом научного познания, имеющим первостепенное значение для нормативного прогнозирования, как идеализация — мысленное конструирование понятий об объектах, не существующих еще в действительности, но для которых имеются прообразы в реальном мире, таких, к реализации которых можно и должно стремиться.

Оптимум также представляет собой одну из разновидностей цели, особенно важную в практических предплановых, предпрограммных, предпроектных разработках, при научном обосновании решений.

Кроме того, класс целей-оптимумов тесно связан с таким инструментом научного познания, как оптимизация — процесс выбора наилучшего варианта из возможных, приведение объекта, системы в наилучшее из возможных (оптимальное) состояние.

Наконец, норма, в известном аспекте, тоже определенная разновидность цели, т.к. если это обязательный для всех стандарт, образец, пример, то она не может быть целью лишь в том случае, когда познание и поведение всех без исключения членов общества полностью соответствуют установленным нормам. Кроме того, класс целей-норм тесно связан еще с одним важным для нормативного прогнозирования инструментом научного познания — нормализацией, упорядочением процессов и явлений (как в теории, так и на практике) таким образом, чтобы они в наибольшей степени соответствовали установленным нормам или желательному положению. Важно при этом иметь в виду, что социальные цели-нормы так же, как и другие разновидности целей, на практике подобно социальным проблемам почти никогда не выступают в «чистом виде», изолированно от множества других аналогичных и смежных целей. На практике мы всегда или почти всегда имеем дело с системой целей, которые ориентируют личность, социальную группу, общество в целом, любой социальный организм на то или иное решение социальных проблем как движущих сил, механизмов функционирования и развития каждого социального организма.

3. Построение «дерева социальных целей»

Принцип «дерева» наиболее полно соответствует реальной системе как социальных проблем, так и социальных целей, какими они предстают в социальной действительности, где что-то является ключевым (для проблем) или конечным (для целей), а остальное — производным различных порядков от ключевого или конечного.

В идеале оба «дерева» должны обеспечивать дезагрегацию проблем и целей на все более детальные составляющие предыдущего уровня, получение производных различных порядков, логически вытекающих одна из другой, и выявление существенно новых проблем или соответственно — достижение уже выявленных.

Теоретический инструмент исследования проблемно-целевых ситуаций можно представить в виде «проблемно-целевого ромба», вершины которого составляют конечная цель (самоцель) — с одной стороны, и ключевая (основополагающая) проблема — с другой, а оба ребра на разных уровнях соответствуют целям и проблемам различных порядков.

Линия соприкосновения идет по самому нижнему, самому конкретному, детализированному, дезагрегированному уровню каждого «дерева» где достижение какой-то частной, конкретной цели подразумевает решение соответствующей частной, конкретной проблемы. Но дальше логика построения того и другого «дерева» приобретает своеобразие, «Дерево целей» строится как бы «сверху вниз»: определяется конечная цель и самоцель системы, затем — производные от нее цели второго порядка, без достижения которых невозможно достичь конечной, затем — производные цели третьего и последующих порядков, обуславливающие достижение предыдущих, и т.д., вплоть до нижнего, максимально конкретизированного, дезагрегированного уровня. «Дерево проблем» логически начинается именно с последнего.

Графически это можно изобразить в виде проблемно-целевого ромба (рис. 2), ориентирующего исследователя на комплексный подход к изучению целей и проблем всех порядков как единой иерархической системы.

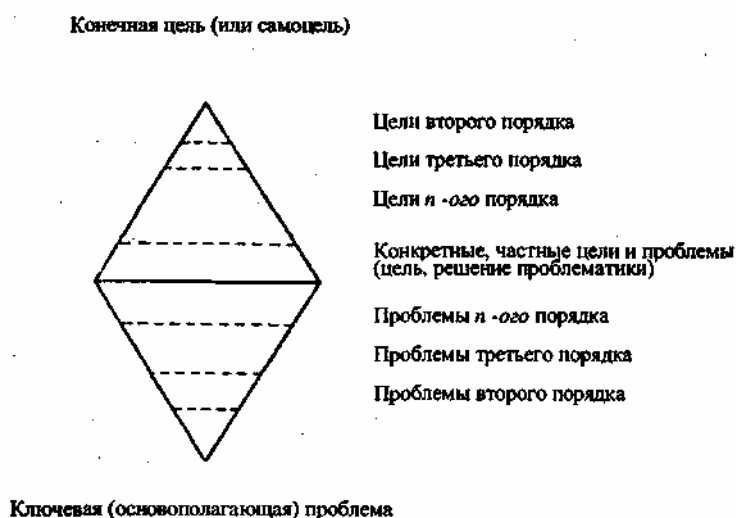

Рис. 2. Проблемно-целевой ромб

4. Целевые ситуации и их прогнозирование

Построение исходной модели и целевой анализ

Итак, целевая ситуация — объект исследования нормативного прогноза. При этом ситуация — это совокупность отношений между необходимостью и возможностью возникновения и развития общественных процессов, цель — образ желаемого будущего, мысленно предвосхищающий результаты предпринимаемой деятельности. Целевая ситуация — определенная совокупность целевых состояний, возможные пути достижения которых составляют предмет исследования, Т.е. анализа, диагноза и прогноза. Основополагающие данные целевой ситуации — обязательная база исходного моделирования при разработке нормативных прогнозов.

Поскольку в реальной жизни не существует отдельно проблемных и отдельно целевых ситуаций, прогнозирование целевых ситуаций, будучи в достаточной мере специфичным, имеет вместе с тем целый ряд общих черт с прогнозированием проблемных ситуаций — основным методическим направлением поискового социального прогнозирования. Последовательность действий и в том, и в другом случае такова: формализация объекта исследования таким образом, чтобы он предстал в форме исходной модели прогнозируемого объекта, поддающейся количественным оценкам не только аналитического и диагностического, но и прогностического характера. Далее — преобразование данных исходной модели с учетом данных прогнозного фона и последующей прогнозной интерпретацией полученных данных.

Если в поисковом прогнозировании преимущественно пользуются методами трендового моделирования (экстраполяция данной исходной модели в будущее, на период упреждения прогноза), то для нормативного прогнозирования основное значение приобретают методы схематического моделирования (сценарного, матричного, сетевого, аналогового, игрового, морфологического и др.), а также опросы экспертов и возможно более широких кругов населения.

Объект нормативного прогнозирования так же, как и объект прогнозного поиска, представляется в виде системы показателей, по каждому из которых можно строить динамические ряды индикаторов (переменных, характеристик, конкретных данных) на всем протяжении периода основания и упреждения прогноза.

В поисковом прогнозировании за индикацией исследуемого объекта и аналогичной индикацией данных прогнозного фона следует проблемный анализ — разновидность системного анализа отношения данных профильного динамического ряда и наиболее тесно коррелирующих с ним фоновых данных. В нормативном прогнозировании этой операции соответствует целевой анализ, который отличается от проблемного тем, что в данном случае ведется исследование не перспективных социальных проблемна перспективных социальных целей. Исходные показатели профильного и фонового характера в том и другом случае могут быть одни и те же, но анализ их соотношения в поисковом и нормативном прогнозировании отличается большой спецификой в силу существенного отличия целевых ситуаций от проблемных.

Существуют три основных вида, или класса целевых ситуаций, между которыми есть много общего (особенно при сопоставлении с проблемными), но много и особенного, отличающего один класс от другого:

- 1) идеальная ситуация (в частности, общественный идеал);
- 2) оптимальная ситуация (в частности, социальный оптимум);
- 3) нормативная ситуация (в частности, система социальных норм и нормативов).

Этим ситуациям соответствуют: идеализация, оптимизация и нормализация (нормативизация) — мысленное конструирование понятий о желательном состоянии объекта, прообразы которого имеются в реальном мире.

Идеализация и прогнозирование идеальных ситуаций

Идеализацией называют мысленное конструирование понятий об объектах, не существующих в действительности, но таких, для которых имеются реальные прообразы в окружающем мире. Процесс идеализации характеризуется отвлечением от свойств и отношений, присущих предметам реальной действительности. Можно также конструировать понятия об объектах не только не существующих, но и не осуществимых в действительности, когда в содержание понятий вводятся такие признаки, которые не могут принадлежать их реальным прообразам.

Идеализировать можно и понятия не существующие, но при известных обстоятельствах осуществимые в действительности — в социальной, например. При этом различают три вида идеализации, используемые в общественных науках: информативную, оценочную (нормативную) и целевую. Очевидно, что идеализация тесно связана и с целеполаганием, и с нормативным прогнозированием. В частности, с помощью идеализации можно конструировать такой феномен общественного сознания, как общественный идеал — идеальный образ, определяющий способ мышления и деятельности человека, социальной группы, общества, специфический способ познания и освоения человеком социальной действительности.

Общественные идеалы подразделяются на социально-политический, нравственный, эстетический и гносеологический (научный). По другим критериям общественный идеал делится на личный (персонифицированный), групповой (собирательный) и программный (имеющий резко выраженную целеполагающую направленность). Можно классифицировать общественный идеал как цель или потребность по носителю (субъекту), объекту и способу отражения будущего в настоящем, по степени адекватности, соответствия общественному бытию, развития в нем творческого момента, осознанности, по направленности, соотношения в нем познавательных и ценностных сторон, сфере приложения, степени сложности и т.д.

Построение «дерева целей», с которого начинается нормативный прогноз, осуществляется только путем идеализации, т.е. мысленного конструирования объектов, не существующих в действительности, но способных претвориться в жизнь, если будут предприняты соответствующие усилия и созданы должные условия. В результате выявится идеальная ситуация, к достижению которой следует стремиться. Прогнозирование идеальной ситуации — это первый шаг, предопределяющий успех последующих прогностических операций. Здесь многое зависит от того,

насколько научно обоснован тот или иной общественный идеал, каковы в данном случае конкретные критерии социального целеполагания.

Затем с учетом ограничений прогнозного фона определяйте возможные пути достижения идеальной ситуации, пути решения соответствующих проблем. Логика применения метода идеализации в нормативном социальном прогнозировании состоит:

- в определении принципиально общих характеристик идеальной ситуации в прогнозируемых социальных аспектах исследуемого объекта. Эти характеристики послужат теоретико-методологическим ориентиром дальнейшей исследовательской работы в заданном направлении;

- в определении принципиально общих характеристик идеальной ситуации сообразно критерию общественного идеала. Эти характеристики будут служить ориентиром для выработки представлений о том, как конкретно могла бы выглядеть сегодня идеальная ситуация по тому или иному предмету исследования;

- в определении конкретных характеристик идеальной ситуации по избранному предмету исследования на сегодняшний день с учетом обозримой перспективы. Эти характеристики должны служить базой для соответствующих характеристик оптимальной и нормативной ситуаций.

Определение принципиально общих и конкретных характеристик идеальной/ (оптимальной, нормативной) ситуации само по себе не является операцией собственно прогнозирования. Характеристики задаются средствами социального целеполагания на основе научной интерпретации закономерностей развития человеческого общества. Собственно прогнозирование начинается с выявления возможных путей достижения ситуаций, определенных целеполаганием. Однако нормативное социальное прогнозирование немыслимо без предварительного целеполагания и поэтому оно органически включается в совокупность исследовательских процедур прогноза.

Затем следует обычный прогностический анализ с применением методов моделирования, опроса экспертов и т.д.

Оптимизация и прогнозирование оптимальных ситуаций

Оптимизацией в математике называют процесс выбора наилучшего варианта из возможных, приведение системы, объекта в наилучшее из возможных (оптимальное) состояние, процесс, в котором максимизируется количественная характеристика наиболее желательного свойства объекта или, напротив, минимизируется наиболее нежелательного. В экономике это интерпретируется следующим образом: оптимизация — процесс такого совершенствования народного хозяйства, при котором масштабы и продуктивность общественного производства достигают максимальных значений, а издержки (затраты сил, средств, ресурсов) — минимальных. Важный теоретический результат разработки проблемы оптимизации в экономике — постановка вопроса о критерии оптимальности, оптимуме. В общем виде оптимумы определяются как особые экономико-математические модели, отображающие общественные целеустремления, т.е. как особая разновидность формализации целей экономического развития в виде аналитически заданной функции. По содержанию это максимум продуктивности (чистой продукции, национального дохода, прибыли) при минимуме затрат либо максимизация благосостояния при минимизации

срока достижения состояния определенного удовлетворения потребностей общества и т.д.

Оптимизации поддаются не только экономика, но и практически все социальные процессы, и прогнозирование оптимальных ситуаций как органическая составная часть научного обоснования процессов оптимизации, определения и достижения оптимума является одной из составляющих нормативного социального прогнозирования.

Прогнозирование оптимальных ситуаций в нормативном прогнозе — это этап, следующий за прогнозированием идеальной ситуации. Он ведется в общем таким же способом, отличаясь только тем, что в данном случае принимаются во внимание ограничения прогнозного фона. Выявляется наилучшее не с точки зрения общественного идеала, а из возможного. Это влечет за собой ряд изменений в исследовательских операциях.

Как и на предыдущем этапе, определяют принципиально общие и конкретные характеристики оптимальной ситуации по избранному предмету исследования на сегодняшний день с учетом обозримой перспективы. Ориентиром служат параметры идеальной ситуации. Но при этом в первую очередь анализируют факторы прогнозного фона и соответственно уточняют показатели исходной модели при их нормативной разработке. Методологически важно проводить разграничение между операциями целеполагания по определению общих и конкретных характеристик оптимальной ситуации и операциями собственно прогнозирования по выявлению возможных путей достижения данной ситуации всем набором методов прогностики.

На этом этапе представляет сложность недостаточная развитость информационной базы социального прогноза, существенная нехватка и бессистемность имеющихся количественных данных по времени основания прогноза, а также слабая степень математизации социологических исследований. Это весьма затрудняет нормативную разработку индикаторов по показателям исходной модели, заменяя ее набором преимущественно качественных характеристик, качественным анализом прогнозируемых социальных явлений и процессов. Соответственно усложняются операции по исходному моделированию базового набора показателей и формированию качественных характеристик социального идеала, определяющего последующую работу.

Одна из особенностей этого этапа разработки нормативного прогноза связана с тем, что каждая из последних ступеней приближения к социально-экономическому оптимуму (и тем более — к общественному идеалу) обходится обществу гораздо дороже в смысле затрат сил и средств, чем начальное продвижение по первым ступеням, причем каждая из последующих ступеней в стремительно нарастающих масштабах все дороже, сложнее и труднее. Это означает, что необходимо конкретно формулировать общественный идеал и социально-экономический оптимум таким образом, чтобы на каждой ступени приближения к ним тщательно взвешивать соотношение требуемых затрат и ожидаемых результатов и не переходить к следующей ступени, не исчерпав все потенции предыдущей.

Итак, если идеальная ситуация или, иначе, абсолютный оптимум — это наиболее желательное состояние (или процесс), условно абстрагированное от ограничений прогнозного фона, то оптимальная

ситуация (или относительный оптимум) — наиболее желательное состояние, или процесс, ограниченный данными прогнозного фона.

Нормативизация и прогнозирование нормативных ситуаций

Как методологически неверно ориентировать нормативные разработки базовых показателей исходной модели прогнозируемого объекта только на «дерево целей», соответствующее идеальной ситуации, так и без его последующего уточнения данными оптимальной ситуации и логикой прогностического исследования не допускается завершить анализ этим вторым шагом, не уточнив «дерево целей» данными нормативной ситуации, т.е. соотношением целей и реального положения вещей с соответствующей системой социальных норм и нормативов.

Процесс упорядочения характеристик объекта, приведения их в состояние, соответствующее определенным нормам, нормативам, называется нормативизацией (имеется в виду нормативизация как исследовательский процесс, логически следующий за идеализацией и оптимизацией, завершающий те процедуры целеполагания, в результате которых конструируется исходное «дерево целей» нормативного прогноза).

Нормы, подобно идеалам, характерны для всех без исключения форм общественного сознания, являясь частными разновидностями их выражения. Социальные нормы — это стихийно сложившиеся или установленные государством, обществом, социальной группой правила, образцы, предписания, которые определяют ту или иную форму жизнедеятельности людей, включая некоторые аспекты условий жизни, а также шаблоны — стереотипы сознания и поведения. Социальные нормативы — это показатели социальных норм, расчетные величины затрат, ресурсов, потребления в соответствии с установленными нормами.

В системе операций нормативного прогностического исследования прогноз нормативной ситуации является третьим и последним шагом прогнозирования целей ситуаций (после идеальной и оптимальной). Состоит он из определения принципиально общих и конкретных характеристик нормативной ситуации. При этом необходимо действовать по социальным ориентирам соответствующего идеала и оптимума, с учетом особенностей сегодняшнего дня и обозримой перспективы.

Для социального прогнозирования основная сложность здесь состоит в сравнительной узости информационной базы из-за недостаточной разработанности социальных нормативов. Обычно пользуются нормативами, которые уже разработаны и применяются в социальном планировании.

После определения нормативной ситуации начинается заключительная стадия разработки нормативного прогноза: выявление возможных путей достижения данной ситуации всем набором методов социальной прогностики. В отношении методов заключительная стадия прогноза особенно требовательна. Они таковы:

1. Необходимо принимать во внимание все формы отхода от установленных социальных норм и нормативов, т.е. по сути все формы социальной патологии.

2. Необходимо иметь в виду идеологическую сторону нормативного прогнозирования, которая неизбежно проявляется на всех этапах разработки прогноза, начиная с прогнозов идеальной и оптимальной ситуации, но имеет

существенную специфику именно в социологии и именно по вопросам социальных норм (например, сравнительный анализ социальных норм государств с различным общественно-политическим укладом).

3. Необходимо учитывать проблему прогнозов целевых ситуаций за пределами 20-летней перспективы, разработки предплановых программ, на научное обеспечение которых рассчитан прогноз. Существующий набор методов прогнозирования оказывается в данном отношении недостаточным и требует расширения.

Основные методы прогнозирования целевых ситуаций

Из нескольких десятков методов прогнозирования на практике используется сравнительно немного, большинство же остается «номинально существующими» или применяется в отдельных случаях. В научно-техническом прогнозировании набор методов достаточно широк, в экономическом — уже, в социальном — очень невелик: элементарные трендовые (экстраполяционные) модели, сценарии и несколько методов очного и заочного опроса экспертов. В частности, в нормативном прогнозировании трендовые модели играют чисто вспомогательную роль, в основном используются сценарии и опросы экспертов.

Кроме того, как показывает опыт, довольно результативные методики социального прогнозирования можно конструировать, используя в различных сочетаниях методы научно-технического и экономического прогнозирования: контекстуальное картографирование, морфологический подход, историческую аналогию, а также матричное, операционное, сетевое, игровое, имитационное и другие виды моделирования.

Имеется ряд перспективных методов. Например, одним из эффективных методов разработки нормативных социальных прогнозов может стать модифицированный соответствующим образом метод опережающих (продвинутых) групп, используемый в психологии и социологии. Далее, на основе существующей в математике теории пределов можно разработать «прогностическую теорию пределов» с максимально высоким уровнем ее математизации. На основе теории можно было бы увеличить эффективность определения путей достижения нормативных, оптимальных и идеальных ситуаций. Возможна также модификация специально для нужд прогнозирования балансового метода, успешно используемого в планировании.

Последовательность операций нормативного прогноза

1. Определение абсолютного оптимума с условным абстрагированием от ограничения прогнозного фона (что именно хотелось бы иметь, каким именно хотелось бы видеть объект исследования, если бы налицо было предельно мыслимое развитие науки и техники, изобилие ресурсов и средств, максимально высокая культура населения и т.д.). Цель — создать ориентир для последующей нормативной разработки, без чего она может отклониться в сторону по тем или иным непринципиальным причинам. Средства — широкий аппарат моделирования («дерево целей», формализованные сценарии, матрицы, графы и другие модели).

2. В сложных случаях операции определения абсолютного оптимума должна предшествовать особо выделяемая операция выявления критериев оптимума по всем семи разделам прогнозного фона с учетом особенностей

предмета исследования (в простых случаях критерии очевидны по степени соответствия основополагающему критерию). Этот весьма ответственный и трудоемкий этап работы в указанных случаях обязателен, так как без него оптимум можно получить односторонним, произвольным, неадекватным предмету исследования.

3. Определение относительного оптимума с учетом ограничений прогнозного срока путем углубленной нормативной разработки данных исходной модели и абсолютного оптимума методами моделирования.

4. Обсуждение обеих или хотя бы последней нормативной модели.

5. Обсуждение и параллельный опрос населения с целью проверки степени объективности экспертных оценок. Опыт показывает, что обычный респондент (не эксперт) затрудняется отвечать на прожективные вопросы чисто поискового характера и дает заведомо презентистские ответы на аналогичные вопросы чисто нормативного характера. Но он способен очень существенно дополнить экспертные оценки, если речь идет о хорошо знакомых ему по опыту вещах и если в вопросах поисковый подход хорошо сочетается с нормативным, удачно подчиняется ему. Еще лучше, если вопросы задаются не напрямую, а косвенно, с помощью психологических тестов. В целом операция проводится по всем канонам обычного социологического исследования, причем генеральному опросу может предшествовать пилотажный — для уточнения анкет и других рабочих документов.

6. Доработка нормативных моделей прогноза на основе предыдущих обсуждений и сведение их в единую систему. Качество полученных результатов всецело зависит от основательности критериев оптимума, учета данных прогнозного фона и проведения опросов.

Верификация прогноза есть определение степени его достоверности, точности и обоснованности. Абсолютная верификация прогноза, т.е. установление степени его соответствия действительному состоянию объекта в прогнозируемом будущем, практически возможна лишь к завершению периода упреждения. Это особая задача, которая выходит за рамки собственно прогнозирования. Но уже на заключительных стадиях разработки прогноза возможна и желательна относительная (предварительная) верификация — определение степени соответствия прогноза требованиям современной науки, его достоверности — вероятности осуществления, предсказанного для заданного доверительного интервала точности, обоснованности (в смысле соответствия теории и практики). Опыт показывает, что верифицированные таким образом прогнозы не только имеют очень высокую степень оправдываемости (до 95—96% значений наиболее вероятного тренда), но, главное, служат надежной ориентирующей информацией для управления, дают значительный экономический и политический эффект в смысле оптимизации принятия решений и тем самым полностью оправдывают затраты сил и средств на их разработку.

Таким образом, процедура верификации желательна и обязательна. В сравнительно простых случаях роль этой процедуры фактически играют экспертные опросы. В более сложных случаях требуется специальная процедура по одному из восьми видов верификации, многократно описанных в литературе:

- 1) разработка прогноза методом, отличным от первоначально использованного;
- 2) сопоставление прогноза с другими, полученными из иных источников информации;
- 3) проверка адекватного прогноза на ретроспективном периоде;
- 4) аналитическое или логическое выведение параллельного прогноза из заранее полученных прогнозов;
- 5) дополнительный опрос экспертов;
- 6) опровержение критических замечаний оппонентов;
- 7) выявление и учет источников возможных ошибок;
- 8) сравнение с мнением, признанным наиболее компетентным.

Наиболее экономичный и вместе с тем максимально эффективный при минимальных затратах и минимальном риске субъективных оценок способ — коллективный опрос экспертов (желательно, заочный), что не исключает других способов, если к тому имеется возможность.

Основные операции по верификации:

- верификация поисковой и нормативной моделей прогноза одним или несколькими способами по выбору;
- доработка моделей на основе обсуждения и их окончательная редакция.

Выработка рекомендаций для управления

Социальный прогноз — не самоцель, а информация для принимающих целевые, плановые, программные, проектные, организационно-управленческие решения. Поэтому работа над прогнозом не может считаться завершённой без выработки рекомендаций на основе сопоставления данных и нормативов. Методологически недопустимо передоверять последнюю процедуру самому заказчику прогноза, т.к. возникает соблазн подогнать прогнозные данные под ведомственные интересы заказчика, а тем самым обесценивается вся проделанная ранее работа. Рекомендации должны иметь возможно более объективное содержание, независимо от интересов заказчика (только в этом их значение и смысл). Поэтому их разработка — обязанность независимых от заказчика прогнозистов.

Последовательность операций

1. Составление предварительных рекомендаций силами исследовательской группы.
2. Обсуждение составленных рекомендаций очным (или в сложных случаях заочным) опросом экспертов.
3. Составление так называемого поствероятностного сценария эвентуального состояния объекта исследования в случае реализации предложенных рекомендаций с обязательным указанием не только позитивных, но и возможных негативных последствий такой реализации. В сложных случаях проводится дополнительный опрос экспертов по содержанию представленного сценария, в более простых он совмещается с обсуждением.
4. Написание предварительного отчета об исследовании в целом (некоторые разделы могут быть подготовлены по ходу предыдущих процедур) желательно в трех вариантах:

- краткий (3—5 с.);
- развернутый (20—25 с.);
- полный (10—15 п.л.).

При этом обязательна развернутая интерпретация обеих прогнозных моделей и приложение документов по всем предыдущим процедурам.

5. Обсуждение представленного отчета очным (или в сложных случаях заочным) опросом экспертов.

6. Доработка отчета на основе обсуждения и сдача отчета заказчику.

Примечание. Круг экспертов по ходу всех обсуждений должен быть по возможности стабильным, т.к. от обсуждения к обсуждению проходит «самообучение» экспертов, что повышает качество экспертизы. Опыт показывает, что без этого при прогнозировании даже самые компетентные и конструктивно мыслящие эксперты не в состоянии сразу давать прогнозные оценки должной степени адекватности.

Часть IV

ПРИКЛАДНАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПРОГНОСТИКА. ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КОНКРЕТНЫХ ПРОБЛЕМНЫХ СИТУАЦИЙ НА ПРИМЕРЕ ОДНОЙ СТРАНЫ (РОССИИ)

Лекция 14

ПРОГНОЗЫ В СФЕРЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ (СОЦИОЛОГИИ ТРУДА)

В 1991—1995 гг. сектор социального прогнозирования Института социологии РАН реализовал очередной исследовательский проект «Перспективы трансформации России: экспертный сценарно-прогностический мониторинг» (одноименная монография издана Центром общественных наук МГУ в 1998 г.). Проект предусматривал трижды повторенный панельный опрос экспертов и разработал серии прогнозных сценариев на этой основе. В данной лекции кратко излагаются результаты этого исследования.

Напомним еще раз логический алгоритм технологического прогноза: система количественных и качественных показателей исходной (базовой) модели и прогнозного фона. Экстраполяция динамических рядов этих показателей в будущее с целью выявления назревающих проблем (трендовая модель поискового прогноза). Нормативная разработка тех же показателей по заранее заданным критериям оптимума с целью выявить возможные пути решения таких проблем. Рекомендации сфере социального управления путем сопоставления данных поискового и нормативного прогнозов. Никаких предсказаний, только «взвешивание» возможных последствий напрашивающихся решений.

Допустим, вам, как заведующему сектором социального прогнозирования какого-то НИИ, заказали долгосрочный прогноз (на 20 лет) ожидаемых и желаемых изменений в экономике России. Какие показатели заложите вы в исходную модель и что порекомендуете российскому правительству?

Возможных показателей — сотни и тысячи. Из них нужно отобрать десяток-другой ключевых, которые нетрудно было бы детализировать на любом уровне конкретизации. В случае с Россией было бы напрасным трудом использовать стандартные показатели глобального, регионального или локального уровня: получится картина, далекая от реальной действительности. Слишком велика специфика, возникшая в результате краха реализованной утопии казарменного социализма. Попытаемся индизировать это понятие — представить его в виде упорядоченной совокупности показателей.

Напомним, что российское бытие XX века вопреки истмату (историческому материализму) целиком определилось утопическим сознанием. Кучка фанатиков-утопистов, дорвавшись до власти, навязала стране сказку, сделанную былью. Сказка, в самых общих чертах, опиралась на три догмы-постулата:

1. Дестратификация общества, превращение его из классового в бесклассовое, «социально-однородное».
2. Демаркетизация экономики, замена рынка Госпланом.
3. Демонетаризация финансов, замена реальной (конвертируемой) валюты «дензнаками», которые печатаются в любых потребных количествах для контроля над распределением товаров и услуг с целью перехода затем вообще к бесконтрольному распределению «по потребностям».

Именно такую программу большевики попытались реализовать в 1918—1920 гг. и потерпели крах, восстановив против себя практически всю страну. Потому что все три пункта программы оказались несбыточными, утопическими.

Классовая структура общества (любого человеческого общества на любом уровне детализации — до производственного или соседского коллектива, компании или любой другой малой социальной группы включительно) остается незыблемой, что с ней ни делай. Меняется только характер классов, а сами они как были, так и остаются. Можно истребить феодальную аристократию, буржуазию, крестьянство. Неизбежно исчезнут предприниматели, инициативные добросовестные рабочие, рачительные хозяева, подлинная интеллигенция. Их место займут надзиратели и батраки-люмпены, офицеры и солдаты гигантского «вселенского стройбата», в который обратится страна.

Никуда не денется высший класс — 1—2% населения, в руках которого практически вся власть и львиная доля богатств страны. Только вместо аристократии он будет называться сначала «номенклатурой», а затем «новыми русскими». Никуда не денется выше-средний класс — еще десяток-другой процентов, составляющих состоятельные, зажиточные семьи (в СССР и сегодняшней России он «сжегился» до менее десятка процентов). Останется средний класс людей со средними по стране доходами. В благополучных странах он составляет подавляющее большинство населения. В сегодняшней России это считанные проценты, т.к. формально почти половина населения относится к беднякам низше-среднего класса (правда, тут вносит свой вклад «теневая экономика», существенно меняющая реальные доходы, не говоря уже о повальном воровстве). Наконец, останется низший класс нищих. В благополучных странах он составим по масштабам с высшим. В сегодняшней России это формально каждый третий (с теми же поправками на «теневую экономику» и воровство).

Всякое посягательство на рынок тут же влечет за собой появление «черного рынка» соответствующих масштабов и квазиказарменное распределение товаров и услуг не по труду, а «по чинам», с тотальным дефицитом всего и вся, с километровыми очередями, с резким обнищанием населения, поскольку цены на «черном рынке» гораздо выше.

Наконец, замена валюты «дензнаками» тут же порождает чудовищную инфляцию, обесценение пустых, ничем не обеспеченных бумажек, переход к бартеру — натуральному обмену товарами и услугами, что еще более ухудшит положение основной массы населения.

Все это в полной мере испытало на себе население России в 1918—1920 гг., которое восстало против этого и вынудило утопистов начать упоминавшуюся в первых лекциях («перестройка № 1») новую экономическую политику. Но поскольку НЭП оказался смертельной угрозой для новой аристократии — номенклатуры, в 1929 г. была предпринята вторая попытка сделать только что рассказанную сказку былью. К несчастью для населения страны, на сей раз она увенчалась успехом. Получилась нежизнеспособная, но, как ни парадоксально, очень живучая система, из которой, как уже рассказывалось, мы еще пять раз — от Хрущева до Горбачева — тщетно пытались выйти. И нет уверенности, что выйдем в седьмой раз, хотя пытаемся вот уже второй десяток лет. Нежизнеспособная потому, что с казарменным положением общество мирится только во время войны. Ибо казарма — это принудительный труд, принудительная идеология и специфичные казарменные отношения, известные под названием «дедовщина». Принудительный труд неизбежно порождает имитацию труда по принципу: «солдат спит, а служба идет» («видимость работы за видимость зарплаты»). Именно поэтому мы проиграли гонку вооружений и третью мировую войну («холодную») с противником вчетверо более богатым и на порядок превосходившим нас технологически. Принудительная идеология практически возможна только при непрерывном массовом терроре, который дошел при Сталине до предела физических возможностей, слабеет террор — начинается «дезидеологизация» населения, которая выражается в тотальной деморализации (оподлении), дезинтеллектуализации (оглуплении) и патопсихологизации (остервенении) людей. Что и видим воочию. Наконец, «дедовщина» подразумевает всесильных «паханов», их прихлебателей — «шестерок» и жуткую участь «опущенных» на страх всем остальным, чтобы повиновались беспрекословно. Как в тюремной камере. Ну, кому такое может понравиться, кроме «дедов»? Такая система не просуществовала бы и месяца, если бы «камера-казарма» не уравнивалась «сказкой-утопией».

Во всех странах с низкоразвитой экономикой (включая СССР-Россию) не имеет работы — по меньшей мере, постоянной работы — каждый третий. А в СССР безработицы, как известно, не было. Были «избыточные» (фиктивные) рабочие места — более 30 миллионов на 130 миллионов трудящихся. Человеку гораздо приятнее получать грошовую зарплату, чем такой же величины пособие по безработице. Поэтому даже сегодня за такую систему голосует 30—40% избирателей. Хотя чудовищная скрытая безработица никуда не делась, ибо что такое зарплата, равная или даже меньше пенсии для десятка-полутора миллионов работающих?

Во всех странах сегодня — зарплата (пусть даже очень высокая), а завтра — конверт с уведомлением об увольнении. А в СССР везде и всюду 2

и 16 числа каждого месяца — «получка», совершенно независимо от экономической эффективности предприятия, учреждения, организации до банкротства включительно. Короче, «пайка» — как в казарме или тюрьме, всегда и при всех условиях. Не беда, что платят не деньгами, а «дензнаками». Не беда, что такое жалование — как подаяние нищему (в смысле суммы). Главное — гарантированно, с уверенностью в будущем. Разве это не привлекательно для десятков процентов людей по сей день?

Во всех странах плохой работник получает меньше хорошего. И ему постоянно грозит увольнение. А в СССР зарплата зависела только от должности. А должность — только от хороших или плохих отношений с начальством. И — никаких увольнений даже при длительных запоях, прогулах, отъявленной халтуре, старческом маразме. Разве это не кисельные реки и молочные берега даже при 120 р. на двоих?

Вот почему шесть раз пытались «работать как в СССР, а жить как в США». И очень огорчались, что не получается. Теперь пытаемся в седьмой раз...

Трагедия сегодняшней России в том, что на место выжившей из ума «номенклатуры» пришел всевластный высший класс, в котором решающую роль, помимо верхушки открыто уголовной мафии, сросшейся с коррумпированной частью госаппарата, играют так называемые компрадоры-торговцы национальным богатством страны, складывающие выручку на тайные счета в зарубежных банках. В «банановых республиках» это — торговля бананами, кофе, кокой, другими наркотиками. В России — нефтью, газом, металлом, лесом. Подумайте только: сотня олигархов с несколькими миллионами их прихлебателей получает от продажи нефти и газа примерно столько же, сколько остальные 144 млн. населения!

Соответственно определяются перспективы развития экономики. Как ни старайся, а через 10—20 лет будешь в Колумбии: 1—2% компрадоров, 8—10% их прихлебателей, засилье мафии и беспросветная нищета остальных 90%.

Заметим также, что Колумбия — послушная игрушка в руках США и транснациональных корпораций, которые умело заботятся о том, чтобы Россия не свернула с «колумбийского пути». Их «агентов влияния» у нас хоть отбавляй — до самых известных политических деятелей включительно.

Можно, конечно, дернуться «влево» и в одночасье покончить с насквозь криминализированной экономикой.

Достаточно вновь призвать к власти коммунистов. Но тогда мгновенно попадешь из Колумбии в КНДР с тамошним массовым голодом и террором. Образно говоря, снова вернешься в 1984 год, откуда снова дорога либо к 1991-му, либо к 1937-му.

Можно дернуться и «вправо», призвав к власти наших доморощенных нацистов. Тогда попадешь в Сараево, точнее, в Косово. И ужасы Гражданской войны 1918—1921 гг. померкнут в сравнении с новой войной. Тем более что НАТО и прочие супостаты отнюдь не останутся в стороне, помогут стереть русских с лица земли, как сербов в Косово.

А нет ли альтернативных путей в будущее? Ведь не одна же Россия пытается выйти из казарменного положения. Чтобы не говорить о Венгрии, Чехии, Словении и других сравнительно более развитых странах, давайте вспомним о Словакии — отсталом захолустье Чехословакии, еще весь десяток лет назад неотличимой от Закарпатной Украины и вообще от СССР.

Словакия и сегодня отстает от Чехии. Но — гораздо меньше, чем мы от Словакии. В чем дело?

Прежде всего, конечно же, дело в политике, в структуре и характере высшего, правящего класса. (Этому мы посвятим следующую лекцию.) Кроме того, Словакии не надо было, в отличие от СССР, тратить на «оборонку» 88 копеек с каждого рубля национального дохода. Не надо решать колоссальной сложности проблему ставшего ненужным в прежнем объеме военно-промышленного комплекса, составляющего три четверти национальной экономики. Мы ее решили хищнически: вместо конверсии на мирные рельсы развалили ВПК и раздали задарма оставшиеся жирные куски кучке «новых русских», которые постарались сделать из этих кусков возможно больше миллиардов долларов, переправленных на тайные счета в зарубежных банках. Навести порядок в этой сфере не поздно и сейчас, но это — особая проблема.

Главное же, Словакия, как и все цивилизованные страны, сделала упор на массовое предпринимательство, способное дать рабочие места растущим десяткам процентов трудоспособного населения — не только самим предпринимателям, но и их наемным работникам. Однако простым указом-приказом массовое предпринимательство не возродишь. Для этого необходима специальная экономическая политика режима наибольшего благоприятствования массовому предпринимателю.

Вновь обратимся к воображению читателя и попросим его представить себе следующую невообразимую ситуацию. Допустим, все до единого американские избиратели в пику бывшему СССР единогласно решили преобразовать США в новый СССР. Все конгрессмены единогласно утвердили соответствующие поправки к Конституции США, подтвержденные президентом. Частная собственность упраздняется. Все фермеры объединяются в «колхозы» и ставятся под контроль вашингтонских чиновников. Все корпорации упраздняются и образуют учреждения, работающие по плану и по решениям вашингтонских чиновников. Вместо Штатов образуются союзные республики «Новая Испания», «Новая Африка», «Ирокезия» и пр., причем белых «англоязычных» всюду ставят на положение турок в Германии. Что получится?

Получится СССР № 2, но только ценой нескольких десятков миллионов расстрелянных или посаженных в концлагеря и ценой полного расстройства экономики, на развалинах которой со временем вырастет нечто, напоминающее советскую экономику 70-х годов. Нечто подобное происходит сегодня в республиках бывшего СССР — только в обратную сторону: от СССР к США 1930-х годов, а во многом — и к США образца второй половины XIX века.

Разберемся в этом процессе детальнее. Давно известно: чтобы человек начал как следует трудиться, необходимо какое-то побуждение, стимул. Безразлично, какой: позитивный, в расчете на материальное или моральное поощрение либо негативный, из страха перед нежелательными последствиями. Позитивный «работает» сравнительно слабо, потому что, по русской пословице, из спасибо шубы не сошьешь, богатым тоже вряд ли станешь (для этого нужен, как минимум, обман или удачная игра — биржевая или любая другая азартная, а как норма — преступление). Остается негативный, а позитивному отводится роль чисто

вспомогательного. Долгие тысячелетия человечество решало эту проблему жесткой регламентацией — ритуализацией труда. За соблюдением ритуалов строго следило всемогущее в тех условиях общественное мнение окружающих. Оно жестоко карало за малейшее отступление от принятых стереотипов — вплоть до травли, изгнания, линчевания. Опыт показал, что эффект стократно усиливается, когда подкрепляется идеологией, сурово осуждающей лень, недобросовестный труд. Истории известны две наиболее развитые идеологии подобного типа: «конфуцианская», породившая «трудоголизм» (по аналогии с «алкоголизмом» — «заболевание трудом», превращение труда в самоцель, в высшую добродетель), современного Китая, Индокитая, Кореи, Японии; «протестантская», породившая такой же «трудоголизм» в странах северо-западной Европы и Северной Америки. Все остальное на этом фоне выглядит, мягко говоря, чтобы никого не обижать, гораздо менее трудолюбивым. История человечества знает также попытки преодолеть лень и недобросовестность людей принуждением. Но эти попытки не дали желаемых результатов, потому что ответом на принуждение была имитация труда: человек вроде бы работает, а результаты — плачевны. Именно на этом обанкротились сначала рабовладельцы, потом феодалы. Но затем было совершено открытие, которое заставило более или менее добросовестно трудиться самых недобросовестных. Был открыт, наряду с другими рынками, рынок труда. Предлагай, как продавец, свои рабочие руки. Может быть, кто-нибудь купит их. Если же покупка оказывается неудачной — от нее просто отказываются, и продавец становится безработным. Предложение всегда и всюду намного превышает спрос. Как уже упоминалось, работы не хватает, как минимум, каждому десятому даже в странах с высокоразвитой экономикой и почти каждому третьему в слаборазвитых странах. Так что приходится, как говорят русские, выкладываться (сами они очень не любят этот глагол) — иначе уйдешь отдыхать без денег. Ничего более эффективного человечество не придумало. И, казалось, не надо придумывать: эффект поистине колоссальный!

Однако нашлись люди, которые вознамерились перекрыть и этот эффект. Вместе со всеми рынками они упразднили и рынок труда. Позитивный и негативный стимулы поменяли местами: первый сделали основным, второй — вспомогательным (максимальная санкция — официальное замечание). Страх перед безработицей тоже упразднили вместе с самой безработицей: дали каждому конституционное право на труд и даже больше — рабочее место согласно полученному образованию. Труд объявили «делом чести, доблести и геройства», награждая за него орденами и медалями как за подвиги на войне. И были уверены что при таких условиях люди станут большими «трудоголиками», чем китайцы или японцы.

Они жестоко ошиблись. Люди охотно (поначалу) шли на собрания, где оживленно обсуждали, как лучше работать. Но работали все хуже. Часто опаздывали или не выходили на работу совсем (зарплата-то все равно гарантирована, сохранение рабочего места — тоже). На работе часами шли перекуры и чаепития: идут как бы по инерции и по сей день, куда ни загляни. А то, что производилось, ужасно по качеству. Пришлось срочно заменять позитивные стимулы негативными (хотя лозунги о «доблести и геройстве» оставались в силе до полного краха в 1991 г.), причем в наиболее

грубой, примитивной форме: страхом перед тюрьмой и расстрелом. Естественно, последовала защитная реакция — самая бессовестная имитация труда. Она подписала смертный приговор коммунизму. Так же, как ранее рабовладению и феодализму.

Можно сколько угодно спорить о преимуществах капитализма или социализма. Но факты — упрямая вещь. И они налицо.

Факт № 1. Толпы вполне работоспособных праздношатающихся на улицах всех без исключения городов бывшего СССР в рабочее время. И кучки часами блудословящих, где придется, на предприятиях. В Москве на 10 млн. населения таких праздношатающихся было не менее 2 млн., из них только половина — пенсионеры, а также свободные от работы или приехавшие в Москву в отпуск, остальные — сбежавшие с места работы или учебы: почти каждый пятый из работающих или учащихся! Можно возразить, что праздношатающихся и блудословящих не меньше в каждом городе мира, начиная с Нью-Йорка. Но там их «подкрепляет» высокая эффективность труда остальных. Ничего подобного нет и быть не может при «социализме».

Факт № 2. Американская фермерская семья способна прокормить, помимо себя самой, еще сотню семей (если считать вместе с экспортом продовольствия). Советская колхозная или совхозная семья кормила впроголодь, помимо себя, всего четыре семьи, и без значительного импорта продовольствия массовый голод был бы неизбежен. Американская рабочая семья снабжает всем необходимым, помимо себя, еще десяток семей и тоже обеспечивает весьма значительный экспорт. В бывшем СССР, напротив, две рабочих семьи, худо-бедно снабжали товарами первой необходимости себя и третью семью, причем без импорта промышленных товаров положение вообще было бы ужасающим. Сравнивайте сами.

Факт № 3. Советское правительство пыталось стимулировать качество продукции лозунгами типа «советское — значит, отличное» и официальным присвоением «Знака качества» сколько-нибудь конкурентоспособным на мировом рынке товарам. Но факт остается фактом: к 1985 г. в среднем лишь 27% Товаров могли претендовать на такую оценку. Это означает, что из каждых четырех изделий — все равно, каких: от авторучек и часов до автомашин и самолетов — лишь одно было сделано добросовестно; еще два были заведомо плохого качества и быстро выходили из строя, а четвертое изначально было негодным и всучивалось покупателю обманом. И с такой экономикой «социализм», как угрожал в свое время Хрущев, вознамерился «похоронить капитализм»!

Факт № 4. Всюду, где работа сравнительно высокооплачиваема и престижна, но не требует больших трудовых усилий, позволяет легко имитировать трудовую деятельность, два-три, три-четыре, а то и пять-десять «работников» (в кавычках) вместо одного в нормальных условиях. Даже если работа низкооплачиваема и низкопрестижна, но позволяет часами болтать по телефону, проводить время в бесконечных перекурах и чаепитиях (это, как правило, почти любая работа служащего — от сторожа до секретаря) — и то все вакансии заняты, причем не редко на каждую стремятся «воткнуть» двоих-троих. С другой стороны, там, где требуется напряженный труд — за станком, за рулем, за прилавком (обслуживание огромных очередей), на стройке, на агроферме — миллионы незанятых вакансий. К 1985 году далеко не каждый станок был загружен даже в одну

смену, а в две другие вообще, как правило, простаивал. В среднем каждая пятая автомашина — от грузовика до автобуса — стояла в гараже без шофера. На стройках недоставало каждого шестого строителя. К одному кассиру вместо четырех или к одному продавцу вместо двух выстраивались длинные очереди. Скот на агрофермах жестоко страдал из-за нехватки не только кормов, но и обслуживающего персонала. Всего в масштабах бывшего СССР насчитывалось до 16 млн. таких незаполненных вакансий. Зато на другом полюсе насчитывалось вдвое больше «избыточных» работников, занимавших никому не нужные синекуры.

Удивительно ли, что конечным продуктом такой экономики явился типичный «советский человек», скверно питающийся и скверно одетый, сквернейше живущий в скверном жилье, знающий, что никакие трудовые усилия не принесут ему ничего, кроме, в лучшем случае, еще одного почетного значка на грудь или еще одной почетной грамоты в рамку на стенку. Что если он выработает вдвое-втрое-вдесятеро больше, ему тут же вдвое-втрое-вдесятеро снизят расценки за работу и он получит «как все», т.е. столько же, сколько лентяй-сосед, проболтавший все рабочее время в «курилке» или за чашкой чая, поэтому возлагающий все надежды на то, что удастся урвать «сверх зарплаты» — все равно что и все равно как, включая взятку и воровство. Разве его можно винить за это и презирать?

Об отношении «советского человека» к труду свидетельствуют популярные пословицы и поговорки, прочно вошедшие в народный фольклор последних десятилетий и известные всем так же хорошо, как христианину «Отче наш»: дураков работа любит, работа не волк — в лес не убежит, солдат спит — а служба идет (этот афоризм мог бы служить девизом «казарменного социализма» вместо бреда о неизвестно каких пролетариях, соединяющихся неизвестно с кем), наконец, квинтэссенция «социалистической экономики» — видимость работы за видимость зарплаты, предельно точно выражающая суть дела. И с такой экономикой вознамерились одолеть противника (НАТО), намного более могучего экономически. Удивительно ли жалкое фиаско конца 80-х — начала 90-х годов?

Теперь попытайтесь войти в положение любого президента или министра любой из 15 республик, возникших на развалинах Советского Союза. Что делать с экономикой?

Ситуация такова. На 165 млн. трудоспособных бывшего Советского Союза (не считая 60 млн. пенсионеров и примерно такого же количества детей) приходилось 130 млн. занятых в народном хозяйстве, плюс 4 млн. солдат и примерно столько же заключенных в тюрьмах. Остальные составляли учащиеся в возрасте старше 16 лет, несколько миллионов домохозяек, главным образом, в многодетных семьях азиатских республик, а также 8 млн. безработных (преимущественно в тех же регионах), живущих на иждивении родителей и других родственников, которые могли извлекать сверхприбыли из торговли фруктами, цветами и другим экзотическим товаром по сверхвысоким монопольным ценам в условиях почти полной изоляции от мирового рынка. Из этих 130 млн. не менее 32 млн. составляли «избыточные» работники на своих никому не нужных синекурах, десятков миллионов работников на «убыточных» предприятиях (напомним: каждое восьмое из общей совокупности 80 млн. рабочих, не считая «нерентабельных», т.е. едва-едва сводящих концы с концами, работая на

самовывживание), плюс примерно столько же ставших «излишними» в военно-промышленном комплексе (ВПК), где работа шла лучше, чем где бы то ни было, но где после проигрыша гонки вооружений и тем самым поражения в 3-й («холодной») мировой войне отпала необходимость в таком количестве работников.

По всем этим количественным данным грубо приблизительно половина приходится на Россию (по безработным — намного меньше, по работникам ВПК намного больше). Что делать?

Если разом «нормализовать» экономику, уволив «избыточных» на синекурах, всех — на «убыточных» предприятиях и «излишних» в ВПК, то получится уравнение: 8 млн. открытых безработных + 32 млн. скрытых безработных + 10 млн. новых безработных + 10 млн. частично безработных = 60 млн. безработных из 130 млн. работоспособных = 45-процентная безработица, невиданная нигде в мире, = полная экономическая, политическая и социальная катастрофа, потому что ни к общественным работам подобного масштаба, ни к выплатам такого количества пособий по безработице, ни к какому-либо другому решению этой сложнейшей проблемы ни одна республика не готова. Из этой апокалипсической величины 27—29 млн. потенциальных безработных приходится на Россию, и что с ними делать — неизвестно.

Пока что правительство всеми силами оттягивает развязку, трагическую для десятков миллионов семей.

Но что значит «оттягивать развязку»? Это значит продолжать выплачивать зарплату десяткам миллионам квазиработающих (в дополнение к десяткам миллионам пенсионеров), не вносящим никакого вклада в национальный доход. Это значит печатать новые и новые десятки и сотни миллиардов рублей, не обеспеченных ни товарами, ни услугами. Это означает постоянную угрозу перехода от инфляции к гиперинфляции. Это означает продолжение падения производства, продолжение приближения ко все той же экономической, политической, социальной катастрофе — только с другой стороны.

Приходится искать оптимум между Сциллой и Харибдой, чтобы быстрее «проскочить» стадию падения, выйти на стадию стабилизации, а затем и подъема. Теоретически это не выходит за пределы реального. Практически требует множества взвешенных решений, свободных от соображений, связанных с борьбой за власть, с популистской демагогией, чтобы дорваться до власти, просто с некомпетентностью и недобросовестностью людей, выросших в условиях своего рода зоопарка, где главное — не собственные усилия, а близость к кормушке.

Теоретически падение производства прекратится, как только процесс распада принудительных производственных связей «сверху» (в связи с крушением «командной экономики» жесткого централизованного планирования) перекроется уже начавшимся процессом складывания рыночных производственных связей «снизу» на основе развертывания частного предпринимательства. После чего начнется процесс стабилизации и последующего подъема. Так было во всех более или менее аналогичных ситуациях у других стран. Нет никакого основания считать, что в России или любой другой республике бывшего СССР можно рассчитывать на что-то иное, сверхъестественное.

Но что значит «складывание рыночных производственных связей»? Это означает развертывание массового частного предпринимательства — процесс, идущий полным ходом в бывшей ГДР, в Польше, Венгрии, Чехии, Китае, — во всех «социалистических» странах, дальше продвинувшихся к выходу из лабиринта «казарменного социализма» (в Китае — с его спецификой, предусматривающей минимизацию «казармы» в экономике с сохранением ее в политике). Но в бывшем СССР этот процесс наталкивается на четыре, даже на пять чудовищных препятствий, пострашнее знаменитых «четырех призраков» Френсиса Бэкона, олицетворявших ложные идеи, которые уводят человека от истины.

Первое препятствие — почти полное отсутствие инфраструктуры снабжения. Представьте себе американского фермера или владельца ресторана, у которого отключили телефон, отобрали телефонную книжку (теперь — отключили компьютер), и он должен ехать в город, чтобы неделями договариваться о покупке продуктов, семян, удобрений, горючего, техники, запасных частей к ней и пр. Много он наработает? Между тем, именно в таком положении оказывается любой российский предприниматель. Ему некуда звонить, некого просить о присылке хотя бы за наличные (о кредите нечего и говорить) всего того, без чего невозможно начать работу. В условиях тотального дефицита и отсутствия сети специализированных фирм он тратит круглый год часы и дни, иногда недели и месяцы на то, чтобы «достать» необходимое за деньги (по монопольно высоким ценам!). Достаточно первого серьезного сбоя — например, обманули с обещанием поставить сырье или горючее, — и плоды целого года работы могут пойти под откос. Конечно, постепенно необходимые связи и поставки налаживаются. Но без помощи государства этот процесс может растянуться на 10—15 лет. А государство пока что не помогает или помогает очень плохо.

Второе препятствие — почти полное отсутствие инфраструктуры сбыта продукции. Представьте себе американского фермера или владельца мастерской, которому надо самому грузить в машину и везти на рынок свой товар, стоять там самому за прилавком целые дни и недели, либо отдать его за бесценок перекупщику-монополисту, который к тому же постоянно шантажирует его, угрожая расправой. Когда же в таком случае работать и что останется от прибыли? Именно в таком положении находится любой российский предприниматель, отданный правительством полностью на произвол перекупщика. Конечно, и здесь система сбыта постепенно налаживается. Но и здесь потребуются лет 10—15, пока она начнет полноценно функционировать, если не поможет полностью пассивное пока что государство.

Третье препятствие — почти полное отсутствие инфраструктуры защиты от мафиозных уголовных структур, прежде всего — от рэкета. Американский предприниматель, тоже немало страдающий от рэкетиров, имеет хотя бы возможность позвонить в полицию. Российский формально тоже имеет такую возможность (и время от времени в газетах сообщают о поимке с поличным очередной банды рэкетиров). Но практически в подавляющем большинстве случаев он предпочитает откупаться от рэкетиров чудовищно высокой данью, составляющей от десятой доли до четверти, трети и более прибыли. Дело в том, что в СССР почти полностью отсутствовал опыт борьбы с рэкетом: у директора государственного

предприятия было бесполезно пытаться вымогать что-то существенное — все деньги проходили черед бухгалтерию, и грабили в основном инкассаторов. Теперь у предпринимателя, при удаче, можно безнаказанно выпотрошить миллионы: пока вмешается милиция, могут убить или сжечь предприятие (что часто и происходит), а милиция к тому же может оказаться коррумпированной (что тоже не редкость). В результате почти все частные предприятия страны — от любой из тысяч мелких московских лавочек до крупнейших фирм — прочно завязли в паутине рэкета.

Рэкет настолько безнаказан, что рэкетеры почти легально собираются на свои конференции в ресторанах, устраивают постоянные кровавые «разборки» — передел «сфер влияния» в городах, а также пышные похороны умерших или погибших «крестных отцов». Государство проявляет позорное бессилие, и нам еще предстоит говорить об этом детальнее в лекции о мафизации общества. Но именно безнаказанность мафии быстро близит день развязки. Начались лавинообразно растущие «заказные убийства» предпринимателей, вообще каждого, кто осмеливается стать на пути рэкета. Мафия явно рвется к контролю над государственными структурами. И в самые ближайшие годы грянет генеральное сражение: либо Россия и другие республики бывшего СССР превратятся в гигантскую Колумбию под властью медельянского картеля (и тогда конец массовому частному предпринимательству) — либо государство перейдет в контрнаступление и принудит рэкет к обороне (чего пока не просматривается).

Четвертое препятствие — почти полное отсутствие инфраструктуры защиты от хищничества чиновников, так сказать, рэкета со стороны власть имущих. Как и во всех или почти во всех странах Азии, в России, как и в остальных 14 республиках бывшего СССР, невозможно шагу ступить, чтобы какой-нибудь султан, шах, хан во вполне европейском костюме не потребовал от тебя взятку — начиная с последнего швейцара и кончая высшими сановниками (или их женами, сыновьями, племянниками, внуками и пр.).

А уж истребовать взятку с предпринимателя может только очень ленивый: с него постоянно требуется разрешение на то, другое, пятое, десятое — а где и когда в России чиновник давал разрешение без взятки? Желаящие могут убедиться в этом сами, даже не покидая пределов своей страны: достаточно обратиться с любой просьбой в любую российскую (украинскую, латвийскую и т.д.) инстанцию.

Американский предприниматель при конфликтной ситуации имеет возможность снять трубку и обратиться к своему адвокату. В России адвокатов в десятки раз меньше, законов на этот счет — никаких вообще, любой адвокат полностью бессилен перед самым последним чиновником. Поэтому остается платить чиновному рэкету. И чем больше плата — тем медленнее идет процесс становления массового предпринимательства.

Наконец, первое посттоталитарное российское правительство (и не только оно в бывшем СССР) словно с ума сошло. Стремясь любой ценой пополнить государственный бюджет, оно раскрутило налоговый пресс на предпринимателя до — вы не поверите! — 90% его прибыли. Вновь и вновь прошу представить себе американского предпринимателя, которому только что пришлось отдать из каждой тысячи долларов чистой прибыли двести-триста долларов уголовному рэкету, двести-триста долларов —

чиновному рэкетиру, а тут еще налоговая инспекция требует с него якобы «оставшиеся» (?) девятьсот. Как тут работать? Как решиться завести собственное предприятие? Не проще ли заняться перепродажей краденого или скупленного в государственных магазинах (за взятку)? Прибыли баснословные, а налоговая инспекция не подступится, поскольку бизнес целиком относится к сфере «теневой» экономики. Многие из моих знакомых бизнесменов именно так и поступили. И процветают. Но чем больше они процветают — тем дальше путь к нормализации экономики, к ее стабилизации и подъему.

В принципе в обществе, где не только нет кризиса перепроизводства, но тотальный дефицит всего и вся в рамках платежеспособного спроса, быть не может никакой безработицы. По подсчетам экономистов, одна только сфера частного предпринимательства могла бы поглотить до половины потенциальных безработных (14—15 млн. из 27—29 млн. в России). Прибавьте сюда массовую переподготовку кадров на незаполненные вакансии — так и не развернутую до сих пор. Прибавьте сюда необходимость для матерей с малолетними детьми оставаться дома, пока дети не пойдут в колледж. В США и других развитых странах дома остается (в постоянной ротации) до трети и больше работоспособных женщин. В России нужда выгоняет на работу намного больше 90% женщин с малолетними детьми, которые оказываются в буквальном смысле брошенными на произвол судьбы. Нормализуйте положение, и вы получите дополнительно несколько миллионов освободившихся рабочих мест. Но в правительстве России — нам еще предстоит специально говорить об этом — не доросли до понимания серьезности проблемы. Что говорить о руководителях предприятий? Наконец, в России поистине безбрежное поле для общественных работ на добрый десяток миллионов человек: миллионы километров непроложенных и неблагоустроенных дорог, мусору на улицах — как после землетрясения, десяток районов экологического бедствия размером со средний штат США каждый.

Словом, при окончательном переходе от социальной патологии к норме работа может найтись для каждого потенциально безработного. И еще найдется место для нескольких миллионов высокооплачиваемых иностранных специалистов, не исключая и американских. Но для этого нужно окончательно распрощаться с наследием «казарменного социализма» — социальной патологией. А это невозможно сделать при существующей социально-политической надстройке, порожденной тоталитаризмом и сохраняющей все его черты. Обратимся к этой стороне дела.

Лекция 15

ПРОГНОЗЫ В СФЕРЕ СОЦИОЛОГИИ ПОЛИТИКИ. ОЖИДАЕМЫЕ И ЖЕЛАЕМЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВА, В СОЦИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ И СОЦИАЛЬНОМ УПРАВЛЕНИИ

Вспоминается забавная юмореска давних лет. Два итальянца спорят, на ком держится Италия. Исключим женщин, говорят они, с ними только скандалы. То же самое с чиновниками и военными — какая от них польза? Рабочим только бы бастовать. Крестьяне вообще не нужны, потому что едим

и пьем все импортное. Остаемся лишь ты и я. Но все знают, что ты — бездельник. Вот и выходит, что вся Италия держится только на мне.

Этот интересный вывод приходит в голову, когда задумываешься, на ком держится Россия. С той разницей, что тут трудно определить, кто есть кто в этой стране. Сотни людей из многих тысяч преподававших в университетах марксизм-ленинизм десятилетиями неплохо зарабатывали как специалисты по социальной структуре советского общества. К каким выводам они пришли?

В основе лежала догма, будто советское общество состоит из рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции. Рабочие — это хорошо, и чем их больше — тем лучше. Крестьяне — это плохо, это всего лишь переходный этап от мелкой буржуазии к пролетариату. Ну а об интеллигенции часто упоминали с эпитетом «гнилая». Предполагалось, что при коммунизме интеллигентами станут все рабочие, и интеллигенция, как особая социальная группа, исчезнет.

Любопытно, что проповедовали такую чепуху профессора, искренне считавшие себя интеллигентами. Но они ошибались и в этом. Правда, при таком подходе возникали определенные трудности. Например, во многих случаях оставалось неясным, кого относить к уважаемым рабочим, а кого — к гораздо менее уважаемым интеллигентам. И принимались сомоновы решения: продавец — рабочий, старший продавец, который тоже стоит за прилавком, но отвечает за других продавцов отдела в магазине, — служащий, т.е. интеллигент, даже если неграмотен; рабочий с университетским образованием (таких в погоне за более высокой зарплатой к 1985 г. набралось миллионы) получил название «рабочий-интеллигент», а рабочий или крестьянин вообще без всякого образования, исполнявший обязанности главы государства (например, Калинин или Хрущев) опять-таки автоматически становился служащим-интеллигентом.

Точно так же одни крестьяне именовались «колхозниками», а другие, примерно в таком же количестве, — «рабочими» (совхозов). Считалось, что это — два совершенно разных класса общества, хотя разница заключалась лишь в том, что одни (колхозники) обязаны были принудительно работать даром, только за право пользования приусадебным участком, а другим в совхозах, в приложение к участку, выплачивалась мизерная заработная плата, на которую все равно невозможно прожить. В остальном те и другие оставались бесправными рабами, с надсмотрщиком, который в одном случае именовался «председатель колхоза», а в другом — «директор совхоза», но оба, в свою очередь, были такими же бесправными рабами у партийного руководителя района, который отвечал перед таким же руководителем области, а тот — перед ЦК КПСС в Москве.

Предмет особой гордости составляло то, что процентная доля рабочих непрестанно поднималась (за счет падения процентной доли крестьян) и к 1970-м годам превысила 60%. Очень огорчались, что никак не можем поднять ее до 100%. И очень удивлялись, что у наших антагонистов на Западе процентная доля рабочих упала вдвое и продолжала снижаться. Кто же там будет устанавливать диктатуру пролетариата, если рабочих окажется меньше, чем капиталистов? Невозможно было допустить крамольную мысль, что каждый рабочий «там» по количеству продукции (качество лучше не сравнивать) равен двум-трем, если не трем-четырем «здесь». Утешало лишь то, что «у них», как и «у нас», падала доля занятых сельским

хозяйством. Но в СССР с 80% сначала до 30%, затем до 20%. А в США с 60% сначала до 20%, затем до 2%. Разница — вдесятеро.

Наконец, ни в какие ворота не лезли 43 миллиона служащих-интеллигентов (против нескольких десятков тысяч до 1917 г.). А никакие другие категории догмой не предусматривались. Неужели в самых развитых странах мира интеллектуалы составляют считанные проценты, а в СССР — каждый третий? При этом все знали, что подавляющее большинство из советских шести миллионов инженеров, трех миллионов педагогов, одного миллиона врачей по своему культурному уровню мало чем отличаются от простых рабочих и к интеллигентам их причислять так же нелепо, как и подавляющее большинство из восемнадцати миллионов начальников разных рангов.

Впрочем, нашлись еретики, которые и тут придумали соломоново решение: считать интеллигентами только тех, кто имеет диплом университета и техникума, а прочих именовать просто служащими. После многолетних дебатов эта ересь была принята если не в канон, то к сведению. Но жизнь и здесь сыграла с догматиками злую шутку. Даже две шутки — одну количественного характера, другую качественного.

В количественном отношении дипломов (формально — на уровне западного бакалавра или магистра) набралось к 80-м гг. более 35 миллионов — у каждого четвертого из работающих! Неужели интеллигентом стал если не каждый третий, то каждый четвертый? Все наглядно видели, что это не так. С другой стороны, семь миллионов дипломированных специалистов — каждый пятый — в погоне за более высокой зарплатой, как мы уже говорили, предпочли перейти в ряды «синих воротничков», причем на такую низкоквалифицированную работу (например грузчиком), которая никак не вязалась с причастностью к «рабочим-интеллигентам». Нам еще предстоит подробнее рассмотреть этот поразительный для несведущего читателя феномен. Пока отметим только, что он чрезвычайно затруднял сопоставление догмы с реальной действительностью.

Еще хуже обстояло дело с качеством. Советский диплом не получил признания ни в одной развитой стране мира. Его обладателя, в лучшем случае, заставляют сдавать экзамены на подтверждение своей квалификации, а в худшем — без церемоний отправляют в ряды «синих воротничков» или безработных. И, добавим, правильно делают, потому что, по меньшей мере, один обладатель диплома из трех не проходят простейшей аттестации ни в СССР, ни тем более за рубежом. Это как раз тот случай, когда невиданное в других странах астрономическое количество перешло в такое качество, которое только в шутку можно сопрычь с интеллигентностью.

Особенно обидно, что полностью девальвировались не только дипломы вуза, но даже на уровне кандидата и — верх скандальности! — доктора наук, профессора, члена академии. Кому на Западе приходилось общаться с представителями советских научных делегаций, тот наверняка видел, что многие из этих представителей по уровню культуры ничем не отличались от простых шоферов (в том числе — советских). Какая уж тут интеллигенция!

Нам предстоит разобраться и с этим феноменом. Предварительно отметим, что сказанное вовсе не означает, будто в России нет интеллектуалов, рабочих, фермеров на уровне не ниже (даже выше)

западного. Просто почти всю действительную интеллигенцию уничтожили или изгнали из страны еще в 1918—1922 гг., а затем методично, год за годом, добивали тех, кто остался, плюс столь же систематично выбивали подлинную интеллигентность из молодежи. В результате, за исключением сравнительно немногих «белых ворон», выжили те, кто сумел приспособиться к условиям тоталитаризма и кого тот сделал такими, каковы они есть. Остальным было просто не выжить.

Такова была формальная социальная структура советского общества, и за десяток лет после крушения СССР она, конечно же, не могла серьезно измениться ни в одной из его республик, начиная с России.

Перейдем теперь от формальной к фактической стороне дела. Отметим, что советские догматики напрасно выдумывали догмы о социальной структуре общества. За пять тысяч лет до них это гораздо лучше сделали совсем другие люди, жившие в таком же разбойничьем государстве, каким, по сути, является каждая империя. Они создали классификацию, которую можно уверенно применять к каждому государству с древнейших времен до наших дней. Специфика в каждом случае, конечно, имеется. Но в общем трудно ошибиться: всюду одно и то же. С американской, допустим, спецификой я знаком поверхностно, зато советскую (включая российскую) знаю досконально, как социолог-профессионал.

Шайку отъявленных разбойников, которые силой оружия подчиняют себе остальных, эти умные люди в Древней Индии называли «кшатрии» (воины). А тех, кто уговаривает их жертвы не сопротивляться, — «брахманы» (жрецы). Из прочих, тех, кто устроился поприличнее, — «вайшии» (торговцы), остальных — «шудры» (крестьяне, ремесленники, слуги). Наконец, совсем уж обездоленных, завидующих даже шудрам, — «парии» (это слово вошло во все языки мира и перевода не требует).

В царской России эта классификация сохранялась очень четко: кшатрии — дворяне; брахманы — духовенство, чиновничество (за рамками дворянства), немногочисленные деятели науки и искусства; вайшии — купцы и мещане (мелкие торговцы, зажиточные ремесленники); шудры — крестьяне, рабочие, прислуга; парии — дикие кочевники. В Советском Союзе та же классификация выглядит сложнее. Но она — та же, а не какая-нибудь другая.

Вот советские «кшатрии». Формально это 43 млн. служащих, включая 18 млн. начальников всех степеней и 4 млн. солдат (1985 г.) — с семьями треть населения страны. Но фактически отсюда надо исключить «нищее дворянство» — низших и средних начальников, чей образ жизни не отличим от шудр или, в лучшем случае, самых бедных вайшиев. Не относятся сюда и солдаты, которые намного ближе к париям. Зато фактически сюда надо причислить верхушку брахманов и вайшиев, чей образ жизни не отличим от аристократии советского общества. В итоге получается всего 2—3 млн. чел. на весь бывший СССР (с семьями — не более 10 млн., т.е. примерно 2—3% населения). Количественно каста совершенно ничтожная, но политически — огромная, всемогущая сила, подлинные хозяева страны (вплоть до сегодняшнего дня).

Кшатрии на советском новоязе назывались «номенклатурой» (буквально: перечень должностей). Формально это понятие относится ко всем служащим, только разного уровня: существовала номенклатура районного комитета партии, областного, республиканского, наконец,

центрального. Но когда термин употреблялся без пояснений, все понимали, что речь идет только о последнем звене.

Если отбросить в сторону многочисленные формальности, которые только мешают разглядеть подлинное положение вещей, то нетрудно увидеть, что речь идет не просто о разных должностях — о существенной разнице в уровне, качестве, стиле, во всем образе жизни. В этом отношении советские кшатрии отличались от брахманов и вайшиев (кроме верхушки тех и других), не говоря уже о шудрах и тем более о париях, гораздо больше, чем типичный американский миллионер от типичного безработного. Здесь разница более похожа на различие между знатным и богатым французским или английским дворянином и бедняком из простонародья.

Типичный шудра (а также низшие слои брахманов и вайшиев) живет в многоквартирном доме, который в любом городе Северной Америки или Западной Европы отнесли бы к разряду гарлемских трущоб. Живет на жилой площади в среднем по 5 кв.м на человека, редко выше 10 кв.м, нередко меньше 2—3 кв.м (и тогда долгими годами, иногда лет двадцать, стоит в очереди «на улучшение жилищных условий»). Счастье, если квартира отдельная, т.е. в одной комнате спят родители, в другой — дети, в одной обедают и смотрят телевизор, в другой — читают или учат уроки. Несчастье, если квартира коммунальная, т.е. в каждой из нескольких комнат живет по семье, и тогда бесконечные скандалы на общей кухне из-за пользования общим туалетом и прихожей неизбежны. При этом без конца перебои с водой и электричеством, а зимой — с центральным отоплением (до сего дня включительно!).

Питается шудра дома, в основном, хлебом, картофелем, кашей, супом из овощей. Мясо, молоко, сыр, творог, фрукты — роскошь, далеко не каждый день. И за продуктами надо было почти ежедневно стоять в очереди 2—3 часа. Работающие, учащиеся, дети в детсадах получали свой ленч (который здесь называется обедом) в общественной столовой, причем почти всегда такого отвратительного качества, что столовые презрительно называют «отравилровка». Качество продуктов вообще всюду настолько низкое, что работники иностранных посольств предпочитали привозить все (включая питьевую воду) из-за рубежа.

Одевается шудра в произведения отечественных фабрик, которые европейский или американский потребитель не купил бы даже на распродаже по цене 1 доллар за костюм, обувь или за пластиковую сумку, набитую бельем. Но и на такую одежду приходилось откладывать из зарплаты полгода-год, выстаивая в многочасовых очередях за тем, что подешевле. Пределом мечтаний были импортные куртка, джинсы, кроссовки — но это так дорого, что родители собирали своим любимым детям деньги, словно на автомашину.

Отпуск шудра проводит в собственном жилье и на лавочке у подъезда собственного дома. Только некоторым детям был гарантирован летом один месяц «пионерского лагеря» (неотличимого от условий школы), да еще время от времени кому-то доставалась льготная путевка по символической цене в дом отдыха — полная цена большинству была и остается недоступной, — но и там спальная палата на четверых-восемьмерых и питание во все той же «отравилровке».

Если шудра заболит, он идет в очередь из полусотни человек в бесплатную поликлинику, и после двух-трех часов ожидания его в течение 5

минут осмотрят, выпишут рецепт и выставят за дверь с возгласом: «Следующий!». О систематическом медицинском наблюдении не может быть и речи. Если шудра заболит серьезно — его кладут в бесплатную больницу примерно на тех же условиях, что и в дом отдыха (палата на 4, 8, 12 и даже 24 койки, «отравилровка» и пр.).

Наконец, когда шудра умрет (а он обычно не особенно долго заживается на этом свете), начинаются бесконечные мучения с его похоронами. Его хоронят на «обычном» кладбище, подальше от города, куда потом трудно будет ездить ухаживать за могилой. При этом каждый шаг — от обязательного свидетельства о смерти до опускания гроба в землю — оплачивается по нарастающей все более крупной купюрой, для чего в каждой семье долгими годами копится специальный денежный фонд. Мучения на похоронах сопоставимы по своей озорчивости только с мучениями матери в «обычном» родильном доме, где болезнетворные микробы (такие родильные дома обычно заражены стафилококком) успешно соперничают с привычной грубостью обслуживающего персонала.

За время, прошедшее после крушения Советского Союза, в плачевной участи шудр, которые вместе с низшими слоями брахманов и вайшиев составляют подавляющее большинство (от 2/3 до 3/4) населения во всех республиках бывшего СССР, произошло только одно существенное изменение. Оно связано с быстро прогрессирующим расслоением советского общества. Меньшинство выбилось на положение средних слоев вайшиев, а несколько процентов — даже на положение средних слоев кшатриев. Для подавляющего большинства и без того незавидные условия жизни резко ухудшились и продолжают ухудшаться из месяца в месяц, что чревато социальным взрывом. Теперь для нуждающихся не осталось никаких надежд на улучшение жилищных условий, скудное питание становится еще более и все более скудным, а выход из строя куртки, пальто, брюк, ботинок — целая катастрофа, потому что покупка одежды равноценна, по меньшей мере, месячной зарплате.

Жизнь настоящего (сравнительно высокопоставленного) кшатрия отличается от жизни шудры, как небо от земли.

Во-первых, его поселяют в доме с улучшенной планировкой. Это означает отдельную квартиру с более просторными комнатами по числу членов семьи плюс нередко еще одна общая, плюс дача за городом. Никаких перебоев с водой, электричеством, отоплением. Даже в доме заурядного кшатрия это — чрезвычайное происшествие, влекущее за собой суровое наказание для обслуживающего персонала. А уж в доме Брежнева, Горбачева, Ельцина и любого областного сановника такое происшествие намного менее вероятно, чем в Белом доме президента США.

Во-вторых, его кормили в специальной столовой (которая так и называлась — «спецстоловая»), а его семью — такими же экологически чистыми продуктами и тоже по символическим ценам из «специального заказа» в особом магазине, недоступном для прочего населения. Высшим кшатриям продукты доставляли прямо на дом, средние кшатрии получали их безо всякой очереди. Для производства таких продуктов имелись специальные «совхозы» с улучшенной агротехникой. Рассказывают, что одна мама — (жена кшатрия) очень возмутилась, когда узнала, что ее ребенку дали бутерброд с «обычной» колбасой. «Ведь это же колбаса для

населения!» — гневно закричала она, подразумевая, что аристократия к населению не относится.

В-третьих, его одевали и обували в специальном магазине и ателье («спецмагазин», «спецателье») по льготным ценам и высшего качества, преимущественно из импортного. Поэтому он отличается от шудры не только откормленностью и высокомерием, но и просто одеждой — примерно так же, как маркиз в расшитом золотом камзоле от бедняка в лохмотьях.

В-четвертых, он — и преимущественно только он — проводил отпуск в санатории или доме отдыха, в палате на двоих с женой, питаясь в «спецстоловой», и все по льготным ценам. Именно он в первую очередь получал возможность «загранкомандировки» — самого ценного в глазах советского человека, потому что можно задаром не только посмотреть на жизнь в цивилизованной стране, но и закупить одежды на сумму, равную по меньшей мере его годовой зарплате, не говоря уже об уникальной возможности практически даром привезти видеомаягнитофон или даже автомашину. И все — за государственный счет.

В-пятых, если он заболел, его кладут в «спецбольницу», в одностую палату, с питанием как в лучшем ресторане. Его жена, взрослая дочь, подросток внучка рожают в «спецроддоме», безо всяких стафилококков, с потрясающей предупредительностью обслуживающего персонала. А когда он умирает — его хоронят за государственный счет на «спецкладбище», либо на «спецучастке» лучшего кладбища города, с надежным уходом за могилой.

В-шестых, его ребенок и дети его подросток детей идут не в «обычный» детсад, презрительно прозванный «камерой хранения детей», а в «спецдетсад», с бассейном и искусственным солярием, с хорошим питанием и намного меньшим числом детей в группе, т.е. с лучшим воспитанием и уходом за ребенком. Затем они пойдут в «спецшколу», учрежденную в каждом городе специально для детей «высокого начальства» (в Москве таких школ несколько), где собраны лучшие педагоги и созданы лучшие условия для поступления в университет. Затем они наверняка поступят в университет безо всякого конкурса, просто по звонку «сверху». И, наконец, они получают гарантированную синектуру, квартиру, дачу, автомашину — все, как у родителей. И ни один из них не будет забит насмерть в казарме, ни один не погибнет в Чечне или на других сегодняшних полях сражений, между республиками бывшего СССР, ни одна жена кшатрия не выйдет на многотысячную демонстрацию солдатских матерей с портретом сына в траурной рамке — это удел шудры.

В-седьмых, ему были уготованы все развлечения, не доступные «иным-прочим». Хочешь на спектакль мимо очереди страждущих «лишнего билетка»? — Пожалуйста, бесплатная директорская или правительственная ложа. Хочешь зарубежный фильм, который не допускают на экран, оберегая нравственность населения? — Пожалуйста, тебе его доставят прямо на дом, вместе с киномехаником и киноаппаратурой. Хочешь книжку, которая давно распродана в магазинах? — Пожалуйста, есть специальный книжный ларек. Хочешь ночную оргию, с приглашением девиц из кордебалета? — Пожалуйста, стоит только позвонить директору театра... Хочешь просто даровую наложницу без хлопот? Посмазливее? Попроще? — Пожалуйста, к

твоим услугам целый десяток секретарш и буфетчиц, полностью зависящих от твоей милости...

Да, мы еще забыли сказать, что главное отличие настоящего кшатрия от шудры (или, по российской терминологии, сановника от простого чиновника-служащего) — служебная автомашина с шофером за государственный счет, возможность раз в три года приобрести по льготной цене новую автомашину, продавая старую по повышенной цене в условиях огромного дефицита автомашин «для прочих», билет 1 -го класса в самолет или поезд безо всякой очереди и с гарантией отбытия и прибытия точно по расписанию. Это полностью избавляет его от ужасов «часов пик» в битком набитом трамвае, автобусе, троллейбусе, пригородной электричке, от многочасовой очереди за билетами, от риска просидеть несколько суток в аэропорту или на вокзале, опоздать на несколько часов или даже на сутки.

Перечитайте внимательнее все только что написанное и подумайте сами: может ли быть что-либо на свете — любая подлость, любое преступление — перед чем «типичный» советский человек остановился бы, чтобы перейти из состояния шудры в состояние кшатрия, чтобы сохранить последнее любой ценой? Любой ценой! Уточним, что для такого перехода не требуется ни работоспособности, ни добросовестности. Только родственные связи, знакомство, протекция. И, следовательно, — тотальное социальное угодничество, тотальное социальное лицемерие для столь же тотального социального иждивенчества на возможно более высоком уровне.

Надеемся, картина действительной социальной структуры советского и во многом современного российского общества достаточно ясна. Остается прояснить специфику положения брахманов, вайшиев и парий.

Главная отличительная черта брахманов — их полная зависимость от милости кшатриев на всех уровнях — от министра до последнего чиновника. Это относилось в одинаковой мере и к деятелям науки, и к деятелям искусства, и к деятелям религии. Иерархия всюду очень напоминает иерархию кшатриев (в научном мире просто слепо копирует ее). Уровень, качество, стиль, весь образ жизни верхушки, как уже упоминалось, мало чем отличался от кшатриев. В средних слоях он, если была милость кшатриев, мог подниматься до среднего стандарта вайшиев. В нижних слоях, к которым относится подавляющее большинство брахманов, он почти неотличим от характерного для шудр.

После крушения СССР в конце 1991 г. в положении брахманов произошли серьезные изменения. Наука и искусство впали в состояние серьезного кризиса — на этом мы специально остановимся в соответствующих лекциях. Положение подавляющего большинства «рядовых» деятелей науки и искусства резко ухудшается, причем над ними еще серьезнее, чем над рабочими, нависает тень массовой безработицы. Достаточно сказать, что в типичном академическом институте, где я остался по совместительству, моя зарплата профессора — совсем недавно относившаяся к наивысшим в стране — стала меньше моей пенсии за выслугу лет, а у моих сотрудников — еще меньше, на нее просто физически невозможно выжить без дополнительных приработков. Примерно такое же, и даже худшее, положение у почти каждого «рядового» из сотен тысяч литераторов, артистов, художников, музыкантов.

Улучшение положения наблюдается разве что у деятелей религии. Раньше все они находились под строгим контролем КГБ, а многие являлись

прямыми платными агентами КГБ. Иначе было трудно выжить. Мой добрый знакомый, автор ряда известных за рубежом богословских сочинений, священник Дмитрий Дудко попробовал занять независимую позицию. Его «нововведение» состояло лишь в том, что он без разрешения начальства стал после проповеди отвечать на вопросы верующих и публиковать за рубежом материалы этих бесед. К нему на проповеди стали собираться тысячные толпы молодежи. Кончилось тем, что агенты КГБ несколько раз избили его, подстроили автокатастрофу, ограбление его дома цыганами, а когда и это не помогло — просто посадили в тюрьму по пустяковому предлогу, добились формального отречения по типу галилеевского и сослали в пустынный приход далеко от Москвы. Теперь, в связи с крушением государства, священники обрели гораздо большую степень независимости и впервые в русской истории, начиная со времен Петра Великого (начало XVIII века) или даже Ивана Грозного (середина XVI века), получили шанс стать не просто разновидностью государственных чиновников, а действительно служителями культа — да еще вновь набирающим возрастающий авторитет среди населения после многих веков сравнительно низкого (по сравнению другими странами) авторитета и после многих десятилетий унижительного положения своего рода «заложников веры».

Главная отличительная черта вайшиев — формальная неотличимость от шудр (по социальному статусу, престижу и зарплате даже ниже, чем у них), но фактически уровень, качество, стиль, весь образ жизни очень близки к кшатриям. Правда, многие десятилетия все это приходилось, насколько возможно, постоянно скрывать от взоров людских, поскольку относилось к сфере уголовно преследуемой «теневой» экономики и в любой момент могло закончиться тюрьмой. Мы детальнее остановимся на этом сюжете в соответствующей лекции. Ныне «теневая» экономика почти полностью легализована, опасность тюрьмы исчезла, и вызывающая роскошь вайшиев на фоне прогрессирующего обнищания шудр становится важным фактором дестабилизации общества.

В заключение нашего обзора основных каст советско-российского общества надо сказать несколько слов о любопытной судьбе парий — колхозных и совхозных крестьян. Их судьбе трудно было позавидовать даже шудрам. Как уже упоминалось, их заставляли трудиться либо даром, либо за зарплату, почти наполовину меньшую, чем средняя зарплата шудр, так что без своего приусадебного участка им грозила голодная смерть. Им приходилось сооружать и ремонтировать примитивное сельское жилье на свои собственные средства, а не получать его даром, как шудрам. У них были еще более серьезные проблемы со всеми промышленными товарами и еще более скудное питание, чем у шудр, еще более убогое медицинское обслуживание и еще более убогие возможности образования детей, проведения отпуска, поездок в другие населенные пункты (на выбор: несколько часов ожидания переполненного автобуса, открытый кузов попутного грузовика или, в лучшем случае, велосипед). Казалось, их обездолили вчистую. Казалось, от такой судьбы разбежались все, кто мог, и в тысячах деревень на сотни километров вокруг остались почти одни старики. Одна такая рукотворная «полупустыня» образовалась даже по обе стороны 600-километровой железнодорожной и автомобильной магистрали Москва — Петербург. Теперь ее вновь предстоит заселять.

Но вот колесо фортуны повернулось. Пресс налогов и реквизиций ослаб вместе с государством, и бывшие парии быстро догнали шудр по части съестного и количества рублей. Все более значительное число их догоняет вайшиев в качестве поставщиков на рынок дорогостоящих продуктов. Конечно, это несколько тормозит, но не приостанавливает отток молодежи из села. Уже успел сложиться прочный стереотип: в деревне ты всегда останешься парией, а в городе сразу превратишься в шудру и, если повезет, может быть, даже в вайшия или низшего кшатрия.

Ныне судьба бывших парий полностью зависит от судьбы сельского хозяйства. Фермерство пока еще слишком слабо, чтобы прокормить страну (всего лишь порядок нескольких десятков тысяч малоэффективных хозяйств вместо необходимого порядка нескольких миллионов высокоэффективных). Приходится полагаться на колхозы и совхозы (под новыми наименованиями), но если полагаться только на них — значит, постоянный дефицит съестного и постоянная зависимость от импорта продовольствия на всем протяжении грядущих десятилетий. 3,5 млн. «агрокшатриев» (сельских чиновников) прямо заинтересованы в сохранении колхозно-совхозного статус-кво и делают все возможное, чтобы задушить фермерство в зародыше. Но жизнь берет свое. Каждый год умирают миллионы стариков, на самоотверженном труде которых десятилетиями держались колхозы и совхозы. И либо им на смену должны прийти фермеры, гордые своей независимостью и достойные зависти, либо страна превратится в гигантское Сомали, полностью зависящее от грузовиков с продовольственной помощью ООН. Правда, Россия, как известно, в сотню раз больше Сомали и ее вряд ли сможет прокормить ООН или любая другая международная организация.

Такова действительная социальная структура российского (украинского, эстонского, узбекского и т.д.) общества сегодня. Однако ее характеристика будет неполной, если мы не проясним действительных политических отношений между ее элементами.

Иностранцев часто вводит в заблуждение обилие в русском языке латинских слов: император, секретарь, президент, министр, генерал, партия, парламент и так далее. Они наивно полагают, что российский император — это что-то вроде германского или австро-венгерского, советский генеральный секретарь — что-то вроде американского государственного секретаря, российский президент — вроде французского или того же американского, российский министр или генерал — действительно министр или генерал, какого привыкли видеть в своих странах. Что партия — это партия, а парламент — парламент. На самом деле здесь такая же специфика, как с турецким султаном, китайским богдыханом, персидским шахом или японским микадо: если не учитывать исторических национальных особенностей, можно впасть в серьезную ошибку. В данном случае латинские слова употребляются для обозначения приблизительного аналога национальной специфики, чтобы иностранцы хоть немного понимали, чем отличается один государственный пост от другого. Да и в самой России издревле любят латинизмы и эллинизмы. Они выглядят в глазах русских гораздо респектабельнее, особенно со времен Петра Великого, но совершенно не отражают сути дела.

Первый раз с этой проблемой столетие назад столкнулся последний русский монарх Николай II. Ему пришлось заполнять анкету Всероссийской переписи населения 1897 г., где, естественно, стоял вопрос о роде занятий.

Чем занимается российский царь? Царствует? Но это тавтология. Николай II, наверное, долго размышлял, зато, наконец, действительно начертал, что называется, абсолютную истину в последней инстанции: хозяин земли русской. Соответственно императрица записала: хозяйка земли русской. Попробовал бы только написать что-нибудь подобное Вильгельм II или Франц-Иосиф I. Какая бы буря поднялась в берлинском и венском парламенте! Какой скандал в печати! Со своей стороны, сочли бы ниже своего достоинства вообще отвечать на какую бы то ни было анкету султан, богдыхан, шах. Не написал бы «хозяин земли японской» и микадо — живое воплощение бога на земле. Видите, какие тонкости?

Прошло около ста лет, и с той же проблемой в конце 1992 г. столкнулся российский президент Борис Ельцин. Ему надо было объяснить журналистам, почему он довольно невежливо прервал свой визит в Китай и неожиданно рванул в Москву. «Я получил сегодня ночью сведения, что что-то там слишком рьяно стали бороться за портфели, разбирать посты в правительстве, — заявил он. — И надо, чтобы вернулся хозяин и навел порядок там». Примерно так же мог ответить более тысячи лет назад первый император (великий князь) Восточно-Европейской империи Рюрик (почти современник императора Западно-Европейской империи Карла Великого), 400 лет назад — тезка Бориса Ельцина царь Борис Годунов, 80 лет назад — Председатель совета Народных комиссаров Ленин, 50 лет назад — Генеральный секретарь Коммунистической партии Сталин, 10 лет назад — Горбачев. И это была чистая правда. Но не вся правда.

Дело в том, что в России вот уже более тысячи лет существует авторитарно-патриархальный режим правления. И никогда не существовало никакого другого с древнейших времен до наших дней. Под разными названиями, в разных формах — но именно такой, ничего больше. Не такой, как в османской, персидской, индийской, китайской, японской империях, но и не такой, как в империях Западной Европы, свой собственный, своеобразный. При этом на всех уровнях — от главы государства до главы семьи — его отличало чувство авторитарности «хозяина», «патриарха» и чувство личной зависимости «челяди». От членов его семьи, каких бы масштабов она ни была, от жены и детей до целого государства. В отличие от Азии, чувство уже личной, а не еще стадной, групповой зависимости. В отличие от Европы, чувство зависимости, еще не доросшее до понятия человеческого достоинства и верховенства права. Именно в этом, на наш взгляд, основная специфика евразийской, российской цивилизации, промежуточной между европейской и азиатской.

«Хозяина земли русской» долгое время именовали «государем», в буквальном переводе на английский — «держателем государства», «штатгальтером», «стейтхолдером». Он был вправе казнить и миловать любого, совершенно так же, как «держатель семьи» вправе был избить до полусмерти жену и выпороть детей. Он обращался ко всем на «ты» — совершенно как сегодня 30-летний директор обращается к своему 50-летнему шоферу. А его должны были величать на «вы» даже его собственные дети, что сохранилось в традиции ряда восточно-славянских народов, например, у украинцев. Да и к каждому «хозяину» всех степеней долгое время обращались как к монарху: «милостивый государь» (сокращенно «сударь»). И добавляли: «Ваш покорный слуга». А еще раньше: «твой раб», «твой холоп», что полностью соответствовало

действительности. А когда это запретили — заметались в растерянности между чуждыми «гражданином» и «товарищем», пока не остановились на странном, но нейтральном: «мужчина», «женщина».

«Хозяина земли русской» долгое время именовали не просто «государь», но еще и «самодержец всероссийский». В буквальном переводе на латынь — «автократор», абсолютный монарх. Однако вся правда заключается в том, что абсолютным монархом чувствовал себя не только «хозяин земли русской», но и «хозяин области», и «хозяин ведомства», и так далее, вплоть до «хозяина семьи». Абсолютным монархом по отношению к своим подданным. И «вашим покорным рабом» по отношению к вышестоящему «хозяину». В понимании этого — ключ к пониманию российской специфики.

Формальное название одной из моих должностей — заведующий сектором академического института. Но на самом деле — «хозяин» сектора, и в принципе могу заставить своих сотрудников делать все, что захочу, вплоть до писания этого текста за моей подписью или уборки моей квартиры. Многие мои коллеги именно так и делают. Однако я — всего лишь один из «челяди» своего собственного «хозяина», который формально зовется директором института и который вполне может сжить меня если не со света, то из института, хотя и не имеет на это права. У директора есть свой собственный «хозяин» — академик-секретарь отделения Академии наук, у секретаря свой собственный — президент Академии, а у того — Президент России, который может в одно прекрасное утро одним росчерком пера упразднить все до единой академии наук и учредить, скажем, университетские автономии по западному образцу. Как если бы хозяин семьи решил в одно прекрасное утро вышвырнуть из комнаты кресло, чтобы заменить его, допустим, торшером.

Другое дело, что Путину сегодня не до академий, и он, наверное, вспоминает слова одного из своих недавних предшественников о том, что «связываться с учеными — все равно, что стричь свиней: визгу много, а шерсти мало».

Точно так же по своей другой работе я профессор у «хозяина» университета, который правит им как своей собственной семьей — в точности так же, как ректор любого другого российского университета. В точности так же, как правит своим министерством любой министр, своей областью — любой губернатор, своим заводом — любой директор, своим посольством — любой посол. И так далее. Кстати, именно поэтому любого «хозяина» соответствующего ранга могут отправить в ссылку «хозяином» посольства, даже если тот до этого слыхом не слыхивал о дипломатии. И наоборот — подарить должность посла, как новую лошадь в «хозяйство».

Конечно, со стороны может показаться, что каждый «хозяин» на своем уровне правит в соответствии с законами, которых написано немало, особенно в последние годы. Но при этом нелишне вспомнить отзыв одного иностранного путешественника прошлого века, который удостоверял, что «неописуемая жестокость российских законов умеряется тем обстоятельством, что их никто не исполняет». Было бы преувеличением полагать, будто этот факт претерпел хоть малейшие изменения к сегодняшнему дню. Так, например, вот уже который год неясно, какая в России Конституция. Но это мало кого интересует. Из всех писанных и

неписаных конституций все равно действуют и будут действовать только две предельно краткие:

1. Я — начальство, ты — дурак; ты — начальство, я — дурак (в смысле: если я поставлен над тобой начальством, ты должен слушаться меня беспрекословно, и наоборот).

2. Ты что, умнее других быть захотел? (в смысле строгого предупреждения, что любые пререкания с начальством, прав ли последний или нет, добром для пререкающегося не кончатся — что каждодневно подтверждается действительностью).

В конце 1992 г. Президент России поссорился с парламентом из-за министров: президент настаивал на своих, парламент навязывал своих. Президент публично сердился, грозил парламенту пальцем с телеэкрана, вступал в перебранку со спикером, затем вдруг согласился на навязанного ему премьера, но почти полностью сохранил старый состав министров, в том числе всех основных, называемых в России «силовыми». Получился скандал, смахивающий на анекдот о том, что «Иван Иванович Дерьмов меняет имя на Василий» (в смысле: сохранил главное — изменил несущественное). В конце 1993 г. президент вообще разогнал негодный ему парламент артиллерийским огнем и «исправил» конституцию так, чтобы парламент не мог больше мешать ему «хозяйничать» в стране. Понять происшедшее просто невозможно, если не выучить раз и навсегда, что в России не было, нет и долго еще не будет никаких президентов, парламентов, спикеров, министров и прочей латыни. Был и есть «хозяин земли русской», глава своей сложной и скандальной семьи численностью почти в полтора миллиона человек, который повздорил со своей собственной «челядью», со своими «холопами» — думными дьяками и подьячими в Государственной Думе во главе с их собственным «хозяином» из-за приказных дьяков и подьячих в правительстве. А в правительстве оказался свой собственный «хозяин», навязанный «хозяину земли русской» и долго прекрасно уживавшийся с ним.

Чтобы думные дьяки превратились в депутатов парламента, приказные дьяки — в министров, необходима существенная деталь: партийная система, без которой депутаты превращаются в толпу либо клакеров, либо хулиганов (в СССР существовали только первые, в России с 1992 г. начинают появляться вторые). Формально в России политических партий — сотни. Фактически нет ни одной партии и тем более партийной системы.

Что такое партийная система? Это определенное соотношение правящей и оппозиционной (оппозиционных) партий. А что такое правящая партия? Это группа единомышленников, выработавших политическую программу, которую поддержало большинство избирателей, предоставивших авторской группе программы право формировать правительство. Но любое правительство может закусить удила и понести, как говорится, не в ту степь. На этот случай специально изобретена оппозиция, которая вырабатывает альтернативную программу и, поймав правительство на первой же серьезной ошибке, добивается смены его. Тем самым правительство вынуждается быть предельно осмотровительным и выбирать каждый раз наименее глупое из всех возможных решений.

В России никогда не было и нет никакой правящей партии. Были и есть только «правлящие круги». При этом во времена Ельцина данное словосочетание вышло из употребления. Никто не говорил даже о

«правлящей клике» или «камарилье», хотя новый «хозяин» терпеливо сносил любую хулу в свой адрес. Выражались более точно — «Семья» (с большой буквы). И всем все было понятно, потому что все остальное — «обслуга». И — никаких аналогий с «крестным отцом». Российская специфика! И никаких оппозиционных партий тоже, только якобы враждебные правительству шайки во главе со своими «хозяевами». Какая же тут партийная система?

Начнем с того, что КПСС никогда не была ни правящей партией, ни партией вообще (хотя ложно называла себя именно так). С 1988 г. шел спор, партия ли это или чисто мафиозная структура, шайка разбойников, силой заставивших служить себе миллионы честных, но вконец деморализованных, оболваненных, остервенелых (до сего дня) людей. К концу 1992 г. Конституционный суд принял еще одно соломоново решение в ряду других таких же, упоминавшихся выше. Он постановил, что с головы этот монстр — хищный волк, а с хвоста — безобидный карась. То есть, что руководство КПСС было преступным, но первичные партийные организации ни при чем. И коммунистическая структура стала тут же возрождаться снизу. Ведь это все равно, что подтверждать приговор Нюрнбергского трибунала, но разрешить воссоздание нацистской партии! Напомним еще раз, что, по социологическим опросам, не менее 10% населения страны (преимущественно пенсионеры) всё еще остаются по инерции воинствующими сталинистами, и еще не менее четверти тяготеет к ним, и еще не менее трети, при обострении кризиса, вполне может дать еще раз оболванить себя демогогическими лозунгами типа тех, что ввергли Россию в 1917 г. в национальную катастрофу. Так что «орден меченосцев», как совершенно правильно назвал в свое время Коммунистическую партию Сталин, вполне способен еще раз опустошить Россию хуже орд Атиллы или Чингисхана. Вопрос: можно ли считать эти силы политической партией?

Нет, КПСС не шайка разбойников, потому что преступления ее заправил намного масштабнее и ужаснее, чем преступления всех разбойников мира с древнейших времен до наших дней. Но она и не политическая партия, потому что не часть партийной системы, а всепоглощающая основа тоталитаризма. Пресловутая «однопартийная система» — это такое же извращение, как «однополая семья»: можно, конечно, создать и такую, но детей все равно не будет. Кроме того, ее политическая программа сначала была нереальным бредом, а затем переросла в наглый блеф, ничего общего не имевший и не имеющий с реальной действительностью. Вопрос: можно ли считать политической программой любой роман Кафки? Бред буйного умалишенного? Блеф жулика?

Ну а существующие группы в России, претендующие на звание политических партий? Ведь у них, кажется, в политических программах недостатка нет. Однако это — как сказать.

Во-первых, ни в одной из политических программ не проставлена экономическая и социальная цена того, что предлагается. Видишь более или менее сияющий прилавок, а что почем — неизвестно. Но это же чистой воды демагогия! Для подлинно политической партии одной демагогии маловато.

Во-вторых, правительство, по идее партийной системы, должно руководствоваться программой правящей партии. А кто сегодня в России

правящая партия? Какую, например, партию представляет правительство? А никакую! Да и не правительство, не Совет министров это вовсе, а домашняя «команда президента». Вроде футбольной (кстати, успешно выступала и в этом качестве). У этой команды в любой момент может появиться новый вратарь, и не исключено, что она из футбольной превратится в хоккейную. А реальной (не пустословной) правительственной политической программы как не было, так и нет.

Так что же с правительственной программой? На этот счет идут дискуссии. Злопыхатели утверждают, что министрам не до того: текучка заела. Их оппоненты возражают, что программа была, только ее никто не заметил. И всем она была хороша, кроме одного: заранее не просчитывала, не «взвешивала» прямых и косвенных, немедленных и отдаленных последствий принимаемых решений. Ошеломительная программа! (в прямом смысле слова «ошеломление»). Похоже, с населением России поступают как с анекдотическим зайцем, который стремглав бежал из леса, жалуюсь, что вышел указ рубить лапы всем, у кого их больше четырех. «У тебя ровно четыре!» — успокоили его. — «Так ведь они сначала рубят, а потом считают!» — всхлипнул заяц...

Смысл всего сказанного сводится к тому, что для того, чтобы успешно решать стоящие перед Россией проблемы, необходима эффективная партийная система вместо наследия «ордена меченосцев» и не менее эффективное разделение законодательных, исполнительных, судебных властей вместо авторитарно-патриархального наследия тоталитаризма.

О партийной системе мы, кажется, сказали достаточно. Тут, до сути, все еще впереди. Что сказать о разделении властей?

Законодательная власть, похоже, озабочена только тем, как сохранить себя в депутатских креслах и использовать до конца самим себе данные огромные привилегии, включая массовое переселение в Москву на даровые квартиры (извечная мечта всякого немосковского бюрократа). Привилегиями умело дирижирует «хозяин» законодательной власти, быстро набирающий самовластность, как все его предшественники. При этом методами, очень напоминающими методы Сталина 80 лет назад. Тот тоже начинал с подбора своей собственной «номенклатуры» щедрой раздачей привилегий — очень опасное повторение опыта 1922 года, обернувшегося семь лет спустя кровавой диктатурой. Понятна поэтому растущая настороженность российской общественности к фигуре «спикера парламента», демонстрирующего на телеэкране крупным планом известную максиму: в борьбе за власть все средства хороши. Остается добавить, что ни одного закона, который бы дал новый импульс реформам, законодательная власть так и не разработала. Скорее наоборот — как может, тормозит движение от тоталитаризма к демократии и рыночной экономике и вполне может начать стимулировать обратный процесс.

Рейтинг исполнительной власти на всех уровнях катастрофически низок. Нельзя забывать, что массовый избиратель десять лет назад голосовал не столько за Ельцина, сколько против ЦК КПСС, подвергавшего бесконечным унижениям своего изгнанника — «социалистического великомученика». С тех пор Ельцин, из-за скандального самодурства, колебаний, непоследовательности своей политики, год за годом терял сторонников и предпочел уйти в тень, не дожидаясь неизбежного позорного фиаско.

Теперь ждем, что предпримет выбранный им (а затем и народом) его преемник...

Судебная власть начинает делать первые шаги по превращению из «мальчиков на побегушках» у различных «хозяев» районного, областного и республиканского масштаба в действительно судебную власть, опирающуюся на закон, перед которым трепетала бы власть законодательная и исполнительная (пока что, увы, наоборот: закон трепещет перед произволом любого «хозяина»). Пока что первый блин (с частичной реабилитацией мафиозной КПСС в стремлении угодить воинствующим сталинистским реакционерам), по русской пословице, вышел комом. За ним последовало несколько скандалов, окончательно дискредитировавших судебную власть.

В заключение этой лекции, помогающей лучше понять специфику России, — три дополнительных разъяснения.

1. Мы говорили только о верхушке политической надстройки России. Но это сделано, только чтобы данная лекция не переросла в курс лекций. Прошу поверить на слово, что на республиканском, областном и районном уровне, во всех без исключений организациях, учреждениях, предприятиях России картина авторитарной патриархальщины в точности такая же.

2. Мы говорили только о России, но это только чтобы не обижать ее соседей по несчастью, гордо именуемых ныне «ближнее зарубежье», в отличие от традиционного «дальнего». Если кто-либо полагает, что в других республиках бывшего СССР — начиная с Прибалтики и кончая Кавказом и Средней Азией — картина авторитарной патриархальщины существенно иная, ему нужно срочно проконсультироваться с психиатром.

3. Если кому-нибудь из читателей заглавие данной лекции показалось чересчур скучным, то просим принять во внимание, что русская интеллигенция всегда относилась отрицательно к грубым, нецензурным выражениям, так что пришлось остановиться на самом мягком из пришедших в голову.

Что же касается накала просящихся на язык выражений, то он объясняется тем, что перед Россией сегодня стоят чудовищные по своей сложности и опасности проблемы, а ее «хозяева» всех рангов и мастей теряют время в междоусобицах и стремлениях к личному самоутверждению, когда страну вот-вот накроет цунами событий, по сравнению с которыми 1991—1992 гг. представляется просто швейцарской идиллией. В этом нетрудно убедиться, если внимательнее рассмотреть перспективы дальнейшего распада погибающей империи.

Многие, наверное, поразились, с каким ожесточением шла гражданская война в разных регионах бывшего СССР и идет по сию пору в Чечне. Не щадят ни стариков, ни женщин, ни детей, расстреливают в упор, подвергают изощренным пыткам. При этом делают публичные заявления по радио, телевидению, в печати, потрясающие то злобным цинизмом, то откровенной, очень наивной ложью, понятной разве что в устах ребенка с дефектами умственного развития. И ведь не могут не видеть, что ни в одной «горячей точке», кроме разве Чечни, ни у одной из сторон нет шансов на военную победу. Возможен только геноцид миллионов людей, принадлежащих к другой национальности, а наиболее вероятно продолжительная, затяжная война «на измор», до полного разорения и изнеможения обеих сторон, с миллионами напрасных жертв.

Такое ожесточение способна вызвать только слепая ярость, всепоглощающая ненависть. Откуда она?

По роду работы мне приходилось бывать с лекциями или на научных конференциях и в Югославии, и едва ли не во всех союзных республиках, в большинстве автономных республик бывшего СССР. У меня есть друзья и добрые знакомые среди молдаван и украинцев, армян и азербайджанцев, грузин и абхазов, кавказских мусульман и кавказских христиан, таджиков и узбеков и т.д. У меня нет пристрастий, положительных или отрицательных, ни к одной из наций мира, включая свою собственную, русскую. Мне известно, что нет плохих и хороших наций, есть плохие и хорошие, умные и глупые, добрые и злые люди в каждой из них. Свидетельствую, что в любой из перечисленных выше наций сумасшедших или фанатиков не больше, чем среди русских или американцев, и не они направляют ход событий. Тогда откуда же такой массовый психоз, такое массовое самоубийственное сумасшествие?

Можно, конечно, прибегнуть для объяснения к уже не раз применявшемуся приему. Попросить представить себе, как бы вы отнеслись к тому, что власть в Чикаго захватили индейцы, в Сан-Франциско — китайцы, в Нью-Орлеане — черные, в Нью-Йорке — евреи и т.д.? Боюсь, даже человек с богатым воображением не сразу поймет о чем речь. Ну и что, что губернатором, мэром, шерифом стал китаец, черный, индеец? Раз произошло законным образом — пожалуйста! Какое это может иметь отношение к моему законному бизнесу?

Но мы, надеюсь, не зря посвятили столько предыдущих лекций рассказу о том, что при казарменном социализме законного бизнеса в принципе быть не может, — он весь целиком в «теневой» экономике. И даже сегодня законный бизнес в России, как верхушка айсберга над подводной, т.е. «теневой», глыбой. Потому что законный бизнес облагается почти 90-процентным налогом, а «теневой» всегда бесплатен, если не считать взятки уголовному и чиновному рэкету. Но рэкет никуда не девается и при законном бизнесе.

Мы говорили также о том, что при казарменном социализме законы служат только для демагогии, а жизнью правит только один закон: «я — начальство, ты — дурак». Что при казарменном социализме никаких президентов, министров, губернаторов, мэров, шерифов нет, а есть «хозяева» — такие же полновластные хозяева над своим родом-племенем, областью, предприятием, учреждением, организацией, какими были библейские патриархи. Таким образом, в Сан-Франциско придет к власти не мэр-китаец, а «крестный отец» китайской мафии, в Нью-Орлеане черный станет не просто шерифом, а всевластным «хозяином» целого квартала.

Напомним, что при казарменном социализме выгодные должности занимают не на рынке труда, а по протекции. Дома не покупают, а «получают» даром по усмотрению «хозяина». Доступ ко всем мыслимым благам зависит не от наличия денег, а от расположения того же «хозяина».

Теперь догадываетесь? В Сан-Франциско при казарменном социализме мэр-китаец составит всю администрацию из китайцев, отдаст китайцам все предприятия, учреждения, организации, заселит все коттеджи в престижных районах только китайцами, допустит в университет только выходцев из китайских семей, наконец, заменит все вывески на улицах и все делопроизводство китайскими иероглифами. А «англоязычных» вытеснит в

трущобы и обречет на низкооплачиваемые работы, которыми побрезгуют китайцы. Затем, по возможности, вообще изгонит их из Калифорнии. И, если этот процесс не остановить, за Сан-Франциско последуют Сан-Диего, Санта-Барбара и так далее, до Нью-Йорка включительно.

Теперь понимаете, почему такое ожесточение? Это не просто ненависть к представителю другой национальности, а ярость отчаяния, обреченности. Либо ты расстреляешь своего врага, его жену, его детей из автомата, подвергнешь его лютым пыткам, чтобы другие враги содрогнулись, либо завтра окажешься на положении турка в Германии, а послезавтра тебя выбросят с работы, сожгут твой дом, обрекут тебя на положение обездоленного нищего беженца. И это при том, что ты вовсе не турок в Германии, что тебя унижают, шантажируют и изгоняют из страны, где ты прожил и проработал всю жизнь, где у тебя отчий дом и могилы твоих предков.

Если ты хорват, а попал под «хозяина»-серба, тебе придется очень плохо, и поэтому ты люто ненавидишь сербов, стоишь за свой отчий дом насмерть. Но если ты серб и попал под «хозяина»-хорвата, происходит все то же самое, только наоборот, и с теми же последствиями. В точности то же самое можно сказать об армянах и азербайджанцах, о грузинах и абхазах, о грузинах и осетинах, об осетинах ингушах, об узбеках и таджиках, об узбеках и киргизах, о русских и молдаванах, о русских и украинцах и т.д. без конца. Вот почему нет ничего аморальнее и бессмысленнее, чем поддерживать хорватов против сербов, сербов против мусульман-боснийцев, армян против азербайджанцев, молдаван против русских или наоборот. Нет ничего аморальнее и бессмысленнее, чем осуждать одну из воюющих сторон, вводить санкции против нее. Это только разжигает, осложняет, продлевает конфликт, дает ему новый импульс. Ибо виноваты все дерущиеся одинаково. И вместе с тем не виноват никто, так как это не чья-нибудь вина, а общая беда, которую очень трудно изжить, преодолеть.

Вот почему, когда ООН вводит санкции против одной только Сербии, а Москва на Кавказе то и дело становится на сторону того или другого участника кровавого конфликта, совершается трагическая ошибка, по незнанию, по ошибочному представлению, будто Сербия столкнулась с мусульманской Боснией, Армения с Азербайджаном, Грузия с Абхазией. На самом деле все значительно сложнее. Ибо, с известной точки зрения, нет никакой Сербии и Боснии, России и Молдавии, Грузии и Абхазии. А есть кошмарный эффект «русской матрешки», который действует губительнее водородной бомбы. Видали ли вы когда-нибудь эту выточенную из дерева игрушку, раскрашенную под русскую девушку в праздничном наряде? Раскроешь ее — а внутри точно такая же, поменьше. Раскроешь и эту — еще одна, и так далее, вплоть до совсем крошечной, но похожей на остальные как две капли воды.

Распался Советский Союз, распалась Югославия. Вы что же думаете, они распались на независимые республики, что ли? Ничего подобного! Мегаимперии распались на макроимперии, те, в свою очередь, распадаются на микроимперии, те — на нанаимперии, и так далее, вплоть до отдельного дома. Вот это и есть ужасная «русская матрешка» в действии. Не успели грузины обрадоваться своей независимости от Москвы, как их тут же огорчили свои собственные, точно такие же любители независимости в лице абхазов и осетин. И если признать независимость последних в сложившихся

исторических границах, то грузинам в этих районах придется так же плохо, как сегодня русским в Грузии. При этом процесс неизбежно пойдет дальше, и против абхазов обязательно поднимутся не только грузины, составлявшие там большинство, но и живущие в Абхазии многочисленные национальные меньшинства, которые потребуют автономии в районах своего расселения. И, будьте уверены, в этих районах плохо придется опять-таки абхазам. И не только в Абхазии — в любой уже «горячей» или еще «теплой» точке бывшей империи «казарменного социализма».

Неужели нельзя как-то преодолеть эту проблемную ситуацию? Скажем, исключить возможность дискриминации по национальному признаку? В принципе — можно, и мы специально остановимся на нашей концепции подобного выхода. Но сделать это непросто, ибо тут вмешивается сама Госпожа История, которая тоже требует внимания и понимания, а за пренебрежение к ней мстит самым жестоким образом.

Проблема уходит своими истоками в 1917—1918 гг., когда пришедшие к власти большевики ломали себе голову над тем, как сохранить расползающееся по швам единое государство, выступавшее под названием *Российская империя*. Столкнулись две концепции: федеративная, за которую выступало подавляющее большинство большевиков во главе со Сталиным (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика на всем пространстве бывшей Российской империи), и конфедеративная, точнее федерации федераций, которую первоначально отстаивало всего несколько человек во главе с Лениным, опасавшимся, что одной федерации окажется недостаточным, чтобы преодолеть центробежные силы, разнесшие в прах Российскую империю. Тем более что речь шла о будущей всемирной федерации.

История распорядилась так, что формально верх одержала концепция умиравшего от болезни Ленина. В конце декабря 1922 г. была создана Конфедерация (Союз) Советских Социалистических республик в составе России, Украины и Белоруссии. Но фактически была реализована концепция Сталина, ибо государство осталось жестко централизованным, и не только конфедерацией, но даже собственно федерацией нигде и не пахло. Диктатор кроил и перекраивал границы республик по собственному произволу, но никто не обращал внимания на такие пустяки: все знали, что страна представляла собой на деле не совокупность республик, а военный лагерь с комендантами разных зон, носившими разные названия, но одинаково безоговорочно подчинявшимися командам из Москвы. Никого не удивляло, что в автономных республиках существовали областные комитеты партий, ибо все понимали, что это и есть области, только под другим названием.

В ходе и после 2-й мировой войны Сталин репрессировал уже не отдельных людей, а целые народы, которыми был недоволен (крымских татар, турок в Грузии, греков с Причерноморья, чеченцев, ингушей, немцев Поволжья и др.), которых ссылал в Сибирь, Казахстан, Среднюю Азию. Позднее их реабилитировали и полностью или частично вернули на родные места.

Никому в голову не приходило, что закладывается своего рода «мина замедленного действия», которая затем взорвется и начнет уносить тысячи жизней. Сам Дьявол не мог бы придумать ничего более дьявольского. Не случайно многие считают Сталина антихристом, который делал свое черное

дело в расчете на нарастающие бедствия без конца, даже когда он якобы покинет сей мир.

Недовольство политикой Москвы в республиках, населенных представителями нерусских национальностей, зрело исподволь, десятилетиями, но редко проявлялось открыто, так как Сталин систематически почти поголовно истреблял в этих республиках не только носителей «национальной идеи», деятелей культуры, вообще национальную интеллигенцию, но и всех, заподозренных в «национализме». Это недовольство имело три источника и три составные части.

Во-первых, грабительская экономическая политика Москвы, вывозившей, как уже говорилось, «в неизвестном направлении» до 90% всего произведенного «на местах». Правда, нерусские республики получали значительные дотации за счет русских областей России и Казахстана, а также Украины и Белоруссии. Это делалось по чисто политическим соображениям, чтобы прочнее привязать к империи ее «национальные окраины». Но, во-первых, дотации никогда не перекрывали реквизиций. Во-вторых, принудительное разделение труда при «казарменном» социализме уродовало экономику отдельных регионов монокультурой или крупными предприятиями, требовавшими постоянного притока «гастарбайтеров» извне.

Кроме того, пожалованная милостыня никогда не ценится, а отбираемое заработанное вызывает протест. Все, что требовали республики в данном отношении, — справедливая налоговая политика по договоренности с налогоплательщиком плюс с его правом распоряжаться оставшимся после уплаты налогов по своему усмотрению. Но до самого краха СССР в конце 1991 г. им упорно отказывали. Тем сильнее стал порыв к независимости.

Во-вторых, лицемерная национальная политика Москвы, на словах поощрявшей развитие национальной культуры, а на деле подсекавшей ее под корень. Дело в том, что в условиях «казарменного социализма» сделать карьеру в смысле продвижения «парий» и «шудр» в «брахманы» и «кшатрии» было невозможно без знания русского языка. Это вам не США и не Израиль, где с плохим английским или соответственно ивритом можно всю жизнь иметь неплохой бизнес в районе, населенном единоплеменниками. Здесь с плохим русским языком так и останешься на дне общества, забитым крестьянином или чернорабочим. Поэтому миллионы родителей совершенно добровольно стали отдавать своих детей в русские школы. Однако выпускник такой школы автоматически терял интерес к культуре своих предков (в США такой феномен достаточно хорошо известен). Понятно, это усиливало «разрыв поколений» и вызывало массовое недовольство падением национальных культур. Единственное, что требовалось, фактическое уравнивание местного и русского языка с повышенным вниманием к первому в государственной и общественной жизни. Но этого не было сделано — и язык явился первым «детонатором» в начавшейся междоусобице.

В-третьих, анахроничная иерархия составных частей СССР. В нее входили союзные республики (1-й ранг), автономные республики (2-й ранг), автономные области (3-й ранг), просто области (4-й ранг), национальные округа (5-й ранг), районы (6-й ранг). Происходило это деление давным-давно в условиях, когда все государства мира тоже делились на аналогичные

ранги. Существовало шесть великих держав. Они — и только они — имели право обмениваться послами (США и Япония не входили в их число). Существовало два десятка сравнительно крупных независимых государств с правом иметь вместо посольств миссии во главе с посланниками. И еще почти столько же малых государств, не имевших права даже на посланника — только министр-резидент. Наконец, зависимые государства должны были довольствоваться только консулами.

После 2-й мировой войны все это наследие «европейского концерта» XVIII—XIX вв. отошло в область истории. Как известно, все члены ООН принципиально равны, независимо от численности населения, площади и военно-промышленного потенциала. Все обмениваются только послами. И только в Советском Союзе сохранилась анахроничная иерархия республик. В 1976 г., когда ко мне обратились из ЦК КПСС с заданием высказать конструктивные предложения по проекту новой Конституции СССР, я предупредил, что самое опасное — сохранение иерархии республик, и предложил хотя бы упразднить идиотские прилагательные перед названием каждой республики. «Да ты что! — возразили мне. — Только тронь эту бочку с порохом: сразу полыхнет!» И, действительно, спустя дюжину лет «полыхнуло», когда государственное образование 3-го ранга (автономная область Карабах) явилось яблоком раздора между двумя государствами 1-го ранга (Армения и Азербайджан).

Теперь в этом регионе нагромодилась гора ненависти на годы, если не на десятилетия вперед. А ведь как просто было погасить конфликт в 1988 году! Достаточно было объявить Карабах независимой республикой под патронатом Азербайджана, опасавшегося дискриминации там азербайджанского меньшинства, создать двухпалатный парламент (нижняя палата — пропорционально существовавшему тогда соотношению армян и азербайджанцев 80:20, верхняя, с правом вето, — поровну тех и других), выбрать «нейтрального» президента, назначить дельных министров из представителей разных национальностей... Да что говорить понапрасну об упущенных возможностях!

Ныне Россия окружена «огненным кольцом» центробежных сил, которые в любой момент готовы превратить весь бывший СССР во вселенский Карабах, в гигантский Ливан или Афганистан с последующей эволюцией к Сомали, которое спасают от голода колонны грузовиков ООН с продовольствием, охраняемых американскими солдатами. Механизм «карабахизации» всюду один и тот же, хотя и со значительной региональной спецификой в каждом случае.

В Эстонии треть населения — «русскоязычные синие воротнички». Самих эстонцев в этой категории — считанные проценты. Фашиствующие экстремисты в правящих кругах не дают этой трети населения страны прав гражданства и унижают разными способами, вплоть до введения специальных желтых номеров на автомашинах, которые ассоциируются с желтыми звездами на одежде евреев в оккупированных гитлеровцами районах. Да еще вдобавок к России предъявляются территориальные претензии. «Русскоязычные» затаились в глухом недовольстве, потому что Москва бросила их на произвол судьбы, а участь беженцев в самой России ужаснее любой дискриминации. Но достаточно искры — и запылает новый Карабах.

В главном городе Латвии — Риге едва ли не половина, если не большинство, населения — «русскоязычные». У них тоже проблемы с гражданством и разными формами дискриминации. И у них тоже перспектива: либо плачевная судьба беженца в России, либо участь самого последнего югослава в Германии. Еще одна «теплая» точка, которая в любой момент может стать «горячей».

В Литве «русскоязычных» — всего десяток-полтора процентов. Поэтому там дискриминация их вызывает меньшее сопротивление. Но Литва, как и вся Прибалтика, настаивает на статус-кво ante до 1939 г. А в те времена нынешняя столица Литвы Вильнюс и ее главный морской порт Клайпеда отнюдь не входили в состав Литовской республики. И как только Литва начинает чинить препятствия наземным коммуникациям России с ее Калининградской областью (бывшей Восточной Пруссией) — немедленно всплывает вопрос о статус-кво ante.

Удивительно ли, что в отношении России с республиками Прибалтики по обвинению последних в дискриминации «русскоязычного» населения счел необходимым вмешаться Совет Безопасности ООН? Чтобы не допустить возникновения второй Югославии на берегах Балтийского моря.

В Молдавии подавляющее большинство населения — этнические румыны, и, естественно, тяготеет к Румынии. Но в Румынии ниже уровень жизни и своя иерархия «хозяев», которые уже показали, на что способны по части жестокой дискриминации венгров в Трансильвании. Поэтому большинство молдаван колеблется насчет желательности воссоединения с Румынией. Не колеблются только турки-гагаузы на юге Молдавии и «русскоязычные» в Приднестровье. Последних включили в свое время в состав Молдавии по чисто политическим соображениям как плацдарм для реконквисты Бессарабии, оккупированной в 1918г. Румынией, чего Россия никогда не признавала. Увидев, что над ними нависла угроза подпасть под иерархию «хозяев» не только из Кишинева, но и из Бухареста, гагаузы и «русскоязычные» немедленно объявили независимость и отстояли ее с оружием в руках. Только бойня в городе Бендеры, с сотнями трупов и тысячами беженцев, немного отрезвила обе стороны, и наступило непрочное перемирие, готовое в любой момент взорваться новой бойней.

Особенно опасным сделалось противостояние России и Украины: здесь число жертв в случае столкновения будет измеряться не сотнями, а миллионами; число беженцев — не десятками тысяч, а десятками миллионов. Дело в том, что Украина (как, впрочем, и Россия) очень неоднородна в национальном отношении. Ее западные области (Галиция) долго были в составе Австро-Венгрии, затем Польши, позже вошли в состав СССР и сохранили особую культуру, причем некоторые политические лидеры этого региона только ее считают «истинно украинской» и стремятся навязать остальным. Они по традиции непримиримо враждебны Москве и во время Второй мировой войны без колебаний встали на сторону Гитлера против Сталина. Не остановятся они перед войной против Москвы и сейчас. А за ними — около трети украинского электората, и с этим обстоятельством не может не считаться правительство в Киеве. С другой стороны, оно не может не считаться с дюжиной миллионов «русских» на юге и востоке Украины, с дюжиной миллионов украинцев, говорящих по-украински не так хорошо, как «хозяева» во Львове и Киеве (т.е. обреченных на роль граждан второго сорта в случае победы экстремистов), и еще с дюжиной миллионов

украинцев, говорящих только по-русски, но тем не менее чувствующих себя украинцами у себя на Родине: им, конечно, придется хуже всего, если верх возьмут экстремисты. Поэтому украинское правительство старается не допустить перерастания скрытого недружелюбия в явную враждебность. Тем более что имеется спорная территория — Крым.

Пока что обе стороны ограничиваются взаимными мелкими пакостями вроде «дележа» Черноморского флота, который полностью потерял боевое значение и через несколько лет пойдет на металлолом. Но не дай Бог, если между ними, по русской пословице, пробежит кошка или вспыхнет искра! Не забудем, что Украина, как и Россия, является ядерной державой, и США, при поддержке ООН, тщетно пытаются уговорить ее сделать ядерное зло наименьшим, демонтировать свои ракеты. Меж тем помянутая «кошка» неуклонно приближается в виде все большего числа украиноязычных «хозяев», направляемых в русскоязычные районы Крыма и Донбасса. Очень опасная ситуация...

Не меньше потенциальная опасность и в отношении автономных республик, областей, округов в самой России. Она объясняется тем, что, за редкими исключениями, русские составляют в этих регионах не меньше половины, а то и большинство населения. Нетрудно представить, что произойдет, когда в этих, ставших «суверенными», республиках начнет — уже начинается — размножаться собственная иерархия «хозяев». Достаточно сослаться в данном отношении на пример Татарстана — наиболее враждебной Москве, если не считать Чечни, республики в составе России. В самом Татарстане татар меньшинство, а за его пределами, в том числе, в Москве — более четырех пятых всех татар России. Татарские экстремисты выдвигают лозунги «этнически чистого государства» и предъявляют территориальные претензии к соседним областям, требуют восстановления границ Казанского ханства, охватывавшего в XV веке все среднее Поволжье. Представляете, что произойдет, если начать выселять из Татарстана два миллиона русских и сгонять туда из соседних областей пять миллионов татар?

Кто-то не поленился подсчитать, что если раскрыть «русскую матрешку» до конца и расселить народы бывшего СССР строго по их национальным республикам, то получится 75 млн. беженцев. Из них 27 млн. русских в республиках, автономных областях и округах самой России, не менее дюжины миллионов украинцев за пределами Украины, миллионы татар, узбеков, таджиков, представителей других национальностей. Эти люди будут обречены на мучительную голодную смерть, потому что для помощи им не хватит грузовиков не только ООН, но и всего мира.

Между тем, «русская матрешка» продолжает раскрывать свои кошмарные потенции. С ухудшением экономического положения множатся ряды экстремистов. Появляются новые и новые этнократы, бряцающие оружием, потому что не могут предложить своему народу ничего, кроме внутреннего террора и внешней войны. Появляются новые и новые туземные «хозяева», жаждущие монопольной власти на «своей территории». Наиболее яркий пример — Чечня.

Неужели неизбежно превращение России в гигантский Афганистан? Это было бы, конечно, иронией судьбы, но очень не хочется верить в такую перспективу.

Вот почему (не только в моем воображении) родилась альтернатива. Пусть получит всемерное развитие принцип культурной автономии. Пусть русское, украинское, татарское и т.д. правительство — не обязательно в Москве, Киеве, Казани — заботится о народном образовании и культуре всех русских, украинцев, татар на всей территории бывшего СССР. А развитие экономики пусть координируют губернаторы штатов — крупных регионов, сформированных по принципу не национальной исключительности, а экономической целесообразности. И пусть администрация каждого штата формируется не из «хозяев» — туземных ли, пришлых ли, безразлично, — а из представителей правящей партии, победившей на выборах. Разумеется, преимущественно местных. И пусть эти штаты Евразии будут такими же соединенными, как штаты Северной Америки или Западной Европы. Ибо, как гласит американский девиз, в единении — сила. И пусть будет специально построен подальше от Москвы евразийский Вашингтон, Оттава, Канберра. И пусть там заседает двухпалатный парламент, верхняя палата которого способна отстаивать интересы представителей самой малочисленной национальности. И пусть страной управляет избранный народом президент, которому доверяют все до единой национальности. И пусть ему помогает правительство, не из одних московских чиновников сформированное, — из первоклассных специалистов многих национальностей.

Хотелось бы, чтобы это пророчество сбылось не на горе из 75 миллионов трупов...

Лекция 16

ПРОГНОЗЫ В СФЕРЕ СОЦИОЛОГИИ СЕМЬИ. ПЕРСПЕКТИВЫ НАЧАВШЕГОСЯ ПРОЦЕССА ДЕПОПУЛЯЦИИ

Из того, что известно о России и русских, нетрудно заключить: она и они смогли перенести тяжелейшие испытания в своей тысячелетней истории и особенно в своей почти 100-летней Новейшей истории не только благодаря особенностям своего исторически сложившегося характера, но и, главным образом, благодаря господству до самых недавних времен традиционного сельского образа жизни с патриархальной семьей в основе. Именно семья старого типа — точнее связанные с ней вековые традиции, нравы, обычаи — давала им возможность привычно переносить нечеловеческий труд, ужасные условия быта, периодический многомесячный голод (каждые несколько лет), дикий произвол «хозяев» всех степеней, начиная с местных и кончая санкт-петербургским или московским начальством. Именно семья при огромной детской смертности и смертности людей вообще, сопоставимой с самыми отсталыми странами Африки сегодня, давала возможность обеспечивать более или менее нормальное количественное и качественное воспроизводство поколений. Мало того — обеспечить рост населения с десятка миллионов 400 лет назад до полутораста миллионов совсем недавно. Именно семья давала для подавляющего большинства молодежи необходимое образование, готовила добросовестного работника и добропорядочного подданного — налогоплательщика. Правда, не в ее силах было воспитать гражданина с чувством собственного человеческого достоинства. Но это не вина ее, а беда.

Опираясь на патриархальную семью, Россия вынесла ужас Гражданской войны 1918—1920 гг. с полным разорением страны, полутора десятками миллионов жертв и полудюжиной миллионов беспризорных сирот, оставшихся без родителей. Вынесла ужас «коллективизации сельского хозяйства» 1929—1933 гг., с ее миллионами жертв. И вновь разоренной экономикой. Вынесла ужас «Большого террора» 30-х гг., с новыми миллионами жертв, когда горе пришло в каждую семью. Вынесла бедствия 2-й мировой войны 1939—1945 гг., дважды устелив дорогу от Берлина до Москвы и обратно почти тремя десятками миллионов трупов, не считая большого числа калек и инвалидов, тоже почти в каждой семье. И, повинувшись очередному капризу очередного московского «хозяина», покорно приступила к «переходу от социализма к коммунизму» в середине 50-х гг.

Затевая новую авантюру, Хрущев, умевший, конечно, читать, писать и считать, но полностью лишенный сколько-нибудь серьезного образования, совершенно не понимал, что подрубает сук, на котором сидит. Впрочем, его «шестерки» были не намного образованнее, а советники-профессора склонялись в привычном холуйстве, да к их советам и не особенно прислушивались.

Идея была проста, как все гениальное: до основания разрушить все еще господствовавший в середине 50-х гг. патриархализм и за 20 лет превратить Индию в США, только полностью подчиненные законам «казарменного социализма», начиная с всевластия партийных боссов и кончая рабским положением простого люда. Сказано — сделано. Крестьянам разрешили выдавать паспорта (до этого они были прикреплены к месту своего жительства наподобие ссыльно-поселенных) — и миллионные толпы людей нарастающей лавиной хлынули из деревень от принудительного труда «задарма» в города, «на все готовое», с даровым жильем и хоть маленькой, но зарплатой. Поначалу они наткнулись на острую нехватку жилья: городские квартиры были переполнены (по две-три семьи в одной комнате), а в избах, хатах, саклях по городским окраинам много не расселишь. Спасло архитектурное изобретение: пятиэтажные сверхдешевые дома из ротовых бетонных панелей, с облегченным фундаментом, без лифтов, куда в «малогабаритную» квартиру из крошечных комнат можно было втиснуть на 30 кв.м. две-три семьи по 5—6 человек в каждой. И тогда поток переселенцев достиг 5—6 миллионов человек в год. Каралась гиперурбанизация а вместе с ней — массовый переход от Традиционного сельского к современному городскому образу жизни. В первой половине 50-х гг. подавляющее большинство (2/3 населения) все еще жило в деревне, под надежным прикрытием традиций, обычаев, нравов семьи старого типа. К 70-м годам подавляющее большинство (более 2/3 населения) стало жить в городе, причем городской образ жизни стал быстро распространяться и на деревню: неважно, где живет человек, главное — как живет.

Это было, как если бы сельские жители с берегов Инда, Ганга или Амазонки вдруг переселились на Бродвей в центре Нью-Йорка. Естественно, возникли проблемы, которых не ожидали и к решению которых совершенно не были готовы. Первой жертвой гиперурбанизации сделалась, конечно же, семья — основа русской государственности. Есть русская пословица: рыба гниет с головы. Перефразируя ее, можно сказать: общество начинает

загнивать с семьи. Особенно общество, на преимуществах семейного образа жизни державшееся.

Началось с того, что молодежи стало трудно создать семью. Просто найти подходящего брачного партнера. Раньше это происходило как бы само собой. В деревне будущие женихи и невесты знали друг друга с детства. Годами им твердили, какая невеста хороша и какой жених плох, кто кому «ровня», какой должна быть добропорядочная семья и каким нерушимым брак. Я в детстве слышал нравоучительный стишок: «Жена ведь не кошка, не скажешь ей брысь! Уж лучше тогда, брат Лука, не женись!» И с той поры не только я, но все мои товарищи по школе, без единого исключения, неуклонно следуют этому завету. Наступали предбрачные игры, хороводы-частушки. «Суженые», т.е. кому с кем суждено судьбой, быстро шли к помолвке. Им казалось, что нравятся друг другу, что выбрали друг друга. Им и в голову не приходило, что с ними была проведена почти 20-летняя пропагандистско-воспитательная работа, что их соответствующим образом настроила сила общественного мнения окружающих и аккуратно, неприметно подтолкнула друг к другу, стремясь к возможно более гармоничным брачным союзам во имя крепости общества. Теперь эта сила стала слабой. Социальный механизм бракосочетания расстроился и миллионы потенциальных женихов и невест годами стали напрасно искать друг друга. Очень быстро дело дошло до того, что два из каждых трех молодых людей к 25 годам жизни так и не успевали создать собственную семью. Один из трех — к 35 годам. А дальше для общества уже не имеет значения. Для общества, но не для людей. Миллионы новых и новых трагедий одиночества каждый год!

Вы возразите: в чем тут трагедия? Подумаешь, в Стокгольме сегодня больше 2/3 домохозяйств с одним человеком — и ничего. В Стокгольме — да. В Москве — нет. А в среднем российском городе — тем более. Здесь еще не забыли, что холостяком звали совсем недавно выхолощенного барана. Что «старая дева» — даже если она давно уже не девственница и по современным меркам не старая — совсем недавно рассматривалась как разновидность калеки. Здесь одиночество — это почти всегда чудовищный комплекс неполноценности и «сдвинутая» психика. А массовое одиночество — это самое настоящее цунами деморализации. Это абсолютно то же самое, что выкрасть молодого араба или индуса из его семьи и поселить на всю жизнь в Диснейленд. Худшей трагедии для человека не придумаешь.

Затем обнаружилось, что еще труднее, чем создать, — сохранить созданную семью. На нее обрушились целых четыре джинна, свирепствовавшие и до этого, но державшиеся в определенных рамках вековыми традициями, нравами, обычаями. А теперь — словно выпущенных из бутылки.

Первый джинн — стакан (0,2 литра) водки, выпитой залпом и делающей человека на 2—3—4 часа словно помешанным, часто буйно помешанным. Нам еще предстоит разобрать это социальное зло в особой лекции. Раньше этот джинн сдерживался ритуалами и появлялся преимущественно в знаменательные дни — на праздники, свадьбы, похороны и т.п. Кроме того, пьяница боялся целой роты родственников, кидавшихся на него в атаку, как только он начинал безобразничать. Теперь он остался без ритуалов и родственников, один на один с женой. Раньше той некуда было деваться — развод строго осуждался общественным мнением, а

из избы далеко не убежишь. Теперь жена стала подавать на развод: стакан водки сделался прямо или косвенно первопричиной более чем трети разводов, причем вообще $\frac{2}{3}$ из них в любом случае возбуждались именно женой. Второй джинн — мать (реже отец) жены или мужа, в комнате или квартире которой живут супруги. Дело в том, что нормально в квартире (тем более в комнате) может жить только одна семья — если другая не наведалась к ней на время в гости, конечно. Патриархальная семья могла насчитывать до двадцати и более человек, в нее могли входить бедные родственники или даже не родственники, но это была одна семья, с единой иерархией подчинения младшего старшему, с единым хозяйством, с единым образом жизни. А здесь в одном помещении оказывается целых две, иногда даже три семьи (если двое взрослых детей привели в родительский дом своих супругов) — каждая вполне «суверенна», каждая со своим хозяйством (правда, младшие целиком зависят от старших, как Израиль от США), каждая со своим образом жизни, со своими взглядами на воспитание детей, на досуг, на то, что хорошо, а что плохо. И чаще всего при первом же серьезном конфликте начинается война родителей за любимое чадо против чужого «пришельца». А кончается, понятно, разводом. Так и называется: родители развели. Это тоже первопричина, по меньшей мере, четверти разводов.

Третий джинн — анахронизм в распределении домашних обязанностей или, точнее, самый обычный бытовой паразитизм (в подавляющем большинстве случаев — мужа). Дело в том, что при традиционном сельском образе жизни домашние обязанности были строго разделены на мужские и женские. Мужчине было стыдно заниматься женскими, а женщине — мужскими. Но современный городской образ жизни почти напрочь уничтожил мужские домашние обязанности. А женщину вовлек в общественное производство наравне с мужчиной. Получился на одном полюсе 16-часовой совокупный рабочий день (1—1,5 часа утром на приготовление завтрака и уборку квартиры, 1 час езды на работу, 8 часов работы, 1 час езды с работы, 1 час обеденного перерыва, посвящаемый стоянию в очередях, 1—1,5 час стояния в очередях после работы, минимум 2 часа вечером приготовление ужина, стирка и другие домашние дела), а на другом — 2—3 часа вечером перед телевизором или стояния с друзьями у пивной. Ясно, что рано или поздно терпение лопается. Начинаются скандалы, и кончается разводом. Именно так развелась со своим мужем моя собственная дочь и миллионы других дочерей.

Четвертый джинн — анахронизм в отношениях между супругами или точнее, самое обычное бытовое хамство, т.е. неумение выходить из конфликтных ситуаций иначе, как безобразным скандалом, часто переходящим в драку. Раньше такого умения не требовалось и оно не воспитывалось с детства, потому что в авторитарной патриархальной семье жена должна была во всем подчиняться мужу (случалось и наоборот, но такое извращение служило предметом насмешек), младший — старшему. А муж хорошо знал пределы своего деспотизма, очерченные все теми же вековыми традициями, нравами, обычаями, и остерегался их переступить в страхе перед общественным мнением окружающих. Теперь в элитарной семье никаких иерархий, ритуалов и страхов не осталось. Теперь я со своими взрослыми детьми, внуками, правнуками образую народные массы, стоящие в оппозиции к самодержавию матриархата — и в глазах всех это

самое обычное дело. А мой 10-летний внук разговаривает со мной «на равных», тем более что мы с ним в постоянном безнадежном заговоре против всесильной бабушки. Все зависит от культуры личных отношений. И когда она недостаточно высока — неизбежны война и конечный развод.

Понятно, в суде разводящиеся чаще всего ссылаются на психологическую или физиологическую несовместимость, на «несходство характеров», на измену супруга и т.п. Но возникает вопрос, почему произошла измена, в чем «несходство характеров»? И тогда выясняется, что сравнительно редко, действительно, налицо несовместимость или возникновение у одного из супругов серьезного чувства к кому-то третьему. А в подавляющем большинстве случаев мы так или иначе возвращаемся к одной из четырех первопричин (иногда — к нескольким, а то и ко всем сразу), о которых только что говорилось.

Теоретически формированию и закреплению семьи вполне можно помочь и в новых условиях. Можно создать клубы по интересам, которые учитывали бы интересы желающих вступить в брак. Создать эффективную «службу знакомств», включая брачные консультации и объявления в газетах. Развернуть борьбу против пьянства. Начать массовое строительство квартир для молодоженов. Шире пропагандировать опыт счастливых семей, где домашние обязанности делятся поровну, причем не на «мужские» и «женские», а у кого к чему больше склонностей и способностей. Шире пропагандировать опыт счастливых семей, где должность патриарха или матриарха упразднена, а главой семьи — халифом на час — может стать всякий, в том числе сын или дочь, кто организует или проводит какое-то коллективное мероприятие. Все равно, какое: уборку квартиры, готовку обеда, общую прогулку, общую игру и т.д.

Но практически для этого нужно преодолеть Гималаи социального пространства и времени. Представляете подростков Тома Сойера, Гека Финна, Бекки Тэчер и других героев Марка Твена, которым надо стать у стенки «клуба знакомств» в ожидании «выберут — не выберут» или писать объявление в брачную газету? О том, что еще раз развернуть в России борьбу против пьянства намного труднее, чем второй раз ввести «сухой закон» в США, нам еще предстоит рассказать особо. Начать массовое строительство квартир для молодоженов, когда миллионы людей по двадцать лет ждут очереди на такую квартиру и не имеют финансовых возможностей просто купить ее, — это все равно, что начать строительство для каждой американской семьи своего собственного «Белого дома», роскошнее вашингтонского. А призывать к трудолюбию и миролюбию — этим проповедники занимаются со времен Каина и Авеля, но без существенных результатов.

Конечно, можно утешаться тем, что в России в 90-х гг. разводы не увеличились по сравнению с 80-ми гг. Но ведь и браки (точнее «брачность») сократились: все больше людей брачного возраста предпочитают, несмотря на ужас одиночества, жить как в Стокгольме, хотя бы в матримониальном отношении. И хуже всего, что это тут же начинает катастрофически отражаться на процессе воспроизводства поколений.

Раньше бездетность и даже малодетность рассматривались как нечто ущербное, порочащее женщину. К тому же люди понятия не имели о предохранительных средствах, да и осуждалось это церковью, как сегодня — аборты. Правда, и смертность среди детей была ужасающая. Вот и

получалось: «Бог дал — Бог взял». Случалось, доживал до своей свадьбы только один из двух, трех, четырех детей. В семье моего деда из одиннадцати детей остались в живых трое (у одного — один ребенок, у другого — двое, третья — бездетная, и это типично). В среднем каждая четвертая женщина погибала от родов — не от первых, так от пятих-десятих. Каждая вторая после одних или нескольких родов становилась инвалидкой — теряла способность рожать. Такой чудовищной ценой обеспечивался рост народонаселения при самых ужасных бедствиях, когда гибли миллионы и десятки миллионов человек. К тому же дети представляли собой не только престижную ценность. Подрастая, они становились важными помощниками по хозяйству. Подросши и уйдя в собственную семью, они становились важными союзниками в житейских бурях. Наконец, под старость это была, так сказать, «живая пенсия», без которой предстояло умирать как бездомной собаке под забором.

Ныне дети — не помощники, не союзники и тем более не «пенсия», а сплошная обуза. Воспитание ребенка до 18 лет обходилось семье в 80-х гг. примерно в 20 тыс. руб. — это при среднем доходе меньше 4 тыс. руб. в год на двух работающих супругов. Это означало, что мать на несколько лет выбивалась из нормального ритма работы, должна была махнуть рукой на карьеру и проигрывала по всем статьям своей бездетной подруге. Кто-то из родителей должен ни свет, ни заря везти ребенка на автобусе в детсад, а вечером заезжать за ним по дороге с работы домой. Тем самым кошмарные «часы пик» в городском транспорте растягиваются для него почти вдвое. Почти напрочь исчезает возможность развлекаться по вечерам и резко сужается — по выходным дням. Главное же — существенно падает уровень жизни, ибо все те же «средние» для 80-х гг. 150+150 руб. зарплаты в месяц обоих работающих родителей (в обрез — на питание и необходимую одежду, при минимальных расходах на жилье, транспорт, досуг) приходится делить не на двоих, а на троих-четверых. Первого ребенка большинство заводит просто по традиции: «так принято». Ну и конечно, по жалким остаткам материнского и отцовского инстинкта. Но от второго напрочь зарекаются.

Именно так поступили мои собственные дочь и сын, а также подавляющее большинство их сверстников. Все чаще молодожены не решаются заводить и первого. Или не могут по состоянию здоровья (об этом тоже предстоит говорить особо). Каковы последствия? Они неизбежны: началась депопуляция — в 1991 г. число умерших впервые в истории России превысило число родившихся, и процесс пошел по нарастающей (это — при наличии нескольких крупных сельских, в том числе мусульманских, регионов, где рождаемость традиционно выше «средней», так что можно себе представить, какая выморочность начинается в городах). Депопуляция — явление, хорошо известное на Западе. Многие не видят в нем ничего особенного. И совершенно напрасно. Депопуляция — это ведь не просто превышение смертности над рождаемостью. Это четыре последствия, одно прискорбнее другого.

Во-первых, в однодетной семье (а она становится типичной) ребенок попадает в противоестественное вложение. У него нет братьев и сестер, ему не с кого брать пример, учиться заботе о младших. Семейная «пирамида» перевертывается: вместо десятка детей на двух родителей — мама и папа, две бабушки и двое дедушек, четверо прабабушек, четверо прадедушек,

бездетные тетки, холостые дядья на одного малыша. Удивительно ли, что он вырастает «инфантилом», остается ребенком в 20 лет, а все чаще и в 30—40. И не один и не двое: все более значительная часть одного поколения за другим.

Во-вторых, наступает «старение» населения: сокращается процентная доля детей — растет процентная доля стариков. В России на каждых двух работающих приходится в среднем один пенсионер. В Москве пенсионер — вообще каждый четвертый из жителей. Вы скажете: ну и что же? На Западе примерно та же картина. Но на Западе для этого подготовлена специальная инфраструктура, а в России к ней еще не приступали — было не до нее, сегодня тем более не до нее. Горько видеть миллионы одиноких беспомощных стариков, которым некому принести хлеба, подать стакан воды. И такая старость по мере нарастания депопуляции становится все более типичной.

В-третьих, на производство с каждым годом приходит все меньше вчерашних школьников, уходит на пенсию все больше стариков. На Западе эту брешь закрывают миллионами гастарбайтеров. Откуда их взять в нищую Россию? До недавних пор брали из деревень. Теперь этот источник вычерпан почти до дна. Если отток рабочей силы на селе не сменится притоком — массового голода не миновать. Попробовали завозить в качестве дешевой рабочей силы вьетнамцев. Но это порождает такие острые социальные проблемы (массовые драки нищих с нищими), что от такой перспективы в ужасе отшатываешься. Меж тем уровень комплексной механизации и автоматизации производства в России намного отстает от американского. Требуются миллионы квалифицированных рабочих рук, которые надо готовить с детства. А кого же готовить с детства при такой ситуации?

В-четвертых, если каждых двух родителей, в среднем, сменяет только один будущий родитель, то уменьшение населения раньше или позже доведет его численность до нуля. Для России рассчитанный прогнозный срок такой траектории (при наметившихся тенденциях) — около полутора тысяч лет. Конечно, 1500 лет — срок большой, и можно пока не беспокоиться. Кроме того, ничего страшного: место выморочных русских (германцев, французов, англичан, американцев) займут более плодовитые народы, у которых каждых двух родителей, в среднем, сменяют четыре новых. Но представьте себе, что таким образом на земле останется только один народ. Что получится? Обеднение мировой цивилизации. Мы ищем затонувшую Атлантиду и не видим, как на глазах уходит под воду наша собственная... Если заранее обрекаем себя на исчезновение с карты земного шара, то зачем столько усилий и столько мучений в жизни?

Есть еще одно последствие депопуляции — пострашнее предыдущих четырех. Горький опыт минувших времен показал, что там, где кончается семья, там (как и в истории с рынком) начинается звериная стая. Поиграйте с вашим любимым котенком или кутенком и вышвырните его на улицу. Что случится? Чтобы выжить, он прибьется к дикой стае и будет жить по ее законам. Точно в такие же стаи сбиваются брошенные нами, предателями-родителями, наши собственные дети. А когда это дети из так называемых неблагополучных семей — уже распавшихся или мучительно распадающихся с тяжелыми страданиями для малышей, — среди них повышенная процентная доля психически неуравновешенных, крайне

ожесточенных, готовых на любое преступление. И таких детей к 1985 г. по СССР набиралось ежегодно до 700 тысяч. Сегодня брошенных на произвол судьбы детей и подростков — миллионы и миллионы. Неблагополучная семья — первый по значению социальный источник преступности... Это похуже Содома. И грозит еще более страшной Гоморрой.

Что же делать?

Теоретически программа ясна. Надо ослабить трудовую нагрузку на будущую мать и на женщину с малолетними детьми. Тем более что именно ее сегодня первой ждет массовая безработица (до 70—80% из миллионов российских безработных — женщины). Продлить ее предродовой, полностью оплаченный отпуск до полугода и позаботиться о ее здоровье. Продлить ее послеродовой, полностью оплаченный отпуск до трех лет. После этого шире практиковать для нее половинную рабочую неделю с полной оплатой либо с половинной же оплатой и с весомым пособием на ребенка (оставляя вторую половину недели на педагогическую работу ассистента воспитателя в детском саду и учителя в школе). Постараться сделать ее жизнь содержательной, досуг — не хуже, чем у других, карьеру своего рода «приват-доцента» — высокопрестижной, а повышенную пенсию — гарантированной. Дать льготный долгосрочный кредит молодоженам на обзаведение жильем и всем необходимым с частичным и даже полным погашением при рождении двух и более детей. Поставить детей — будущих кормильцев всех стариков общества — на полное общественное иждивение. Бесплатно (или по символической цене) — питание, одежду, игрушки, книжки. Мы же не заставляем армейских офицеров платить за содержание солдат, от которых зависит безопасность страны!..

А практически — что делать с правительством, которое, наконец, выучило аксиому о важности экономических наук (совсем недавно не понимало и этого), но никак не собирается с силами выучить аксиому о такой же важности социологических, психологических, политических, демографических, педагогических, исторических и других наук? Четверть века назад в ЦК КПСС меня попросили высказать предложение о совершенствовании демографической политики. Речь, в частности, шла о материальном поощрении многодетных семей. Я отвечал, что прежде всего надо констатировать наличие в СССР двух прямо противоположных проблемных демографических ситуаций: «демографического взрыва» в республиках Средней Азии и ряде регионов помельче (20% населения СССР при динамике «четыре родителя на смену двум предыдущим») — и «начинающейся депопуляции» в остальных регионах (80% населения при динамике «один родитель на смену двум предыдущим»). И соответственно дифференцировать демографическую политику. Мне ответили: советский народ един, и всякая дифференциация подобного характера будет выглядеть дискриминацией. Тот же ответ получили профессиональные советские демографы, которые начали бить тревогу с 60-х годов.

Несколько раз меня вызывали в Верховный Совет России, затем в Госдуму на «слушания» по этому вопросу. Всегда присутствовало несколько депутатов, с интересом впервые слышавших про демографию. Ни одного ответственного представителя правительства. Зато, как обычно, — куча воинствующих феминисток, кричащих, что женщина — это такой же мужчина, только вынужденный раз-другой в жизни проводить неделю в родильном доме, а посему ни в какой демографической политике не

нуждающийся. То, что эти «слушания» не могут и не будут иметь никаких практических последствий, я знал заранее. Так было на бесчисленных «слушаниях» на протяжении всех сорока с лишним лет моей научной карьеры.

Читаю лежащие на мой рабочий стол оперативные донесения профессионалов-демографов об уже начавшейся глобальной катастрофе — лавинообразном физическом вырождении тех народов Северной Америки, Европы и Евразии, у которых с переходом от сельского к городскому образу жизни практически потеряна потребность в семье и детях. Читаю прогнозы о том, что к 2008 г. «цветные» и испано-язычные избиратели США составят большинство. Что в Лондоне и Париже, Москве, Петербурге, других городах Европы в мучительных судорогах складываются новые этносы — помеси пришельцев из стран, где падение рождаемости только начинается (оно идет сегодня во всех крупных странах мира), с тающими на глазах остатками последних могилок-аборигенов. Что население России в обозримом будущем ближайших двух-трех десятилетий сократится, при наметившихся масштабах убыли до миллиона и более в год, со 145 млн. в 2000 г. (150 млн. в 1990 г.) до 120—130 и даже, при ухудшении тенденций, до 90—110 млн. к 2030 г. Что полуторамиллиардный Китай тихой сапой осваивает пустующую на глазах Сибирь до Урала. Что за школьными партами у нас в крупных городах через 5 лет вместо каждых нынешних трех детишек останется всего два, из которых один — хронически больной. И далее со всеми остановками... Что кошмарная судьба Косово, при наметившихся тенденциях, ожидает Северную Америку, Европу и Евразию не позднее второй четверти XXI в.

Читаю — и тревожно вглядываюсь в контуры грядущего. Мне не нужно для этого вертеть головой, как жене Лота. Я зримо вижу в обозримом будущем ближайших лет пылающие в депопуляционном пламени свои родные российские Содом и Гоморру — если не успеем заблаговременно повернуть штурвал оптимизационной демографической политики.

Лекция 17

ПРОГНОЗЫ В СФЕРЕ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ

В 1995—2000 г. сектор социального прогнозирования Института социологии РАН реализовывал свой последний исследовательский проект «Ожидаемые и желаемые изменения в системе народного образования России» (отчетная монография под заглавием «Нужна ли школе реформа?») выпущена издательством Педагогического общества России в 2000 г.). Проект предусматривал трижды повторенный панельный опрос экспертов и разработки серии прогнозных сценариев на этой основе. В данной лекции кратко излагаются результаты этого исследования.

В царской России до 1917 г. большинство населения было неграмотно. Из грамотных, в свою очередь, подавляющее большинство было малограмотно, т.е. умело с трудом читать и писать, но редко приходилось это делать. Дефицит грамотных был настолько велик, что малограмотных приходилось производить в офицеры и посвящать в священники. Если исключить эти две категории, да еще гражданских чиновников, где в каждом случае счет шел на сотни тысяч, то учителей насчитывалось всего несколько десятков тысяч, а инженеров и врачей — всего по несколько тысяч, ученых-

исследователей — всего несколько сот человек. Это — на всю огромную страну со 150 млн. чел. населения! Запомнилось одно сравнение: «белых воротничков» в России было меньше, чем психически больных и калек.

Особенно плохо обстояло дело с дипломированными специалистами. И еще хуже — после Гражданской войны, когда многие из них были убиты, погибли от болезней или голода, бежали за границу. А университеты были совершенно дезорганизованы, и подготовка специалистов даже в прежних мизерных масштабах прервалась. В 20-х гг. дело дошло до того, что каждого пятого инженера из необходимых нескольких тысяч приходилось выписывать из Германии и США на золото, как самый дорогой импортный товар.

Вот почему перед системой народного образования страны объективно встали две задачи:

1. Сделать всех неграмотных и малограмотных по-настоящему грамотными.
2. Полностью удовлетворить общественные потребности в дипломированных специалистах.

Для решения первой задачи была создана всеобщая 7-летняя школа 1-й ступени (дети и подростки 8—15 лет). Для решения второй — 2-летняя, позже 3-летняя школа 2-й ступени (молодежь 16—18 лет). Однако решение той и другой задачи было сопряжено с огромными трудностями.

Подавляющее большинство родителей — крестьяне и рабочие — по традиции продолжали считать, что школа — это только для детей, и забирали подростков после 2—3 лет учебы для помощи по хозяйству. Пришлось вводить обязательное (принудительное) всеобщее обучение, и вплоть до 70-х гг. по домам ходили контролеры, которые проверяли, кто из подростков уклоняется от посещения школы. Задача всеобщего 7-летнего образования была полностью решена только в 50-х гг.

Школу 2-й ступени в 1922 г. оканчивал только один из ста 18-летних. Поэтому ее учеников целиком ориентировали на подготовку в университет и соответствующим образом программировали учебу. Кроме того, создали сильные стимулы. В 20-х гг. зарплата дипломированного специалиста вдесятеро превышала зарплату даже высококвалифицированного недипломированного. И даже в 50-х гг., когда дипломированным счет пошел не на тысячи, а на миллионы, — вдвое. Тем не менее 10-летнюю среднюю школу оканчивало в 1950 г. всего 5% 18-летних, что было совершенно недостаточно.

Положение изменилось к концу 50-х гг., когда в город хлынули миллионы семей, и современный городской образ жизни стал теснить традиционный сельский. Родители, наконец, сообразили, что отправлять детей в школу гораздо выгодней, чем использовать их дома по хозяйству в ожидании свадьбы: ведь это единственный путь из рабочих и крестьян в служащие, с их «чистой» работой и вдвое большим доходом. И если в 1950 г. среднюю школу оканчивал каждый 20-й из 18-летних, то в 1960 г. — каждый 2-й. Спустя еще 5 лет — два из трех. Спустя еще 5 лет — три из четырех. И вслед затем вскоре с большой помпой объявили о грядущем «всеобщем среднем образовании».

Вообще-то 10 лет учебы для молодежи не предел. Есть страны, где никого из молодых людей не выпускают в жизнь без минимум 12 лет учебы в школе. Но в СССР упустили из виду, что «школа 2-й ступени» (последние

три года) была и осталась не просто школой, а своего рода «подготовительными курсами для поступления в университет». Почти все время там отдавали математике, поменьше — физике, химии, биологии, еще меньше — истории и литературе. На остальное времени просто не оставалось. Иными словами, там преподавали сугубо абстрактные дисциплины, в обыденной жизни не более полезные, чем латинский или древнегреческий язык. То есть учили не тому, что нужно в жизни, а тому, что необходимо для успешной сдачи вступительных экзаменов в университет.

Заодно многолетней целенаправленной пропагандой добились того, что поступившие в университет стали рассматриваться как «элита», как люди 1-го сорта, а непоступившие либо направленные в школы для подготовки рабочих или недипломированных служащих — как «отбросы», как люди 2-го сорта. Достаточно сказать, что к 1970 г., по данным социологических опросов, до 89% 16-летних собирались поступать в университеты и считали для себя величайшей жизненной трагедией, если бы это не удалось. Между тем университеты, при самом быстром экстенсивном росте (за счет столь же быстрого снижения качества образования и требований к дипломированному специалисту), могли принять не больше 20% абитуриентов школы. Конкурсы в высшие учебные заведения разом взлетели до десятка и более — в некоторых случаях до сотни и более — претендентов на одно студенческое место. Таким образом, миллионы людей стали ежегодно начинать «взрослую» жизнь с жестокого разочарования, с колоссального комплекса неполноценности. Они ожесточались, замыкались в себе и становились психологически готовыми на любое отклоняющееся поведение, не исключая преступного. В итоге, как это ни парадоксально, школа стала играть асоциальную роль — приносить больше вреда, чем пользы для общества.

Это еще не все. Столь же быстро обнаружилось, что далеко не все молодые люди по своей психологии и интеллекту годятся для поступления в университет — даже если бы мест там хватило для всех. Помимо дебилов (клинических идиотов) и так называемых маргиналов, т.е. людей с ущербной психикой и отсталостью умственного развития, «промежуточных» между сумасшедшими и нормальными людьми, существуют вполне нормальные люди с разным соотношением абстрактного и конкретного мышления. Одним легко дается математика и обобщение прочитанного, зато они хуже овладевают машинами, аппаратами, механизмами, приборами, всеми видами ручного труда. У других — все наоборот. Это различие начинает проявляться уже в первых классах школы, а в последних — когда начинаются алгебра, геометрия, тригонометрия, физика, химия, биология, приходится писать довольно сложные сочинения и выступать у классной доски с небольшими докладами — оно сказывается в полную меру.

При этом нельзя сказать, что одни школьники просто глупее других (хотя и это имеет место). Нет, одних природа наделила, образно говоря, талантом певца, а других — танцора. Что лучше — опера или балет? Смотря, какая опера и какой балет! Между тем столь же образно говоря, советских школьников всех поголовно, огулом стали готовить в оперу, объявив балет чем-то ущербным. Что получилось? Не менее четверти школьников уже в первых классах стали испытывать трудности с самыми

элементарными формами абстрактного мышления (например сложение и вычитание дробей), поскольку обучение было рассчитано на более способных к нему. А подавляющее большинство (до 2/3 и более школьников) оказались неспособными в старших классах к высшим формам абстрактного мышления (синусы-косинусы, закономерности истории общества, особенности художественного творчества и т.п.). И хотя при иной организации обучения они могли бы стать хорошими недипломированными специалистами, высококвалифицированными рабочими и служащими, в которых все острее нуждалась экономика страны, их начинали третировать как умственно неполноценных. Естественно, они очень ожесточались, и школа очень быстро стала играть роль второго по значению — после неблагополучной семьи — социального источника преступности, выбрасывая на улицу ежегодно более миллиона молодых людей, психологически готовых «отомстить» отвергнувшему их обществу любыми доступными им средствами самоутверждения.

Но и это еще не все. Под напором родительской общественности и молодежи правительство вынуждено было открыть свыше 800 высших учебных заведений (формально по западным стандартам — университетов и колледжей), которые в большинстве своем не были обеспечены в достатке квалифицированным преподавательским составом — его просто не успели подготовить — и другими условиями полноценной подготовки дипломированных специалистов. И если раньше в последних ощущался недостаток, то теперь стал наблюдаться явный избыток. Как уже говорилось, диплом на уровне университета или техникума успел получить каждый четвертый, три с половиной десятка миллионов человек, причем в большинстве они, понятно, оказались посредственными, а то и вовсе плохими работниками.

С другой стороны, на пенсию год за годом уходили хорошие недипломированные специалисты. Постепенно стал нарастать недостаток недипломированных и избыток дипломированных специалистов. Пришлось доплачивать за дефицитность профессии и как бы делить зарплату между несколькими работниками, где на одно престижное рабочее место приходилось сажать двоих-троих. Дело дошло до неслыханных нигде в мире парадоксов: инженер управлял рабочими, зарплата которых была вдвое-втрое больше, чем у него; врач с зарплатой в 150 руб. ехал в машине «скорой помощи» с водителем, которому приходилось платить 300 руб.

И тогда началось массовое «дезертирство» дипломированных специалистов в ряды недипломированных, но с более высокой зарплатой. Как уже говорилось, к 1985 г. «дезертировали» миллионы: примерно каждый пятый обладатель диплома. В результате система народного образования окончательно зашла в тупик. Мало того, что она совершенно дезориентировала молодых людей. Мало того, что она настроила их против общества. Она еще, образно говоря, стала готовить инженера, который тут же шел работать грузчиком или шофером. Система народного образования стала напоминать ту сказочную мельницу, которая испортилась и намолотала столько соли, что вода в море стала соленой и непригодной для питья. Потребовалась радикальная школьная реформа, которая сделала бы школу, ставшую социальным анахронизмом, более адекватной потребностям личности и общества.

26—28 ноября 1974 г. в Академии педагогических наук СССР состоялся Всесоюзный семинар по теме «Прогнозирование развития школы и педагогической науки». Мне, как заведующему сектором социального прогнозирования Института социологических исследований Академии наук СССР, было поручено подготовить для обсуждения на нем два доклада: «Предпрогнозная ориентация при прогнозировании развития системы народного образования» и «Прогнозирование перспектив развития системы народного образования». Это было начало пути, который привел меня к избранию в 1988 г. президентом Российского педагогического общества, а в 1992 г. — действительным членом Российской академии образования, членом бюро ее президиума и академиком-секретарем Отделения образования и культуры (после бесчисленных докладов и ряда книг на эту тему).

Обсуждение на семинаре показало: если сохранятся наблюдаемые тенденции, существующая система народного образования начнет играть все более деструктивную роль в жизни общества, калечить миллионы человеческих жизней и в самом буквальном смысле подрывать экономику страны. Наметились и некоторые пути оптимизации развития. Впрочем, для их более точного определения потребовались годы и годы. Дискуссии на этот счет продолжаются и по сей день.

Материалы семинара были опубликованы в том же году и вызвали большой общественный резонанс (см. «Прогнозирование развития школы и педагогической науки», т. 1—2, издание Академии педагогических наук СССР, М., 1974). Спустя год они получили отклик на правительственном уровне, и в 1976 г. с трибуны XXIV съезда КПСС было признано самим Брежневым: «Наша общеобразовательная система нуждается в серьезном совершенствовании».

Но в каком?

Потребовалось несколько лет, чтобы вопрос из области теории перешел в 1983 г. в область практики. Но тут же застрял. Первоначально предполагалось разрубить этот гордиев узел мечом. А именно — из каждой четырех 15-летних одного отбирать по способностям для подготовки в университет, а трех других направлять в профессиональные училища для подготовки рабочих. Однако это вызвало гневный протест общественности; родители знали, что этот «четвертый» неизбежно будет отпрыском родителей из номенклатуры, так что их собственные дети изначально обрекались на роль «синих воротничков», невзирая ни на какие способности. И, понятно, возмущались.

Дело заглохло еще на пять лет. Наконец, в 1988 г. собрался специальный Всесоюзный съезд работников народного образования, чтобы решить вопрос: что же делать со школьной реформой? Было постановлено: реформу начинать немедленно, иначе неизбежны последствия, катастрофические для общества. Но в 1989 г. зашаталось положение правящих кругов, и социально-политическая обстановка в стране настолько осложнилась, что стало не до реформы. Тем не менее, создали несколько рабочих групп, которые начали прорабатывать практические аспекты реформы. После августа 1991 г. работники одной из этих групп, концепцию которой я разделял, были поставлены Ельциным во главе Министерства народного образования России. Казалось, теперь реформа должна была сдвинуться с мертвой точки. Но шел год за годом, а положение существенно

не изменилось. Точнее, начало меняться стихийно и далеко не всегда в лучшую сторону.

В чем же дело?

Чтобы провести радикальную школьную реформу, необходима соответствующая база, т.е. огромные капиталовложения, сравнимые с военными расходами. Кроме того, необходимы кадры, которые могли бы поднять образование на качественно новую ступень. Ни того, ни другого не было ни в 1983 г., ни в 1988 г., нет сегодня и не предвидится в обозримом будущем. Достаточно сказать, что 2/3 всех школ нуждаются в капитальном ремонте. С учебниками всегда очень напряженно, а подготовка и написание новых автоматически удешевят расходы. Наконец, мизерная зарплата учителей (одна из самых низких в государстве) привела к тому, что в школьных классах 80% преподавателей составили женщины соответствующей квалификации, которые не были способны перейти на более высокооплачиваемую работу. Они выполняли и выполняют свой долг, как умеют, — и большое спасибо им за это. Но они просто неспособны преподавать иначе. А для качественно иного преподавания необходимы качественно иные люди с гораздо более высокой зарплатой. Для их подготовки требуются годы. И многие годы должны пройти, прежде чем профессия преподавателя вновь станет престижной для талантливых людей, педагогов по призванию. Без них — какая же реформа?

И все же это не основание, чтобы сидеть сложа руки и ждать, пока обстоятельства изменятся. Необходима теоретическая концепция реформы, чтобы наметить пути движения к ней. И необходимы первые практические шаги, которые показали бы степень реальности вырабатываемых мер при наличных материальных возможностях.

И в том, и в другом отношении наметился значительный прогресс. Что необходимо сделать прежде всего?

Как явствует из изложенного выше, преодолеть огульный подход к учащимся, наметить дифференциацию образования сообразно общественным потребностям и личным способностям каждого. К настоящему времени достаточно четко проявилось, что общество нуждается в очень большом числе хороших недипломированных специалистов и в гораздо меньшем числе дипломированных специалистов, но обязательно тоже хороших, ни в коем случае не «избыточных масс» посредственных, тем более плохих. Следовательно, необходимо разъяснить учащимся и их родителям, что в сложившихся условиях тот, кто освоит профессию сообразно своим склонностям, способностям, призванию, станет более уважаемым человеком и получит вдесятеро больше дохода по сравнению с человеком, который пополнит толпы искателей престижных должностей без надлежащих данных, способных выдвинуть его в первые ряды. И необходимо предоставить возможно более широкий выбор программ еще в средней школе (дети и подростки 8—15 лет), а затем возможно более широкие возможности профессиональной подготовки, которую целесообразно продлить на несколько лет после средней школы, что окажется возможным только при переходе от всеобщей воинской повинности к профессиональной армии и при всеобщей военно-спортивной подготовке молодежи, достаточной, чтобы, в случае необходимости, стать достойным защитником Родины. И только потом часть абитуриентов пойдет в университеты, причем всем — и дипломированным, и

недипломированным специалистам — все равно придется всю жизнь постоянно повышать квалификацию и периодически проходить переподготовку, а также заниматься общим самообразованием взрослых.

В идеале хорошо бы иметь с самого младшего класса школы несколько программ, рассчитанных на разные типы учащихся: для более одаренных, которые особо интересуются данным предметом; для столь же одаренных, которые больше интересуются другими предметами; для менее одаренных, которым данный предмет нужен только для общего образования и т.д. Но для начала были бы достаточны хотя бы две программы: стандартная и «продвинутая». Тогда не будет удара по чувству человеческого достоинства школьника, просто он выберет программу, по которой собирается специализироваться, либо просто для ознакомления.

В старших классах специализация должна быть все более строгой, причем учебные занятия должны чередоваться со все более основательной практикой, чтобы ученик приходил на производство не ребенком, а настоящим работником. Для этого необходима сеть школ (колледжей) самого разнообразного уровня и профиля, чтобы учащийся мог выбрать по склонности и способности.

Такая же специализация должна быть продолжена на университетском уровне. К тому же кто-то удовлетворится сертификатом об окончании колледжа. Кто-то потратит еще два года на диплом бакалавра, кто-то еще два года — на диплом магистра, кто-то еще два года — на диплом доктора. В странах Запада все это давно обычная вещь, а в России только сегодня приходится пробивать с боем. Второй важный аспект реформы — демократизация образования. Школа-казарма, из которой выходят 17-летние инфантилы с психологией 10-летнего ребенка, должна уступить место школе-колледжу, из которой выходят взрослые люди, не только добросовестные работники и добропорядочные граждане, но и энергичные предприниматели, способные делать свой бизнес (напомним еще раз: дух предпринимательства задушен в советском народе почти начисто, с тяжелейшими социальными последствиями, и его предстоит возрождать). Этого невозможно добиться, пока старшие школьники не научатся сами обсуждать и решать вопросы школьного бюджета, не научатся ценить заработанный рубль и не попробуют сами свои силы, подряжаясь на разного рода работы, подобно студентам, — возможностей для этого в России хоть отбавляй.

Наконец, третий аспект реформы — «подтягивание» отстающих подсистем образования до уровня передовых. Это относится, в частности, к подсистеме всеобщего педагогического образования родителей: известно ведь, что воспитание ребенка начинается с воспитания его родителей. Это относится далее к подсистеме дошкольного образования, чтобы перейти от «камер хранения детей» к «предшкольным университетам», где всем дошкольникам была бы обеспечена хорошая подготовка к школе, где они бы на своем уровне осваивали основы этики и эстетики (обязательно!), навыки физического и умственного труда, физической культуры, азы естествознания и обществознания, умения читать, считать и писать. Это относится также к учебному кино и ТВ, к комплексной компьютеризации школьного дела, которая практически все еще впереди.

Пока идут разговоры о реформе — жизнь берет свое. Вместе с расслоением общества на богатых и бедных идет расслоение по тому же

принципу учебных заведений. Как грибы после дождя, появляются частные школы и университеты, рассчитанные на состоятельных, а некоторые даже только на очень богатых родителей. Мой старший внук заканчивал бесплатный государственный университет, а мой младший внук посещал детский сад, стоимость пребывания в котором по меньшей мере вдвое превышает зарплату старшего по окончании университета. Есть и намного более дорогие детсады, школы, колледжи, университеты.

Возникает опасность, что некоторые способные молодые люди не смогут получить специальность, в которой их способность раскрылась бы наиболее полно на благо общества просто потому, что у их родителей нет средств на оплату соответствующего учебного заведения. Как и в других странах, возникает проблема системы стипендий для поддержки одаренных детей, подростков, молодых людей. Кроме того, возникает опасность, что не все частные школы добросовестно выполняют свои обязательства по части уровня образования, заявленного в их статусе и рекламе (в России такой обман наблюдается в массовых масштабах не только в торговле). Как и в других странах, возникает проблема возможно более строгого лицензирования и систематического инспектирования всех учебных заведений — и государственных, и частных.

Именно эти проблемы решаются сегодня при переходе системы народного образования России от тоталитаризма, «казармы» — к демократии, «рынку».

И примерно тот же процесс происходит в сфере науки.

Лекция 18

ПРОГНОЗЫ В СФЕРЕ СОЦИОЛОГИИ НАУКИ

У человека — шесть органов чувств (зрение, слух, вкус, обоняние, осязание, равновесие). Лишенный какого-то из них, он становится инвалидом. Лишенный важнейших (например, зрения и слуха), он может выжить только в качестве объекта научного эксперимента.

У человечества нет органов чувств. Вместо них у него есть семь форм общественного сознания: мировоззрение, наука, искусство, мораль, право, политика, вера. Человек без них — просто животное. Человек с ущербным развитием хотя бы одной из них — духовный инвалид. До недавних пор многие (и не только марксисты) считали, что главная, ведущая форма общественного сознания — наука. Что-то вроде зрения, на которое приходится до 80% информации, получаемой человеком из окружающего мира. Однако постепенно обнаружилось, что нет «главных» и «вспомогательных» форм общественного сознания. Все одинаково важно. Например, ученый с шатким мировоззрением, глухой к искусству, с ущербной моралью, правовой безграмотностью и нигилизмом, беспринципный политикан, не верящий ни во что, кроме возможности безнаказанно урвать что-либо лично для себя, — это вовсе не ученый, а просто разновидность представителей мафиозных структур. Любой тоталитаризм плодит таких псевдоученых тысячами, советский за годы своего существования успел наплодить миллионы. Собственно только они и могли процветать в существовавших условиях. Остальные, кроме немногих «белых ворон» типа Сахарова, оставались в тени или сживались со светом.

Реализация каждой из форм общественного сознания имеет свои особенности. Невозможно представить себе, например симфонический оркестр, состоящий из одних первых скрипок, это будет совсем другой оркестр. Невозможно представить себе выдающуюся певицу, которая одновременно была бы столь же выдающейся балериной, драматической актрисой, режиссером, художником, дирижером, писателем и вдобавок еще архитектором собственного театра. Невозможно представить себе и судью, который был бы одновременно также прокурором, адвокатом и даже палачом. Тем не менее, именно такая авантюра была предпринята в сфере науки. Правда, она не имела ничего общего с собственно наукой.

Наука — не только одна из форм общественного сознания. Это еще и особая отрасль общественного производства — производства новых знаний. Поэтому ключевая фигура в науке — генератор идей. Это очень редкий дар, который дается лишь одному из ста хороших, добросовестных, настоящих научных работников. При этом обладатель такого дара, как правило, способен генерировать новые идеи всего несколько лет (обычно на третьем десятке лет жизни), после чего столь же обычно почивает на заслуженных лаврах, очень ревниво относится к другим новым идеям и старается их придушить, т.е. играет крайне реакционную, негативную роль в развитии науки. Кроме того, он обычно выдает свои идеи в виде очень сырого полуфабриката, который требует значительных усилий, чтобы стать доброкачественной научной продукцией, готовой для формирования теории и внедрения ее в практику.

Вот почему генератору помогает очень много ученых совсем других, но отнюдь не маловажных способностей. Один из них — модератор — находит в работе генератора слабые места и подвергает их конструктивной критике. Другой — аниматор — открывает возможности развития сильных сторон. Третий — организатор — координирует деятельность научного коллектива и его связи с внешним миром. Четвертый — репродуктор — обладает даром донести идеи генератора до общественности, правительства, студенчества и обеспечить им, таким образом, поддержку, развитие. Пятый (наиболее многочисленная разновидность научных работников) — разработчик, который доводит научную продукцию до нужных кондиций. Шестой — вспомогательный научный работник, без которого все остальное просто повисает в воздухе. Седьмой — обслуживающий персонал, без которого «повисание в воздухе» остается, даже если остальные проблемы решены.

Требуется оптимальная социальная организация этого научного «симфонического оркестра». Во всем цивилизованном мире эта задача решается следующим образом. Основу организации науки составляет автономный университет, независимый от государства. В нем разделяются научная, учебная и хозяйственная часть, администрация которых подотчетна иерархии научных советов. То же самое можно сказать о ректоре университета, деканах факультетов, сообразно профилю изучаемых наук и преподаваемых дисциплин, а также заведующих кафедрами — основными ячейками университетов. На кафедрах организуется учебная работа и ведутся фундаментальные исследования. В лабораториях при них ведутся прикладные исследования и проводится студенческая практика. При университете, если необходимо, создаются институты или центры, где ведутся комплексные фундаментально-прикладные исследования. Если

необходимо, создаются также опытные заводы или другие предприятия. Основная форма привлечения преподавателей и исследователей — контракт. Это может быть контракт только на чтение лекций и руководство семинаром или только на определенную исследовательскую работу, скажем, с подготовкой по ее итогам научной монографии, или, в определенной пропорции на то и другое, по заранее оговоренным условиям.

Никому не приходит в голову отрывать преподавательскую работу от исследовательской. Ибо ученый без своей школы — научный кастрат. А преподаватель без связи с наукой всего лишь плохой «репродуктор». Никому не приходит в голову и отрывать фундаментальные исследования от прикладных, а те, в свою очередь, — от опытно-практических разработок на их основе. Ибо в науке очень затруднителен формальный контроль за количеством и качеством научной продукции (можно нагромоздить ради отчета гору ненужного или, как оказывается много позднее, гору вздорного). Важен только конечный результат в виде готовых знаний, имеющих хотя бы в перспективе практическое значение. Если же процесс разорвать, то фундаментальные исследования становятся бесплодной пожизненной синекурой, прикладные сводятся к сплошному «научному прикрытию» политики начальства, обычно не имеющей ничего общего с наукой, а разработки и вовсе погрязают в рутине, оторванной от науки.

В качестве почетного члена Всемирной федерации исследований будущего и со-президента комитета исследований будущего Международной социологической ассоциации я имел обширные научные контакты с коллегами многих стран мира, побывал у многих из них, десятки из них являются моими добрыми знакомыми, нескольких считаю давними друзьями. В беседах со мною ни один не оценил социальную организацию науки в своей стране как безупречную — у всех нашлись серьезные критические замечания. Точно так же ни один из них не является восторженным поклонником своего правительства — обычный скепсис каждого настоящего ученого. Но если бы эти люди узнали, что произошло с наукой в Советском Союзе, — они признали бы организацию науки в своей стране идеальной, а свое правительство — гениальным.

Наука всегда была для всех фанатиков-авантюристов мира не формой общественного сознания и не производством новых знаний, а всего лишь инструментом для укрепления своего господства. Впрочем, это относится не только к науке — к любой другой форме общественного сознания. Не составляли исключения из этого правила фанатики-авантюристы, пришедшие к власти в России, фашистской Германии и Италии, на Кубе, в Ираке, Северной Корее, других странах мира.

Перед Сталиным, когда он к 1927 г. стал единоличным диктатором, встали две задачи: 1) привлечь в науку, подорванную Гражданской войной и разрухой после нее, достаточное количество людского персонала; 2) полностью подчинить ученых своему диктату, сделать их слепыми орудиями укрепления его всевластия.

Надо сказать, что обе задачи были решены блестяще, трагические последствия чего мы ощущаем до сих пор. Прежде всего, Сталин столкнулся с крайней скудостью кадрового потенциала, низким социальным престижем науки и нежеланием талантливой молодежи идти в науку.

В царской России насчитывалось всего чуть более 14 тыс. ученых. Из них подавляющее большинство — простые «репродукторы» на лекциях и

семинарах в университетах. Собственно исследователей было всего несколько сот человек — мы знаем сегодня почти всех их по именам. В ходе Гражданской войны многие были убиты, погибли от голода или болезней, эмигрировали или были изгнаны из страны, другие полностью деморализованы и отошли от научной деятельности. Как обеспечить приток в науку свежих сил? Не забудем, что сравнительный престиж профессий выглядел тогда совершенно иначе, чем сегодня. Мы, школьники 30-х годов, почти поголовно бредили военными профессиями — для многих они были престижнее даже артистической карьеры. Карьера ученого занимала на этой «лестнице» одно из последних мест. Мы знали только двух из них — рассеянного географа Паганеля, героя популярного в те годы кинофильма «Дети капитана Гранта» (по Жюлью Верну), и академика Шмидта, да и то не как ученого, а как героя полярной экспедиции на пароходе «Челюскин».

И не в 1930 г., а даже в 1950 г., когда я, выпускник самого престижного в стране Института международных отношений, отчаявшись поступить офицером в армию (ее тогда как раз сокращали), поступил в аспирантуру Института истории АН СССР, на меня обрушился град презрительных насмешек. Наиболее удачливые пошли в дипломатию, референтами в ЦК КПСС или в Совет Министров (для меня эта дорога была изначально закрыта, т.к. я был социально ущемлен: мой отец и отец моей жены подвергались репрессиям, а это «черное пятно» автоматически означало дискриминацию). Наименее удачливые — корреспондентами в газеты и на радио. Но чтобы в науку? Это было хуже худшего.

Сталин сделал гениальный (для себя лично) ход.

Во-первых, он разгородил единую по своему характеру науку непроходимой стеной на академическую (самую престижную и высокооплачиваемую), университетскую и отраслевую (с наиболее многочисленным персоналом: при отдельных министерствах). В академиях были сосредоточены фундаментальные, отчасти прикладные исследования и отчасти подготовка научных кадров. В университетах наука была низведена на чисто вспомогательную роль дополнительного способа подготовки научных кадров: надо было готовить миллионы дипломированных специалистов, учебная и методическая нагрузка профессуры возросла до стольких часов в год, что собственно научная работа практически исключалась. Перед отраслевой наукой была поставлена задача возможно быстрее и дешевле доводить до массового производства опытные образцы (обычно пиратски «заимствованные» из-за рубежа, поскольку авторитета патентов, лицензий, вообще авторского права советская практика, как известно, не признавала), так что собственно наукой тут тоже не пахло.

Во-вторых, он установил иерархию научных чинов, полностью скопированную с военной. В науке появились свои сержанты — лаборанты трех разрядов, лейтенанты — младшие научные сотрудники без ученой степени тоже трех разрядов, капитаны — младшие научные сотрудники со степенью кандидата наук, майоры — старшие научные сотрудники с той же степенью, подполковник, полковник — доктор наук он же, но еще и со званием профессора, генерал-майоры — члены-корреспонденты так называемых «малых академий» (республиканских и отраслевых — медицинских, педагогических, сельскохозяйственных наук и др.), генерал-лейтенанты — члены-корреспонденты «Большой академии» — Академии наук СССР, генерал-полковники — действительные члены «малых

Академий», наконец, четырехзвездные генералы армии — академики «Большой академии».

В Вооруженных Силах СССР, как и сегодня в России, положение младших офицеров (лейтенанты, капитаны) отличается от положения унтер-офицеров (сержанты) и тем более солдат, как небо от земли: все три категории питаются отдельно и, понятно, по-разному; одеваются тоже по-разному; наконец, солдаты обязаны безропотно прислуживать сержантам, а те — офицерам. В свою очередь, положение старших офицеров (майоры, полковники) точно так же отличается от младших, а генерал для остальных — вообще царь и бог, с практически безнаказанным диким произволом, вплоть до строительства себе дачи за казенный счет силами солдат.

Такие же порядки со временем установились в науке. Звание и должность младшего научного сотрудника даже без ученой степени автоматически давали зарплату, вдвое превышавшую среднюю зарплату квалифицированного рабочего. Но за это он обязан безропотно выполнять все поручения «старшего» — вплоть до писания текстов под фамилией последнего. Кандидатская степень автоматически удваивала зарплату, докторская — удваивала еще раз. Звание академика удваивало еще раз. При этом привилегии последнего уравнивались с генеральскими: ему автоматически предоставлялась огромная квартира, столь же огромная дача (практически то и другое — в частную собственность с передачей по наследству), служебная автомашина с шофером, другая, похуже, — для жены, возможность приобретать продукты и одежду в «спецмагазине» по льготным ценам, наконец, верх почестей — обязательная статья в энциклопедии (с фотографией — для действительного члена «Большой академии», без — для члена-корреспондента) и гарантированное место на «спецкладбище» с похоронами за государственный счет.

И все это — без малейшей связи с научной продуктивностью ученого, только в соответствии с его должностью и рангом. Удивительно ли, что в науку хлынули привлеченные такими сказочными перспективами сначала тысячи, потом и сотни тысяч людей, напрочь лишенных, за редким исключением, способностей не только генератора, аниматора, модератора, организатора, репродуктора, но даже сколько-нибудь добросовестного разработчика или вспомогательного работника? Численность одних только научных кадров быстро дошла до полутора миллионов человек (четверть всех научных работников мира!), со вспомогательным и обслуживающим персоналом превысила 5 миллионов, сравнявшись с армией, милицией и КГБ, вместе взятыми. А по научной эффективности (если верить так называемому «цитатному индексу», показывающему, насколько заинтересовали мировую науку новые знания, добытые тем или иным автором) советская наука осталась на уровне стран, где научных работников в десятки раз меньше.

Это объяснялось третьим нововведением Сталина: порядком прохождения научной карьеры. Чтобы стать кандидатом и тем более доктором, требуется защитить диссертацию, на подготовку которой уходили годы и годы (в среднем, соответственно 3 и 10 лет) — самые продуктивные годы жизни ученого. Теоретически каждая диссертация должна свидетельствовать о «генераторских» способностях диссертанта. Практически диссертант оказывается лицом к лицу с ученым советом, в котором преобладают люди, напрочь лишенные таких способностей и очень

ревниво относящиеся к соперникам. Перед ним открывается дилемма: либо попытаться сказать какое-то новое слово в науке — и почти наверняка оказаться забаллотированным при тайном голосовании членами ученого совета, уязвленными своим комплексом неполноценности (на моих глазах жертвами такой наивности пали десятки коллег), — либо дать более или менее откровенную имитацию научной работы, задоблив членов ученого совета своей непритязательностью, разными подарками и обязательным банкетом после успешной и даже неуспешной, но могущей быть повторенной, защиты. Как вы думаете, какой вариант выбирали 99 из каждых 100 диссертантов? Кроме того, быстро нашлись сообразительные люди, которые за три месяца готовы были написать любую кандидатскую диссертацию, а за шесть — докторскую. За плату, примерно равнозначную соответствующим количествам месячных зарплат будущего кандидата или доктора.

После успешной защиты новоиспеченный кандидат или доктор мог до самой пенсии исправно получать зарплату, ровно ничего не делая (многие так и поступали), целиком перепоручая свои обязанности не имеющим ученой степени. Догадываетесь, какая огромная притягательная сила возникла для сотен тысяч абсолютно не способных к науке людей, рвавшихся в научные учреждения сквозь столь же огромные конкурсы? Догадываетесь, сколь катастрофически это должно было отражаться на собственно науке?

Но это еще не все. Те, кто достиг степени доктора и звания профессора, тоже делились на два негласных разряда: те, кто получал возможность выставить свою кандидатуру в члены-корреспонденты и далее в действительные члены академии, и те, кто такой возможности не имел. Судьба выдвижения решалась тайным голосованием все того же ученого совета, а судьба того, кто выдвигался, — тайным голосованием двух десятков членов соответствующего отделения академии. Ни там, ни там вовсе не нужны яркие фигуры, оттеняющие серость голосующих. И там, и там, по русской пословице, рыбак рыбака видит издалека. Естественно, в дело вступают протекция, взятки, борьба научных кланов, стремящихся «протащить» своего кандидата, — все прелести теневой экономики. Удивительно ли, что наука отходит на задний план перед научным политиканством, целиком поглощающим время на протяжении многих лет, что пробиваются наверх, как правило, люди соответствующего менталитета и психологии, тут же начинающие подбирать приспешников по своему образу и подобию, что Академию наук все чаще именуют «академмафией»?

Добавьте к этому, что в организации науки господствует не проблемный, а дисциплинарный подход. Каждый институт монополизует «свою» науку, каждый его отдел и сектор — «свою» отрасль и подотрасль науки. И свирепо душит каждого «аутсайдера», вздумавшего посягнуть на монополию, выдвигая новые идеи. В. Ленин когда-то справедливо писал, что «всякая монополия есть неизбежное загнивание». Организация советской науки блестяще подтвердила этот тезис.

Добавьте к этому, что львиная доля расходов на науку была сосредоточена в военно-промышленном комплексе. Именно там были лучшие кадры и лучшее оборудование. Именно поэтому наивысший престиж имели физики, химики и биологи, за спинами которых маячили все

более грозные виды оружия массового уничтожения. На «гражданскую» всегда оставались сравнительно жалкие крохи.

Добавьте к этому, что все общественные науки вообще были превращены в квазирелигию и почти все, создававшееся там, сегодня напоминает записки из сумасшедшего дома. Но и в прежние времена заказчики и исполнители хорошо знали истинную цену соответствующих произведений и нисколько не удивлялись, что за «железным занавесом» никто не интересуется ими, никто не дает за них ни Нобелевских, ни каких-либо других премий, означающих признание, мировой научной общности.

Хуже всего, что у советской общественности годами и десятилетиями вырабатывалось равнодушие к такой науке. А у власть имущих — вполне оправданное презрение к людям, которые пишут все, что им прикажут, выдавая написанное за науку, которые раболепно дают чин и должность «старшего» безо всякой ученой степени любому отставному сановнику, который пожелал быть сосланным не послом, а в научный институт. Которые столь же раболепно принимают к защите любой лепет, написанный сановником или его подчиненными. И, конечно, никто не осмеливается подать голос «против» — ни явно, ни тайно. Наконец, которые столь же раболепно вплоть до сего дня выбирают членами академии любого высшего государственного деятеля, который не побрезгует таким раболепством (Ельцин и Гайдар — побрезговали, многие другие — нет). Лакеев презирают всюду. Лакеев в науке — тоже.

И вот в конце 1991 г. произошел обвал: начался распад Советского Союза, резко ускорилось падение производства в советской экономике, стало все труднее сводить концы с концами даже при лавинообразном росте огромного бюджетного дефицита. Пришлось существенно урезать расходы даже на весьма уважаемую в глазах начальства армию. Как вы думаете, могла ли обойти эта беда стороной презренную в глазах начальства науку? Нет, конечно. И обрушилась на науку беспощадно. Значительную часть необходимого для научных исследований выписывали из-за границы на конвертируемую валюту. Ныне, в связи со все более острой нехваткой оной, это почти прекращено. Остались практически безоружными сотни научных коллективов. Очень важную роль играла зарубежная научная периодика и командировки научных работников за рубеж: ведь это единственный способ приобщения к мировой науке, чтобы держаться на уровне мировых стандартов. Теперь это тоже прекращено, за исключением присылаемого из-за рубежа даром или поездок за счет приглашающей стороны. Полутора миллион человек и втрое большему числу их obsługi осталась «видимость работы за видимость зарплаты». Как заведующий сектором академического института, я получаю сегодня меньше, чем как «средний» пенсионер за выслугу лет — вдесятеро меньше профессуры в негосударственных платных университетах, в десятки раз меньше, чем в коммерческих структурах.

Удивительно ли, что все наиболее конструктивное, все наиболее ценное в науке десятками тысяч побежало в коммерческие структуры и, ному повезло, в университеты любых стран, от США до Китая и Ирака включительно? По социологическим опросам, до 80—90% «активных» (т.е. сколько-нибудь ценных) ученых предпочли бы эмигрировать при первой к тому возможности. Там, где реально, — например, в математике — 80%

желающих так и сделали. Мировая общественность забеспокоилась только тогда, когда открылась возможность использовать труд советских физиков, химиков, биологов для создания оружия массового уничтожения тоталитарными режимами в Африке и Азии. Мало кого волнует то обстоятельство, что когда из науки сбегут все способные к научной работе (вообще к эффективной работе) и останется лишь миллион с лишним «околонаучной» публики, фактически почетных пенсионеров государства, — наука умрет, сколько бы рублей или долларов в нее ни поспешили влить. И потребуются годы, может быть, даже десятилетия, прежде чем ее удастся возродить на качественно новой основе.

Вы, может быть, думаете, что что-нибудь изменилось в сфере науки по сравнению с описанным выше? Вот отрывок из недавней статьи одного научного обозревателя в одном московском еженедельнике: «... Не одни экономические тяготы осложняют положение науки в постперестроечной России. За долгий период тоталитаризма наука обросла таким количеством тяжелых недугов, что, даже если бы на нее сегодня пролился золотой дождь финансирования, значительные результаты, видимо, остались бы недостижимой мечтой. И главное препятствие — обюрокрачивание научного сообщества. Власть захватили «генералы» от науки, пробавляющиеся трудом зависимых от них талантливых ученых».

Заметьте, обо всем этом пишется мельком, без нотки трагичности, как о чем-то само собой разумеющемся. Неужели нельзя ничего поделать? Нет, почему же. Ведь в данном отношении не надо изобретать никаких велосипедов. Надо лишь последовательно, шаг за шагом идти от «казарменного социализма» в организации науки к мировым, проверенным стандартам, о которых упоминалось в начале лекции. К университетской автономии, в рамках которой оптимально сочетаются фундаментальные и прикладные исследования, а также опытные разработки. К научным школам, позволяющим готовить научные кадры на действительных исследованиях, а не на чисто имитационных, псевдонаучных диссертациях. К академиям наук, представляющим собой действительные научные общества, а не квазимафиозные структуры бюрократизации науки. В России для этого есть все потенциальные возможности.

Лекция 19

ПРОГНОЗЫ В СФЕРЕ СОЦИОЛОГИИ МЕДИЦИНЫ

На протяжении десятков тысячелетий жизни рода гомо сапиенс смертность людей (особенно детей) была очень высокой. Средняя продолжительность жизни не превышала 20—30 лет. Это означает, что подавляющее большинство умирало до достижения брачного возраста. Нередко двое из каждых четырех родившихся умирали в детстве, а еще один — подростком. Бывали случаи, когда от эпидемии погибало до 3/4 населения нескольких стран Европы. Все это имело место и в России.

Но существовал и механизм, который позволял человечеству выживать в самых тяжелых условиях. Это был механизм естественного отбора: из всех родившихся детей выживали и воспроизводили потомство только самые здоровые, которые передавали свои гены по наследству следующим поколениям. Кроме того, существовали традиции, обычаи здорового образа жизни. Наконец, существовала народная медицина и ее носители —

народные лекари, знания которых тоже передавались из поколения в поколение. В Советском Союзе, как уже говорилось, эта система продержалась до середины 50-х гг.

Массовый переход от традиционного сельского образа жизни к современному городскому в конце 50-х — начале 60-х гг. окончательно разрушил эту систему. Люди оказались во власти государственной системы здравоохранения, которая была такой же экстенсивной и утопичной, как и все остальное в странах «казарменного социализма». Предполагалось, что каждый заболевший может бесплатно получить консультацию врача, бесплатно лечиться в клинике или больнице, по символическим ценам покупать лекарства. Для этого подготовили вдвое больше врачей на каждую тысячу человек населения, чем в США, построили больниц на примерно такое же количество коек. Однако при массовом выпуске большинство врачей оказались посредственными или даже вовсе никудышными. Их зарплата из скудного государственного бюджета не превышала мизерную зарплату учителя или инженера и совершенно не зависела от качества и результатов их труда. Поэтому они, как и все, часто лишь имитировали труд врача. Кроме того, в их распоряжении было мало медицинского оборудования и хороших лекарств. Поэтому вдвое большее число врачей «пролечивало» за год вдвое меньшее, чем в США, число больных. Хорошее медицинское обслуживание, как и любое другое обслуживание, сделалось дефицитным, с далеко идущими негативными социальными последствиями.

Прежде всего, резко — во много раз — возросла заболеваемость. Точнее, обращения за медицинской помощью. Тому было сразу несколько причин.

Во-первых, раньше многие просто не обращались к врачу — не имели такой возможности. Терпели. Умирали. Использовали народные средства. Подумать только, такие сравнительные пустяки сегодня, как, скажем, аппендицит или воспаление легких, вполне могли означать смертный приговор. Страшную зубную боль приходилось смягчать разными травами и ждать, пока пройдет, либо рвать зуб подручным инструментом. Месяцами переносить непереносимую боль без всяких обезболивающих средств. В российской деревне это было типично вплоть до 50-х годов.

Во-вторых, исчез эффект естественного отбора. Рожали уже не десяток, а двух-трех, все чаще одного. И выживал не самый здоровый, а тот, чьи родители оказывались ближе к лучшим медицинским учреждениям. И передавал свои далеко не лучшие гены потомству. Генетики сразу замечают в подобных случаях существенное ухудшение генофонда от поколения к поколению. Понятно, более хилое потомство чаще оказывается в очереди к врачу.

В-третьих, ослабел спасительный щит вековых ритуалов, традиций, обычаев. Не стало массового продолжительного физического труда на воздухе — резко возросло количество заболеваний от сидячего образа жизни в помещении. Не стало религиозных ограничений в пище (посты и пр.) — каждый второй стал набирать к своим тридцати годам «избыточный» вес, а вместе с ним — кучу болезней. Стало массовым курение (в СССР 80-х годов, как в США 20-х— 30-х гг., курит до трех четвертей мужчин и до трети молодых женщин) — пошла лавиной заболевания от прямых и генных последствий курения. Стало повальным пьянство — еще одна лавина заболеваний от него. Наконец, началось (только еще началось!) массовое

потребление сильных наркотиков. В России 80-х гг. счет наркоманам шел на тысячи, а к середине 90-х их насчитывалось уже более полутора миллионов. Разумеется, еще одна лавина заболеваний.

В-четвертых, массовая неблагополучная семья и школа-казарма, с ее постоянным массовым стрессом, усилили подрыв генофонда. К своим десяти-пятнадцати годам в ней половина детей становится невротиками, две трети — аллергиками, четыре пятых имеют серьезные проблемы со зрением, позвоночником, ухом-горлом-носом. И все это, разумеется, сказывается на общих масштабах заболеваемости, тоже передается потомству.

В-пятых на людей с детского возраста обрушивается загрязнение окружающей среды. Они дышат едва ли не боевыми отравляющими веществами, пьют болезнетворную воду, едят напичканные нитратами продукты, их миллионами поражает радиация (один Чернобыль в этом отношении чего стоит!), разрушает организм чрезмерный шум. И все это — по нарастающей, с тяжелейшими последствиями для здоровья практически каждого человека.

В-шестых, патриархальный образ сознания и поведения, натолкнувшийся на современный транспорт, современную промышленность и современный электрифицированный быт, да еще усиленный повальным пьянством, дал поистине смертоубийственные результаты. В России вдесятеро меньше автомашин, чем в США, и ездят они по скверным дорогам втрое медленнее. А число убитых и раненых на автодорогах примерно одинаково (в немалой степени по вине пьяных водителей или пешеходов). А уж сколько падает (пьяных) с балконов, замерзает в сугробах, тонет в реках и озерах, гибнет от пожаров (в том числе после стакана водки заснувшим с зажженной сигаретой в постели) — не сосчитать. И все, кто не гибнет, в большинстве своем оказываются в очереди у врача.

В-седьмых, раз больному платят из того же государственного кармана фактически ту же зарплату, что и работающему, да еще безо всякого риска потерять рабочее место, почему же не симулировать болезнь и не отдохнуть неделю-другую или даже в месяц-другой за государственный счет? Многие так и делают. Конечно, не всякий врач поверит на слово и выпишет справку о болезни «просто так». Но, напомним, у врача — мизерная зарплата, и для него всякое даяние — благо. Стесняется брать деньгами — можно подарить ему скажем, вазу (у моих знакомых врачей десятками ваз уставлена вся квартира) или просто бутылку дорогого вина — в России это разновидность конвертируемой валюты, которой можно оплатить практически любую услугу. Здесь нашлась «ахиллесова пята» бесплатной медицины. Именно здесь была потеряна коррупционная девственность врача, и взятки постепенно сделались системой, формально бесплатная медицина — фактически очень даже платной.

Все это, вместе взятое, привело к типичной массовой картине: несколько десятков человек по полдня сидят в очереди к врачу только для того, чтобы в течение буквально пяти-десяти минут, после самого беглого осмотра, получить справку о болезни, освобождающую от работы, и рецепт на лекарства, с которым еще час-другой надо стоять в очереди в аптеке. Если занемог серьезно — надо целый день ждать врача в постели, после чего повторяется та же процедура, только в очередь за лекарствами идут обычно родственники больного. Если положение еще серьезнее, надо

несколько дней, нередко несколько недель, а иногда и месяцев ждать освободившейся койки в переполненной, как правило, больнице. И оказаться, в конце-концов, в вонючей, стонущей, храпящей палате на десяток-другой больных. Но самое огорчительное, конечно, невнимательность и грубость врача, всего обслуживающего персонала, которую приходится преодолевать беспрерывными взятками. И, разумеется, отсутствие уверенности в правильном диагнозе и лечении, т.е. в качестве медицинского обслуживания. Их (уверенность и качество) тоже приходится покупать крупными взятками, которые просто не по карману рядовому рабочему или служащему.

Понятно, все это никоим образом не может устроить власть имущего чиновника и тем более всевластного сановника из номенклатуры, включая, само собой разумеется, его семью. Специально для этой категории населения была создана иерархия «спецполиклиник» и «спецбольниц». Как работает эта иерархия на самом нижнем, самом скромном уровне, можно показать на примере поликлиники и больницы моей родной Академии наук СССР, пациентом которых я являюсь более 50 лет.

Пока я был рядовым научным сотрудником (даже кандидатом наук), я должен был обходиться «общей» поликлиникой, «общей» палатой в больнице и «общей» аптекой моего ведомства. Конечно, везде были очереди, но несравнимые с обычной районной поликлиникой и больницей: сидеть к врачу надо было не полдня, а от силы час-другой, в аптеке — тоже, палата не на 24 человека, а всего на 4 — важное преимущество! Как только мне вручили аттестат доктора наук (их тогда на весь СССР насчитывалось всего несколько тысяч, в том числе Москве лишь часть из них, и далеко не все — в системе Академии наук), меня автоматически перевели в «спецполиклинику» со «спецаптекой», где сидеть или стоять в очереди надо было намного меньше часа, а в больнице я получил право на одиночную «спецпалату», если место было свободным. А после лечения получал возможность отдохнуть в «спецсанатории» Академии наук. Кроме того, только начиная с этого уровня, для меня и членов моей семьи проводилось ежегодное бесплатное обследование практически всеми врачами (диспансеризация). Но если следом за мной приходила к врачу жена, мать или дочь члена-корреспондента, я обязан был уступить ей очередь, даже если умирал от боли. Но и ее без церемоний отстраняли, если следом подходил самолично какой-то другой член-корреспондент. В свою очередь, ему приходилось уступать дорогу члену семьи академика, а тому — какому-то академику собственной персоной. И только академики сохраняли право самолично занимать одноместные палаты-апартаменты с прихожей, телефоном, персональной ванной и туалетом в «спецотделении» больницы. Если в такую пустую палату помещали какого-то «члена семьи» — его беспощадно выбрасывали в общую палату, когда надо было освобождать место для «члена академии».

Добавим, что вся эта трагикомическая система в полном объеме существует поныне. Добавим, что полностью аналогичная система существует по всем без исключения ведомствам сохранившейся иерархии чиновников. Вряд ли стоит добавлять, что в глазах людей она представляет огромную ценность, которую, при иных условиях, приходится покупать ценой колоссальных взяток, доступных только теневым и открыто мафиозным структурам. На самом верху этой иерархии возвышалось так

называемое «4-е управление Министерства здравоохранения». Чем занимались первые три и следующие за 4-м управлением — не интересовался никто. Но все в стране знали, что в многочисленных клиниках, больницах и санаториях этих управлений, рассчитанных всего на несколько тысяч высших сановников государства, их секретариат и членов их семей, уровень медицинского обслуживания максимально приближен к западным стандартам. По всем параметрам — начиная с квалификации персонала и кончая питанием. Резкий контраст с убожеством всего остального вызвал к «4-му управлению» страстную ненависть населения всей страны. Пришлось его формально упразднить, но фактически эта система, конечно же, осталась, потому что невозможно вообразить не только Ельцина или его жену (даже опального и отставленного Горбачева), но и последнего из его секретарей, стоящих в очереди к врачу в «общую» поликлинику или лежащих в «общей» палате на 12 коек.

Вот уже несколько лет, как вся система здравоохранения — подобно всем остальным отраслям общественного производства — одновременно и находится в состоянии полного развала, и сохраняется, как ни в чем не бывало, в прежнем состоянии (такие чудеса случаются только с реализованными утопиями). С одной стороны, полностью сохранились старые порядки формально бесплатной, а фактически «полутеневой» государственной системы здравоохранения. С другой, как грибы после дождя, появляются медицинские «кооперативы» и «частники», которые за большие деньги вполне легально предлагают услуги на уровне «спецполиклиник» и «спецбольниц». Именно в них сосредотачиваются лучшие медицинские кадры, лучшая техника, создаются лучшие условия лечения. И я, и мои коллеги, при всех наших «спецпривилегиях», обращаемся теперь именно сюда, когда возникает какая-то серьезная проблема со здоровьем. Но это может позволить себе только более или менее состоятельное меньшинство — при любых допущениях, не больше четверти, максимум трети населения. Подавляющее большинство даже помыслить о такой роскоши не может и обречено пользоваться только государственными медицинскими учреждениями, уровень обслуживания в которых становится все хуже по мере ухода из них лучшей части персонала, нарастающих трудностей с оборудованием, с приобретением лекарств (значительная часть которых покупалась и покупается за рубежом), даже просто с питанием больных и ухода за ними. Меж тем общие рубежи, на которые должно выходить здравоохранение, предельно ясны, поскольку не выходят за рамки общепринятых мировых стандартов. Безусловно должна сохраниться сеть бесплатных или сравнительно дешевых медицинских учреждений — для малоимущих. Но персонал там не должен получать мизерную зарплату и целиком зависеть от поборов со своих клиентов. Во всем мире эту подсистему поддерживает церковь, которой помогают другие благотворительные организации или даже отдельные лица. В России разрушено дотла несколько сот монастырей. Почему бы не восстановить некоторые из них в качестве бесплатных Госпиталей Милосердия или Домов Призрения для хронических больных и инвалидов? Уверен, в такой богоугодной акции помогли бы не только российские, но и зарубежные спонсоры. Пытался выступить с такой инициативой, но поддержки пока не получил.

С другой стороны, должна получить возможно более широкое распространение сеть платных медицинских учреждений — от сравнительно недорогих до очень дорогих, на вкус и кошелек каждого. Дело в том, что человек вообще и советский человек в особенности склонен полагать, что бесплатное, мягко говоря, — не синоним лучшего. И если есть средства, психологически предрасположен скорее заплатить за услугу с гарантией более высокого ее качества, чем воспользоваться аналогичной услугой без подобной гарантии. Правда, для оплаты дорогостоящих медицинских услуг у него не всегда находятся достаточные сбережения. Но это беда поправимая, средство от нее давно найдено: страховая медицина. Плати ежемесячно какие-то отчисления в страховой фонд — и сообразно их величине в случае необходимости получишь тот или иной уровень обслуживания. Совсем как при аварии автомобиля, который многими сегодня ценится выше собственного здоровья и заботливо страхуется «на всякий случай».

Кроме того, обязательно должен существовать семейный врач, который годами знаком с членами семьи, хорошо знает особенности состояния их здоровья, может дать дельные советы по профилактике заболеваний, эффективно организовать их лечение, а в более сложных случаях — выступить незаменимым консультантом специалиста. Разумеется, его услуги нужно оплачивать тоже легально, а не посредством конфузливых взяток, как нередко сейчас. Здесь тоже в поле зрения нет ничего более рационального, кроме соответствующих выплат из страхового фонда, плюс фиксированных небольших, пусть даже чисто символических, доплат наличными: это очень помогает нормализации отношений при современном менталитете людей.

Наконец, не забудем о культуре питания, одежды, жилья, физической культуре в самом широком смысле слова, о здоровом образе жизни, народной медицине и других резервах здравоохранения, которые могут играть видную роль в скорейшей нормализации положения.

Все это ясно. Неясно только одно: как конкретно переходить от существующего патологического положения к желательному, нормальному (и это относится, понятно, не только к сфере здравоохранения). Если оставлять все, как есть, — так и будет продолжаться погружение тонущего корабля реализованной утопии, на сей раз в сфере здравоохранения, в пучину полного развала и хаоса. Если разом перейти от патологии к норме — начнется хищничество первоначального накопления капиталов при условиях все более острого дефицита медицинских услуг, причем полностью за бортом системы платного здравоохранения окажется подавляющее большинство населения страны: оно ведь до сих пор не вносило страховые взносы на эти цели, и за несколько лет не способно создать фонды, достаточные для независимости от государственных дотаций. Остается, как и всюду, искать оптимум, стараться проплыть между Сциллой и Харибдой, не разрушая преждевременно ничего конструктивного из структур, пока не появится реальная возможность заменить их новыми, еще более конструктивными, последовательно созидая одну за другой такого рода структуры.

Понятно, многое тут зависит от культуры людей, в том числе и от эффективности учреждений культуры.

Лекция 20

ПРОГНОЗЫ В СФЕРЕ СОЦИОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ

В сентябре 1996 г. студентам и аспирантам Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов мною был прочитан курс лекций «Перспективы развития культуры в проблематике социального прогнозирования», изданный по стенограмме тем же университетом в 1997 г. Ниже — разумеется, в сокращенном виде и с поправками на прошедшие годы — излагаются основные положения данного спецкурса.

Термин «культура» имеет еще большее значений, чем «наука». Начиная от синонима «цивилизации» и кончая высшим уровнем достижений в какой-нибудь области. Обычно этот термин употребляют в России с эпитетами «физическая», «бытовая» и «художественная». В первом случае речь идет о культуре здоровья, во втором — о культуре питания, одежды, жилища, общения, иногда также знаний и труда, в третьем — о литературном, сценическом, музыкальном, изобразительном и архитектурном искусстве. Когда нет эпитетов, обычно имеются в виду учреждения культуры — в отличие от учреждений сфер управления, обслуживания, образования, здравоохранения и др.: книжное, журнальное, газетное дело, телевидение и радио, кинематограф и театр, клуб, музей, общественная библиотека, парк культуры, спортивно-туристские учреждения и т.д. В этом круге понятий нам и предстоит разговор о кризисе культуры в России.

До 1917 г. каждый из народов, населяющих Россию, имел собственную тысячелетнюю культуру. Она восприняла многое из культуры племен, обитавших здесь издревле и растворившихся в существующих национальностях. Кроме того, славянские и угро-финские народы России восприняли многое из культуры Византии, тюркские — из культуры Арабского халифата, буряты — из культуры Тибета и Монголии. Имело место, конечно, и другое сильное влияние извне, и взаимопроникновение культур. Кроме того, с XVII и особенно с XVIII века на Россию оказала сильное влияние западноевропейская культура (прежде всего, германская, затем французская). Под этим влиянием, как и в других странах мира, сформировалась так называемая «высокая», или государственная, культура России. Она существенно отличалась от «низкой» («народной», «фольклорной») даже у русских, украинцев, белорусов, не говоря уже о других народах, хотя, безусловно, имела сильные народные корни.

Это относилось и к физической, и к бытовой, и к художественной культуре, и ко всем без исключения основным типам учреждений культуры.

Так, существенно различались культурные стереотипы питания, одежды, интерьеры жилища у высших классов общества и у «простолюдов». Литература и фольклор. Театр и народные увеселения. «Высокая» и «фольклорная» музыка. Живопись и народное прикладное искусство. Городская (включая особняки помещиков) и крестьянская архитектура.

Книги существовали, в основном, только для «высокой» культуры. В избе, хате, сакле для них просто не было места. На десятки миллионов российских семей даже к 1917 г. существовало всего несколько десятков тысяч, обладавших домашней библиотекой на тысячи книг, несколько сот тысяч — на сотни книг, несколько миллионов — на десятки книг, в

остальных (да и то не всегда) могло случайно оказаться несколько книг или даже всего одна. В расчете на такую структуру аудитории строилась политика книгоиздательства: тираж в несколько тысяч экземпляров для «элитного» читателя, в несколько десятков тысяч — для «широкого», в сотню-другую тысяч — для самого «массового». Эта политика в полной мере сохранялась до качественного видоизменения издательского дела в 1991 г., хотя с 60-х гг. сделалась явным анахронизмом.

Журналы тоже, за редкими исключениями, издавались в расчете на несколько тысяч подписчиков. С ними обращались как с книгами: переплетали, ставили в шкаф, перечитывали годами. И их тоже постигла судьба книг — только еще более трагичная.

Газеты тоже издавались в расчете на «избранную» публику. По инерции они и до сих пор, как правило, появляются в виде обширной «простыни», которую можно развернуть за утренним кофе и час-другой неторопливо читать. Отчасти именно поэтому судьбе их в круто изменившихся условиях трудно позавидовать.

Радио по-настоящему стало в России средством массовой информации только в 30-х годах, телевидение — в 50-х, кинематограф был до 20-х гг. скорее развлекательным аттракционом. Зато театр представлял собой сугубо элитарное учреждение культуры, резко отличное от современного. В него съезжались завсегдатаи, составлявшие костяк зрительного зала, хорошо знавшие актеров и большей частью знакомые друг с другом. Съезжались к шести вечера, чтобы разъехаться за полночь и успеть посмотреть за это время пять актов театрального действия с четырьмя антрактами, в которых можно было не спеша побеседовать в театральном буфете, да еще добавить такие же собеседования до зрелища и после. Ничего удивительного, что роль такого театра в культуре города была огромной.

В точности таким же элитарным учреждением культуры был клуб. Его главная функция состояла в гарантии содержательного общения с людьми своего круга, напрочь исключая неприемлемую для тебя публику. «Простонародье» в клубы не допускалось (хотя стали появляться первые рабочие клубы). У него были свои собственные тысячелетние «клубы» по интересам, и нам еще предстоит вернуться к ним, потому что, возможно, именно им уготована роль спасителя гибнущих сегодня учреждений культуры.

Музей большей частью представлял собой «кунсткамеру» с одной-единственной функцией — демонстрировать предметы художественного или прикладного искусства либо разные диковинки былых времен. Там обычно бывало очень мало посетителей, и в этом смысле его тоже можно отнести к элитарным учреждениям культуры. Вряд ли намного больше посетителей бывало и в общественных библиотеках.

Пожалуй, единственным учреждением культуры, выходившим далеко за «элитарные» рамки, являлся городской парк, игравший в культуре практически каждого города огромную роль, несопоставимую с мизерной современной. Это был своего рода городской «клуб под открытым небом», где часто общались на прогулках — каждый в своем кругу — жители всех сословий. Что касается массового и тем более зрительского спорта, то он в те времена еще только зарождался. Хотя существовали некоторые аналоги сегодняшних футбола и хоккея, бокса и т.п., например, массовые драки «стенка на стенку» по определенным дням с тысячными толпами зрителей.

За истекшее столетие каждое из перечисленных учреждений культуры сделало головокружительную «карьеру» и во второй половине XX века раньше или позже попало в кризисную ситуацию, которая сменилась к 90-м гг. более или менее катастрофичной. Из нее надо искать и находить выход под страхом полной культурной деградации общества.

Книги постепенно стали повальной модой, наподобие кошек или собак. Каждый хотел, чтобы его квартира выглядела «интеллигентно», и стремился украсить полки корешками наиболее престижных изданий. Мода сделалась просто поветрием, когда семьи стали в массовом порядке получать отдельные квартиры и появилась современная мебель («стенки»), которая плохо смотрится без книжных корешков. Начался ажиотаж, невиданный нигде в мире. За сравнительно короткий срок советские семьи растащили по своим квартирам свыше 35 млрд. томов (для сравнения: в общественных библиотеках, доступных каждому, собралось лишь около 5 млрд. томов). Тем не менее, книжный «голод» рос, и книготорговля быстро превратилась в одну из отраслей теневой экономики со своей собственной мафией. И вот, наконец, в 1991 г. государственная монополия на торговлю книгами рухнула. На улицах появились тысячи предпринимателей-лоточников. Книжный дефицит в мгновение ока исчез. Стало возможным купить любую книгу, но за бешеные деньги, по ценам прежнего «черного» рынка. Кроме того, на рынок хлынуло легкое чтиво, круто одобренное «романами ужасов», эротикой и откровенной порнографией. Торговля серьезной литературой оказалось полностью дезорганизованной и теперь медленно воссоздается по крупицам, но уже «снизу», на частной основе.

Журналы в 20-х—80-х гг. набирали все большую популярность и достигли миллионных тиражей. Правда, их редко кто хранил дома, как в старые времена: стало негде и незачем. Выбрасываемые после прочтения, они превратились в «литературу одноразового пользования», наподобие газет. Апогей их популярности пришелся на годы горбачевской перестройки (пик в 1988—1990 гг.), когда советские люди стали узнавать, что именно с ними произошло, происходит, будет происходить и должно бы происходить, из статей внезапно неведь откуда взявшихся безвестных прежде оракулов, главным образом, экономистов, отчасти историков и только что начавших тогда появляться самозванных политологов (самозванных, потому что их никто не готовил: политология, подобно социологии, футурологии и многим другим наукам, была полулегализована, т.е. уже не запрещена, но еще академически не сформирована и в университетах не преподавалась). Эти несколько десятков авторов стали в одночасье — правда, в разной степени — более знаменитыми, чем самые популярные кинозвезды. Но к 1991 г. их анализ прошлого надоел, их диагноз настоящего во всех без исключения случаях скандально разошелся с действительностью, а их прогноз будущего — как ожидаемого, так и особенно желаемого — устаревал и еще более скандально оказывался несостоятельным, уже когда читатель раскрывал журнал.

Это был первый удар. Вторым явились растерянность и долгое замешательство ста тысяч официальных и неофициальных писателей, которые заполняли своей продукцией страницы художественной части журналов. Когда рухнула цензура, внезапно обнаружилось, что «на свободе» им не о чем писать, что они не умеют новаторски художественно осмысливать происходящее так, чтобы это было интересно массовому

читателю. Два-три года журналы еще держались перепечаткой запрещенного ранее, изданного за рубежом. Когда этот источник оказался исчерпанным, обнаружился вакуум, не заполненный до сего дня.

Третий удар касался материальной базы журналов. В СССР существовало 300 тыс. общественных библиотек, которые в обязательном порядке за государственный счет выписывали те или иные журналы и тем самым автоматически обеспечивали их существование независимо от популярности у читателей. Этот источник рухнул вместе с цензурой и дальнейшее существование стало целиком зависеть от подписки. Меж тем цена бумаги, типографские расходы и особенно стоимость доставки возросли. Настолько — точнее, во столько десятков раз, — что цена одного номера журнала оказалась сопоставимой с ценой довольно ценной книги на книжном рынке. Это окончательно доконало журнальное дело, отодвинуло журналы с переднего края далеко на периферию общественной жизни. И пока неясно, когда и как журналы вернутся хотя бы к статус-кво ante 1985 г.

Не меньшую популярность в 1988—1990 гг. получили газеты. Но их подкосили три удара совершенно с другой стороны. Во-первых, появились сотни, если не тысячи, новых изданий, которые подорвали монополию прежних, а вместе с ней привычку массового потребителя выписывать или покупать «свою» газету, какой бы скучной она ни была. Во-вторых, цена выпуска газеты взметнулась до неба и оказалась психологически неприемлемой для массового читателя. В-третьих, как это ни странно для западного читателя, газету доконала конкуренция с радио и ТВ, точнее, бесконечные выходные и праздники.

Дело в том, что советских людей с годами постепенно охватила эпидемия праздничного безделья. Больше всего на свете они ценят возможность часами и даже сутками пустословить за праздничным столом, каким бы скучным тот ни был. Достаточно сказать, что в условиях полного развала экономики на рубеже 1992—1993 гг. они, при активном соучастии правительства, получили возможность беспробудно пьянствовать почти целый месяц, начиная со среды 23 декабря (канун католического рождества) — через пятницу — воскресенье 25—27 декабря — через «Новый год» (30 декабря — 1 января) — через субботу-воскресенье 2—3 января — через православное рождество с перенесенными выходными днями 6—9 января и кончая «Старым Новым Годом» (по православному календарю) 13—14 января, за которыми следуют пятница-воскресенье 15—17 января и далее наступление «Года Петуха» 21 января с пятницей-воскресеньем 22—24 января.

Журналисты тоже люди, и ничто человеческое им не чуждо. Даже газеты, нахально именующие себя ежедневными, норовят в четверг подготовить разом два номера, чтобы их создатели имели возможность «погулять» три дня в неделю вместо положенных двух. А если газета к тому же вечерняя и за ней приходится отправляться на почту утром (в почтовом ящике дома непременно украдут), то последний номер за неделю получаешь в субботу утром, да и то, как уже говорилось, с материалами, подготовленными в пятницу, а следующий уже во вторник утром.

Получается вместо ежедневного издания нечто вроде невиданного нигде в мире «полуеженедельного», да к тому же нет гарантии, что газету выпустят, доставят и не украдут. Меж тем радио и ТВ не дремлют. Получив некоторую свободу действий, они организовали по целому ряду каналов

едва ли не ежечасный обзор новостей и репортажи из разных «горячих» точек планеты. Достаточно приспособиться к этому режиму, когда завтракаешь утром, обедаешь днем и ужинаешь вечером — и привычная порция ежедневных новостей поглощается безо всяких газет. Именно так поступил я, перешедший с 1993 г. только на чтение газет, в которых сотрудничаю. «Расставание с газетами» было для меня мучительно тяжело: эта привычка за 60 лет (со времен «Пионерской правды» в 5 лет) стала посильнее наркотика. Думаю, что аналогичная процедура для десятков миллионов моих соотечественников прошла гораздо менее болезненно.

Когда и на какой основе могут возродиться газеты — пока тоже неизвестно, и мы специально коснемся этого вопроса чуть ниже.

Время расцвета советского радио — 30—50-е годы, когда у него не было серьезных конкурентов. Радиоприемники имели считанные проценты советских семей, а подавляющее большинство пользовалось дешевыми громкоговорителями радиотрансляционной проводной сети. Кстати, это автоматически гарантировало монополию государственного радиовещания, иначе приходилось защищаться от «тлетворного влияния Запада» дорогостоящей системой «глушилок». Пережитки былых времен вы можете и сегодня увидеть, точнее, услышать — во многих учреждениях, начиная с парикмахерской и кончая приемной министра, где жизнь протекает под привычный «шумовой фон» радиорепродуктора.

Сегодня для многих моих соотечественников радио незаменимо, когда делаешь утреннюю зарядку и завтракаешь, а так же если работаешь в саду или пока едешь в автомашине (впрочем, последнее — для меньшинства: к сожалению, никто до тех пор не догадался установить «тихие репродукторы» в салоне автобуса, троллейбуса, трамвая, пригородной электрички — это средство передвижения для подавляющего большинства граждан бывшего СССР). Увы, во всех остальных случаях оно не выдерживает конкуренции с ТВ. И не столько по содержанию передач, сколько по справедливости пословицы: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать (пусть даже то же самое).

Дело в том, что создатели каждой радиопрограммы упорно стремятся вещать «на всех» — пусть даже «на всех детей» или «на всю молодежь». Цель всюду одна — максимально расширить аудиторию. А результат достигается противоположный. Меня, например, совершенно не интересуют спортивные новости, сводки погоды за пределами родного города, для меня не существует современного искусства ни в какой его разновидности, и я не терплю болтовни за пределами «чистой» информации. Любая реклама в стране, где подавляющее большинство не в состоянии купить рекламируемое, приводит в ярость. Другой, напротив, готов хоть час слушать, где, какая в мире погода, кто у кого, с каким счетом выиграл или проиграл, признает только рок-музыку. А московские программы, которые наиболее устойчиво принимаются отечественными радиоприемниками, вещают разом на того и на другого — в результате мы оба дружно выключаем их. А иногородние и тем более зарубежные программы, во-первых, принимаются гораздо хуже, во-вторых, рассчитаны на иную аудиторию. И радио вот уже почти полвека находится на периферии общественной жизни.

Первое место среди средств массовой информации и учреждений культуры вот уже более сорока лет прочно занимает ТВ. На него, как на

глаза в органах чувств человека, приходится до 90% получаемой советским человеком информации. Но если во всем мире из всех видов искусств скучнейшим было и остается телеискусство (именно это обстоятельство сохраняет жизнь прессе, театру, кинотеатру и прочим учреждениям культуры — иначе они давно погибли бы), то в СССР оно стало скучнейшим, так сказать, в квадрате. Причина: узость выбора и монополия каждого из имеющейся полудюжины телеканалов, а в подавляющем большинстве населенных пунктов страны — всего двух-трех каналов. Всякая монополия, как мы уже говорили, означает загнивание, и ТВ не является исключением из этого правила.

В 1992 г. советское ТВ, которое, как и все советское, никуда не делось с распадом СССР, казалось, нашло себя. Мексиканский сериал «Богатые тоже плачут» целый год почти каждый день приковывал к себе внимание почти всей сотнемиллионной телеаудитории бывшего СССР. Люди бросали работу (впрочем, это не редкость), доярки бросали доить коров, матери оставляли временными сиротами своих грудных детей, республики забывали о военных действиях, политики — о своей грызне, главных героев фильма в лице приезжавших исполнителей чествовали на уровне национальных героев. И все потому, что был найден «ключ» к телеискусству в расчете на определенную аудиторию: возможность сопереживания с героями в понятных каждому житейских передрыгах, да еще с чувством собственного превосходства (из-за непритязательности сюжета), да еще с изрядной долей сентиментальности, к чему всегда начальство и «деятели культуры» неоправданно относились свысока.

Однако попытка бездумно эксплуатировать найденную «золотую жиду» в том или ином виде во многих других телепередачах, понятно, успеха не принесла. Говорят, повторение — мать учения, но явно — мачеха для всякого искусства. Нужны новые поиски, но результатов пока не видно, и ТВ по-прежнему остается для подавляющего большинства телезрителей простым «зрительным фоном» — наподобие артистов в ресторане, на который косятся, дожевывая ужин или переделывая домашние дела. Хотя, конечно, оно заслуживает большего.

Театр на протяжении XX века пережил в моей стране фантастический взлет и падение. Стартовав в качестве элитарного учреждения культуры для аудитории завсегдатаев, он стал постепенно практически массовым: через него проходила с годами вся молодежь каждого крупного города, почти все взрослые до пенсионеров включительно, чей уровень культуры хоть сколько-нибудь поднимался над низшим. В театр шли как на праздник, в нарядных платьях, с заранее приподнятым настроением. На сколько-нибудь интересный спектакль очередь в кассу занимали за сутки, иногда несколько ночей отмечались в ней. Перед входом счастливых ожидала толпа спрашивающих случайно оказавшегося лишним билета (в кассу театра возврат принципиально не допускается). Начиная с первой «оттепели», в середине 50-х гг., театр превращается еще и в политическую трибуну. Его начинают теснить «оживший» после сталинского пресса кинематограф и начинающееся ТВ. Но то и другое в значительной мере остаются официозами. И только в театре реально возможен дух фронды.

Помню, как в середине 50-х в московском театре «Современник» шла инсценировка известной сказки Андерсена «Новое платье короля». По ходу спектакля четыре девицы в купальниках (тогдашний верх неприличия на

советской сцене) изображали канкан и, приплясывая, напевали «Фу-ты, ну-ты, фу-ты, ну-ты, фу-ты, ну-ты — что за король!». И переполненный зал встает, разражаясь бурей оваций: все видит в этой незатейливой аллегории намек на культ личности Сталина, переходящий в культ личности Хрущева.

Но кинематограф и ТВ постепенно брали свое, и театр пустел. Из 630 советских театров уже в 70-х гг. спрашивали «лишний билет» у входа только примерно в 30—50. В остальных залы пустовали, и их приходилось заполнять школьниками или солдатами (за государственный счет). Такое положение сохранялось до 1988 г. Дальше театром стала сама жизнь, начиная с трагикомедии Съезда народных депутатов в том же году, за ходом которого две недели, как за телесериалом, следила вся страна, и на ее подмостках разыгрывались спектакли, более захватывающие, чем на сцене. Да и публицистика стала давать больше ощущений, чем любая драматургия. Театр попытался спастись пикантностью сюжетов, раздеванием актрис на сцене догола и прочими трюками, растянувшими агонию западного театра более чем на двадцать лет. Советскому театру хватило для этого же самого всего двух лет. Сегодня он в сложном положении. Остались прекрасные актеры и режиссеры, время от времени появляются блестящие новые спектакли. И в десятках театров по-прежнему аншлаг, но в принципе «старый» театр обречен, если не придать ему какое-то «второе дыхание».

Еще более замысловатую траекторию взлета и падения проделал кинематограф. Распространение в СССР звукового кино совпало с установлением личной диктатуры Сталина. Диктатор полностью взял на вооружение завет Ленина: «Из всех искусств для нас важнейшим является кино». И по-своему гениально организовал кинопроизводство и кинопотребление целиком в рамках своей системы тотального, безостановочного «промыывания мозгов».

В год выпускалось на экраны не более 6—12 кинокартин перво-степенной важности плюс несколько второстепенных, как бы «оттенявших» первые, из них около половины отечественного производства, остальные — «трофейные» (т.е. взятые силой оружия во время войны) либо импортные (преимущественно из «братских социалистических стран»). Каждый фильм шел почти одновременно по месяцу и более практически во всех кинотеатрах страны разом. И так как конкуренции не было, его смотрело все население страны. Многие — по несколько раз. Некоторые — по несколько десятков раз. Художественный эффект этих фильмов — сложный и дискуссионный.

Сегодня их можно смотреть только в качестве иллюстрации к лекциям по истории кинематографа. Но идеологический эффект был, безусловно, огромным. И сказывается на старших поколениях до сих пор.

В отличие от театральных залов, кинотеатры пустели медленнее. Им все чаще приходилось делать «инъекции» в виде импортных западных фильмов. А когда пал «железный занавес» и монополия отечественного кино оказалась подорванной, оно буквально скончалось в страшных судорогах на протяжении каких-нибудь двух-трех лет. Его добились два врага: видеофильмы насилия, эротики и ужасов, которые распространились по стране лавинообразно через сеть полулегальных и нелегальных малых залов (фактически притонов), поскольку видеомагнитофоны имеются только у нескольких процентов семей, плюс высокопрофессиональные и очень дорогие в постановке американские фильмы, с которыми отечественный

кинематограф не в состоянии конкурировать просто по относительной убогости своей материальной базы.

Словом, произошло то же, что и во всех развивающихся странах мира (кроме огражденных «железным занавесом»): гроздя притонов с видеопорнофильмами плюс огромные пустые залы кинотеатров, в которых 10—15 зрителей смотрят американский боевик. В основном, это те, кто не может позволить себе добраться до видеоплеера у себя дома или у знакомых или кто стремится избавиться от общества родителей либо от собственного одиночества. И только популярные киноартисты, кинорежиссеры, появление время от времени неплохих новых кинокартин напоминают о том, что кинематограф вполне может возродиться на новой основе.

Собственно клубов английского типа в России по-настоящему никогда не было. Последние учреждения культуры, близкие к ним по своему характеру, исчезли в 1917 году. С тех пор термином «клуб» обозначался третьеразрядный кинотеатр (преимущественно сельский), в зале которого можно было не только «крутить фильмы», но иногда и ставить спектакли, а также проводить собрания. В фойе устраивались танцы. В служебных комнатах за сценой работали кружки. Клубы более масштабные и принадлежащие, как правило, какому-нибудь крупному предприятию или профессиональной организации учителей, медиков, ученых и т.д., носили более высокий ранг «Дома культуры». Наконец, еще более масштабное и помпезное здание именовалось «Дворец культуры». Но суть во всех случаях оставалась одна и та же.

Подавляющее большинство клубов влачило жалкое сосуществование. Кинотеатры и видеорынок отбирали у них одну часть клиентуры, рок-ансамбли — другую, дискотеки — третью. Как только рухнуло государство — рухнула государственная поддержка клубов — рухнули и клубы. Некоторые из них пытаются удержаться на плаву, сдавая часть своих помещений коммерческим структурам. Очень немногие находят собственную «экологическую нишу» (так, один из московских Дворцов культуры стал эзотерическим лекториумом с собственной аудиторией). Но ни один пока не подозревает, что именно клубу суждено, видимо, стать мессией в спасении себя самого и всех прочих учреждений культуры от продолжающейся агонии и конечной смерти.

Впрочем, об этом — чуть ниже.

На музей обрушилась десятикратная нагрузка. Из простой кунсткамеры он стал еще и особым школьным классом для всех школ города и его окрестностей (бесконечные экскурсии школьников — класс за классом), и особой художественной студией для художников города, и особым исследовательским центром, и центром передвижных выставок, и лекториумом, и многим другим (при прежних мизерных штатах и еще более мизерных ассигнованиях).

В результате музеи страны разделились на два класса. Меньшинство, начиная с петербургского Эрмитажа и московских картинных галерей, превратилось в проходные дворы для миллионных толп туристов, с утра до вечера галопом проносящихся по совершенно непригодным для этого залам. Следствие — частые ремонты, нередко, как, например, в случае со знаменитой московской Третьяковской галереей, растянутые на десяток и более лет. Большинство, оставшееся в стороне от доходного туристского

бизнеса, являет собой картину крайней убогости, все чаще переходящей просто в мерзость запустения.

Особенно сильно пострадали принципиально бесплатные общественные библиотеки. Разница между «официальной» и рыночной ценой хорошей книги сделалась настолько велика, что стало выгодным взять книгу из библиотеки, не вернуть ее (т.е. украсть) и в худшем случае отделаться переставшим быть страшным десятерным штрафом. Так, например, украв том Достоевского или Толстого, Гомера или Шекспира номинальной стоимостью, скажем, 1,5 рубля, вы платили 15 рублей штрафа и тут же перепродавали его на «черном» рынке за 45, а то и за 150 рублей. Нетрудно представить себе, какие масштабы приняло раскрадывание фондов общественных библиотек. Понятно, администрация резко ограничила выдачу сколько-нибудь ценных изданий узким кругом знакомых лиц. Но тогда общественная библиотека теряет смысл своего существования.

С другой стороны, скудость государственных дотаций на содержание общественных библиотек в условиях нараставшего книжного дефицита привела к нараставшему обеднению их фондов, а также к обветшанию помещений, на ремонт которых постоянно не хватало средств. Словно бы в порядке иллюстрации этой агонии стали разваливаться здания главной государственной библиотеки страны в Москве, носящей, естественно, имя Ленина. К тому же библиотека оказалась лишенной возможности закупать в прежнем объеме наиболее ценные отечественные и тем более зарубежные издания, включая периодику. Теперь вся надежда на отечественных и особенно на зарубежных спонсоров: государство в сложившейся ситуации бессильно помочь библиотечному горю.

Пожалуй, в не меньшей степени деградировали парки культуры. Но у них была своя специфика: они рухнули перед подростковой и молодежной преступностью. Традиционный городской парк с его клубом-кинотеатром, танцплощадкой и аттракционами стал средоточием молодежных и подростковых компаний, которые, как и во всем мире, быстро приобрели характер квазимафиозных структур. Но вряд ли еще где-нибудь в мире столь позорно бессильно проявила себя полиция, как и стоявшее за ней государство. Поэтому пошли по пути наименьшего сопротивления: вывели клуб и дискотеку за пределы парка, свели аттракционы к минимальному набору для малышей, срубили кусты — прикрытие пьяных компаний, проложили широкие асфальтовые аллеи и пустили по ним милицейские патрули. Рост преступности несколько снизился (хотя и не прекратился). Зато парк, как таковой, исчез. На его месте появился сквер для выгула собак, младенцев и стариков. И называть его парком культуры можно только в порядке насмешки.

За примерами недалеко ходить. В сотне метров от моего дома и в километре от «Белого дома» правительства России был парк культуры «Красная Пресня» на берегу Москвы-реки. С ним приключилась вышеописанная история и были проделаны все вышеперечисленные операции. Теперь это — всего лишь сквер, зажатый между двумя кварталами строящегося «Московского сити», с его отелями, выставками и небоскребами. Однако в отличие от лондонского сити, Манхэттена в Нью-Йорке и центра Помпиду в Париже, эти кварталы рассчитаны прежде всего на иностранных бизнесменов. Поэтому не будет ничего удивительного, если

на воротах сквера между их кварталами появится надпись типа той, что красовалась на воротах европейских селтльментов в Шанхае 30-х гг. (помните: «Собакам и китайцам вход запрещен!»). Только в данном случае это будут московские туземцы и их собаки.

Думаю, что при наблюдаемых тенденциях аналогичная судьба раньше или позже в той или иной степени ждет и остальные городские парки страны.

Из многосложной проблематики, связанной с туристско-спортивными учреждениями культуры, хотелось бы остановиться только на трагической судьбе советского массового и профессионального спорта. В общем и целом она схожа с его судьбой в мировом масштабе, но отличается несравненно большей степенью гнусности. Начиналось все во второй половине XIX в. со спортивных площадок аристократии (была, конечно, и многовековая предыстория), продолжилось в первой половине XX в. бурным расцветом массового спорта со сотысячными стадионами, а закончилось во второй половине XX в. столь же бурной деградацией массового спорта, с развитием на его месте спорта профессионального, ориентированного на совершенно иные ценности.

Дело в том, что любителю никогда не угнаться за профессионалом, если счет идет только на «голы, очки, секунды». Но и среди профессионалов побеждает тот, кто посвящает спорту всю жизнь без остатка и подчиняет погоне за медалями свое мировоззрение, мораль, характер. Конечно, в результате получается не спортсмен, а гладиатор — с той лишь разницей, что античному гладиатору вспарывали живот после нескольких недель или месяцев подготовки, а современному — ломают кости и жизнь примерно с 18 до 30 лет, иногда раньше, реже позже. После 30—40 лет это обычно просто мешок переломанных костей со «сдвинутой» психикой. Жуткая судьба! Понятно, гладиатор не имеет ничего общего с культурой. Скорее, это антикультура, контркультура, жертва, брошенная на потеху озверевшей толпе. Олимпийское движение попыталось уйти от этого противоречия, формально отмежевываясь от профессионального спорта. Но разве мало способов «притвориться» любителем и профессионально одолеть дилетантов? Получилось сплошное лицемерие...

В цивилизованных странах ужасная судьба профессионального спортсмена компенсируется сверхвысокими гонорарами и большой страховкой на случай травм, так что он имеет возможность после нескольких лет нечеловеческих перегрузок уйти на покой в лучах славы и с мешком денег. В тоталитарных странах это относится только к элите — нескольким процентам профессионалов, показавших наивысшие достижения в спорте. Остальные, подобно армейским офицерам в боевой обстановке, получают ордена и денежные премии в случае побед, жестокие нагоняи, доходящие до прямой травли в случае поражений. И, подобно военным инвалидам, обречены на нищенство, когда становятся ненужными.

Как ни странно, такая система дает определенный эффект. При прочих равных условиях тоталитарная страна выставляет команду гладиаторов, более отчаянно сражающихся за «очки, голы, секунды», чем команда демократической страны. Вспомните результаты спортсменов ГДР и ФРГ, Северной и Южной Кореи, СССР и США и т.д. Но сегодня положение изменилось: лучших гладиаторов из тоталитарных стран, начиная с России, скупают поштучно западные спортивные клубы. В обозримом будущем нам

предстоит увидеть результаты такого «спортивного переселения народов» на международных соревнованиях.

Не забудем, что в России, как и во всем мире, кризис всех 12 основных типов учреждений культуры развивается на фоне продолжающегося декаданса литературного, сценического, музыкального, изобразительного и архитектурного искусства. Искусство конца XIX — начала XX века нередко именуется «серебряным веком искусства» — в противоположность «золотому веку» классики предшествующих времен. Следуя той же логике, искусство после Первой мировой войны и до самых недавних времен можно было бы именовать «бронзовым веком»: оно по всем статьям настолько же уступало «серебряному», насколько тот — «золотому». Но на протяжении последних 10—15 лет ни в России, ни в любой другой республике бывшего СССР (добавим, ни в Америке, ни в Европе тоже) среди литераторов, артистов, музыкантов, художников, архитекторов не появилось ни одного нового имени, способного соперничать с корифеями хотя бы «бронзового века». Что это? Наступление «железного века культуры» — последнего, в античной традиции, перед «концом света»? Во всяком случае, триумфальное шествие антикультуры наводит на мысли именно об этом — ведь оно не может длиться бесконечно, поскольку антикультура, в противоположность собственно культуре, носит быстро разрушающий общество характер.

Сменится ли затянувшийся декаданс новым Ренессансом? Этот вопрос выходит за рамки российской проблематики и носит общемировой характер. Мы специально рассматриваем его в монографии «Альтернативная цивилизация: почему и какая?» (1998). Здесь отметим лишь, что продолжающийся декаданс искусства обостряет кризис культуры и ускоряет ее деградацию.

Тот же характер носят аналогичные тенденции в культуре питания, одежды, жилища, общения, знаний, труда. Всюду упадок заслуживающих уважения вековых народных традиций — с одной стороны, элитарных («интеллигентско-аристократических») — с другой. Всюду на первый план выпирают чисто животные инстинкты, стадность, пошлость, неспособность к общению без допинга в виде спиртного или другого наркотика, бесстыдное невежество и столь же бесстыдная недобросовестность в труде. Все это придает видению культуры обозримого будущего прямо-таки апокалипсический характер.

А виден ли свет в конце туннеля?

Как уже говорилось, здесь вряд ли уместно рассматривать тенденции и перспективы развития культуры в общемировом масштабе. Что касается России и других посттоталитарных стран, то судьба культуры в них целиком зависит от того, насколько далеко уйдут эти страны от тоталитаризма. Это настолько само собой разумеется, что вряд ли стоит развивать такую тему детальнее. Более интересен, на наш взгляд, другой вопрос: возможна ли, при прочих благоприятных условиях, такая социальная организация деятельности учреждений культуры, которая позволила бы им (повторяем: при благоприятных условиях!) скорее выйти из кризиса и, так сказать, нормализоваться? Мы склонны ответить на такой вопрос положительно и полагаем, что знаем, какая именно: она называется «сеть клубов по интересам».

Два десятка лет назад в двух научных городках на разных концах СССР почти одновременно возникли два семейных клуба особого, примерно одинакового типа. Оба состояли из 20—30 секций. Одна — ведущая, в ней занимались практически все члены клуба (несколько сот семей, включая супругов и их детей). Другие — факультативные, в которые приходили те или иные члены семьи. Ведущая секция (в одном случае это была стрельба из лука, в другом — туризм) сплачивала семьи в единый коллектив. Факультативы обеспечивали широкий круг интересов и, вместе с тем, позволяли членам семьи обмениваться новостями, интересными для всех. Результат оказался поразительным: члены клуба по всем основным социальным показателям — начиная с пьянства, конфликтов, разводов и кончая удовлетворенностью жизнью — на целый порядок стояли выше «прочей» публики.

Не будем здесь вдаваться в детали особенностей эволюции подобного рода клубов. Это вывело бы нас далеко за рамки предпринятого изложения. Заметим лишь, что в таких клубах нам видите? «точка опоры», чтобы «повернуть» культуру от кризиса к более или менее нормальному состоянию.

Можно представить себе, например, клуб подписчиков какой-либо газеты, журнала, книжного издательства. Его члены образуют как бы парламент, который избирает главного редактора и требует с него отчета за действия его аппарата. Тогда газета, журнал, издательство обретают «костяк» читателей, на который опираются в финансовом отношении, на который ориентируются в своей работе и с позиций которого влияют на общество, расширяя круг подписчиков.

Можно представить себе и «клуб друзей» какой-то определенной радио- или телепрограммы, с теми же результатами.

Можно представить себе «клуб друзей» какого-то определенного театра, составляющих основной костяк зрителей, которые участвуют в обсуждении репертуара и прошедших спектаклей, помогают театру выжить материально и, главное; морально.

Можно представить себе и кинотеатр одного из клубов по интересам, где показу кинокартины предшествует встреча (или хотя бы «киноролик») с создателями фильма, а после показа разгорается дискуссия, не менее интересная, чем сам фильм. Излишне говорить, насколько благотворно это должно сказаться на киноискусстве.

Можно представить себе «клуб — общественную библиотеку», где собрание пайщиков нанимает подотчетную им администрацию и участвует в комплектовании фондов, заботится о сохранении книг. Трудно вообразить что-либо более эффективное для спасения библиотек, отданных ныне на разграбление новоявленным варварам.

Можно представить себе «клуб друзей» какого-то музея, парка культуры, стадиона, составляющий его опору, помогающий решать его проблемы — от финансирования до поддержания общественного порядка включительно.

Наконец, именно клуб по интересам, на наш взгляд, способен помочь в рациональном размежевании между любительским и профессиональным спортом. Пусть первый, со своими собственными спортивными сооружениями и своим собственным олимпийским движением, будет возможно более массовым. И пусть второй — со своим собственным,

особым олимпийским чемпионатом — уподобится, скажем, балету, где артист тоже кладет всю жизнь на искусство, но рано выходит на пенсию и доживает годы не в бедности — в почете.

Что же касается нового Ренессанса искусства и изменений к лучшему в бытовой культуре, то зачем понапрасну гадать об их будущем, не лучше ли делать все возможное для их скорейшего наступления?..

Лекция 21

ПРОГНОЗЫ В СФЕРЕ СОЦИОЛОГИИ РАССЕЛЕНИЯ

Как известно, в начале XX века лишь каждый десятый житель Земли был горожанином. Но из каждых десяти горожан девять жили, как в деревне: в доме без всяких коммунальных удобств, со своим приусадебным участком, с домашней скотиной и т.д. И лишь один из ста жил (как сегодня в развитых странах большинство из нас с вами) в городской квартире со всеми коммунальными удобствами, — примерно столько же, сколько живут сегодня в собственных дворцах, с охраной, прислугой, личным шофером и пр.

На протяжении первых десятилетий XX века в крупные города из деревни и из многодетных семей малых городов двинулись миллионы, а затем десятки миллионов искателей лучшей жизни. Что двигало их? Прежде всего, «скрытая безработица», избыток рабочих рук на селе, особенно в связи с развертывавшейся механизацией сельского хозяйства. Но немалую роль играли и черты сельской жизни, так сказать, симптомы, составляющие так называемый сельский синдром, прямо противоположный городскому. Вот несколько основных составляющих сельского синдрома:

1. Сравнительно низкая производительность труда и, как следствие, обязательность тяжелого, продолжительного физического труда, доходящего до предела человеческих возможностей, т.е. до 16 часов в сутки.

2. Полное бытовое самообслуживание, органически входящее в вышеупомянутый труд и очень отягощающее его.

3. Полное культурное самообслуживание, вызывающее необходимость жесткой регламентации, вплоть до ритуализации, не только труда и быта, но и досуга.

4. Относительно высокая детская смертность и, как следствие, подчинение человека нуждам сложной многодетной семьи, с моральным осуждением или прямым жестким запретом всех видов предохранения от беременности, разводов, внебрачного сожительства и т.д.

5. «Жизнь у всех на виду» с полным засильем общественного мнения окружающих и с жесточайшими санкциями за малейшее отклонение от установленных стереотипов поведения.

6. Жесткая регламентация труда, одинаково запрещающая как смелое новаторство, так и лень, тем более уклонение от труда.

7. Жесткая регламентация быта, запрещающая сколько-нибудь резкое проявление индивидуальных вкусов в выборе своего стиля жизни.

8. Жесткая регламентация досуга, еще более сурово подавляющая всякую индивидуальность.

9. Предопределенность круга общения, ограниченного по чисто техническим причинам преимущественно соседями по улице.

10. Предопределенность выбора спутника жизни, ограниченного, как правило, двумя-тремя вариантами близко живущей «ровни» в социальном плане, т.е., по сути, одного и того же, только в нескольких лицах.

11. Предопределенность профессии, обычно как бы передаваемой по наследству.

12. За редким исключением, полное отсутствие реальных возможностей социального продвижения в более престижные слои общества.

13. Забитость, приниженность, привычка видеть в каждом приехавшем из города (если это не «свой брат» или не нищий) более высокопоставленную личность.

Сравните все это с условиями жизни в крупном городе, и вы поймете, почему у десятков и сотен миллионов людей на Земле такая отчаянная тяга из деревни в город. Даже если туда не «выпихивает» открытая или скрытая безработица. А уж когда на «сельский синдром» накладывается безработица, поток мигрантов приобретает лавинообразный характер. Начинается процесс урбанизации — массового переселения людей из деревень в города. А местами и временами он перерастает в гиперурбанизацию — форсированное сгущивание многомиллионных масс людей в крупных и сверхкрупных городах с образованием мегаполисов — гигантских городских агломераций, собирающих десятки, а в перспективе и сотни миллионов человек на сравнительно небольших территориях. Именно такое перерастание и происходит сегодня в России, а также в ряде других республик бывшего СССР. Попытаемся разобраться основательнее в его причинах и следствиях.

Урбанизация в той или иной мере характерна для всех или почти для всех развивающихся стран, кроме совсем уж слаборазвитых, «застойных» регионов. С этой точки зрения, Россия, безусловно, относится к развивающимся странам (ее называли «Индия с германской армией»). По мере перехода развивающейся страны в ранг развитой процесс постепенно замедляется и со временем переходит в прямо противоположный — дезурбанизацию: столь же массовый выезд большинства состоятельных семей в пригороды или даже «на лоно природы» (если машиной нетрудно добраться до города в психологически приемлемые сроки). Тем самым пытаются совместить преимущества сельского и городского образа жизни: чистый воздух, доступ к природе, тишина, возможность соседского общения и т.п. — с одной стороны, бытовой комфорт и «городская» работа — с другой. В Советском Союзе этот процесс только начинался: жить с комфортом за городом, а работать приезжать в город практически могла только верхушка деятелей политики, науки, искусства. Сегодня он продолжается (с той лишь разницей, что в него включается верхний слой легализованной буржуазии), но по масштабам и темпам его во много раз перекрывает инерционный процесс урбанизации, переходящей в гиперурбанизацию.

Каков социальный эффект? Напомним, что в Советском Союзе деревня была разорена и принижена самым варварским образом, сопоставимым с нашествием иноземных захватчиков. Начиная с правления Хрущева, этот гнет постепенно ослаблялся, но не до такой степени, чтобы положение жителей села уравнилось с положением горожан. Несравненно хуже остались жилищно-бытовые условия, зарплата, уровень коммунально-

бытового, торгового, культурного, медицинского обслуживания, а также возможности образования детей. Добавьте сюда бездорожье, плохой общественный транспорт, полное засилье местных квазимафиозных («начальство») и открыто мафиозных («снабжение») структур, традиционное принижение сельского жителя любой высокопоставленной персоной. Помножьте на инерцию сложившегося устойчивого стереотипа в сознании молодого человека: чтобы «выбиться в люди», надо уезжать в город. И вы поймете, почему маховик урбанизации продолжает раскручиваться с большой силой.

Вообще-то, в деревне и не надо особенно много народа. Но только когда достигнут уровень комплексной механизации сельского хозяйства, переходящий на уровень комплексной автоматизации и компьютеризации, когда одна фермерская семья способна прокормить себя и еще хотя бы полсотни городских. Но когда механизация еще далеко не комплексна и сельская семья, помимо себя, способна прокормить (да и то, так сказать, частично, впроголодь) лишь полдесятка городских, на селе требуется несколько миллионов фермеров, а пока их всего несколько десятков тысяч (если считать только сравнительно высокорентабельные хозяйства), с постепенным переходом на порядок сотен тысяч. Что касается колхозов и совхозов (под разнообразными новыми названиями), то без них пока не обойтись, но ясно, что они держатся лишь на привычке к «трудовой повинности» старших и отчасти средних поколений. С молодежью этот номер не проходит, и на дальнюю перспективу такая форма организации сельскохозяйственного труда, можно сказать, обречена на исчезновение. Вот почему массовый отток из села в город наиболее активной части сельского населения означает при сложившихся условиях отставания комплексности механизации сельского хозяйства всего лишь дальнейшую деградацию села — ничего более.

Но, может быть, этот приток идет на пользу городу, и деградация села компенсируется расцветом города? Ничего подобного! Дело в том, что «сельский синдром» имеет свой антипод — «городской синдром», с менее ощутимым для человека, но социально столь же, и даже более, негативными чертами-симптомами:

1. Соблазн тунеядства, реальная возможность прожить в городе (во всяком случае, в крупном городе), месяцами и годами (в принципе даже всю жизнь) не занимаясь никаким трудом. Это ведет к прямому моральному разложению если не родителей, то наверняка их детей.

2. Возможность бытового потребительства, т.е. полной ориентации во всех житейских мелочах только на сферу обслуживания. В результате появляются целые поколения инфантилов, не способных к элементарному самообслуживанию, с соответствующими сдвигами в психике.

3. Возможность культурного потребительства и появление целых толп киноманов, телеманов, разных «фэнов», не способных занять себя без манипулирования их сознанием извне.

4. Распространение крайне непрочной нуклеарной семьи, т.е. состоящей только из родителей и детей, а все чаще с одним ребенком или даже вовсе бездетной, а также множества разновидностей внебрачного сожительства, включая все мыслимые половые извращения, что ведет к выморочности общества и сильно развитой массовой деморализации населения, особенно молодежи.

5. «Эффект отчуждения» человека от общества, когда человеку становится безразличным состояние общества, включая окружающих, а обществу (включая окружающих) становится безразличен человек, даже если он гибнет на виду у всех.

6. Погоня за легким, престижным трудом, а так как это доступно далеко не всем — массовая неудовлетворенность, фрустрация населения.

7. Распространение божественного стиля жизни, массовая неупорядоченность быта, особенно у молодежи, с соответствующими негативными сдвигами в психике людей.

8. Распространение асоциальных форм досуга (азартные игры, наркотики и пр.), разрушающих человеческую личность.

9. Крайняя трудность найти подходящего спутника жизни, создать прочную семью, жить нормальной семейной жизнью.

10. Трагедия одиночества, принимающая массовый характер и особенно тяжкая под старость.

11. Бьющая в глаза социальная иерархия и чудовищный комплекс неполноценности у большинства людей.

12. Полный или почти полный отрыв от природы плюс кошмарные «часы пик», уносящие ежедневно 2—3 часа жизни горожанина.

13. «Разрыв поколений», ставящий под вопрос преемственность культурных ценностей, стабильность общества вообще.

Сравнивая городской и сельский «синдромы», нетрудно прийти к заключению, что минусы первого в глазах отдельного человека намного перевешивают минусы второго — отсюда соответствующий вектор социальных перемещений. Но минусы второго настолько страшнее минусов первого для общества в целом, что это дает основание некоторым авторам уподоблять крупный город «черной дыре», в которую «засасывает», в которой «исчезает» человечество; дает основание многим авторам говорить о «противоестественности», «патологичности», «гибельности» для человечества современного городского образа жизни. Здесь вряд ли уместно вдаваться в рассмотрение этого вопроса: он целиком относится к проблематике альтернативистики, которой мы, как уже упоминалось, посвящаем отдельную работу. Отметим лишь, что в условиях современной России такая оценка урбанизации имеет некоторые основания. Мало того, сам процесс урбанизации приобретает специфические черты, слабее выраженные или вовсе отсутствующие в других странах мира (кроме, разумеется, других республик бывшего СССР).

Постараемся показать это на примере Москвы — в других городах процесс носит тот же характер, но в Москве выражен ярче и наиболее понятен.

Москва — типичный город-крепость с радиальной планировкой улиц, диаметром, примерно, 8 км. — в среднем 4 км. в любую сторону от московского Кремля до бывшего Земляного Вала начала XVIII века, замененного позднее широким внешним бульварным кольцом (имеется и внутреннее — на месте более старой крепостной стены, примерно в километре-полтора от Кремля). Город состоял, в основном, из особняков и был рассчитан приблизительно на 200—300 тыс. жителей. Во второй половине XIX—начала XX в., с упразднением крепостничества в город хлынули сотни тысяч рабочих, 304ремесленников, торговцев, и его население к 1917 г. достигло 2 млн. чел., причем появились обширные

районы городских трущоб и рабочих казарм-общежитий, в которых проживало подавляющее большинство населения. Гражданская война заставила бежать из города около половины его жителей, и прошло много лет, прежде чем численность населения вновь достигла довоенного уровня. Но начавшаяся индустриализация страны и трагедия «коллективизации сельского хозяйства» буквально «выпихнули» из деревни в город десятки миллионов людей, в результате чего население Москвы увеличилось до 4 млн. примерно на той же площади, что и прежде. Теснота сделалась ужасной: это были времена, когда в одной комнате нередко спали вповалку несколькими «ярусами» две-три семьи — около 1 кв.м. на каждого человека, а кухонный кран и унитаз приходились на 10—15 таких комнат с полусотней-сотней жильцов. Такой Москва встретила Вторую мировую войну. Такой вступила в послевоенные годы.

А затем начал стихийно работать социальный механизм гиперурбанизации, никем не предусмотренный, с непредвиденными последствиями.

Как столица огромной империи, столица сложнейшей, самой большой республики, входящей в ее состав (Российской Федерации), столица области величиной со Швецию (по численности населения), столица самого города величиной со Швейцарию (по тому же критерию), да еще с несколькими десятками районных управлений, да еще с административно-командной системой, при которой на каждые 5—6 работающих требуется командир-контролер, Москва быстро стала городом чиновников, удельный вес которых со временем достиг четверти всех работающих (из них лишь пятая часть относилась к государственному управлению, остальные управляли промышленными предприятиями, учреждениями сферы обслуживания, образования, здравоохранения, снабжения, другими организациями).

Во всякой тоталитарной стране наука, культура, искусство обычно концентрируются в столице: так легче их контролировать, превращать в слепое орудие правящей верхушки. Москва не явилась исключением: в ней сосредоточилось большинство лучших исследовательских, проектных и учебных институтов, лучших театров и киностудий, лучших издательств, музеев, других учреждений культуры. В результате каждый четвертый из работающих относился к сфере науки, культуры, искусства.

Третью четверть составили «синие воротнички» — работники промышленных предприятий города, которых бездумно продолжали насаждать десятками и сотнями на «даровую» городскую инфраструктуру (в первую очередь, речь шла о высокотехнологичных предприятиях военно-промышленного комплекса).

Добавьте к этому растущее число миллионов так называемых, «гостей столицы» — людей, приезжающих в Москву большей частью на сутки (из-за острого дефицита мест в гостиницах), чтобы сделать необходимые закупки в московских магазинах, с их более широким ассортиментом продовольственных и промышленных товаров, либо провести отпуск в этой единственно доступной им «советской Мекке», ночуя у родственников, знакомых или прямо на вокзальных скамьях. К середине 80-х годов число «гостей» достигло 2 млн. человек в день зимой и 6 млн. летом (на 8 млн. населения). Добавьте к этому огромный гарнизон плюс сотни тысяч агентов явной и тайной полиции.

Эту огромную армию людей надо было обслуживать. Вот почему каждый четвертый работающий москвич оказался в сфере обслуживания (в широком смысле, включая не только торговлю и коммунальные службы, но и транспорт, связь, народное образование, здравоохранение и т.д.).

И в такой ситуации стал сказываться «эффект старения» возрастной структуры населения при массовом распространении однодетной в среднем семьи, не способной обеспечивать нормальное воспроизводство населения, в том числе и работающего. «Синие воротнички» в промышленности и обслуживании, миллионными волнами накатившие на Москву в 30-х—40-х гг., начали массами выходить на пенсию. А детей своих, как и все уважающие себя родители, через посредство общеобразовательной школы, о которой мы столько говорили, направляли на синекуры в сфере управления, науки, культуры — это было и остается одним из главных мотивов, по которым люди решаются на мучения, связанные с переездом в крупный город. Таким образом, образовалась «черная дыра» размером около 300 тыс. вакансий ежегодно на самых «горячих» участках производства — за рулем, за станком, за прилавком, на стройке, в полицейском участке, т.е. там, где городу без заполнения подобных вакансий (в отличие от синекур) просто не выжить.

Кем и как заполнять вакансии?

Кем — ясно: только жителями деревень и малых городов. Других желающих на такие рабочие места, в том числе среди москвичей, не имеется. Сложнее — как? 300 тыс. в год — это чересчур много. Ведь в таком же точно положении оказалась не одна Москва — Ленинград, Киев, другие крупные города и целые регионы (например, Эстония, Латвия и Литва). Поэтому был установлен «лимит» — предел, преступать который строго запрещалось. Для Москвы «лимит» был установлен сначала на уровне 100 тыс. чел. в год, постепенно его сокращали, но долгие годы Москва росла именно с такой скоростью (поскольку существовали многие способы приезда, например реальные или фиктивные браки с жителями Москвы, а естественный прирост был сравнительно незначительным).

Теперь прошу читателя понять положение «лимитчика». Внешне он похож на москвича — так же работает, так же стоит после работы в очереди за продуктами. Но в паспорте у него, в отличие от москвича, стоит штамп «временного вида на жительство». Это означает, что ему разрешили поселиться в Москве только для той непривлекательной и низкооплачиваемой работы, на которую его завербовали. Поселили его в общежитии, т.е. в комнате наподобие номера в дешевой гостинице на три-четыре кровати. Счастливчикам достается отдельная комната, но все равно без права выписывать свою семью — совершенно как самому низкому разряду «гастарбайтеров» на Западе. Не трудно понять, как он завидует москвичам, как ненавидит их, как безобразно относится к своим обязанностям по работе, насколько выше среди «лимитчиков» уровень пьянства, хулиганства, преступности. А главное — он при малейшей возможности меняет место своей работы по контракту и старается влиться в ряды москвичей, имеющих право на бесплатную квартиру, на «труд» (т.е. на синекуру, если не для себя, то для своих детей, которых он, конечно же, тоже перетаскивает в Москву). А его рабочее место пустует. И приходится выписывать другого такого же «лимитчика», с теми же результатами.

Таким образом, чтобы москвичи жили так, как они привыкли жить за последние десятилетия (жизнь древнеримских пролетариев, которые требуют «хлеба и зрелищ», а всю «черную работу» за них делают рабы-гастарбайтеры), надо было каждый год рядом с Москвой возводить целый город на 100 тыс. жителей. А если признать гастарбайтеров равноправными людьми и разрешить им выписывать свои семьи — то и на 300 тыс. жителей ежегодно. Казалось бы, нет ничего самоубийственнее подобной политики. Тем не менее, именно она последовательно проводилась в жизнь все последние десятилетия. И Москва автоматически росла преимущественно за счет «гастарбайтеров» на 100 тыс. чел. в год, на 1 млн. — каждое десятилетие. К 1985 г. численность ее населения перевалила за 8 млн. Вскоре «импорт гастарбайтеров» категорически запретили. Но кто же будет выполнять «черную работу» станочника и шофера, строителя и полицейского? И «импорт» продолжался нелегально, причем во все более значительных масштабах. К этому добавилось резкое ослабление центральной власти, чем не замедлили воспользоваться самые различные любители переселиться в столицу: начиная с новых министров и их заместителей из провинции, каждый из которых тянул за собой десятки человек своей «команды» (и каждому — квартира), начиная с новых депутатов, почти каждый из них требовал себе «постоянный вид на жительство» плюс квартиру в Москве, и кончая откровенно преступными элементами, которые сотнями тысяч тоже потянулись в Москву.

И если раньше Москва росла со скоростью 1 млн. чел. каждое десятилетие, то 9-й миллион она набрала всего за 5 лет, и сейчас быстро набирает 10-й. К этим 10 миллионам надо добавить 4—5 млн. «гостей столицы», часть которых приезжает на сутки-двое и сменяется другими, а часть живет годами безо всякого постоянного и даже временного вида на жительство. Недавно представитель московской мэрии заявил, что необходимость сокращения числа синекур может привести к появлению только в пределах Москвы около 600 тыс. безработных. На это ему возразили, что в Москве были и остаются сотни тысяч незаполненных вакансий. Однако москвичи не собираются их занимать. Следовательно, вновь придется «импортировать» сотни тысяч «гастарбайтеров».

К чему это может привести?

Специалисты подсчитали, что если продолжать такую практику, то к 2030 г. численность населения Москвы достигнет 25—27 млн. и его придется размещать на площади диаметром 165 км. вместо нынешних 40 км. Напомним, что советские граждане были лишены возможности выбирать место своего жительства — в том числе и поближе к месту своей работы. Это приводит к чудовищным перегрузкам общественного транспорта, особенно в «часы пик». Напомним также, что Москва — это старинный город-крепость с лучевой планировкой транспортных магистралей, скрещивающихся в центре. Так вот, при населении в десятки миллионов человек и при расстояниях в сотни километров всю транспортную сеть Москвы — автомагистрали, метрополитен, трамваи, автобусы, троллейбусы, пригородные электрички — придется, по меньшей мере, удвоить, если не утроить. А это физически невозможно.

Итак, процесс складывания московского мегаполиса заходит в явный тупик. Но так как все то же самое в большей или меньшей степени характерно для всех без исключения крупных городов России, то можно

констатировать: процессы урбанизации в России, переходящие в гиперурбанизацию, имеют тупиковую тенденцию и не позднее 1-й четверти XXI века неизбежно приведут к катастрофе, если их качественно не видоизменить. Но как?

Первое, что приходит в голову, — резко сократить так называемую градообразующую нагрузку на крупные города — и административную, и промышленную, и торговую, и коммуникационную, и другую. Вот почему мы выступаем за перенос столицы России из Москвы в любое другое, более подходящее место, либо за строительство новой столицы. То же самое относится ко всем остальным административным центрам до областных включительно.

Категорическая необходимость не допустить перерастания урбанизации в гиперурбанизацию, возможно скорее и масштабнее перевести ее на рельсы дезурбанизации диктуется еще одним обстоятельством: приближением тотальной экологической катастрофы. Эта тема требует особого рассмотрения.

Лекция 22

ПРОГНОЗЫ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

Шесть поколений моих предков, которых я знаю, и много больше, которых я не знаю, до самого начала XX века жили в одних и тех же условиях: хижина из бревен с земляным полом, соломенной крышей и каменным очагом, дым от которого уходил через дыру на крыше. В этой хижине ели и спали вповалку—зимой вместе с новорожденным теленком, жеребенком, ягнятами, которых, пока они не окрепнут, некоторое время нельзя было выпускать в неотапливаемый хлев (морозы иногда достигали 40 градусов С). В самом начале XX века мой дед устроился обходчиком на железную дорогу в Сибири,

309и спустя несколько лет на присланные им деньги наша семья одной из первых на селе соорудила современную избу, т.е. такую же бревенчатую хижину, но уже с деревянным полом, железной крышей и печью вместо очага. Впрочем, новорожденные телята и ягнята продолжали зимовать вместе с людьми — я сам заботился о молодняке пятилетним ребенком в начале 30-х гг. За века и тысячелетия своего сосуществования эти люди выработали неписанные законы народной мудрости, которые помогали им выжить в нечеловечески трудных условиях. В том числе те, которые регулировали их отношения с природой. Они сочинили пословицы вроде той, например, где говорилось: не плюй в колодец — пригодится воды напиться. Ибо знали, что без доступа к чистой воде любая популяция обречена на массовые заболевания. Они строго регулировали землепользование, ибо знали, что иначе земля перестанет кормить их. Они не менее строго регулировали и свое питание, ибо знали, что беспорядочное питание, пусть даже обильное, — кратчайшая дорога на тот свет. Словом, они знали многое.

Но многого они не знали. Не могли знать, потому что не было соответствующего жизненного опыта. Так, они не знали, что очень вредно, даже смертельно опасно дышать любым дымом — даже дымом от костра в очаге, поскольку это канцероген. Не знали, что нельзя вырубать лес сплошняком, ибо появятся овраги и начнут смывать плодородный слой

почвы. Не знали, что шум может свести человека в могилу — такого шума просто не было. И по той же причине понятия не имели ни о радиации, ни пищевых химикалиях. И вот эти люди столкнулись сегодня нос к носу со сложнейшей экологической ситуацией. В «Индии с германской армией», образно говоря, «армия» застигла врасплох «индийцев». При этом вот уже более 80 лет этими людьми управляют «хозяева», столь же экологически невежественные, сколь и они сами, но ведущие привилегированный образ жизни, который минимизирует негативные последствия загрязнения окружающей среды. «Хозяевам» не приходится дышать загрязненным воздухом: большую часть времени они проводят в своих обширных поместьях, далеко за городом, куда не допускаются «чужие» автомашины и строго запрещены всякие костры. А иногда и перегораживают улицу перед своим городским домом, чтобы автомашины не тревожили шумом и не загрязняли воздух выхлопами. Именно так поступал в свое время «хозяин» Киева, и, конечно же, не только в этом городе. «Хозяевам» не приходится пить опасную для здоровья воду: им доставляют бутылки с импортной питьевой водой. Не приходится им и есть вредные для здоровья продукты: на их стол работают специальные «экологически чистые» совхозы плюс обильная импортная еда на любой вкус. Но этого невозможно обеспечить всем — поэтому население сознательно содержится в экологическом невежестве: цензура до самых недавних лет строжайше «отсекала» информацию об экологических проблемах. Я, университетский профессор, только недавно узнал, какую опасность для здоровья человека представляют дымовые выбросы из заводских труб, химикалии в воде и продуктах, «бытовая радиация», шумовое и тепловое загрязнение окружающей природной среды. И то потому, что часто бывал в зарубежных командировках, знакомился с зарубежной литературой. Что же говорить о сотнях миллионов моих сограждан, до сих пор экологически совершенно неграмотных?

Кроме того, экологию в бывшем СССР напрочь запрещает экономика. В Москве вы можете увидеть тысячи автомашин с таким дымным шлейфом, который поверг бы в обморок любого нью-йоркского полицейского. Но советские автомашины при бесчисленных ремонтах служат не 3 года, как в США, а 10, 20, 30 лет. И если штрафовать за «шлейф» — останешься вообще без машин. Да, завод отравляет атмосферу целого города дымом своих труб. Но нет средств на очистители, а если завод закрыть — останешься вообще без промышленной продукции. То же самое происходит с устаревшим оборудованием по очистке питьевой воды, с радиационным, шумовым и тепловым загрязнением окружающей среды, с химическими удобрениями и многим другим.

Наконец, сказывается черта характера, свойственная всем народам евразийской цивилизации (не только русским). Она выражается русским словом «авось», которое с трудом переводится на другие языки. В частности, по-английски требуется целое словосочетание типа «хэппи-голаки фэшн» или «венче эт рэндом» — и все равно ни один иностранец никогда не поймет, что это такое. На деле же это не что иное, как доведенный до логического конца (или, точнее, до абсурда принцип «кто не рискует, тот не выигрывает». Например, вы ведете автобус с полусотней пассажиров через железнодорожный переезд, видите мчащийся прямо на вас поезд, но, вместо того что бы притормозить, даете газу со словами (или

мыслью) «авось, проскочу!» — через секунду вместо автобуса с пассажирами на рельсах оказывается кровавая каша из железа и человеческих тел. Или в качестве капитана грузового судна с теми же словами решаете «срезать нос» у идущего своим курсом пассажирского лайнера, чтобы было чем похвалиться потом за стаканом водки с друзьями. Р-раз! — и лайнер с несколькими сотнями пассажиров на борту через несколько минут оказывается на дне морском. Или в качестве дежурного на атомной электростанции, с теми же словами грубо нарушаете элементарные правила техники безопасности. Раз — сошло. Тут же два — опять сошло. Тут же три — на сей раз (кто бы мог подумать?), оказывается, не сошло, а случился Чернобыль — слово, понятное сегодня на всех языках мира и означающее радиацию эквивалентом в 400 хиросимских атомных бомб, которая сделала нежилыми плодородные земли площадью с Австрию или Венгрию, если не больше, плюс в той или иной степени нанесла поражение здоровью нескольких миллионов человек (включая тысячи уже погибших).

Не существует такого евроазиата, который бы не знал, что «авось» — это очень плохо, это хуже водки и табака, вместе взятых. Все поголовно относятся к данному слову и к тому, что за ним скрывается, с величайшим осуждением. Есть даже специальная поговорка на сей счет: «авось да небось, а вышло хоть брось» (буду рад, если переводчику удастся хотя бы приблизительно передать ее смысл). Но не существует ни одного евроазиата, который не придерживался бы указанного выше принципа с той же неуклонностью, с какой он выпивает залпом бутылку теплого шампанского и выкуривает одну за другой две пачки самых отвратительных в мире сигарет. С последствиями, поражающими воображение любого (только не его самого). Так, например, в неравной борьбе автомобилей с пешеходами при упрямых попытках последних проскочить «на авось» поток машин каждый день на каждом шоссе от Балтийского моря до Тихого океана гибнет вдесятеро больше людей, чем к западу и востоку от данного региона. И все же, несмотря на такую чудовищную цену, принцип «авось» продолжает каждодневно руководить поступками каждого — от управляющего машиной до управляющего заводом или государством.

Напомним еще раз, что все эти люди в детстве жили в мире, где любое (сравнительно незначительное тогда) загрязнение окружающей среды быстро очищалось самой природой. Задымил костер — подул ветер, и все прояснилось. Вылил помой в реку — через минуту вода снова питьевая. Поломал дерево или вытоптал траву — на следующий год выросли новые. Кричи, пока не надорвешься: от деревни до деревни десять верст. А о более страшных экологических бедах тогда и не слыхивали. И такую вот социальную психологию впитали с молоком матери, передали своим ныне взрослым детям по наследству. А правительство десятилетиями старательно замалчивает опасности экологического характера. А правительство десятилетиями категорически требует: «Продукцию, предусмотренную планом, — любой ценой!» И люди привыкли бездумно платить любую цену, в том числе экологическую.

Что же удивительного, если и директор завода, и все рабочие, и все жители города равнодушно относятся к тому, что заводские трубы покрыли город сплошным облаком чуть ли не самых настоящих боевых отравляющих веществ? (В бывшем Советском Союзе насчитываются десятки крупных городов и сотни поселков, где концентрация загрязняющих воздух

промышленных выбросов в сотни раз превысила предельно допустимые нормы, в связи с чем средняя продолжительность жизни значительно ниже, чем в окружающих регионах.) «Авось, обойдется!» — говорят и думают они: ведь план-то выполнять и зарплату за это получать надо? Любой ценой! В том числе ценой собственной жизни.

Совершенно равнодушно воспринимает директор завода, его рабочие и жители города тот факт, что очистные сооружения устарели, работают неэффективно, без конца выходят из строя и грозят самой настоящей катастрофой в случае крупной аварии. «Авось, обойдется!» И очень огорчаются, когда такая катастрофа, наконец, происходит (это случается несколько раз в год то на одном конце страны, то на другом). В результате такого квазистоицизма практически все реки страны превратились в сточные канавы, а пруды и озера — в разновидность отстойников нечистот. С каждым годом все более сужается площадь водозабора для водопроводов, чтобы вода оказалась хотя бы «близкой к норме» для питья после стандартных очистных процедур. Каждый год все труднее с чистой питьевой водой и даже с водой, пригодной для промышленных технологий.

Поражают цифры земельных площадей, выпадающих из сельскохозяйственного землепользования по вине людей (эрозия, овраги, засоление, «подтопление», «подсушение» и т.д.). Счет пошел уже не на тысячи — на миллионы гектаров. В общем, каждый год по площади превращается в пустыню едва ли не целый Люксембург. Сколько можно разместить на территории России таких «люксембургов», памятуя, что большая часть страны — в зоне вечной мерзлоты? А восстановительные работы составляют считанные проценты от загубленного. Особенно варварски уничтожают леса — вырубая сплошняком наиболее ценные деревья, сплавляя их по рекам (большая часть тонет, загрязняя реки), сжигая все остальное, оставляя после себя ландшафт нового типа: «лесостепная пустыня». Вновь и вновь — на миллионы гектаров! Леса вырубают даже по берегам рек, а в их верховьях осушают болота. И в результате реки почти повсеместно мелеют, превращаются в сточные канавы уже не иносказательно, а в самом буквальном смысле. Куда ни посмотришь из окна поезда или автомашины — везде, где раньше были цветущие поля, луга, рощи, мерзость запустения.

Продовольственных продуктов всегда и везде не хватает. Они стоят сравнительно дорого и дорожают с каждым днем (на питание всегда тратилось больше половины средней зарплаты, а сегодня тратится до 80—90%). Понятно, отсюда задача каждого производителя — собрать возможно больший урожай! Любой ценой! И тем более что конкуренции — никакой, а потребители не имеют ровно никаких понятий ни о нитратах, ни о канцерогенности, ни о связи здоровья со здоровой пищей. А если кто имеет, то все равно нет никаких приборов для определения, какая морковь или какое мясо съедобно, а какое — нет. Когда же прибор находится, он показывает такое, от чего волосы встают дыбом. Удивительно ли, что сотрудники американского и западноевропейских посольств в Москве предпочитают возить продукты и питьевую воду автомашинами и самолетами из-за рубежа? К сожалению, жители Москвы и тем более всей России такой возможности не имеют.

Хуже всего евроазиаты понимают смысл словосочетания «тепловое загрязнение окружающей среды». Ну, теплая вода в отстойнике

теплоцентрали или электростанции. Ну, незамерзающая всю зиму река, которая раньше исправно замерзала. Ну, температура в центре крупного города всегда почти на 1—2 градуса С выше, чем на окраинах и на 3—4 градуса С выше, чем за городом. Ну, какие-то непонятные капризы погоды. Например, весь декабрь 1992 г. — январь 1993г. в Москве вместо привычных — 10—15 градусов С почти каждый день 0+3 градусов С, чего не помнит ни один старожил. Прямо как на Черноморском побережье в это время, на полторы тысячи километров южнее. Что же тут такого? Разве что плохо для лыжников и конькобежцев. Мало кому приходит в голову, что это природа корчится в судорогах от наносимых ей человеком ударов и может ответить неурожаем (т.е. голодом), эпидемиями, стихийными бедствиями.

Более раздражает, конечно, шум. Но и он не представляется смертельно опасным. К нему тоже можно приспособиться. И можно только поражаться, насколько приспособляются. Мимо окон каждые несколько минут громяхают тяжеловесные железнодорожные составы, прямо над головой с ревом взлетают и садятся самолеты, все 24 часа в сутки режут несущиеся сплошным потоком автомашины, на полную мощь вещает диспетчерский динамик, с утра до вечера под громкий крик шоферов и громяхание ящиков идет погрузка автомашин, в подвале воют вентиляторы, оглушающе шумят станки, дом сотрясается от вибрации, а люди спят как ни в чем не бывало, и проснувшись, включают на полную мощность рок-музыку, которая перекрывает работающие кофемолку и пылесос. Ни о каких шумозащитных устройствах никто никогда здесь не слыхивал. И только данные специальных медицинских обследований убедительно показывают, насколько сокращает жизнь и делает мучительной смерть миллионов людей столь привычный для них шум! Но отчеты о таких исследованиях не читает никто — ни «человек с улицы», ни министр.

Правда, все это бледнеет по сравнению с масштабами радиационного загрязнения. Весь мир в 1986 г. узнал о трагедии Чернобыля на стыке Украины, России и Белоруссии. А затем Россия с изумлением узнала, что на Урале был свой «Чернобыль» на много лет раньше. И о нем не догадывался никто — даже местные жители, которые тысячами умирали от непонятной хвори. А затем с не меньшим изумлением узнали, что с конца 40-х гг. по конец 80-х на просторах бывшего СССР имели место десятки «микро-чернобылей» не таких больших масштабов, но все же от них пострадали в каждом случае тысячи и тысячи человек. Общее впечатление такое, как если бы враги все эти полвека каждый год сбрасывали то на один советский город, то на другой по хиросимской атомной бомбе. И обо всем этом бывшие советские люди узнают только сейчас!

Когда смотришь на экологическую карту России, впечатление такое, будто это Луна с ее «морями». Черными пятнами обозначены «зоны экологического бедствия», где загрязнение окружающей среды приближается к рубежам необратимости, т.е. полной катастрофы. Кое-где они простираются на тысячи километров. В частности, это относится к тундре на побережье Северного океана, которую распахали гусеницами тракторов и завалили металлоломом, другим мусором так, словно превратили в гигантскую свалку от Финляндии до Аляски. И «черные дыры» не уменьшаются — напротив, скорее растут, сливаются друг с другом, сигнализируя о надвигающейся тотальной экологической катастрофе. Такими же пятнами покрыта даже секретная карта Москвы за

занавесом в кабинете главного архитектора города. Поразительнее всего, что самые большие «черные дыры» — в центре города, где под Кремлем сооружен целый подземный город для номенклатуры на случай ядерной войны (в точности, как у Саддама Хусейна) и где для жизнеобеспечения до сих пор действуют несколько атомных реакторов.

Можно ли избежать надвигающейся экологической катастрофы? Теоретически — да. Для этого достаточно взять жесткий курс на «безотходное» производство и потребление, последовательно утилизируя или сводя к минимуму промышленные выбросы и бытовые отходы. Практически — очень затруднительно. Ведь для этого необходимо изыскать неизвестно откуда сотни миллиардов на хорошие очистные сооружения, на своевременное обновление машинного парка, на рациональное землепользование, на развитие экологически чистой энергетики. Необходимо за считанные годы существенно повысить экологическую культуру населения, находящуюся сегодня почти на нулевой отметке. Побудить людей проявлять такую же заботу о чистоте воздуха и воды, о сохранности почвы и ландшафтов, о «естественном радиационном фоне» и о тишине, о нормальности погоды и климата, об экологически чистой пище, — какую они проявляют сегодня только о своем кошельке.

Это очень трудно, но не безнадежно. Особенно если начинать хоть что-то делать в данном направлении сегодня, сейчас.

Лекция 23

ПРОГНОЗЫ В СФЕРЕ СОЦИОЛОГИИ ПРЕСТУПНОСТИ

В моем родном селе Лада на севере Пензенщины, типичном русском селе, где я родился и временами гостил у бабушки с дедушкой, — до 1920-х гг. не знали замков. Это было такое же дорогое удовольствие для крестьянина, как сегодня, скажем, личная охрана. Да и в 20-х гг. замками запирали только сундуки с одеждой и амбары с зерном. Дом «запирался» обычно на засов или на щеколду. Считалось, что секрет, как открыть засов извне, знает только хозяин (для этого надо было просунуть руку в специальный паз). Практически же сделать это можно было каждому. Можно, но не нужно. Потому что украсть было просто нечего. А если бы все же кто-то что-то и украл, то что делать с украденным? Ведь жизнь каждого у всех на виду. Тут же заметят, даже если жуешь чужой кусок, не говоря уже о присвоении чужой вещи. Поэтому простор для преступности был очень небольшой.

Самым страшным преступлением было конокрадство. Украсть у крестьянина лошадь и угнать ее за сотни верст, чтобы продать в другой области, — это было страшнее, чем сегодня угон машины: ведь крестьянин лишался основного средства производства и разом опускался из середняков в бедняки, поэтому и кара за такое преступление была страшная, государству не доверявшаяся: самосуд и забивание насмерть. Все остальные преступления — от пьяной драки до отравы посевов скотом — судились на сельском сходе, где судьей был сельский староста, а присяжными — все главы семей села (таким старостой был мой прапрадед, у меня в столе до сих пор хранится его «шерифский знак»), и заканчивались обычно жестокой поркой провинившегося.

Да, Лада дважды всем селом совершала тягчайшее преступление. Государственное. Она дважды восставала против государства. Первый раз в 1856 г., пытаясь ускорить отмену рабства. Второй раз в 1920 г., пытаясь спасти собранный хлеб от реквизиции. Но в обоих случаях, как издавна повелось на Руси, не потребовалось никакого суда. В том и другом случае оказалось достаточно роты солдат. В 1856 г. безо всякого суда и следствия перепороли мужиков, изнасиловали баб и опустошили погреба со съестным. В 1920 г. вместо порки расстреляли «зачинщиков», в том числе одного из моих родственников. Это был, так сказать, государственный самосуд.

Мы хотим сказать, что в деревнях существовало некое равновесие между силами, нарушающими и охраняющими общественный порядок. 99% всех нарушений карались на уровне семьи или, в крайних случаях, сельского схода. Вот почему было достаточно одного судьи с секретарем и полицейским на целый округ (волость) с населением в несколько десятков тысяч человек — правда, половина из них приходилась на детей, стариков и инвалидов, а из оставшейся половины, в свою очередь, половина — на женщин, в те времена самых законопослушных существ на свете.

Примерно такое же положение было в малых городах и по окраинам крупных городов. И только в центрах крупных городов (несколько процентов населения) существовал уголовный мир, более или менее похожий на Лондон или Нью-Йорк второй половины прошлого века. Но и там между этим миром и полицией тоже сложилось определенное равновесие, не допускавшее ни полного исчезновения преступности, ни выхода ее за определенные рамки. Каждый опытный полицейский досконально знал свою «клиентуру», обычно быстро догадывался, кто именно мог совершить то или иное преступление, и реагировал сообразно обстоятельством. Как и любых типичных евроазиатов (не говоря уже об азиатах без «евро»), полицейского и судью нетрудно было подкупить. Кроме того, очень большую роль играли личные отношения (родственные или знакомство). Но в общем и целом порядок соблюдался, в положенных случаях следовали арест, суд и тюрьма, так что особого разгула преступности не наблюдалось.

И вот с такими авторитарно-патриархальными традициями вся бывшая Российская империя, переименованная в Советский Союз, «въехала» в 60-е годы XX века (всего каких-нибудь 40 лет назад!). Правда, традиции дважды прерывались — и оба раза в связи с мировыми войнами — Первой и Второй. После Первой мировой и последовавшей за ней Гражданской войны осталось несколько миллионов совершенно деклассированных элементов, плюс еще несколько миллионов беспризорных сирот — детей и подростков, и почти все они были психологически готовы на преступление. Естественно, последовал гигантский «всплеск» преступности и потребовалось около десятилетия, прежде чем это «половодье» снова начало входить в обычные «берега». Но тут грянула «коллективизация сельского хозяйства» — и в города было выброшено еще несколько миллионов криминогенных люмпенов. Впрочем, они вскоре попали под пресс массового террора, поэтому преступность не смогла разрастись вновь — ее, можно сказать, затоптали похода.

Второй раз цунами преступности обрушилось на города и села сразу после Второй мировой войны. Но, как известно, одна из характерных черт любого тоталитарного режима — быстрая расправа с любыми

нарушителями общественного порядка, политическими или уголовными безразлично (кстати сказать, это одна из причин ностальгии значительной части евроазиатов по сталинским временам). Сталин или Гитлер, Муссолини или Мао Цзэдун, Франко или Ким Ир Сен — не имеет значения: всюду уголовники попадают под общий каток массового террора и удерживаются в определенных пределах. То же произошло и в СССР 2-й половины 40-х гг.: за несколько лет тюрьмы и расстрелы «перемололи» основной костяк уголовников, и установилось былое равновесие — правда, далекое от «идиллии» минувших времен, в связи с резким усилением миграции населения, в том числе и уголовных элементов.

Положение стало меняться в 60-х гг., в связи с массовым переходом от традиционного сельского к современному городскому образу жизни и появлением социальных проблем, свойственных последнему, в том числе касающихся преступности. Органы охраны общественного порядка оказались застигнутыми врасплох лавинообразными переменами, продолжали действовать по старинке, и, понятно, упоминавшееся выше равновесие стало быстро смещаться в пользу уголовного мира.

Исчез былой патриархальный авторитет полицейского, переименованного в Советской России в милиционера. Служба в милиции до сих пор относится к разряду не особенно престижных. Поэтому кадры милиции заполняются, в основном, гастарбайтерами-лимитчиками. Они сравнительно ненадежны, легко могут пойти на злоупотребление своим служебным положением, поэтому многим из них, несмотря на звание «милиционер», не доверяют даже пистолета. А кому доверяют — должен несколько раз выстрелить в воздух для предупреждения и только потом стрелять в убегающего или нападающего преступника. В борьбе с хулиганами или мелкими воришками этого всегда оказывалось достаточным. Но перед лицом организованной преступности, с ее отлично вооруженными боевиками, на мощных автомашинах, с импортными портативными средствами связи такой «милиционер» совершенно беспомощен и вынужден прибегать к сложным маневрам «сосуществования» с преступным миром, чтобы не быть устраненным физически. Понятно, его эффективность очень низка, и попытка заменить качество количеством (десяток неэффективных советских милиционеров вместо одного эффективного полицейского) оказалась изначально обреченной на провал.

Исчез и былой авторитет всесильного в минувшие времена общественного мнения окружающих. Этот традиционный авторитет «выплескивался» на улицы крупных городов в виде сравнительно высокой активности населения, когда люди сталкивались с фактом нарушения общественного порядка. Достаточно было полицейскому (а затем милиционеру) дать оглушительную трель своего свистка — и к нему на помощь бросались не только полдюжины коллег с соседних постов, но и несколько прохожих мужчин побойчее. Так что преступникам приходилось несладко.

Эксплуатируя эти общие пережитки квазигражданственности, советское правительство создало в 20-х годах «Общество содействия милиции» (с годами, правда, захиревшее), а затем добровольные народные дружины силою в 14 млн. чел., что эквивалентно всей Советской Армии в период мировой войны. В одной Москве было до полумиллиона

дружинников — по одному на каждые 16 человек населения, включая младенцев. Теоретически с такой силой можно было искоренить всех преступников до последнего человека. Практически и это начинание было профанировано и, в конце концов, выродилось в имитацию поочередного дежурства пары безоружных старых леди за дополнительные три дня отпуска в году. Конечно же, к борьбе с преступностью это не могло иметь никакого отношения.

Вместе с тем, по мере массовой деморализации советского общества нарастала пассивность людей в отношении нарушителей общественного порядка. Любое вмешательство могло привести к крупным неприятностям как по части бюрократической волокиты в милиции, так и в смысле безнаказанной мести со стороны уголовного элемента. Постепенно сложилась невиданная прежде ситуация: если нападение на женщину, на ребенка, на старика все еще по инерции вызывает вмешательство окружающих, да и то все реже), то избиение мужчины мужчинами, не говоря уже об открытом воровстве, оставляет прохожих полностью равнодушными. Мало ли кто на кого напал, кто чего уносит! Вмешаться — потащат свидетелем в милицию, потеряешь полдня, да еще заподозрят в соучастии. А твое имя и адрес, безусловно, станут известны преступникам: государство выдаст им тебя, что называется, головой и не вступится, когда тебя самого изобьют или обокрадут...

Ровно месяц назад я шел на работу по переулку в центре Москвы. Внезапно впереди засигналила припаркованная машина, и из нее выскочили двое здоровенных молодых людей с какими-то вещами, выкраденными из машины. Типичная сегодня для Москвы картина, повторяющаяся до сотни раз в день. Бросились бежать мимо меня. В прежние времена обязательно поднял бы крик и попытался задержать хотя бы одного в полной уверенности, что на помощь бросятся все идущие по улице. Но сегодня все идут, как будто ничего не случилось. Зачем же мне нарываться на удар ножом и лежать, когда все будут проходить, перешагивая через тебя, столь же равнодушно, как сейчас идут мимо обокраденной машины? «Какое мне дело до вас до всех, а вам до меня?»

А ведь такая пассивность окружающих при низкой эффективности полиции — самый питательный бульон для преступности. Это означает, что общество опустило руки и сдалось на милость преступника в надежде, что сегодня пострадают не я, а кто-то другой. Совсем как женщина, безропотно отдающаяся насильнику, в надежде, что он сохранит ей жизнь.

Ну, и наконец — пенитенциарная система устрашения преступника наказанием. Даже трудно поверить, что столько взрослых людей, далеко не дебилов по своим клиническим данным, могли наворотить здесь такую гору благоглупостей, граничащих с фактическим покровительством преступника, с фактическим соучастием в его преступлениях. И не только наворотили, но и продолжают наворачивать...

Сначала объявили полицию и каторгу прошлого — «проклятым прошлым» (хотя ныне это кажется розовой идиллией по сравнению с тем изуверским бесчеловечием, которое пришло им на смену). Как уже говорилось, полиция была заменена «милицией», а каторга — «исправительно-трудовыми лагерями». Под это была подведена чисто умозрительная теория, согласно которой преступность — это свойство и наследие капитализма, при социализме для нее не остается места:

достаточно предельно гуманно отнестись к преступнику и «исправить» его участием в созидательном труде.

Что получилось?

В «исправительно-трудовых лагеря» при Сталине загоняли до 13 млн. чел. — это была просто рабская, даровая рабочая сила на страх другим. При Брежневе это число сократилось примерно до 4 млн. Из них три четверти составляли вовсе не преступники, а перепродавцы дефицитных товаров и мелкие жулики, которым, в отличие от десятков миллионов точно таких же, оставшихся на свободе, по разным причинам просто не повезло. В свою очередь, из оставшегося миллиона три четверти составляли мелкие воришки, случайно польстившиеся на чужое и попавшиеся в первый раз.

Но оставшаяся четверть миллиона — закоренелые преступники-рецидивисты: «тюремная аристократия», спаянная в единую корпорацию железной дисциплиной и держащая в полном повиновении всех остальных, угрожая им страшной участью изгоев — «опущенных». В конечном итоге, тюрьма, т.е. «исправительно-трудовой лагерь», превращается в самую настоящую академию (напомним, что в этих тюрьмах, в отличие от западных, в каждой камере сидят по несколько десятков заключенных). Уголовные «профессора» наставляют начинающих уголовников или вовсе даже неуголовников на путь далеко не истинный, прочно повязывают их уголовными связями при выходе из тюрьмы — и пожалуйста: каждый третий вышедший из тюрьмы пополняет ряды рецидивистов! И после этого находятся люди, которые имеют наивность утверждать, будто глупость человеческая может иметь какие-то пределы!

Подобного рода информация, постепенно накапливаясь, привела меня к 80-м годам в состояние полного отчаяния. Сначала я в знак протеста принципиально перестал читать журнальные и газетные статьи из раздела криминальной хроники, где бесконечно описывалось, как милиционер А. сделал шесть предупредительных выстрелов в воздух, после чего ему проломили голову и отобрали пистолет; как милиционер В. повис на подножке угнанного грузовика и был сброшен угонщиком; как рецидивист С., вырезавший три семьи, в третий раз бежал из «исправительно-трудового лагеря» и безнаказанно вырезал четвертую, Пятую, шестую... Когда увидел, что это не помогло, сам написал несколько статей, где — в пределах дозволенного цензурой — попытался указать на, мягко говоря, несообразность со здравым смыслом, а потому неэффективность борьбы с преступностью существующей системы. А также, интегрируя накопленный опыт, внес несколько конкретных предложений, из которых выделяются по важности три:

1. Заменить низкооплачиваемых, низкоавторитетных и низкоэффективных квартальных надзирателей, названных «участковыми уполномоченными» (из лимитчиков-гастарбайтеров) высокооплачиваемыми, высокоавторитетными и высокоэффективными комиссарами полиции со штатом помощников, со служебной квартирой, узлом связи, с хорошей служебной автомашиной и пистолетом, который такому доверенному лицу разрешалось бы разрядить в преступника безо всяких «предупредительных выстрелов». На мой взгляд, это должен бы быть своего рода «министр внутренних дел» городского микрорайона или села с чрезвычайными полномочиями (учитывая обстановку) посильнее, чем у американского шерифа. Ему на помощь в любой момент, наподобие пожарной команды,

могла бы быть вызвана «команда быстрого реагирования», способная принудить к сдаче или уничтожить любую вооруженную банду преступников.

2. Заменить абсолютно неэффективные «добровольные народные дружины» высокоэффективной национальной гвардией по типу американской, с той разницей, что ей чаще, чем американской, пришлось бы патрулировать в криминогенных зонах и принимать участие в боевых действиях против крупных вооруженных банд (с соответствующими поправками относительно организации, материального и морального стимулирования гвардейцев).

3. Заменить «уголовные академии» под вывеской «исправительных лагерей» эффективными пенитенциарными учреждениями, четко дифференцированными не по тяжести преступления (как было и есть), а по категории преступника. Случайно попавшихся перекупщиков и прочих «непреступников» вообще перестать сажать в тюрьмы (что и произошло позднее), а карать разорительными штрафами (чего не произошло до сих пор). Мелких начинающих воришек строжайше отделять от закоренелых преступников. Что касается последних, то тем из них, кто не поднял руку на человека, сохранять жизнь, ограничивая наказание тюрьмой и ссылкой, но так, чтобы они не могли вернуться в нормальное человеческое общество без чьей-то поруки, что не вернутся к уголовщине. А для всех, кто посягнул на жизнь человека — смерть, на страх таким же извергам, боящимся только такого наказания и воспринимающим тюрьму как своего рода санаторий между двумя убийствами (хотя для каждого нормального человека советская тюрьма намного страшнее смертной казни). Конечно, при смягчающих обстоятельствах, смертная казнь может быть заменена тюремным заключением, но возвращение в человеческое общество для убийцы при любых обстоятельствах должно быть запрещено. И это должен знать каждый, поднимающий руку на человека.

Как только была опубликована эта серия статей, меня тут же потащили в полицию. Причем на самый верх, в круг заместителей и ближайших помощников министра внутренних дел страны. Но не в качестве арестованного, а в качестве почетного гостя. Там я увидел хороших, опытных профессионалов, которые очень нелестно отзывались об «этих крестинах в Кремле, мешающих им работать» (дело было еще при Брежневе, но не думаю, что здесь есть ограничения во времени). Они подробно рассказывали мне, на какие моменты целесообразно обратить больше внимания в печати для формирования общественного мнения в духе лучшего понимания особенностей работы советской милиции и ее проблем, но очень сомневались, что это даст какие-то практические результаты, поскольку, по их словам (к которым я полностью присоединяюсь), «у нас никогда не было и никогда не будет правительства, которое хоть немного подумало бы о том, каково народу».

В то время (два десятка лет назад) мне казалось, что ничего хуже по части криминальной ситуации и ничего позорнее в смысле беспомощности правительства и по этой части в принципе быть не может. Однако 80-е годы, при всех творимых в то время безобразиях, кажутся сущей Швейцарией по сравнению с тем половодьем преступности, которое затопило страну в последующие годы и сделалось поистине безбрежным океаном в 90-х годах. Впечатление такое, будто страну оккупировала иноземная армия, солдаты

которой безнаказанно грабят и убивают ее граждан, насилюют женщин, обкладывают данью каждое предприятие, учреждение, организацию. Впечатление такое, будто к власти пришла мафия.

Слово «мафия» сделалось одним из наиболее расхожих в русском языке. Когда двое русских произносят его без каких-либо уточнений, всем ясно, что речь идет о «начальстве» — от местного до верховного, смотря по контексту. Когда два сотрудника Российской академии наук говорят «академмафия», обоим ясно, что подразумеваются маразматика, захватившие власть в этом учреждении и погубившие советскую науку. Когда это слово звучит в устах офицеров, ясно, что подразумеваются генералы. И каждый раз не без оснований, потому что имеется в виду вопиющее своекорыстие, откровенный грабеж и неразборчивость в средствах, когда надо устранить противника. Но наше общество устроено так, что подобное поведение не считается уголовным. И поэтому слово «мафия» является во всех перечисленных и им подобных случаях скорее образным, нежели юридическим определением. В данном же случае речь идет о самой настоящей, уголовной мафии. О той где не генералы, министры и академики, а воры и убийцы.

Каждому, приехавшему сегодня в Россию или любую другую республику бывшего СССР, бросается в глаза картина, обычная для стран Востока: бесконечная череда палаток на улицах, торгующих импортным спиртом, шоколадом, галантереей (гарантированная прибыль — до 500 — 700% на вложенный капитал); еще более многочисленные торговцы «с рук» между ними и сплошной поток толпы празднующихся — потенциальных покупателей. В крупных городах (например в Москве) количество палаток исчисляется десятками тысяч, торговцев — сотнями тысяч (миллионами в Москве), празднующихся — тоже миллионами.

Единственное, пожалуй, отличие от других стран мира — здесь гораздо чаще слышатся крики о помощи. У кого-то сорвали с головы дорогую меховую шапку (целая месячная зарплата!). У кого-то вырвали из рук сумку. У кого-то вытащили кошелек. А кого-то, приставив нож, заставили отойти за угол и сняли куртку, часы и т.д. Впрочем, обо всем-этом можно прочитать в любом историческом романе, описывающем уличные сцены Нью-Йорка или Лондона 1890-х годов.

Но ведь то, что бросается в глаза — сравнительно сущие пустяки. Так, нечто вроде пены на гребнях волн бушующего океана преступности. Под ними — менее видимые невооруженному глазу сами «волны», а под ними, в свою очередь, непроглядные глубины мафиозных структур, тесно переплетающихся с коррумпированным государственным аппаратом.

Проходя по улице, то и дело видишь, как к палатке подходят двое-трое молодых людей, словно сошедших с экрана из фильма о чикагских гангстерах 30-х гг. Обмен парой слов с продавцом — и в их руки переходит пачка денежных купюр. После этого молодые люди обходят ряды уличных торговцев, и наиболее солидные из последних (исключая стариков и пропойц с жалким тряпьем на руках) молча передают им денежные купюры. Это — рэкет в его наиболее примитивном виде. Есть виды посложнее, где оговоренная сумма передается в условленном месте или перечисляется со счета на счет по благовидной статье «накладных» расходов. Жаловаться в милицию бесполезно: сожгут палатку (несколько таких пожаров каждый день), избыют, убьют. Поэтому к помощи милиции прибегают лишь в

исключительных случаях: когда рэкетир требует непомерно большую часть прибыли. Словом, все, как у сутенеров с проститутками. Говорят, что не существует предпринимателя, который бы не платил дани рэкетирам в обмен на обязательство охранять от шантажа других рэкетиров. Во всяком случае, каждый из нескольких десятков лично знакомых мне предпринимателей — от уличного торговца до владельца предприятия с миллиардным оборотом — признает, что платит рэкетирам от 10 до 30% своей прибыли.

Ясно, что при перспективе столь быстрой, легкой и огромной наживы, позволяющей сколачивать миллиардные состояния и без затруднений «отмывать» их, не может не возникать организованная преступность. И, действительно, в газетах мы каждый день читаем о подвигах чеченской мафии, люберецкой мафии, азербайджанской мафии, свердловской мафии, ленинградской мафии, грузинской мафии, вьетнамской мафии, армянской мафии и т.д. (обилие преступных групп с Кавказа объясняется не национальными особенностями тамошних жителей, а жесточайшей клановой дисциплиной в условиях сравнительно сильных пережитков патриархальщины — это позволяет легко одолевать вечно грызущихся между собой русских, украинцев, прибалтов и т.д.).

Мафия занимается не только рэкетом, сутенерством, игорными домами, но и прямым грабежом. Так, в Москве ежедневно подвергается ограблению от 50 до 100 квартир. В некоторых случаях действуют одиночки-аутсайдеры, но, как правило, дело поставлено на поток: работают осведомители-наводчики, специальные бригады взломщиков, их прикрытие — охрана, автомашины — наготове и пр. Ясно, что для этого требуется организация на уровне предприятия. Грабежи случаются так часто, что многие (в том числе автор этих строк) стараются психологически подготовить себя к ним, не приобретают дорогих вещей, способных привлечь внимание грабителей, держат у родственников или знакомых чемодан с вещами первой необходимости, если вернешься в совершенно разоренную квартиру.

Мафия занимается и так называемыми «убийствами по заказу» (за определенную плату) — они за последнее время происходят все чаще. Кроме того, то и дело происходит «передел» сфер влияния. Тогда гремят выстрелы, льется кровь, остаются трупы — см. все те же гангстерские фильмы 30-х годов.

Чтобы не выглядело преувеличением, открываю первую попавшуюся газету за сегодняшнее число, когда пишутся эти строки (в принципе может быть любое число любого года):

«Сотрудники милиции провели операцию, вызволив из плена у чеченской мафии члена комиссии ООН по здравоохранению д-ра Н. Жизнь доктора чеченцы оценили в 1 млн. долларов. Благодаря случайно найденной записке с адресом преступников арестованы четыре члена банды».

«20 января в 17 ч. 20 мин. в Большом Тишинском переулке Москвы в офисе фирмы «Исток» расстреляны в упор четыре человека. Нападавшие скрылись. Предположительно, это дело рук чеченской мафии».

И такое — почти каждый день, по всем крупным городам страны. Но и это еще не все. Под «волнами» начинаются «глубины». То и дело по страницам газет проходят сообщения о том, что в таком-то ресторане прошло совещание — банкет главарей такой-то мафии, что на одном из

таких совещаний его участники были арестованы, но тут же отпущены по приказу «свыше», что у ворот такого-то кладбища собрались сотни роскошных автомашин: торжественно хоронили одного из главарей мафии; что мафия полностью контролирует «великие торговые пути» Берлин-Варшава-Москва и Стамбул-София-Москва, облагая данью современные караваны купцов, причем бандиты снимают целые этажи в лучших отелях Москвы, Варшавы, Берлина, Софии, Стамбула; что масштабы действий русской, чеченской и других мафий начинают тревожить правительства США, ФРГ, Польши, Болгарии. Высшие чины российской милиции говорили мне, что имена главарей мафии хорошо известны и их носителей не трудно арестовать в любую минуту.

Почему же этого не делают? За ответом на этот вопрос придется спуститься в «глубины» еще глубже.

Страницы газет облетели несколько сенсационных сообщений о крупных банковских аферах, когда по подложным документам переводились на подставные счета до сотни миллиардов рублей. (Для пояснения: это равнозначно годовому бюджету «средней» республики бывшего СССР.) Такое невозможно проделать без участия коррумпированных чиновников. В Москве огромное здание оценочной стоимостью 30 млн. руб. продается за 3 млн. — и сразу же начинается обсуждение, сколько рублей ушло на взятки продажным чиновникам. Конечно, не все чиновники продажные. Но в России широко распространено убеждение, что в каждом случае вопрос только в величине и форме взятки. Во всяком случае, все без исключения мои знакомые убеждены в этом и не предпринимают ни одного шага в контактах с любым государственным учреждением без взятки — начиная с букета цветов или шоколадки секретарше чиновника и кончая весомым конвертом с купюрами ему самому. А когда в Москве во главе милиции попытались поставить профессионала, известного своим негативным отношением к взяткам, в дело вмешались высокие инстанции и «неудобную» кандидатуру заменили другой, более покладистой. Несколько ранее два следователя, которые, расследуя дело о много миллиардных хищениях в Средней Азии, вышли на ближайшее окружение Горбачева, их тут же уволили и попытались отдать под суд, так что им пришлось бежать под защиту армянского парламента (один из следователей, по счастью для обоих, оказался армянином). А всех, замешанных в хищениях, тут же освободили.

Российские газеты усвоили себе глумливо-игривый тон при описании мелких преступлений, но никогда ни строчкой не обмолвились о крупных, опасных для жизни редактора газеты. И, разумеется, за последние годы не было ни одного судебного дела ни против главарей мафии, ни против высших сановников государства, замешанных в коррупции.

Короче, дело дошло до того, когда перестаешь различать черту, отделяющую уголовную мафию от коррумпированного государственного аппарата. Есть такие русские пословицы: рыбак рыбака видит издалека; рука руку моет; ворон ворону глаз не выклюет. Не знаю, удастся ли переводчику адекватно перевести их смысл на английский язык. Но знаю, что такие стервятники ускоряют катастрофические процессы и затрудняют выход из них.

Время от времени с высоких трибун раздаются призывы очнуться от криминальной летаргии и развернуть, наконец, крупномасштабную борьбу с

преступностью. Не сомневаюсь, что такая кампания рано или поздно будет начата: уж очень удобное это поле для популистских маневров, отвлекающих внимание народа от катастрофического положения в экономике и от полной неконструктивности в политике. Но ведь «отвлекающая кампания», конечно же, не покончит с преступностью, а сделает ее еще более организованной, изощренной, эффективной. А ведь не секрет, что никакая преступность никогда еще не содействовала восстановлению разрушенной экономики, разрушенного государства. Скорее, наоборот, — словно червь, усиливала мучения заживо разлагающегося организма

По общему мнению, русская мафия сегодня представляет собой наиболее грозный отряд преступного мира, являющий смертельную угрозу не только для России, но и для других стран, не исключая США, ФРГ и др. Эта угроза может оказаться серьезнее, чем все предыдущие, исходившие из СССР. Такая «рука Москвы» может прихлопнуть Западную Европу и США посильнее 60 тыс. советских танков и атомных подводных лодок, вместе взятых. Поэтому считаю, что вопрос о борьбе с преступностью в бывшем СССР должен лечь в повестку дня Совета Безопасности ООН.

Как известно, последние римские императоры укрылись в Равенне, окруженной со всех сторон непроходимыми болотами, и бросили Первый Рим на произвол судьбы, на разграбление варварами. Похоже, наши последние императоры, укрывшиеся под псевдонимами президентов, проделали то же самое с Третьим Римом — Москвой, укрывшись на своих подмосковных дачах под надежную охрану и бросив население целой страны на произвол отъявленных разбойников. Пока что не видно света в конце этого туннеля. И если не будет видно еще несколько лет — стране конец даже при самых удачных экономических и политических решениях.

Я никогда не решился бы говорить об этом, если бы мне не было 75 лет (советские мужчины, по статистике, живут в среднем 57) и не было бы безразлично, умру ли я собственной смертью, или меня убьют в моей родной стране, в этом проклятом Богом и людьми государстве.

Что же касается пустословия насчет «искоренения преступности» (на практике — введение «половодья преступности» в ее обычные берега), то социологу — и не только социологу — положено знать, что искоренять надо не столько преступников, сколько так называемые социальные источники преступности, ту питательную среду, которая порождает преступников каждодневно, ежечасно, сколько их ни сажай, ни расстреливай. Иначе борьба с преступностью напоминает попытку осушить гнилой пруд ведрами, когда в него потоком льются со всех сторон грязные помои.

В первом приближении таких социальных источников преступности насчитывается более полутора десятков, и способы их «перекрытия» как раз и составляют суть нормативных прогнозов в этой отрасли социологии. Перечислим их в самом кратком виде:

- неблагополучная семья;
- школа-казарма с ее репрессивной педагогикой;
- теневая экономика, немыслимая без правонарушений;
- пьянство и наркомания (об этом специально в следующей лекции);
- приезжая низко квалифицированная и низкооплачиваемая рабочая сила, поставленная в дискриминационные условия (лимитчики-гастарбайтеры);

- открытая и скрытая безработица;
- коррупция;
- рэкет;
- тюрьмы как «уголовные академии»;
- клановые структуры стран ближнего и дальнего зарубежья, а также из отдельных национальных районов РФ;
- бесконтрольная организованная преступность стран Запада;
- социально-опасная психопатия;
- «дедовщина» всех уровней и разновидностей;
- отечественная организованная преступность («российская мафия»)
- самовоспроизводящаяся система;
 - антикультура с ее культами насилия, похоти, наркокайфа, воспитывающая потенциальных преступников.

Этот перечень можно продолжить, и каждый пункт заслуживает специальной лекции.

Лекция 24

ПРОГНОЗЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО НАРКОТИЗМА (АЛКОГОЛИЗАЦИЯ И ДЕЗАЛКОГОЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА)

В 1976—1980 гг., по заданию Отдела науки ЦК КПСС, мне пришлось участвовать в выработке рекомендаций по части того, как быть с нарастанием в стране пьянства и алкоголизма. По ходу работы пришлось изучить гору литературы, которая открыла лично мне много сенсационного — нового, позволив существенно оптимизировать отношения с алкоголем, почти полностью сведя к минимуму неприятные последствия общения с ним. А главное — понять причины нашего дикого пьянства и реальные пути минимизации этого бедствия. К сожалению, начальство не прислушалось к конструктивным рекомендациям ученых и предпочло «антиалкогольную авантюру», которая, как известно, кончилась крахом, и сегодня положение дел на этом фронте еще катастрофичнее, чем прежде.

Собранные материалы, в конечном счете, вылились в книгу, заказанную одним из тогдашних издательств. Но рукопись имела несчастную судьбу. Издательство-заказчик реорганизовали, а в двух других издательствах она дважды нарывалась на алкоголиков. В одном случае — на зав. редакцией. В другом — на зам. главного редактора (с понятной похмельной реакцией обоих персонажей). И только в 1999 г. издательство «Физкультура, образование и наука», где по счастливому стечению обстоятельств на тот момент не оказалось ни одного алкоголика, выпустило книгу под названием «Пьянство как социальная проблема». (Ниже кратко излагаются основные положения этого труда — естественно, с серьезными поправками на прошедшие годы).

Эта лекция является завершающей только потому, что о ней спрашивают с самого начала спецкурса, с нетерпением ждут ее каждый год вот уже 20 лет, и наполняемость аудитории резко возрастает по сравнению с предшествующими, так что возникает опасение — поставь ее раньше, и слушатели, удовлетворив свое любопытство, потеряют всякий интерес к прогнозированию.

Особое место в этом ряду занимает пьянство — не только повальное, но одновременно еще и особого вида, резко отличающееся от того, какое имеет место в США и других странах мира (за исключением разве что Финляндии). Без его преодоления нечего и думать справиться с преступностью: подавляющее число агрессивных преступлений совершается либо в состоянии сильного опьянения, либо в состоянии горького похмелья — наркотической «ломки», когда ради стакана спиртного наркоман-алкоголик готов на любое преступление, либо в погоне за вожделенной выпивкой — с той же готовностью на любые средства для этого.

Но повальное пьянство не только источник преступности. В его русском (украинском, белорусском и прибалтийском) варианте оно постепенно превратилось в «холеру XX века», действующую наподобие СПИДА. Если его не преодолеть — Россия, Украина, Белоруссия обречены на гибель не позднее первой половины XXI века, даже если экономика этих стран будет полностью восстановлена на рыночной основе и тоталитаризм окончательно сменится демократией. По той же причине, по какой сегодня обречены на гибель малые народы Севера России, не успевшие выработать социальные механизмы защиты от губительного действия алкоголя.

Такие механизмы давно выработаны у народов, приобщившихся к потреблению алкоголя тысячелетия назад. Посмотрите, как они действуют у народов Восточно-Азиатской цивилизации (Китай, Индокитай, Корея, Япония), с их ритуальным потреблением небольших доз рисовой водки по торжественным случаям, с заботливым ограждением от нее будущих отцов и матерей. У кочевых народов Средней Азии, с их ритуальным потреблением кислого конского молока (эквивалентного слабому пиву). У народов Северной Европы (от Шотландии до России), с их ритуальным потреблением различных сортов пива — до появления крепких спиртных напитков после изобретения арабами в XVI веке способов их производства. Наконец, у народов Средиземноморья — от Испании и Франции до Грузии и Армении, позднее включая обе Америки, с их культурой ритуальных доз коктейля, аперитива, столового и десертного вина (обычно разбавленного водой), микродоз ликера, водки, коньяка на сытый желудок после обеда.

В этой связи представляет интерес многотысячелетний опыт средиземноморской алкогольной цивилизации, выявивший оптимальные дозы приема алкоголя по семи его конструктивным функциям:

- Пиво и некоторые сорта сухого вина для обострения наслаждения при утолении жажды (разжигаемой, если надо, разными соленьями). Маленькими глотками на протяжении часа-полтора дозами 0,5 л. на мужчину и 0,3 л. на женщину.

- Коктейль для оживления длительной беседы (маленькими глотками 20—40 г. на протяжении одного-двух часов).

- Аперитив для обострения аппетита перед едой (15 г. залпом).

- Столовое вино для запивания еды за обедом и ужином (100—150 г.). При любых тостах бокал только пригубливается.

- Десертное вино для запивания фруктов (включая шампанское). Та же доза и та же процедура при тостах.

- Водка, коньяк или ликер по выбору (только одно что-нибудь!) для оживления беседы на сытый желудок за чаем после обеда или ужина. Доза — 15 г. маленькими глотками на полчаса-час.

- Лечебное вино (кагор выздоравливающему, водка с перцем озябшему и т.п.). Доза 30—50 г. Вино — мелкими глотками, водку — залпом.

Следует уточнить, что чуда не произойдет. Алкоголь свое черное дело сделает. Напомним, что во Франции — 5 млн. алкоголиков на 50 млн. населения, и каждый из них — отнюдь не подарок. Но это — не столь буйные алкоголики, как наши туземные. Главное же, перечисленные процедуры позволяют полностью получать все, что вы ожидаете от алкоголя, но в десятки раз дешевле и без тех ужасающих последствий, когда дозы удешевятся, а похмелье — ужасающе.

Народы России в данном отношении, как уже говорилось, сначала шли в общем русле «алкогольной цивилизации» Северной Европы, а затем, после появления в XVI в. крепких спиртных напитков, пути разошлись: германцы, от англичан до шведов, постепенно «перебежали» в романский лагерь, а восточные славяне и угро-финны (исключая Венгрию, но включая Финляндию) пошли своим путем. Польша в данном отношении составила как бы «буферное пространство» с элементами той и другой культуры, преимущественно последней.

Это не могло объясняться экономическими причинами (в Финляндии и России разная экономика, а пьют одинаково). Не могло объясняться и расовыми причинами (финны и венгры — одного племени, а пьют различно). Кроме того, те же финны и русские, эмигрировав, скажем, в США, минимум во втором поколении, если не в первом, пьют не как финны и русские, а как все американцы. Значит, дело в социальных особенностях. Рассмотрим их внимательнее.

На просторах Северо-Восточной Европы невозможно было развить ресторанную культуру Средиземноморья. Люди жили, в основном, хуторами или малыми деревнями по полдюжине изб в каждой (правда, напомним, что в каждой избе размещалось до полутора-двух десятков людей, из них половина — дети). К тому же почти ни у кого не было денег: сплошное рабство. К тому же от деревни до деревни — многие версты плюс сплошное бездорожье, плюс морозы под 40 градусов С. А выпить хочется. И мои предки нашли гениальное решение проблемы, чему я самолично был свидетелем в детстве, поскольку многовековые питейные традиции сохранились в моем родном селе до начала 30-х гг., пока их не уничтожила «коллективизация сельского хозяйства» и последующая урбанизация.

Потребление спиртного, согласно этим традициям, приурочивалось только к ритуалам свадьбы, похорон, церковных праздников и т.п. Застолье собиралось обычно в одной избе, куда приглашалось много гостей из соседних изб и даже из соседних деревень. «Посадочных мест» — максимум два-три десятка, а приглашенных — в несколько раз больше. Как быть? Сначала сажали за стол «патриархов» — глав патриархальных семейств (кстати, после 30—35 лет завершивших свой детопроизводный цикл: их жены к тому времени становились бабушками и в большинстве своем теряли способность рожать после пятых или десятых родов — заметим это особо). На их долю приходилась львиная доля спиртного. Но особенно засиживаться за столом было нельзя: своей очереди ждали другие. Поэтому оставалось выпить залпом большую «чарку» крепкого спиртного, быстро заесть выпитое, повторить эту процедуру еще один-два раза и отойти поболтать в стороне, освободив место следующему.

Следующими были «матриархи» — почтенные матери семейств, которым традиция предписывала самое умеренное потребление спиртного, грозя осуждением за излишество. И только потом наступал черед молодежи, на долю которой обычно оставались жалкие, символические остатки спиртного, причем «добрачная» публика напрочь исключалась из этой процедуры, все особы женского пола, а также женихи строжайше обязывались только «пригубливать», т.е. имитировать прием спиртного, не принимая внутрь ни капли — тоже под страхом осуждения всесильным тогда общественным мнением окружающих.

Так минимизировалось алкогольное зло. При массовом переходе от традиционного сельского к современному городскому образу жизни вековые ритуалы исчезли, а связанные с ними стереотипы потребления алкоголя остались. Вот почему русский человек считает элементарным качеством настоящего мужчины опрокинуть в себя залпом стакан любого спиртного — от крепчайшего спирта до теплого шампанского, затем, если возможно, повторить эту процедуру второй и третий раз, а заодно с презрением отозваться о «бабе-немце», который часами смакует едва ли десятую долю дозы водки, приличествующей каждому уважающему себя мужчине.

При массовом распространении подобного стереотипа практически на каждодневное потребление крепкого алкоголя последствия оказались сходными с эпидемией чумы или холеры. Не секрет, что стакан (0,2 литра) 40-градусной водки делает почти каждого человека явно сумасшедшим — нередко просто буйно помешанным — на срок от двух до четырех часов. А два-три стакана — тем более. Теперь представьте себе, что должно произойти, если стакан водки принимает рабочий за станком, шофер за рулем, профессор на кафедре и даже министр на совещании. А это — в порядке вещей у десятков миллионов людей каждый день.

Во-первых, начинается массовая гибель людей — напрямую от алкоголя (отравление, несчастный случай) или косвенно (ослабление организма). Подсчитано, что прямо или косвенно за счет злоупотребления алкоголем можно отнести почти каждую третью смерть. Алкоголики вообще редко живут более 50 лет, но в России миллионами мрут от пьянства 30—40-летние. При прочих равных условиях смертность в России значительно выше, чем за рубежом (причем мужчины умирают в среднем на 10 лет раньше женщин), — и прежде всего по вине стакана водки.

Во-вторых, начинается разорение страны, сопоставимое по масштабам с войной или землетрясением. Государственная монополия на продажу спиртного давала казне в 70-х гг. до 58 млрд. руб. ежегодно — без этого невозможно было свести концы с концами в 400-миллиардном бюджете. Но затем проклятый стакан водки уносил из национального бюджета до 120 млрд. руб. в год. После стакана водки поезд словно сам собой врывается в другой состав, теплоход — в другой теплоход, автомашина таранит в лоб другую автомашину — десяток убитых, опрокидывается в кювет автобус с полусотней пассажиров, врывается в стену трактор, ломается дорогостоящий станок, сотни пожаров каждый день в самом буквальном смысле развеивают в дым миллиарды рублей — а причиной почти каждого пожара был и остается пустой стакан водки и непогашенная сигарета в руках задремавшего после такой дозы спиртного человека. Достаточно сказать, что десятилетиями в сельское хозяйство каждый год бесплатно направляли чуть ли не миллион тракторов — и каждый год получали соответствующую

грудю металлолома, а количество тракторов росло незначительно. Как вы думаете, в трезвом виде можно угробить такую армаду?

В-третьих, алкоголь, как известно, — такой же наркотик, как и никотин, только слабее кокаина или морфия. Все государства мира, объявляющие преступлением продажу наркотиков, жульнически исключают из их списка алкоголь и никотин, потому что иначе неясно, почему за одни наркотики грозит тюрьма, а другие продаются свободно, в том числе самим государством. В этом отношении наши государственные мужи напоминают того средневекового монаха, который перекрестил поросенка в караса, чтобы с аппетитом съесть его во время поста. Но ведь природу не обманешь. И если сотню, даже полсотни лет назад алкоголиков в России было в десятки раз меньше, чем, скажем, во Франции, то теперь СССР с его более чем полудюжиной миллионов алкоголиков обогнал Францию. К этому надо прибавить вдвое большее число неалкоголиков, но «сильно пьющих» (не менее стакана — двух водки каждый день) и поэтому как бы кандидатов в алкоголики. Огромная армия тяжело больных людей, сопоставимая по масштабам со всеми остальными больными, вместе взятыми. Их надо лечить, а средств не хватает даже на «нормальных больных». Поэтому часть особо опасных алкоголиков загоняли, как сумасшедших (каковыми они, по сути, и являются), в «диспансеры» — своего рода тюрьмы. А остальных предоставляли произволу судьбы — на великое горе их близким и на великую радость начинающим пьяницам, для которых они играют роль авторитетных учителей. Ныне сеть диспансеров в развале, и миллионы алкоголиков брошены на произвол судьбы — к ужасу окружающих.

В-четвертых, к стакану водки стали все чаще прикладываться женщины, молодежь, даже подростки. Сравнительно недавно на сто мужчин-алкоголиков в России приходилась лишь одна женщина-алкоголичка, сегодня соотношение 10:1, и дело быстро идет к западным стандартам, по которым соотношение близко 1:1. Но в России положение особое, здесь женщина всегда была главным оплотом борьбы против пьянства. И вот теперь рушится последний оплот... Что касается молодежи и подростков, то их вовлечение в повальное пьянство означает, во-первых, лавинообразное разрастание последнего, а во-вторых, окончательный подрыв генофонда народа, потому что резко увеличивается процент зачатий в состоянии опьянения и соответственно ускоряется процесс олигофренизации населения (есть сельские районы, где процент дебилов и маргиналов намного превысил 10% и приближается к 25%, число таких районов растет).

Все это еще в начале 70-х гг. позволило квалифицировать алкогольную проблемную ситуацию в СССР как остро критическую, с тенденцией перерастания в катастрофическую. По распоряжению правительства было образовано несколько исследовательских групп (в одну из них входил автор этих строк), которые с 1976 по 1980 г. независимо друг от друга изучали проблему и к 1981 г. представили свои рекомендации в Сводный отдел Госплана СССР. Рекомендации оказались поразительно единодушными, различаясь лишь в незначительных деталях. В самых общих чертах они сводились к следующему:

- Сделать бюджет возможно менее зависимым от «алкогольных инъекций» (переход от «пьяного бюджета» к «трезвому бюджету»). Без этого любая борьба против пьянства изначально разбивалась об экономику,

упиралась в «экономический фронт». С такой целью было предложено около двадцати программ расширения производства товаров народного потребления, от сборных коттеджей и автомашин до модной одежды и коллекционных книг. Реализация давала доход, намного превышавший доход от государственной монополии на спиртное.

- Развить «индустрию досуга», уровень которой в стране до сих пор близок к нулевому. Миллионы людей принимают стакан водки только для своего рода «самоубийства на четыре часа», так как психика человека не выдерживает тоски «ничего неделания». А занять себя не умеют: старые традиции исчезли, новые не появились, обрадовался опасный «досуговый вакуум», заполнить который, по мировому опыту, могут только игровые автоматы и другие аттракционы (лучше в комплексе «лунапарков») плюс клубы по интересам, о которых уже шла речь.

- Организовать эффективное лечение миллионов алкоголиков на специальных сельскохозяйственных фермах по принципу самообеспечения себя продуктами при личном трудовом участии пациентов (все остальные варианты, ввиду нехватки продуктов, были и остаются нереальными). Кстати, имелось несколько конкретных многообещающих проектов на сей счет, детально разработанных и опробованных на практике. Разумеется, параллельно должна развертываться широкомасштабная профилактическая работа по предупреждению алкоголизма.

- Нейтрализовать «теневую» экономику (подпольное частное производство спиртного в подрыв государственной монополии), которая одна способна свести на нет любые усилия по борьбе с пьянством. Для этого приблизить цены на спиртное к реально-рыночным (они были занижены, что открывало широкий простор для перепродажи с целью наживы), применять разорительные штрафы для крупных подпольных производителей спиртного — на страх миллионам мелких, затяжная борьба с которыми не давала и не могла давать заметных результатов.

- Ввести жесткие санкции за появление в общественных местах пьяным (в одной только Москве милиция подбирает ежедневно до 4 тыс. буянящих пьяных хулиганов или валяющихся без сознания мертвецы пьяных) — вплоть до лишения «вида на жительство», составляющего главную ценность (выше денег!) в глазах каждого советского человека, и ссылки для принудительного лечения в специальные трудовые колонии.

- Широко пропагандировать более высокую культуру потребления спиртного, разъяснять анахронизм традиций — пережитков прошлого, возбуждать чувство стыда у людей за скотское пьянство, за неумение потреблять спиртное без потери чувства человеческого достоинства.

- Создать массовое общество борьбы за трезвый образ жизни, заимствовать ценный зарубежный опыт (особенный интерес представлял опыт организации «Анонимные алкоголики», сделать пьянство в глазах людей предосудительным.

- Широко развернуть мелкое предпринимательство (ремесла, торговля, садово-огородные участки и т.д.), памятуя, что миллионы людей приобщились к спиртному от отчаяния безысходности, от невозможности найти применение своей инициативе в условиях тоталитаризма.

При этом подчеркивалось, что рекомендации носят принципиально комплексный характер, могут дать эффект только в совокупности.

Достаточно провала на любом из восьми перечисленных «фронтов», чтобы все начинание оказалось обреченным на неудачу.

Как повелось в СССР, рекомендации были положены под сукно. О них надолго забыли. А напомнить как следует было некому. Потому что — тоже как повелось в СССР — специалисты по проблемам алкогольной ситуации разделились на два смертельно враждующих лагеря: сторонники немедленного введения «сухого закона» («алкофобы» или «алконавты», по прозвищам, данным им противниками и сторонники постепенного распространения более высокой культуры потребления спиртного, по западным стандартам («алкофилы», или «бормотологи», по ответным прозвищам со стороны их противников; последнее трудно переводимо на иностранные языки и происходит от фольклорного термина «бормотуха», которым обозначаются самые низкие и вредные сорта спиртного). Я не принадлежал ни к одному из них, и поэтому мне жестоко доставалось от обоих. Горький опыт «сухого закона» в России, США и Финляндии в 20-х гг. наглядно показывал, что любая авантюра подобного рода изначально обречена на провал и лишь обогатит «теневую» экономику, т.е. стоящую за ней мафию. С другой стороны, любая попытка за несколько лет приобщить скифскую алкогольную цивилизацию к стандартам средиземноморской (для чего странам Северо-Западной Европы понадобилось, для примера, несколько веков) напоминает попытку за тот же срок перевести Россию с русского языка (или США — с английского), скажем, на эсперанто. То есть в обоих случаях заведомо гибельная утопия.

Тем не менее, именно борьба новоявленных «остроконечников» и «тупоконечников» (помните лилипутов Свифта?) составила все содержание попыток решения алкогольной проблемы на протяжении первой половины 80-х гг. К середине 80-х гг. верх одержали сторонники «сухого закона», печатно пригвоздившие своих оппонентов к позорному столбу. Вот почему, когда правительство Горбачева в поисках первых, возможно более эффективных шагов начинавшейся «перестройки» решило одним махом преодолеть действительно серьезную алкогольную проблемную ситуацию, оно выбрало «сухой вариант» — при этом самый глупый из всех возможных.

Упор был сделан на постепенное ограничение потребления спиртного административными мерами. Были установлены «зоны трезвости» — целые районы, где перестали продавать спиртное. И «время трезвости», резко ограничившее часы и пункты торговли спиртным. Результат нетрудно было предугадать. По оценкам специалистов, взрослое население СССР (за исключением мусульманских республик) в отношении потребления алкоголя делилось в пропорции 20:60:20. В первую составляющую входили трезвенники (соотношение мужчин и женщин 10:90), во вторую — «символически», «мало» и «умеренно» пьющие («символически» — рюмка по праздникам, «мало» — несколько рюмок по праздникам, «умеренно» до полустакана, т.е. до 100 граммов не обязательно каждый день; соотношение мужчин и женщин 50:50); в третью — «сильно» пьющие (стакан более крепкого спиртного почти ежедневно) и алкоголики (соотношение тех и других 3:1, соотношение мужчин и женщин 90:10). Таким образом, кампания оказалась направленной против 80% взрослого населения, не представляющего себе ни одного сколько-нибудь значительного события в

жизни без застолья со спиртным. Миллионы людей немедленно выстроились в километровые очереди. И тогда начала действовать мафия.

Поражение правительства Горбачева оказалось сокрушительным. За какой-нибудь год подпольное производство спиртного сравнялось по своим масштабам с государственной монополией. Потребление алкоголя осталось на том же уровне, а государство стало терять ежегодно десятки миллиардов рублей — контрибуция побеждающей мафии. Сначала попытались дать ей бой, но когда выяснилось, что придется арестовывать ежегодно миллионы человек (именно таково оказалось количество мелких подпольных производителей спиртного), правительство капитулировало полностью. Начатая в 1986 г. кампания уже к 1988 г. бесславно провалилась. Еще несколько лет шли «арьергардные бои»: правительство сдавало одну позицию за другой. Все кончилось осенью 1991 г., после провала августовского путча и распада Советской империи. По сути, правительство отказалось от государственной монополии на продажу спиртного, и города России оказались заваленными спиртным (наполовину — отечественным, наполовину — импортным), дающим колоссальные прибыли частным торговцам и мафии.

Тем самым оказался вновь включенным часовой механизм «адской машины», рассчитанный, как уже говорилось, на 30—50 лет, после чего народы Восточной Европы должна постигнуть судьба тех племен Вест-Индии и Океании, которые были стерты с лица земли алкогольным половодьем.

Положение усугубляется тем, что алкогольная проблемная ситуация перерастает через критическую в катастрофическую на фоне очень высокого потребления никотина, очень плохого состояния окружающей среды и очень плохого состояния здравоохранения. Оно усугубляется также тем, что Россия оказывается совершенно беззащитной перед лицом надвигающегося цунами сильных наркотиков. До сих пор СССР не представлял для мировой наркомафии никакой ценности: охотиться за неконвертируемой валютой может только сумасшедший. Но теперь российская валюта стала фактически конвертируемой (правда, по совершенно безумному ажиотажному курсу, в несколько раз превышающему реальное соотношение покупательной способности рубля и доллара). При этом наркомафия, как известно, не платит налогов и пошлин, поэтому для нее может оказаться выгодным освоение даже российских рынков сбыта. И тогда России, не имеющей опыта борьбы с наркотиками, — конец, если не помогут ООН, ВОЗ, Интерпол и другие международные организации.

Лекция 25 (заключительная)

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПРОГНОСТИКИ

Все предыдущие лекции читались в МГУ и других университетах более 30 лет (с 1967 года). Разумеется, содержание обновлялось, но проблематика, в общем и целом, оставалась той же. Заключительная лекция посвящена прогнозам, которые только еще вырабатываются и осмысливаются в лабораториях ведущих футурологов мира. О них еще понятия не имеют чиновники ни одного правительства, ни одной международной организации, никто из экономических и политических деятелей, даже почти никто из ученого мира (за исключением нескольких

сот профессиональных футурологов, которые начинают обсуждать эти проблемы на своих конференциях). Разумеется, о них понятия не имеет мировая общественность, в целом — включая студенчество. Да и затруднительно знакомить с такими сюжетами просто «человека с улицы»: «эффект футурофобии», о котором мы столько говорили в первых лекциях, вырабатывает здесь полную меру.

Однако курс лекций по прогнозированию — тем более социальному — не может считаться завершенным, если студент не будет знать, над чем сегодня работает прогностика, что происходит, так сказать, на переднем крае этого фронта научных исследований. Надеемся, из прогнозного курса слушатель понял, что в технологическом прогнозировании не дается никаких предсказаний. Только выявление назревающих проблем и путей их решения. Из наиболее важных социальных прогнозов последних лет мы выбираем четыре:

— Технологический прогноз выхода из проблемной ситуации, связанной с начавшимся физическим вырождением человечества.

— Технологический прогноз преодоления проблемной ситуации, связанной с превращением общества в «коллективного наркомана».

— Технологический прогноз предотвращения назревающей четвертой мировой войны (считая третьей «холодную войну» 1946—1989 гг.).

— Технологический прогноз оптимизации начавшегося процесса превращения человека в кибернетический организм (киборгизация личности).

1. Начавшееся физическое вырождение человечества и пути его предотвращения. До самых последних лет никому не приходило в голову, что массовый переход от традиционного сельского к современному городскому образу жизни (он полностью завершится в глобальных масштабах на протяжении первой половины XXI века — в значительной мере, на протяжении ближайших двух-трех десятилетий) влечет за собой, помимо многих других, одно поистине катастрофическое последствие: в городе человек полностью теряет потребность в семье, в детях, мало того — становится как бы «социально импотентным», неспособным к нормальному воспроизводству поколений, чем, как нетрудно понять, подписывает себе смертный приговор в качестве разновидности земной фауны.

Как мы уже говорили в лекции по социологии семьи, в деревне ребенок с малых лет — помощник по хозяйству, подросток — «заменитель» отца и матери в важных трудовых операциях, молодожен — надежный союзник родителей на всю жизнь, их «живая пенсия» на старости лет. При этом высокая детская смертность заставляла наиболее здоровых женщин рожать до 10—20 раз, чтобы, в конечном счете, выжило трое-четверо самых жизнеспособных, передающих затем свои гены по наследству. Так обеспечивалось выживание рода homo sapiens на протяжении 40000 лет (по некоторым данным, даже больше).

В городе ребенок — всегда обуза, ломающая карьеру матери и очень осложняющая жизнь отцу. Подростки, у которых в городе — своя жизнь, отдельная от родителей, сбиваются в дикие звериные стаи и становятся чужими, все чаще враждебными отцу и матери. Молодежь, создавая свои семьи (точнее, в подавляющем большинстве своем, долгое время или даже всю жизнь пребывая в беспорядочном сожительстве — конкубинате) и вовсе

полностью отчуждался от родителей — вплоть до полного «разрыва поколений».

Естественная реакция на это людей — возможно более долгое воздержание от обзаведения семьей и нарастающая лавина разводов. В конечном счете, двух родителей начинают сменять не трое-четверо, как прежде, а всего один. Что, как нетрудно понять, обрекает на вымирание любую популяцию. До самых недавних пор полагали, что этот процесс займет столетия, если не тысячелетия, так что есть время исправить положение и вернуться к нормальному воспроизводству поколений. Более глубокое изучение наметившихся тенденций показывает, что времени осталось не так уж много: всего несколько десятилетий XXI века — и чем дальше, тем труднее будет приостановить перерастание назревающей критической (уже не просто проблемы!) ситуации в катастрофическую.

Дело в том, что процесс физического вырождения человечества сказывается, идет не просто в форме нарастающего преобладания смертности над рождаемостью и соответствующей постепенной убыли населения (депопуляция), а как бы «уступами», «обвалами», «лавиной».

Развал семьи, массовый конкубинат, потеря потребности в детях на практике ведет к подавляющему преобладанию однополой, в среднем, семьи. В ней ребенку не о ком заботиться с малых лет, и он все чаще вырастает инфантилом — «сущим ребенком» на всю жизнь, с соответствующим отношением к социальной ответственности, к семье, к классовым отношениям, к наркотикам и т.д.

При этом он не обязательно обладает наилучшей наследственностью. Мало того, как мы уже говорили, идиотизм современной школы расшатывает его нервную систему, подрывает иммунитет (аллергия), искривляет позвоночник, портит зрение, а все чаще и систему «ухо-горло-нос», не говоря уж об урологии и гинекологии. И вся эта генная ущербность как бы автоматически передается по наследству. С данной точки зрения, один ребенок в семье (а это сегодня в городе скорее норма, чем исключение) — это почти то же самое, что потомство от кровосмешения: неизбежная физическая и психическая деградация от поколения к поколению.

Это еще не все дикие звериные стаи подростков о которых мы упоминали выше, начинают беспорядочную половую жизнь с 14—15 лет, а то и раньше. При этом средства массовой информации обрушивают на них шквал полностью легализованных половых извращений — от мужеложства и женоложства до онанизма и скотоложства. Результат: лавина венерических заболеваний (от СПИДа до массового подросткового трихомоназа), нарастающие урологические и гинекологические осложнения, сильнейшие осложнения, сильнейшие осложнения при родах, ущербное потомство, импотентность и бесплодие. Словом, у подростков и молодежи искусственно создаются условия, неотличимые физически и психически от жизни обычной проститутки. Как известно, физиология и психология такой женщины исключает потомство, даже если не предохраняться. Мужчины в этом плане выглядят не лучше.

Чтобы сказанное не показалось излишним «нагнетением ужасов», приведем данные медицинского осмотра 15-летних девушек-восьмиклассниц одной из элитных московских школ, где родители уделяют должное внимание детям (иными словами, в остальных школах положение еще хуже). Из 72 обследованных девушек только четырем (!) врачи

гарантировали нормальные роды и здоровое потомство. Остальные делятся на две части. Одни еще девственницы, не пьют, не курят, не приобщаются к более сильным наркотикам. Но наследственность и состояние здоровья таковы, что осложнений при родах не избежать, а потомство почти наверняка будет в чем-то еще более ущербным. Другие уже начали беспорядочную половую жизнь. Многие подхватили, как минимум, трихоматоз. Многие — уже заядлые курильщицы и систематически находятся в состоянии довольно сильного опьянения. Некоторые уже начали приобщаться к еще более сильнодействующим наркотикам. Здесь шансы на здоровое потомство — не больше, чем у самой последней вокзальной проститутки.

Через пять лет в России ожидается падение числа детей и подростков школьного возраста на целую треть (с 21 млн. до 14 млн.). Как вы думаете, при только что обрисованном состоянии подрастающего поколения эти 14 млн. снова превратятся в 21 млн. или, скорее, падение продолжится лавинообразно, до нуля включительно?

Во избежание недоразумений, сделаем три существенных уточнения:

- Во-первых, падение рождаемости — тенденция глобальная, наблюдается, за незначительными исключениями, во всем мире. Оно связано с урбанизацией — массовым переселением людей в города. А в городе человек ведет себя примерно одинаково, безразлично зулус он или папуас, буддист или мусульманин. Поэтому, какой бы отметки ни достигло человечество во 2-й четверти XXI века — 8, 9, 10 миллиардов, дальше каждые 20 лет начнется «уполовинивание» молодежи, а затем взрослых работоспособного возраста. Правда, еще какое-то время останется растущее по инерции число стариков-пенсioenеров. Но их судьбе в условиях «разрыва поколений» трудно будет позавидовать. Не исключено, что их начнут сразу выпихивать и на пенсии, и в краткосрочные хосписы одновременно. И это было бы справедливым воздаянием за их греховные деяния, за их богомерзкое («секс», «кабор» и т.п.) поведение во второй половине XX — первой четверти XXI в., и действительно, с какой стати одному работающему кормить десяток совершенно чужих ему людей?

- Во-вторых, падение рождаемости происходит неравномерно, разными темпами и масштабами в разных странах мира. Где-то с трех-четырех детей в «средней» семье до одного-двух. А где-то с пяти-десяти до трех-четырех (но в более отдаленной перспективе — все равно до двух-одного и далее). Этот разрыв неизбежно порождает растущее число вакантных мест — с одной стороны; растущих экспанентно выходцев из «трудоизбыточных» регионов мира — с другой. Наряду с растущим разрывом в уровне и качестве жизни той и другой стороны, он является первопричиной назревания четвертой мировой войны, чему будет специально посвящен один из следующих разделов лекции.

- В-третьих, мы абстрагируемся от научных открытий, которые почти наверняка произойдут в первой четверти XXI века и могут существенно видоизменить проблемную ситуацию. Например, с года на год ожидаемое произвольное определение пола будущего ребенка. Не подлежит сомнению, что в патриархальном обществе, которое никуда не делось вот уже несколько тысяч лет, это будет автоматически означать девять (если не девяносто девять) мальчиков на одну девочку. На воспроизводстве следующих поколений это скажется абсолютно так же, как если бы

человечество поголовно перешло к гомосексуализму. Конечно, затем последуют судорожные попытки сбалансировать систему. Либо коммерческие («стоимость» девушки на брачном рынке взлетит до небес), либо фашистские (пол ребенка — по разнарядке). Но то, что произойдет «большой скачок» к нулевой отметке численности мирового народонаселения — неоспоримо.

Ситуация может измениться и с началом клонирования человеческих особей. Но это будет уже не человечество, а качественно иная разновидность земной фауны. Мы специально остановимся на этом аспекте в последнем разделе лекции.

Возможно ли преодоление кризиса и возвращение ситуации из критической в нормальную проблемную, каковая всегда существовала на всем протяжении истории рода людского?

Теоретически — да. Для этого надо всего лишь осознать, что смысл жизни любой разновидности земной флоры и фауны, не исключая человека, ошибочно считающего себя разумным, — не в каком бы то ни было «катаре», а всего лишь в воспроизведении потомства. И сделать из этого соответствующие выводы под страхом исчезновения взбесившейся популяции — микробов ли, человека ли, обезьян ли, все едино — с лица Земли. Это означает, что высший класс общества — и по уровню жизни, и по почету — должны составлять вовсе не аристократия, не номенклатура, не олигархи, а *Отцы и Матери* семейств. Разумеется, не абы какие, а способные воспроизводить здоровое потомство (таких всегда меньшинство). Создав условия для того, чтобы в каждой такой семье было три-четыре ребенка, — это и значит стабилизировать положение, создать основу, на которой общество может нормально развиваться до любых параметров, признанных оптимальными.

Практически — нет. Потому, что все еще нет осознания важности семьи для выживания человечества. Потому, что семья и дети только снижают уровень и качество жизни. Потому, что видимо, нам не избежать предреченного в Апокалипсисе.

2. Начавшееся превращение общества в «коллективного наркомана» и пути преодоления этой проблемной ситуации.

Человек, как и машина, время от времени «перегревается» на работе. Кроме того, если его безмерно огорчать — это все равно, что сыпать песок в шестеренки: вот-вот сломается. В обоих случаях требуется отдых, отдых, разрядка-релаксация. И человек с древнейших времен научился делать себе такую разрядку: смена занятий, приобщение к творчеству (в принципе безразлично — какому), катарсис — «возвышение духа» при встрече с подлинным искусством, антикатарсис — «загрязнение духа» при скандале, драке или хотя бы зрелище оных. Назовем все это ясности ради «наркотическим эффектом» мысленного перенесения себя на какое-то время в «мир иной» для отдохновения от трудов и огорчений «мира сего».

Много тысяч лет назад было сделано открытие: если пожевать, вдохнуть или глотнуть какую-нибудь гадость — «наркотический эффект» удесят�еряется. Однако до второй половины XX века заядлые курильщики,

пьяницы-алкоголики и наркоманы составляли ничтожный процент населения, «величину, которой можно пренебречь».

Положение изменилось с массовым переходом к городскому образу жизни, с превращением подростков и молодежи из ближайших сотрудников своих родителей в дикие звериные стаи со своими собственными законами, с массовой деморализацией людей.

В любой стае есть авторитетный вожак и есть приниженные, над которыми издеваются все остальные. Так и только так поддерживается стайная дисциплина, достигается выживание стаи. И если вожак курит, опрокидывает в себя стакан водки, сидит на «игле» и живет от случайки к случайке — то всем остальным приходится делать то же под страхом попасть в «приниженные». А так как удельный вес подобных случаев в молодежной среде городов исчисляется растущими десятками процентов, нетрудно сообразить, как это сказывается на молодежи и на всем обществе в целом.

Типичный вожак ведет себя не как вздумается, а сообразно господствующей моде, в том числе подростковой и молодежной. Между тем не секрет, что существует хорошо отлаженная «индустрия моды», в рамках которой не самые бескорыстные люди на земле наживают сотни миллиардов долларов на простой инстинктивной стадности человека, особенно сильной именно у молодежи. И если сигарета на рекламном щите (пусть даже с издевательской надписью «Минздрав предупреждает...») отождествляется со стилем жизни, достойном подражания, — не сомневайтесь, молодой человек потянется к ней, даже если его поначалу вывернет наизнанку. Если изображение бутылки спиртного на каждом фонарном столбе — не сомневайтесь, она обязательно появится на столе в любой молодежной и даже подростковой компании. Чтобы «все как у взрослых». Если на сцене и на экране самые симпатичные герои — законченные наркоманы, то стоит ли продолжать?

Уточним, что речь идет не только об «индустрии моды». Существуют табачные монополии, вино-водочные синдикаты, наркобизнес. У каждого — свои методы завоевывания рынка. Вплоть до «иглы» насильно, несколько раз, пока не потянет самого (саму), как с девочкой, которую сутенер кулаками превращает в безразличную ко всему шлюху. Вплоть до хорошо отлаженной системы спаивания, сживания с лица Земли наркотиками целых народов земного шара, начиная с русского.

Что получается в конечном итоге? Общество, перешедшее к городскому образу жизни, год за годом постепенно превращается как бы в «коллективного наркомана» — с соответствующими «кайфом», «ломкой» и неизбежным концом.

И при этом на горизонте — лавина синтетических наркотиков, которые можно готовить дома, как стакан чая, и с которыми невозможна борьба традиционными способами.

Бесстрашная статистика свидетельствует:

- Начинаешь в 16—18 лет с пачки сигарет в день — в 85 случаях из 100 умираешь до 60 лет (при изначальном потенциале в 90). И дети твои, зачатые после нескольких лет курева, обязательно будут в чем-то ущербны, только до сих пор практически никого не интересовало, в чем именно.

- Начинаешь в 16—18 лет со стакана водки в день — в 85 случаях из 100 умираешь до 50 лет (т.е. почти наполовину сокращаешь себе жизнь). И

дети твои, зачатые после нескольких лет пьянства, в большинстве своем будут уродами и дебилами.

- Садись в 16—18 лет на «иглу» — в 85 случаях из 100 умираешь до 30 лет. Детей обычно в этой короткой жизни не бывает, а если и случается — монстры из фильма ужасов.

Теперь помножьте всю эту картину на растущие десятки процентов подростков и молодежи. Может ли быть у такого общества будущее за пределами не то что XXI века, а скорее даже первой половины оногo?

Остановить это коллективное сумасшествие, коллективное самоубийство невозможно ни убеждением, ни принуждением. Для этого требуются такие же годы и годы, какие потребовались для раскрутки смертоубийственного механизма наркотизации общества. Путем замены его столь же эффективным механизмом денаркотизации.

В самых общих чертах этот последний механизм включает в себя следующие элементы:

1. Отказ от гнусного общемирового социального лицемерия и признание, что никотин и алкоголь — такие же наркотики, как и сильнодействующие, только, в отличие от последних, легализованные.

2. Запрет на любую рекламу любых наркотиков — как прямую, так и косвенную (в литературном, сценическом, экранном, изобразительном искусстве). Приравнивание такой рекламы к растлению людей (с самым суровым уголовным преследованием).

3. Широкое просветительство по части механизма и последствий наркотизации, с упором на то, с чего начинается и чем кончается действие никотина, алкоголя, вообще наркотиков. Мобилизация на это дело всей рекламной индустрии, всего потенциала искусства.

4. Суровая дискриминация потребителей никотина и алкоголя. Создание условий, при которых такое потребление приравнивается к справлению постыдной нужды в специально отведенном для этого месте. Создание условий, при которых «человек с вредными привычками» рассматривается как заведомо «низшая раса», неконкурентоспособная сравнительно с лицом, таких привычек не имеющим, когда речь идет о вакансии, распределении любого дефицита, вообще в любой соревновательной ситуации.

5. Создание моды на отказ от любых наркотиков (определенные успехи в этой области есть в США).

3. Назревание четвертой мировой войны и пути ее предотвращения. Все три мировые войны XX века были войнами за мировое господство. Во всех трех США шаг за шагом приближались к мировому господству и, наконец, достигла его. Но на этом сходство кончается. Вторая мировая была не похожа на первую. А Третья намного сильнее отличалась от Второй. Есть основания предполагать, что Четвертая будет не похожа ни на одну из предыдущих. Некоторые ее контуры проглядывают сквозь «Бурю в пустыне», где вооруженные силы Третьей мировой (натовские) безнаказанно громили армию Второй мировой (иракскую — копию советской). Или сквозь столь же безнаказанные «точечные бомбардировки» Сербии по ее жизненным центрам. Или сквозь финансовые потрясения в конце 90-х гг. целых стран (в том числе и России), спровоцированные кучкой хакеров, которые оказались способными

дезорганизовать экономику государства не хуже налета армады бомбардировщиков.

Три «критические массы» накапливаются сегодня. Как только они сольются друг с другом — начало Четвертой мировой неизбежно.

Первый фактор — рост новых и новых сотен миллионов полностью или частично безработных в странах Африки, Азии, Латинской Америки. Сегодня это число приближается к миллиарду или уже перевалило за него. Колоссальная безработица в отдельных странах мира была веками и была привычной. Неграмотные люди не знали иной жизни и мирились со своей судьбой. Сегодня они получили, по меньшей мере, начальное образование, знают о «иной жизни в ином мире». Рвутся к ней (правда, дорываются считанные проценты) и, безусловно, не остановятся ни перед чем, чтобы «работать как в Азии, а жить как в Европе» (еще раз напомним нашу несбыточную мечту «работать как в СНГ, жить как в США»).

Второй фактор — наличие тоталитарных, изуверских и мафиозных структур, которые способны повести эти сотни миллионов на новые «кувейты». Собственно, и не перестают вести, потому что ничего другого народу предложить не могут, а без балансирования на грани войны попросту теряют смысл существования. Иллюстрации: Израиль, Ливан (с трудом замиренный), Балканы, Чечня, Афганистан и весь среднеазиатский «пояс напряженности».

Третий фактор — оружие массового поражения, из года в год прямо-таки «плывущее в руки только что перечисленных структур и полностью уравнивающее шансы сторон при новой «Буре в пустыне».

Менее вероятно — ядерное, потому что сопряжено с трудностями изготовления и доставки. Однако разработка все более портативных образцов делает вполне реальной доставку «чемоданчика» с бомбой куда-нибудь поближе к Статуе Свободы, Мавзолею Ленина, Трафальгарской колонне или Эйфелевой башне. Мощность бомбы не имеет значения, поскольку паника неизбежно доберет необходимые миллионы жертв.

Более вероятно — химическое, поскольку здесь изготовление и доставка — проще простого. Правда, действенность этого вида оружия ограничена, но, как показывает токийский опыт, если его умело применить на пересадочных узлах метро в «часы пик» — паника окажется сопоставимой с ядерной бомбардировкой.

Еще более вероятно — бактериологическое, перед которым все страны мира совершенно беззащитны. Здесь число жертв может исчисляться миллионами еще до паники, а изготовление и доставка — еще проще, чем в случае с химическим оружием.

Наконец, наиболее вероятно — компьютерное. Представляете, никто никому не объявляет никакой войны, а воздушный, железнодорожный, трубопроводный, городской общественный транспорт (включая лифты) парализован, финансы в глубоком обмороке, предприятия, учреждения, организации одни за другими приостанавливают свою деятельность, снабжение и торговля закрываются, выстраиваются очереди, назревает социальный взрыв...

Теперь представьте себе любую серьезную конфликтную ситуацию в любой стране мира (от скандала какой-нибудь Моники с каким-нибудь Биллом до противостояния какого-нибудь президента с каким-нибудь парламентом). И сразу — провокация с применением любого из

перечисленных выводов оружия массового поражения. Меж тем, соотношение сил на мировой арене постоянно меняется. Запад год за годом клонится к закату. Восток год за годом разгорается все ярче. Словом, все как в Ливане или Косово, только в мировом масштабе.

Как развести руками такую беду?

В глобальном плане выход только один — мировое правительство с вооруженными силами, способными обезвредить любого агрессора еще до того, как он совершит агрессию. Не американское, не натовское, а действительно мировое, опирающееся на эффективное развитие органов ООН, с участием Китая, Индии, Японии, России, Бразилии, Мексики — всех крупных держав мира, способных внести решающий вклад в борьбу с потенциальным агрессором. Правительство, целиком нацеленное на решение глобальных проблем современности (о которых столько говорилось в этом курсе лекций), нацеленное на переход к альтернативной цивилизации, исключающей все и всяческие войны.

В региональном плане (касательно нашей родной страны) вывод тоже только один. Поскольку в Четвертой мировой, как и в Третьей, не будет никаких фронтов, никаких различий между «военными» и «гражданскими» лицами — к войне должны быть готовы все поголовно, невзирая на пол и возраст. Лучше всего это сделать в рамках средних учебных заведений, для молодежи 14—20 лет — день в неделю, месяц в лето, а затем краткосрочные курсы переподготовки каждый год до пенсионного возраста. Возможно, в форме национальной (гражданской) гвардии. Возможно, просто в форме периодических сборов резервистов. Главное, чтобы в «час икс» не было никакого замешательства, чтобы каждый знал, где и что ему делать, и умел это делать, как на пожаре.

Что же касается собственно вооруженных сил, то опыт Третьей мировой не оставляет выбора. В современных условиях оказываются полностью неспособными армии, основанные на рекрутчине. Пусть вдесятеро меньше, пусть всего полмиллиона вместо пяти миллионов — зато каждый контрактник-профессионал стоит сотни насильно забритых инфантилов. Правда, для этого должна существовать система стимулов, при которой конкурс в армию превосходил бы конкурс в Академию наук или в ГИТИС. Но это уже из области экономики...

4. Киборгизация личности — оптимизация процесса. Ныне только пенсионеры помнят компьютеры первого поколения. Нечто вроде камеры хранения — огромная комната, заставленная до истока ящиками-ячейками, которые, непрестанно жужжа, выдавали через несколько суток что-то вроде $2 \times 2 = 4$. Вот уже лет двадцать перед нами компьютер нового поколения, и такое впечатление, будто он пребудет вечно. Но впечатление обманчивое, потому что на него уже совершено два покушения и теперь совершается третье, наверняка удачное.

Первое покушение — ноутбук габаритами с кейс десятков лет назад. К концу XX века он вышел из моды, так и не вытеснив своего предшественника — привычный стационарный компьютер, имевший перед соперником весомые преимущества. Второе покушение — тот же ноутбук, но уже с габаритами видеокамеры. Он существует до сих пор, но — параллельно со стационарным. Ибо тот и другой имеют специфику, исключаящую взаимозаменяемость.

Наконец, третье покушение нам продемонстрировал летом 2000 года журнал «Футурист», поместив на обложке симпатичную японку с черным квадратом 5х5 см, прикрепленным к дужке очков сверху наискосок от правого глаза. И со странными громоздкими перстнями на всех десяти пальцах обеих рук, перевитыми сложной сетью каких-то проволочек.

При ближайшем рассмотрении квадрат оказался монитором на жидких кристаллах, который дает такое же изображение, как и привычный стационарный (как — остается только догадываться). А перстни — это, оказывается, видоизмененный кейборд. А где де сам компьютер? Он торчит в нагрудном кармане, как телефон-мобильник (с пояснением, что есть еще один вариант — в виде довольно больших наручных часов).

Скорее всего, этот опытный образец — как паровой автомобиль XVIII века. Но это именно уже автомобиль, а не еще карета. Через несколько лет мы получим первые серийные образцы компьютера еще одного поколения. И как бы они ни выглядели, они обязательно должны будут отвечать следующим требованиям:

1. Предельно портативно — на уровне карманных или наручных часов с таким монитором, на котором все — как на телеэкране, и таким кейбордом можно пользоваться походя.

2. Все до единой функции стационарного компьютера, плюс телевизор, плюс радиовидеотелефон. Полный «эффект присутствия» на любом зрелище в любом городе мира. Доступ к любой информации любой библиотеки мира, не говоря уже о текущей арене. Возможность визуального общения с любым лицом в любой части земного шара, включая телеконференции и виртуальный роман с любимым человеком.

3. Опора на все информационное богатство Интернета или систем того же типа. Пока что все это — в состоянии первозданного хаоса. Но пройдет совсем немного лет — и здесь все будет, как в хорошей библиотеке. Что-то бесплатно. Что-то за плату. Что-то для ограниченного круга пользователей. Но во всех случаях — полная возможность приобщения ко всей информационной сокровищнице человечества.

Заметим, что эта машина способна легко решать любые задачи на оптимум — от расписания дел на день с минимумом расходов времени и средств, с максимумом эффекта по заранее заданным критериям до алгоритма оптимальной подготовки диссертации или стратегии отношений с любыми, чтобы выбираться в депутаты, министры, академики (правда, когда такие машины у всех — такого рода стратегии будут неизбежно «наезжать» друг на друга). Она способна помочь любой творческой работе — содействовать уточнению изобретения или рационализаторского предложения, скомпоновать роман или повесть, подобрать рифмы, сочинить музыку, выдать оригинальную графику и т.д. Она способна взять на себя любую разновидность рутинной канцелярской работы — проследить, просчитать, считать, сравнить, скопировать и пр.

Ясно, что человек во всеоружии подобной машины и совсем без оной — как летчик в кабине современного истребителя против голого троглодита с палицей. Поэтому в быстром и совместном распространении аппарата сомневаться не приходится.

Это еще не все.

На второе десятилетие XXI века инженеры-электронщики обещают нам, что эта штука будет встроена в человеческий организм наподобие

протеза, а еще спустя десяток лет — наподобие железы типа щитовидной или предстательной. В обоих случаях организм практически ставится под контроль машины. Но с превеликой радостью! Ведь машина оптимально программирует идеальные, заранее заданные рост, вес, габариты, состояние всех до единого органов человеческого организма, легко одолевает любые заболевания, поддерживает высокой тонус, хорошее настроение, отличную физическую и умственную работоспособность. А в более отдаленной перспективе открываются возможности практически безбрежного повышения эффективности интеллекта, психологии, физиологии — ведь хорошо известно, что во всех этих отношениях потенции нашего организма используются всего на несколько процентов.

Стоп! А по каким программам работает эта машина? Кто их разработал? Господь Бог или ты сам? Не открывается ли здесь возможность безбрежного манипулирования психикой и интеллектом человека?

Да полно — человек ли это уже перед нами? Скорее, кибернетический организм, работающий на оптимизм, которому, в отличие от человека, не свойственно ошибаться, предаваться эмоциям, любить, страдать, мучиться сомнениями, радоваться достижениям, которому все человеческое чуждо.

Ну, а как же само сомнение? Напомним, что все вышесказанное ожидается не через тысячу, а через десять-двадцать-тридцать лет, при вашей жизни, дорогие мои юные слушатели.

Возможно, киборг окажется по каким-то критериям настолько же «эффективнее» человека, насколько тот — «эффективнее» обезьяны. Но может быть, все же оставить на всякий случай нас с вами — скажем, в виде «контрольной группы», если с киборгами пойдет что-то не так?

Этот вопрос (в качестве заключения) представляю на ваше усмотрение.

Алфавитный указатель русских терминов

Основные рекомендуемые термины даны полужирным шрифтом; параллельные (кроме кратких форм, представляющих собой простое усечение, не включенных в указатель), не рекомендуемые и термины, приведенные в примечаниях, светлым.

Числа обозначают номера терминов.

Номера не рекомендуемых терминов заключены в скобки.

Термины, имеющие в своем составе прилагательные, расположены по алфавиту своих главных слов (имен существительных в именительном падеже). В этом случае запятая, стоящая после какого-либо слова в термине, указывает на то, что при использовании данного термина (в соответствии с написанием, принятым в настоящем сборнике) словам, находящимся до запятой. Например, термин «верификация, инверсная» следует читать «инверсная верификация».

А

Анализ адекватности прогнозной модели 81

Анализ динамики объекта прогнозирования 81

Анализ, морфологический 115

Анализ объекта прогнозирования, пост прогнозный 84

Анализ объекта прогнозирования, предпрогнозный 83

Анализ прогнозного горизонта объекта прогнозирования 85

Анализ прогнозного фона объекта прогнозирования 86

Анализ структуры объекта прогнозирования 79

В

Вариант прогноза 14
Вариант, прогнозный 14
Верификация, дублирующая (120)
Верификация, инверсная 119
Верификация, консеквентная 120
Верификация, косвенная 118
Верификация оппонентом 122
Верификация повторным опросом 121
Верификация посредством «адвоката дьявола» (122)
Верификация прогноза 48
Верификация, прямая 117
Верификация учетом ошибок 123
Верификация экспертом 124
Время основания (37)
Время прогнозирования (35)
Время упреждения (35)

Г

Горизонт, прогнозный (35), 36
«Граф-модель» объекта прогнозирования 6
Группа, экспертная 73

Д

Дальность прогнозирования 46
Дисконтирование информации об объекте прогнозирования 69
Достоверность прогноза 39

3

Задание на прогноз 44
Значение переменной объекта прогнозирования, базисное 56

И

Интерполяция, прогнозная 90
Источник ошибки прогноза 42
Источник фактографической информации объекте прогнозирования 64
Источник экспертной информации объекта прогнозирования 65
Информативность переменной объекта прогнозирования 68

К

Компетентность эксперта 72
Компетентность экспертной группы 74
Конференция идей (110)
Корректировка прогноза 49
Коэффициент компетентность экспертов 72

М

Матрица, морфологическая 116
Мерность объекта прогнозирования 62
Метод анализа публикаций 103
Метод, дельфийский 111
Метод деструктивной отнесенной оценки 110
Метод гармонических весов 93
Метод группового учета аргументов 97
Методика прогнозирования 9
Метод индивидуальной экспертной оценки 106

Метод интервью 107
 Метод исторической аналогии 99
 Метод коллективной инерции идей 110
 Метод коллективной экспертной оценки 108
 Метод математической аналогии 100
 Метод «мозговой атаки» 110
 Метод опережающей информации 101
 Метод отнесенной оценки 110
 Метод построения прогнозного сценария 114
 Метод прогнозирования 8
 Метод прогнозирования, авторегрессионный 95
 Метод прогнозирования, матричный 112
 Метод прогнозирования, морфологический 115
 Метод прогнозирования, патентный 102
 Метод прогнозирования по опережающей информации 101
 Метод прогнозирования, публикационный 103
 Метод прогнозирования, регрессионный 94
 Метод прогнозирования статистический 38
 Метод прогнозирования, фактографический 87
 Метод прогнозирования, факторный 96
 Метод прогнозирования, цитатно-индексный 104
 Метод прогнозирования, экспертный 105
 Метод стимулированного наблюдения 110
 Метод сценария 114
 Метод управляемой генерации идей 110
 Метод цепей Маркова 98
 Метод эвристического прогнозирования 113
 Метод экспертный комиссий 109
 Метод экспоненциального сглаживания 92
 Модель, прогнозная 6
 Модель, прогностическая (2)

Н

Надежность прогноза (39)

О

Обоснованность прогноза 40
 Объект прогнозирования 5
 Ориентация, предпрогнозная 43
 Оценка, индивидуальная экспертная 75
 Оценка, коллективная экспертная 75
 Оценка, прогнозная 75
 Оценка экспертная 75
 Ошибка прогноза 41

П

Параметр объекта прогнозирования 55
 Переменная объекта прогнозирования 51
 Переменная объекта прогнозирования, значащая 52
 Переменная объекта прогнозирования экзогенная 54
 Переменная объекта прогнозирования эндогенная 53
 Период основания прогноза 37
 Период упреждения прогноза 35

Предположение (2)
Предсказание (2)
Прием прогнозирования 10
Признак (51), 50
Принцип вариантности прогнозирования 17
Принцип верифицируемости прогнозирования 19
Принцип непрерывности анализа объекта прогнозирования 78
Принцип непрерывности прогнозирования 18
Принцип оптимизация 77
Принцип рентабельности прогнозирования 20
Принцип системности прогнозирования 15
Принцип согласованности прогнозирования 16
Принцип специфичности объекта прогнозирования 76
Показатель 51
Полнота исходной информации 67
Потребитель прогноза 12
Прогноз 2
Прогноз, генетический (21)
Прогноз, глобальный 33
Прогноз, дальнесрочный 30
Прогноз долгосрочный 29
Прогноз, изыскательский (21)
Прогноз, интервальный 24
Прогнозирование 3
Прогнозирование, нормативное 3*
Прогнозирование, оперативное 3*
Прогнозирование, поисковое 3*
Прогнозирование по функции с гибкой структурой 91
Прогноз, исследовательский (21)
Прогноз, качественный 23*
Прогноз, количественный 23*
Прогноз, комплексный 23*
Прогноз, краткосрочный 27
Прогноз, локальный 34
Прогноз, межгосударственный 34
Прогноз, межотраслевой 34
Прогноз, межрегиональный 34
Прогноз, многомерный 31
Прогноз, мультиплетный (31)
Прогноз, нормативный 22
Прогноз, общегосударственный 34
Прогноз, одномерный 32
Прогнозология (1)
Прогнозомия (1)
Прогноз, оперативный 26
Прогноз, отраслевой 34
Прогноз, поисковый 21
Прогноз, программный (22)
Прогноз, региональный 34
Прогноз, сингулярный (32)

Прогноз, системный 23	
Прогноз, среднесрочный 28	
Прогноз, территориально-производственный 34	
Прогноз, точечный 25	
Прогностика 1	
Перспектива, прогнозная 47	
	Р
Ретроспекция, прогнозная 45	
Ряд, динамический 57	
	С
Синтез прогнозов 50	
Система прогнозирования 7	
Система, прогнозирующая (7)	
Сложность объекта прогнозирования 61	
Составляющая динамического ряда, регулярная 58	
Составляющая динамического ряда, случайная 59	
Срок прогнозирования (35)	
Структура объекта прогнозирования 63	
Субъект анализа объекта прогнозирования 82	
Субъект прогнозирования 4	
	Т
Таблица, определительная генеральная 60	
Точность прогноза 38	
	Ф
Фон, прогнозный 11	
Футурология (1)	
	Х
Характеристика, качественная 51	
Характеристика, количественная 51	
Характеристика объекта прогнозирования 51	
	Э
Эксперт 71	
Экстраполяция, прогнозная 89	

Этап прогнозирования 13

Терминология

I. Общие понятия

1. Основные понятия

1	Прогностика Нрк футурология; Прогнозономия; прогнозонология D Prognostik E Prognostics; future studies F Prospective	Научная дисциплина о закономерностях разработки прогнозов.
2	Прогноз Нрк Предсказание; предположение; прогностическая модель	Научно обоснованное суждение о возможных состояниях объекта в будущем и (или) об альтернативных путях и сроках их

	D prognose T Forecaste F Une prevision; une prospective	достижения.
3	Прогнозирование D Prognostizierung E Erecasting F La prevision; la prospective	Процесс разработки прогнозов. <i>Примечание.</i> В зависимости от вида прогноза различают нормативное и поисковое прогнозирование, оперативное прогнозирование и т.п.
4	Субъект прогнозирования D Prognostizierungssubjekt; subject der Prognose E Forecast subject F Previsionniste	Организация, предприятие, учреждение или отдельное лицо, осуществляющее разработку прогноза
5	Объект прогнозирования	Процессы, явления и события, на которые направлена познавательная и практическая деятельность субъекта прогнозирования. <i>Примечание.</i> В зависимости от природы объекта различают: социальные, научно-технические, экономические, экологические и другие объекты прогнозирования; в зависимости от возможности воздействия на него субъекта прогнозирования – управляемые и неуправляемые объекты.
6	Прогнозная модель D Prognosemodell E Prognostic (future) model F Modele prognostique	Модель объекта прогнозирования, исследование которой позволяет получить информацию о возможных состояниях объекта в будущем и (или) путях и сроках их осуществления. <i>Примечание.</i> Прогнозная модель в виде графа называется «граф-модель объекта прогнозирования», или «граф-модель».
7	Система прогнозирования Нрк Прогнозирующая система D Prohnosesystem T Forecasting system F Systeme de prevision (de la prospective)	Система методов прогнозирования и средств их реализации, функционирующая в соответствии с основными принципами прогнозирования. <i>Примечание.</i> 1. Средствами реализации являются экспертная группа, организационные мероприятия, технические средства и т.д. 2. Системы прогнозирования могут быть автоматизированными и неавтоматизированными и разрабатываться на различных уровнях управления. 3. В настоящее время известны системы прогнозирования ИНПРОГС, ПАТТЕРН, ПРОФАЙЛ и др.
8	Метод прогнозирования D Prognosemethode E Method of forecasting Forecasting technic F Methode de prevision (de la prospective)	Способ исследования объекта прогнозирования, направленный на разработку прогноза. <i>Примечание.</i> Методы прогнозирования являются основанием для методик

		прогнозирования
9	Методика прогнозирования D Prognosemethodik E Methodics of forecasting F Methodique de prevision (de la prospective)	Совокупность методов и правил разработки прогнозов конкретных объектов.
10	Прием прогнозирования <i>D Prognoseverfahren</i> E Form of forecasting F Forme de prevision (de la prospective)	Одна или несколько математических или логических и других операций, направленных на получение конкретного результата в процессе разработки прогноза. <i>Примечание.</i> В качестве примера могут выступать: вычисление средневзвешенного значения оценок экспертов, определение компетентности эксперта, сглаживание и выравнивание динамического ряда и т.д.
11	Прогнозный фон D Prognosehintergrund E Background (environment) of forecasting F Fond prognostique	Совокупность внешних по отношению к объекту прогнозирования условий (факторов), существенных для решения задачи прогноза.
12	Потребитель прогноза D Prognosenbedarfstrager; Bedarfstrager der Prognose E Forecast user F Utilisateur de la prevision (de la prospective); usager de la prevision	Организация, предприятие, учреждение или отдельное лицо, использующее результаты прогнозов, а также в ряде случаев формулирующее задание на прогноз.
13	Этап прогнозирования D Prognostizierungstappe E Stage of forecasting F Etape de prevision (de la prospective)	Часть процесса разработки прогнозов, характеризующаяся своими задачами, методами и результатами. <i>Примечание.</i> 1. Деление на этапы связано со спецификой построения систематизированного описания объекта прогнозирования, сбором данных прогнозного фона. С построением поисковой и нормативной моделей, верификацией прогноза. 2. Особое место занимает предпрогнозная ориентация, предшествующая операциям собственно прогнозирования, а также разработка рекомендаций для целеполагания, планирования, программирования, проектирования, т.е. для управления на основе данных, полученных в результате прогнозирования.
14	Вариант прогноза Прогнозный вариант D Prognosevariante E Prognostic variant F Variante prognostique	Один из прогнозов, составляющих группу возможных прогнозов объекта прогнозирования.

2. Принципы прогнозирования		
15	Принцип системности прогнозирования Принцип системности D Systemprinzip E System-approach principle; system concept of forecasting F Principe des systemes	Принцип прогнозирования, требующий взаимоувязанности и соподчиненности прогнозов объекта прогнозирования и прогнозного фона и их элементов с учетом обратных связей.
16	Принцип согласованности прогнозирования Принцип согласованности D Prinzip der Abgestimmtheit E Concordance principle F Principe de coordination (de conformite)	Принцип прогнозирования, требующий согласования нормативных и поисковых прогнозов различной природы и различного периода упреждения.
17	Принцип вариантности прогнозирования Принцип вариантности D Variationsprinzip E Principle of variance F Principe de variantes	Принцип прогнозирования, требующий разработки вариантов прогноза, исходя из особенностей рабочей гипотезы, постановки цели (в нормативном прогнозировании) и вариантов прогнозного фона.
18	Принцип непрерывности прогнозирования Принцип непрерывности D Kontinuitatsprinzip E Principle of continuity F Principe de continuite	Принцип прогнозирования, требующий корректировки прогнозов по мере необходимости при поступлении новых данных об объекте прогнозирования.
19	Принцип верифицируемости прогнозирования Принцип верифицируемости D Prinzip der Verifizierbarkeit E Principle of profitability E Principle of verifiability F Principe de verification	Принцип прогнозирования, требующий определения достоверности, точности и обоснованности прогнозов.
20	Принцип рентабельности прогнозирования Принцип рентабельности D Prinzip der Wirtschaftlichkeit E Principle of profitability F Principe de rentabilite	Принцип прогнозирования, требующий превышения экономического эффекта от использования прогноза над затратами на его разработку.
3. Виды прогнозов		

21	Поисковый прогноз Нрк Исследовательский прогноз; изыскательский прогноз; генетический прогноз D Forschungsprognose E Research (genetic) forecat F Prevision (prospective) exploratoire	Прогноз, содержанием которого является определение возможных состояний объекта прогнозирования в будущем.
22	Нормативный прогноз Нрк Программный прогноз D Normative Prognose E Normative forecast F Prevision (prospective) normative	Прогноз, содержанием которого является определение путей и сроков достижений (принимаемых в качестве заданных) объекта прогнозирования в будущем.
23	Комплексный прогноз D Komplezprognpse E Complex forecast F Prevision complexe	Прогноз, содержащий элементы поискового и нормативного прогнозов. <i>Примечание.</i> Нормативные, поисковые и комплексные прогнозы могут быть по характеру отражаемых свойств или качественными, или количественными прогнозами; если прогноз использует системное представление объекта прогнозирования, он именуется системным прогнозом.
24	Интервальный прогноз D Intervallprognose E Inteval forecast F Prevision (prospective) au intervaales	Прогноз, результат которого представлен в виде доверительного интервала характеристики объекта прогнозирования для заданной вероятности осуществления прогноза.
25	Точечный прогноз D Punktprognose E Point (exact) forecast F Prevision (prospective) exacle	Прогноз, результат которого представлен в виде единственного значения характеристики объекта прогнозирования без указания доверительного интервала.
26	Оперативный прогноз D Operative Prognose E Operative forecast F Prevision (prospective) conjonclurelle	Прогноз с периодом упреждения для объектов прогнозирования до 1-го месяца.
27	Краткосрочный прогноз D Kurzfristige Prognose E Short-term (shoitrange) forecast F Prevision a court term (prospective)	Прогноз с периодом упреждения для объектов прогнозирования от 1-го месяца до 1-го года.
28	Среднесрочный прогноз D Mittelfristige Prognose E Middle-term (middle-range) forecast F Prevision (prospective) au	Прогноз с периодом упреждения для объектов прогнозирования от 1 года до 5 лет.

	terme moyen	
29	Долгосрочный прогноз D Langfristige Prognose E Long-term (longrange) forecast F Prevision (prospective) a long terme	Прогноз с периодом упреждения для объектов прогнозирования от 5 до 15 лет.
30	Дальнесрочный прогноз D Extrem-langfristige Prognose E Superlong-term (far-range) forecast F Provision (prospective) a tres long terme	Прогноз с периодом упреждения для объектов прогнозирования свыше 15 лет.
31	Многомерный прогноз Нрк Мультиплетный прогноз D Mehrdimensionale Prognose E Multiple forecast F Prevision multidimensionnelle	Прогноз, содержащий несколько качественных или количественных характеристик объекта прогнозирования.
32	Одномерный прогноз Нрк Сингулярный прогноз D Eindimensionale Prognose E Monofactor forecast F Prevision unidimensionnelle	Прогноз, содержащий одну качественную или количественную характеристику объекта прогнозирования.
33	Глобальный прогноз D Globalprognose & Global forecast F Prevision planetaire (a l'echelle mondiale)	Прогноз, относящийся к Земле и Человечеству в целом.
34	Общегосударственный прогноз D Gesamtstaatliche Prognose E Nationwide forecast F Prevision a l'echelle d'Etat	Прогноз, относящийся к государству в целом. <i>Примечание.</i> В зависимости от того, к нескольким ли государствам или к части государства относятся прогнозы, различают: межгосударственные, региональные, межрегиональные, локальные прогнозы; в зависимости от характера структуры народного хозяйства различают также: отраслевые, межотраслевые, территориально-производственные и тому подобные прогнозы.
4. Параметры прогнозов		

35	Период упреждения прогноза Нрк Время упреждения; время прогнозирования; прогнозный горизонт; срок прогнозирования; дальность прогнозирования D Prognosezeitraum E Range (time) of forecast F Period de projection (de la prospective)	Промежуток времени от настоящего в будущее, на который разрабатывается прогноз.
36	Прогнозный горизонт D Prognosezeithorizont E Prognostic (future) Horizon F Urriite de prevision (de la prospective)	Максимально возможный период упреждения прогноза.
37	Период основания прогноза Нрк Время основания D Zeitbasis der Prognose E Time base of forecast F Periode de base de prevision (de la prospective)	Промежуток времени, на базе которого строится ретроспекция.
38	Точность прогноза D Genauigkeit der Prognose E Forecast accuracy F Exactitude de prevision (de la prospective)	Оценка доверительного интервала прогноза для заданной вероятности его осуществления.
39	Достоверность прогноза Нрк Надежность прогноза D Richtigkeit der Prognose E Forecast reliability F Justisse de prevision (de la prospective)	Оценка вероятности осуществления прогноза для заданного доверительного интервала
40	Обоснованность прогноза D Begrundetheit der Prognose E Forecast feasibility F Bienfonde (correlation) de la prevision	Степень соответствия методов и исходной информации объекту, целям и задачам прогнозирования
41	Ошибка прогноза D Prognosefehler E Forecast error F Erreur de prevision (de la prospective)	Апостериорная величина отклонения прогноза от действительного состояния объекта или путей и сроков его осуществления.

42	Источник ошибки прогноза D Prognosefehlerkelle E Source of error in forecasting F Source d'erreur de prevision de prevision (de la prospective)	Фактор, обуславливающий появление ошибки прогноза
5. Этапы прогнозирования		
43	Предпрогнозная ориентация D Prognosenorientierung E Forecast orientation F Mise au point de prevision (de prospective)	Совокупность работ, предшествующих разработке задания на прогноз и включающих определение объекта, цели и задач прогнозирования, а также периода основания и периода упреждения прогноза.
44	Задание на прогноз D Prognoseauftrag E Task for forecast F Taches concretes pour une prevision (une prospective)	Документ, определяющий цели и задачи прогноза и регламентирующий порядок его разработки.
45	Прогнозная ретроспекция D Prognostische Retrospektive E Retrospection F Retrospection pronostique	Этап протезирования, на котором исследуется история развития объекта прогнозирования и прогнозного фона с целью получения их систематизированного описания.
46	Прогнозный диагноз Диагноз D Prognostische Diagnose E Diagnosis F Diagnose pronostique	Этап прогнозирования, на котором исследуется систематизированное описание объекта прогнозирования и прогнозного фона с целью выявления тенденции их развития и выбора (разработки) моделей и методов протезирования.
47	Прогнозная перспекция D Prognostische Prospektivfi E Prospecken; future research F Prospection pronostique	Этап прогнозирования, на котором прогноз разрабатывается по результатам прогнозного диагноза.
48	Верификация прогноза D Verifikation der Prognose E Forecast verification F Verification de prevision (de la prospective)	Этап прогнозирования, на котором осуществляется оценка достоверности и точности или проверка обоснованности прогноза.
49	Корректировка прогноза D Korrektur de Prognose E Forecast correction F Correction de prevision (de la prospective)	Этап прогнозирования, на котором осуществляется уточнение прогноза на основании его верификации и (или) дополнительных данных.
50	Синтез прогнозов D Prognosesymhese E Forecasts synthesis F Synthee de prevision (de la prospective)	Этап прогнозирования, на котором осуществляется разработка системного прогноза.
II. Объект прогнозирования		
1. Характеристики объекта прогнозирования		

51	Характеристика объекта прогнозирования Нрк Признак D Charakteristik des Prognoseobjektes E Characteristic of forecast object F Caractéristique de l'objet de prevision (de la prospective)	Качественное или количественное отражение какого-либо свойства объекта прогнозирования. <i>Примечание.</i> Соответственно природе и степени формализации представления исследуемого свойства характеристики являются либо качественными (Нрк признак), либо количественными характеристиками; последние, если они изменяются в течение периода основания и (или) периода упреждения прогноза (или принимаются за таковые), именуются переменными объекта прогнозирования (иногда - показателями).
52	Значащая переменная объекта прогнозирования Значащая переменная D Signifikante Variable des Prognoseobjektes E Relevant variable F Variables essentielles de prevision (de la prospective)	Переменная объекта прогнозирования, принимаемая как существенная для описания объекта в соответствии с задачей прогнозирования.
53	Эндогенная переменная объекта прогнозирования Эндогенная переменная D Endogene Variable E Endogenic variable F Variable endogenes	Значащая переменная объекта прогнозирования, отражающая его собственные свойства.
54	Экзогенная переменная объекта прогнозирования Экзогенная переменная D Exogene Variable E Exogenic variable F Variables exogenes	Значащая переменная объекта прогнозирования, обусловленная влиянием некоторой совокупности внешних переменных.
55	Параметр объекта прогнозирования D Parameter des Prognoseobjektes E Parameter of forecasting object F Parametre de prevision (de la prospective)	Количественная характеристика объекта прогнозирования, которая является или принимается за постоянную в течение периода основания и периода упреждения прогноза.
56	Базисное значение переменной объекта прогнозирования D Prognosebasiswert der Variablen E Basic state of variable F Point de depart des variadles	Значение переменной объекта прогнозирования на этапе диагноза, разделяющее период основания прогноза от периода упреждения.

57	Динамический ряд D Dynamische Reihe E Dynamic series F Serie dynamique	Временная последовательность ретроспективных и перспективных значений переменной объекта прогнозирования.
58	Регулярная составляющая динамического ряда D Regulare Komponente der Dynamikreihe E Regular component F Composante reguliere de la serie dynamique	Плавно изменяющаяся последовательность ретроспективных и перспективных значений переменной, представленной динамическим рядом, отражающая основную тенденцию ее развития.
59	Случайная составляющая динамического ряда D Zufallskomponente der Dynamikreihe E Randon component F Composante fortuite de la serie dynamique	Составляющая динамического ряда, отражающая влияние на него случайных воздействия и ошибок измерения.
60	Генеральная определительная таблица D Generale Bestimmungstafel E General identification matrix F Table generate d'indication	Иерархическая система взвешенных характеристик объекта прогнозирования и их значений, позволяющая преобразовывать его качественное описание в обобщенную количественную оценку.
61	Сложность объекта прогнозирования D Kompliziertheit des Prognoseobjektes E Complexity of object F Complexite de l'objet de prevision (de la prospective)	Характеристика объекта прогнозирования, определяющая разнообразие его элементов, свойств, отношений.
62	Мерность объекта прогнозирования D Maßstabsfaktor des Prognoseobjektes E Metrics of object F Quantite des variables de prevision (de la prospective)	Число значащих переменных объекта прогнозирования в его описании.
63	Структура объекта прогнозирования D Struktur des Prognoseobjektes E Structure F Structure de l'objet de prevision (de la prospective)	Способ внутренней организации и связей элементов объекта прогнозирования
2. Исходная информация об объекте прогнозирования		

64	Источник фактографической информации об объекте прогнозирования Источник фактографической информации D Faktographische Infonnationsquelle E Source of factographical information F Source de information factographique	Источник информации об объекте прогнозирования, содержащий фактические данные, необходимые для решения задачи прогноза.
65	Источник экспертной информации об объекте прогнозирования Источник экспертной информации D Experten Infonnationsquelle E Soumrce of expert information F Source de l'infonnation d'expert	Источник информации об объекте прогнозирования, содержащий экспертные оценки.
66	Информационный массив прогнозирования D Informationsfondus E Information file; data array F Masse de information	Совокупность данных об объекте прогнозирования, организованных в систему в соответствии с целью и методами прогнозирования.
67	Полнота исходной информации D Vollständigkeit der Ausgangsinformation E Fulness of basic information F Plenitude (caractere exhaustif) de information debase	Степень обеспеченности задач прогноза достоверной исходной информацией
68	Информативность переменной объекта прогнозирования D Informationsgehalt einer Variablen des Prognoseobjektes E Infonnativeness of variable F Niveau de l 'information des variables	Количество информации об объекте прогнозирования, содержащейся в значениях переменной с точки зрения задачи прогноза. <i>Примечание.</i> Под количеством информации понимается мера уменьшения неопределенности ситуации, вследствие того, что становится известным исход другой ситуации.

69	Дисконтирование информации об объекте прогнозирования D Discontieren der Information E Information discontinuing F Discontance de l'infonnation	Уменьшение информативности ретроспективных значений переменных объекта прогнозирования по мере удаления моментов их измерения в прошлое.
70	Опережающая информация D Zuvorkommende Inormation E Advance Information F Information sur l'objet d6caleen avant	Научная и техническая информация, опережающая реализацию новшеств в вещественной практике. <i>Примечание.</i> В прогнозировании под опережающей информацией понимаются заявки на изобретения и открытия, авторские свидетельства, патенты и т.д.
71	Эксперт D Expert E Expert F Expert	Квалифицированный специалист, привлекаемый для формирования оценок относительно объекта прогнозирования.
72	Компетентность эксперта D Kompetenz des Experten E Competence of expert F Competence d'expert	Способность эксперта создавать на базе профессиональных знаний, интуиции и опыта достоверные оценки относительно объекта прогнозирования. <i>Примечание.</i> Количественная мера компетентности эксперта называется коэффициентом компетентности.
73	Экспертная группа D Expertengruppe E Expert team (group) F Groupe des experts	Коллектив экспертов, сформированный по определенным правилам.
74	Компетентность экспертной группы D Kompetenz der Expertengruppe E Competence of expert group F Competence du groupe des experts	Способность экспертной группы создавать достоверные оценки относительно объекта прогнозирования, адекватные мнению генеральной совокупности экспертов. <i>Примечание.</i> Количественная мера компетентности экспертной группы определяется на основе обобщения коэффициентов компетентности экспертов.
75	Экспертная оценка D Experteneinschätzung E Expert evaluation (opinion) F Avis des experts	Суждение эксперта или экспертной группы относительно поставленной задачи прогноза. <i>Примечание.</i> В первом случае используется термин «индивидуальная экспертная оценка», во втором — «коллективная экспертная оценка»; иногда термин «экспертная оценка» заменяют на термин «прогнозная оценка».

3. Анализ объекта прогнозирования		
76	Принцип специфичности объекта прогнозирования D Spezifitätsprinzip des Prognosenobjektes E Principle of specificity F Principe de particularité y roper a l'objet de prevision	Необходимость учета специфики природы объекта прогнозирования в процессе его анализа.
77	Принцип оптимизации объекта прогнозирования D Optimierungsprinzip des Prognosenobjektes E Principle of optimisation de robjet de prevision	Необходимость оптимизации при описании с точки зрения размерности или шкал измерения характеристик объекта прогнозирования в соответствии с заданием на прогноз.
78	Принцип непрерывности анализа объекта прогнозирования D Kontinuitätsprinzip der Analyse des Prognosenobj ektes E Principle of continuity of analysis F Principe de conlinité d' analyse yurant la prevision	Необходимость проведения аналитических исследований на всех этапах разработки прогноза.
79	Анализ структуры объекта прогнозирования D Strukturanalyse des Prognoseobjektes E Analysis of structure F Analyse de la structure de l'objet de prevision	Исследование, проводимое с целью выявления состава и взаимосвязей элементов объекта прогнозирования в соответствии с заданием на прогноз.
80	Анализ динамики объекта прогнозирования D Dynamik analyse des Prognosenobjektes & Analysis of dynamic F Etablissement de la dynamique de l'objet de prevision	Выявление и оценка характеристики динамики развития объекта прогнозирования.
81	Анализ адекватности прогнозной модели D Adäquanzanalyse des Prognosemodells & Analysis of adequacy F Confrontation du modele de prevision	Исследование степени соответствия прогнозной модели объекту прогнозирования по достоверности и точности.

82	Субъект анализа объекта прогнозирования D Analyse subjekt des Prognosenobjektes E Subject of analysis F Analyse de l'objet de provision	Организация, исследовательская группа или специалист, осуществляющие анализ объекта прогнозирования.
83	Предпрогнозный анализ объекта прогнозирования D Prognosenanalyse des Prognosenobjektes E Preforecast analysis F Analyse preliminaire de l'objet de prevision	Анализ объекта прогнозирования, осуществляемый в процессе разработки задания на прогноз.
84	Постпрогнозный анализ объекта прогнозирования D Postprognosenanalyse des Prognosenobjektes E Postforecast analysis F Analyse posterieure de l'objet de prevision	Сопоставление прогнозных значений объекта прогнозирования с его фактическим состоянием по истечении периода упреждения.
85	Анализ прогнозного горизонта объекта прогнозирования D Analyse des Prognosenhorizontes F Precision de la periode de projection	Определение предельных значений периода упреждения прогнозов объекта для заданной достоверности и точности прогнозов.
86	Анализ прогнозного фона объекта прогнозирования D Analyse des Prognosenhintergrundes F Analyse du fond pronostique (de prevision)	Анализ совокупности внешних объектов и воздействий, влияющих на развитие объекта прогнозирования и условия осуществления прогнозов.
III. Аппарат прогнозирования 1. Фактографические методы		
87	Фактографический метод прогнозирования D Faktographische Methode der Prognostizierung E Factographic method of forecasting F Methode factographique de prevision (de la prospective)	Метод прогнозирования, базирующийся на фактографической информации.

88	Статический метод прогнозирования D Statistische Methode der Prognostisierung E Statistical method of forecasting F Method statistique de prevision (de la prospective)	Метод прогнозирования, основанный на построении и анализе динамических рядов характеристик объекта прогнозирования и их статистических взаимосвязей.
89	Прогнозная экстраполяция D Prognostische Extrapolation E Forecasting extrapolation F Extrapolation pronostique	Метод прогнозирования, основанный на математической экстраполяции, при котором выбор аппроксимирующей функции осуществляется с учетом условий и ограничений развития объекта прогнозирования.
90	Прогнозная интерполяция D Prognostische Interpolation E Forecasting interpolation F Interpolation pronostique	Метод прогнозирования, основанный на математической интерполяции, при котором выбор интерполирующей функции осуществляется с учетом условий и ограничений развития объекта прогнозирования.
91	Прогнозирование по функции с гибкой структурой D Prognostizierung nach der Funktion mit flexibler Struktur E Forecasting using the function of flexible structure F Prevision d'apres la fonction a structure souple	Метод прогнозирования, основанный на использовании экстраполирующей функции, вид и параметры которой подбираются в процессе ретроспективного анализа исходного динамического ряда из некоторого множества возможных функций.
92	Метод экспоненциального сглаживания D Exponentialausgleichsverfahren E Method of exponential smoothing F Precede d'extrapolation a fonction exponentielle decroissante	Метод прогнозирования, основанный на построении экстраполирующей функции с использованием экспоненциального убывания весов ее коэффициентов.
93	Метод гармонических весов D Verfahren von harmonischen Gewichten E Method of harmonic scales F Methode de balance harmonique	Метод прогнозирования, основанный на экстраполяции скользящего тренда, аппроксимируемого отрезками линии с взвешиванием точек этой линии при помощи гармонических весов.
94	Регрессионный метод прогнозирования D Regressionmethode der Prognostizierung E Regressional method F Methode de prevision	Метод прогнозирования, основанный на анализе и использовании устойчивых статистических связей между совокупностью переменных-аргументов и прогнозируемой переменной — функцией.

95	Авторегрессионный метод прогнозирования D Autoregressionsverfahren der Prognostizierung E Autoregressional method F Methode de prevision 1, autore-gression	Метод прогнозирования стационарных случайных процессов, основанный на анализе и использовании корреляций значений динамического ряда с фиксированными временными интервалами между ними.
96	Факторный метод прогнозирования	Метод прогнозирования, основанный на обработке многомерных массивов информации об объекте в динамике с использованием аппарата факторного статистического анализа или его разновидностей.
97	Метод группового учета аргументов D Methode der Arguentgruppenerfassung E The method of group consideration of arguments F Methode d'estimation des arguments en groups	Метод прогнозирования, основанный на кусочной аппроксимации исходного динамического ряда с оптимизацией вида и параметров прогнозирующей функции
98	Метод цепей Маркова D Methodeder Markowschen Ketten E Forecasting on the basis of Markov chains F Methode de chaines marcoiennes	Метод прогнозирования, основанный на анализе и использовании вероятностей перехода объекта прогнозирования из одного состояния в другое.
99	Метод исторической аналогии D Methode der historischen Analogie E Method of historical analogy F Methode de l' analogie historique	Метод прогнозирования, основанный на установлении и использовании аналогии объекта прогнозирования с одинаковым по природе объектом, опережающим первый в своем развитии.
100	Метод математической аналогии D Methode der mathematischen Analogie E Method of mathematical analogy F Methode de l' analogie mathematique	Метод прогнозирования, основанный на установлении аналогии математических описании процессов развития различных по природе объектов с последующим использованием более изученного математического описания одного из них для разработки прогнозов другого.

101	Метод прогнозирования по опережающей информации Метод опережающей информации D Vorausseilende Methode der Prognostizierung E Overcoming method of forecasting F Methode de devancement	Метод прогнозирования, основанный на использовании свойства научно-технической информации опережать реализацию научно-технических достижений в общественной практике.
102	Патентный метод прогнозирования D Prognostizierung auf der Grundlage von Patentauswertung E Forecasting patent method F Methode de brevet	Метод прогнозирования, основанный на оценке (по принятой системе критериев) изобретений и открытий и исследовании их динамики.
103	Метод анализа публикаций D Prognostizierung auf der Grundlage von Publikationauswertung E Forecasting publication method F Methode de publication de la prospective	Метод прогнозирования, основанный на оценке публикаций об объекте прогнозирования (по принятой системе критериев) и исследовании динамики их публикации.
104	Цитатно-индексный метод прогнозирования D Zitatenindex-Methode E Forecasting index-quotation method F Methode de citation et des indexes	Метод прогнозирования, основанный на оценке (по принятой системе критериев) и анализе динамики цитирования авторов публикаций об объекте прогнозирования.
2. Экспертные методы		
105	Экспертный метод прогнозирования D Methode auf der Grundlage von Experteneinschätzungen E Method of expert forecasting F Methode d'expert de prevision (de la prospective)	Метод прогнозирования, базирующийся на экспертной информации.
106	Метод индивидуальной экспертной оценки D Methode der individuellen Experteneinschätzung E Method of individual expert evaluation (estimation) F Methode d'evaluation (l' appreciation) individuelle par les experts	Метод прогнозирования, основанный на использовании в качестве источника информации оценки одного эксперта.

107	Метод интервью D Methode des Interviews E Method of interview F Methode d'interview	Метод индивидуальной экспертной оценки, основанный на беседе прогнозиста с экспертом по схеме «вопрос-ответ».
108	Метод коллективной экспертной оценки D Method der kollektiven Experteneinschätzung E Method of collective expert evaluation (estimation) F Methode d'évaluation (l'appréciation) collective par les experts	Метод прогнозирования, основанный на выявлении обобщенной оценки экспертной группы путем обработки индивидуальных независимых оценок, вынесенных экспертами, входящими в группу.
109	Метод экспертных комиссий D Methode der Experten-Kommissionen E Expert-commission method F Methode des commissions des experts	Метод экспертной оценки, основанный на объединении в единый документ экспертных оценок прогнозов отдельных аспектов объекта, разработанных соответствующими экспертными группами.
110	Метод коллективной генерации идей Метод отнесенной оценки Метод «мозговой атаки» Нрк Конференция идей D Methode der kollektiven Ideenschöpfung E Method of collective generation of ideas	Метод экспертной оценки, основанный на стимулировании творческой деятельности экспертов путем совместного обсуждения конкретной проблемы, регламентированного определенными правилами: запрещением оценки выдвигаемых идей, ограничением времени одного выступления с допущением многократных выступлений одного участника, приоритетом выступления эксперта, развивающего предыдущую идею оценкой выдвинутых идей на последующих этапах, фиксацией всех выдвинутых идей. <i>Примечание.</i> На основе метода коллективной генерации идей разработаны методы управляемой генерации идей, деструктивной отнесенной оценки, стимулированного наблюдения и др.
111	Дельфийский метод D Delphi-methode E DELPHI; Delphi technique F Methode «technique Delphi»	Метод экспертной оценки, основанный на выявлении согласованной оценки экспертной группы путем независимого анонимного опроса экспертов в несколько туров, предусматривающего сообщение экспертам результатов предыдущего тура.
112	Матричный метод прогнозирования D Matrizenverfahren für die Prognostizierung E Matrix method F Methode des matrices	Метод прогнозирования, основанный на матричной интерпретации экспертных оценок связей отдельных аспектов.

113	Метод эвристического прогнозирования D Methods der heuristischen Prognostizierung E Heuristic forecasting method F Methode de prevision (de la prospective) euristique	Метод прогнозирования, основанный на построении и последующем усечении дерева поиска экспертной оценки с использованием эвристических приемов и логического анализа прогнозной модели.
114	Метод построения прогнозного сценария Метод сценария D Szenarien-Melhod E Scenario-writing F Methode des scenerii	Метод прогнозирования, основанный на установлении последовательностей состояний объекта прогнозирования при различных прогнозах фона.
115	Морфологический метод прогнозирования Морфологический анализ D Morphologische Analyse E Morphological analysis F Analyse morphologique	Метод прогнозирования, основанный на выявлении структуры объекта прогнозирования и оценке возможных значений ее элементов с последующим перебором и оценкой вариантов сочетаний этих значений.
116	Морфологическая матрица D Morphologische Tabelle E Morphological matrix F Matrice morphologique	Матричный метод прогнозирования, использующий морфологический метод.
3. Методы верификации		
117	Прямая верификация D Direkt verifikation E Direct verification F Verification directe	Верификация прогноза путем его повторной разработки другим методом.
118	Косвенная верификация D Indirekte Verifikation E Indirect verification F Verification indirect	Верификация прогноза путем его сопоставления с прогнозами, полученными другими разработчиками.
119	Инверсная верификация D Inverse Verifikation E Inverse Verification F Verification inverse	Верификация прогноза путем проверки адекватности прогнозной модели на периоде прогнозной ретроспекции.
120	Консеквентная верификация Нрк Дублирующая верификация D Sequenzverifikation E Consequent (duplicating) verification F Verification consequente	Верификация прогноза путем аналитического или логического вывода прогноза из ранее полученных прогнозов.
121	Верификация повторным опросом D Iterative Verifikation E Duplicate iterative verification F Verification repeiive	Верификация прогноза путем использования дополнительного опроса экспертов.

122	Верификация оппонентом Hрк Верификация посредством «адвоката дьявола» D Verifikation dureh einen Opponenten E «Devil's advocate» verification F Verification par dec critiques	Верификация прогноза путем опровержения критических замечаний оппонента по прогнозу.
123	Верификация учетом ошибок D Verifikation durch Berucksichtigung der Fehler E Verification with allowance for errors F Verification par calcul des erreurs	Верификация прогноза путем выявления и учета источников регулярных ошибок прогноза.
124	Верификация экспертом D Verifikation durch einen kompeienten Experten E Verification by an expert F Verification par les experts competent	Верификация прогноза путем сравнения с оценкой наиболее компетентного эксперта.

**Термины автоматизации прогнозирования, примыкающие к
системе нормативных терминов**

1	Автоматизированная система прогнозирования	Система прогнозирования, использующая принципы и элементы автоматизированных систем для повышения эффективности разработок прогнозов
2	Обеспечивающее средство автоматизированной системы прогнозирования обеспечивающее средство	Любое средство, обеспечивающее нормальное функционирование автоматизированной системы прогнозирования.
3	Подсистема оперативного прогнозирования	Подсистема автоматизированной системы прогнозирования реализующая функцию оперативного прогнозирования объекта. <i>Примечание.</i> Аналогично определяются подсистемы краткосрочного, среднесрочного, долгосрочного и дальнесрочного прогнозирования.
4	Блок моделируемого объекта автоматизированной системы прогнозирования Блок модели- руемого объекта	Совокупность элементов программного и информационного обеспечения (обеспечивающих средств) автоматизированной системы прогнозирования, представляющих объект прогнозирования и дающих возможность с

		помощью моделирования получать прогнозную информацию в соответствии с целями и задачами прогнозирования.
5	Блок моделируемого фона автоматизированной системы прогнозирования Блок моделируемого фона	Совокупность элементов программного и информационного обеспечения (обеспечивающих средств) автоматизированной системы прогнозирования, представляющих прогнозный фон и дающих возможность с помощью моделирования получать прогнозную информацию о нем в соответствии с целями и задачами прогнозирования.
6	Блок генерации и оценки целей автоматизированной системы прогнозирования. Блок генерации и оценки целей.	Совокупность экспертных коллективов, опросных анкет, правил организации опроса, методов обобщения результатов, позволяющая получить совокупность целей развития объекта прогнозирования и их оценки. Совокупность экспертных коллективов, опросных анкет, правил организации опроса, методов обобщения результатов, позволяющая получить совокупность целей развития объекта прогнозирования и их оценки.

Литература

Учебные пособия

1. Теория прогнозирования и принятия решений / Под ред. С.А. Саркисяна. М.: Высшая школа, 1977.
2. Рабочая книга по прогнозированию / Отв. ред. И.В. Бестужев-Лада. М.: Мысль, 1982.
3. Основы экономического и социального прогнозирования / Под ред. В.Н. Мосина, Д.М. Крука. М.: Высшая школа, 1985.
4. *Бестужев-Лада И.В., Наместникова Г.А.* Технология прогнозных разработок социальных процессов. М.: Поиск, 1992.
5. Впереди XXI век: перспективы, прогнозы, футурологи. Антология современной классической прогностики 1952—1999. Редактор-составитель И.В. Бестужев-Лада. М.: Academia, 2000.

Монографии И.В. Бестужева-Лады, на которых построены его лекции данного курса

1. Поисковое социальное прогнозирование. М.: Наука, 1984.
2. Нормативное социальное прогнозирование. М.: Наука, 1987.
3. Прогнозное обоснование социальных нововведений. М.: Наука, 1993.
4. Семья вчера, сегодня, завтра. М.: Знание, 1979.
5. Ступени к семейному счастью. М.: Мысль, 1988.
6. В преддверии Страшного Суда. М.: Фон, 1996.
7. Россия накануне XXI века. 1904—2004. М.: Российское педагогическое агентство, 1997.

8. Перспективы развития культуры в проблематике социального прогнозирования СПб ГУП, 1997.
9. Альтернативная цивилизация. М.: Владос, 1998.
10. Перспективы трансформации России. М.: ЦОН МГУ, 1998.
11. Пьянство как социальная проблема. М.: Фон, 1999.
12. В лабиринтах эмансипации. Женщина как социальная проблема (в соавторстве с О.В. Захаровой). М.: Academia, 2000.
13. Нужна ли школе реформа? Ожидаемые и желаемые изменения народного образования в России. М.: Педагогическое общество России, 2000.

Коллективные монографии (отв. редактор и ведущий автор)

1. Прогнозирование в социологических исследованиях. М.: Мысль, 1978.
2. Прогнозирование социальных потребностей молодежи. М.: Наука, 1978.
3. Социальные показатели образа жизни советского общества. М.: Наука, 1980.

Наиболее важные авторы и их произведения по истории социального прогнозирования указаны в лекциях 2-8.